

Карлос Антонио Агирре Рохас

Критический подход к истории французских
«АННАЛОВ»

УДК 1(042.4) ББКЮОя43 Р80

Карлос Антонио Агирре Рохас Р80

Критический подход к истории французских «Анналов» -

Москва: Круг, 2006. - 336 с. ISBN 5-7396-0106-1

В книге Карлоса Антонио Агирре Рохаса, профессора Национального Автономного Университета Мехико, подведен итог существования «Анналов» с 1929 по 1999 г. в критической, компаративной и глобальной перспективе. Автор затрагивает обходившиеся молчанием взаимоотношения между «Анналами» и марксистской историографией, а также историю отношений этого движения с различными традициями социальной и критической мысли прошлого века.

Для специалистов-историков и культурологов, а также широкого круга читателей

УД К 1(042.4) ББКЮОя43

ISBN 5-7396-0106-1

© Карлос Антонио Агире Рохас, 2006 © Л.П. Репина, редактор, 2006 © Издательство «Круг», 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Против термина «Школа "Анналов"»	5
Глава 1. «Анналы» в единственном и «Анналы» во множественном числе	17
Глава 2. «Анналы» до «Анналов»: 1921-1929 гг.	54
Глава 3. Первые «Анналы» (1929-1941): Революция в теории истории	77
Глава 4. От «Анналов» переходного периода (1941-1956) к «Анналам» Броделя (1956-1968): точка наивысшего расцвета и влияния в исторической науке.....	106
Глава 5. Анналы «менталитетов» и «исторической антропологии»: 1968-1989 годы	128
Глава 6. Та же «конъюнктура» 1968-1989 годов: Марксистские «Анналы» или марксисты- анналисты?.....	153
Глава 7. После 1989 года: Четвертые «Анналы» или «Анналы» еще одного переходного периода?.....	170
Приложение I «Анналы», марксизм и другие исторические подходы: сравнительный подход с точки зрения «времени большой длительности».....	193
Оглавление	
Приложение II Совпадения и расхождения между «Анналами» и марксизмом в период с 1929 г. до 1968 г. Набросок общих итогов	219
Приложение III «Анналы» с точки зрения критиков	261
Библиография	

L

Введение

Против термина «Школа "Анналов"»

Сегодня, когда мы говорим о направлении, известном под ошибочным и двусмысленным названием «Школа "Анналов"», то подразумеваем, что речь идет о самом важном направлении во французской исторической науке в период с 1914—1917 гг. и до 1989 года, который иногда называют «кратким двадцатым веком». Именно в этот период, на протяжении более трех десятилетий, в журнале «Анналы» публиковались самые перспективные исследования, в которых отражались основные тенденции развития исторической науки.

В целом, практически на протяжении семидесяти лет, начиная с 15 января 1929 года, со дня выхода в свет первого выпуска *Annales d'Histoire Economique et Sociale* («Анналов экономической и социальной истории»), этот журнал постоянно привлекал внимание историков во всем мире и был одним из главных провозвестников идей, которые и поныне являются направляющими вехами на пути обновления исторической науки для тех, кто стремится к выработке форм исторического исследования, способных удовлетворить современного историка.

Учитывая это, становится понятным, что ныне, в начале исторического третьего тысячелетия (реальное начало которого следует отнести еще к 1989 году), невозможно претендовать на звание историка без предварительного ознакомления, а также систематического изучения наследия, связанного с «Анналами». Это наследие достигло к настоящему времени значительного объема и включает в себя как теоретические и методологические исследования, так и работы по отдельным темам, и общие исторические труды, дошедшие до нас от представи-

6

Критический подход к истории французских л Анналов»

телей этого широкого направления. Кроме того, нельзя обойтись и без изучения основных положений теории и методов, практических навыков ремесла историка, доставшихся нам в наследство от исторической науки XX века, которая является нашей ближайшей

предшественницей, и в которой мы неизбежно встречаемся с исследованиями направления «Анналов».

Таким образом, говорим ли мы об изучении современной истории, или сразу переходим к вопросам историографии XX века, мы все равно не можем обойти исторические труды, публиковавшиеся в «Анналах». В последние три десятилетия вышло множество исследований, посвященных изучению «Анналов», изданных в самых разных странах мира. Об их возросшей популярности говорят и многочисленные ссылки, которые можно встретить как в очерках и эссе, так и в серьезных исторических статьях и научных монографиях. Таково положение дел в исторической науке на настоящий момент, и это характерно для всех стран, будь то Аргентина или Канада, Россия или Испания, Япония или Турция, Мексика или Голландия, Китай или Венесуэла. Историки всего мира предпринимают попытки освоить основные методы знаменитых французских «Анналов», систематически изучая главные труды основоположников этого направления.

Этой всемирной известности мы обязаны и распространившемуся повсеместно двусмысленному и неверному термину -Школа «Анналов». Звучит удобно, а потому продолжает существовать, несмотря на то, что представители самого направления, что группировалось вокруг издания «Анналов», этот термин многократно отвергали, критиковали и доказывали его несостоятельность. Начиная еще с Люсьена Февра и кончая Бернаром Лепти и Жан-Ивом Гренье, а также включая сюда Фернана Броделя, Марка Ферро, Жака ле Гоффа или Жака Ревеля (не считая многих прочих) - все представители этого направления множество раз совершенно явно декларировали и неустанно повторяли свое неприятие этого термина. Наименование «школа» не является подходящим и законным в данном случае, поскольку, как они объясняли, если речь идет о школе в строгом смысле этого слова, то это предполагает внут-

Введение

реннее единство учения. Обычно термин «школа» употребляется, когда речь идет о группе людей, объединенных общими интеллектуальными взглядами и единой методологической и теоретической платформой, которая могла бы (если отнести это к истории «Анналов») без изменения поддерживаться на протяжении более четырех сменившихся за это время поколений историков. На самом деле, термин «школа» является всего лишь удобным ярлыком, своим возникновением обязанным тому, что французский журнал, получивший при возникновении название «Анналы экономической и социальной истории», издавался почти без перерыва на протяжении семидесяти пяти лет (1929-2004). Это создало ложное впечатление продолжения традиции и внутреннего единства сменявших друг друга последовательных этапов существования этого направления.

Совершенно очевидно, что такого единства не было ни при зарождении журнала в прошлом, как не существует и в настоящем, и, следовательно, не имеет никакого смысла продолжать использовать термин Школа «Анналов», поскольку то, что скрывается за этим наименованием, представляет собой в действительности сложную и многозначную историю сменявших друг друга и зачастую весьма отличавшихся друг от друга интеллектуальных проектов. Эти проекты возникали и реализовывались на базе регулярного выпуска исторического журнала - журнала, который на протяжении всего времени своего существования (за исключением трехлетнего перерыва во время второй мировой войны) сохранял в заголовке слово «Анналы». Идейная основа издания претерпела множество изменений, связанных с изменениями интеллектуального климата как во Франции, так и во всей Европе. На смену одним интеллектуальным идеям приходили другие, что, в свою очередь, отражало социальные и культурные сдвиги происходившие во Франции, Европе и во всем мире на протяжении последних 70-80 лет.

Поэтому для того, чтобы говорить о Школе «Анналов» в целом, необходимо детально проанализировать ту преемственность или отход от нее, которые отмечали длительное существование журнала, связывая между собой различные этапы его идейной и культурной истории. Тогда тот же самый существующий

8

Критический подход к истории французских «Анналов»

ющий термин Школа «Анналов» мог бы, возможно, получить другую размерность и смысл,

обозначая теперь сложный комплекс независимых интеллектуальных проектов, и одновременно синтезируя диалектическое единство этих многих параллельных течений, которые, несмотря на специфические повороты, определили в целом уникальный путь направления, группировавшегося вокруг журнала «Анналы».

Именно это и является главной целью данной книги: реконструировать многогранный и сложный путь этого направления, определить основные вехи на его пути с указанием ведущих авторов, главных идейных линий, методологических разработок, областей исследования, теоретических моделей и фундаментальных трудов, что относятся к развивающемуся во времени культурному феномену, которым являются «Анналы».

И все это с точки зрения, которая опирается на уроки тех же самых «Анналов». Поскольку, если мы хотим дать адекватное представление о глобальном вкладе в историческую науку, о том влиянии, которое течение «анналистов» оказало на исторические исследования XX века, то мы обязаны рассмотреть и само это течение в более глобальном смысле, в смысле включения в контекст мировой истории, учитывая, что текущий период развития европейской исторической науки берет начало с революций 1848 года и продолжается до настоящего времени. И так же мы должны рассмотреть историю журнала «Анналы» с точки зрения мировой истории: используя ту глобальную концепцию, которую защищали в своих трудах и развивали сами представители направления «Анналов», а именно включив эту историю последовательно в рамки конъюнктуры социально-экономического и политического развития Франции, Европы и всего мира за последние сто пятьдесят лет, то есть за время, которое охватывает последний виток развития мировой исторической науки.

Концепция включения в контекст мировой истории необходимо влечет за собой компаративистский подход, то есть сравнительный анализ. В данном случае сравниваются различные этапы существования «Анналов», что позволяет примерно уравновесить колебания между преимуществом или отходом

Введение

от традиции, и выявить как наиболее существенные достижения, общий вклад этого направления в историческую науку, так и специфические характерные черты отдельных авторов и периодов. И равным образом, только сравнивая концепцию «Анналов» с другими тенденциями, которые появились в современной исторической науке на протяжении последних полутора веков, можно четко выделить индивидуальные черты этого направления и отграничить их от многочисленных заимствований, взаимных обменов и взаимосвязей с другими течениями. Только на такой основе можно выявить смысл не прекращавшейся никогда полемики вокруг «Анналов»: дискуссии по фундаментальным вопросам между учеными, группировавшимися вокруг журнала «Анналы», с одной стороны, и представителями различных течений марксизма, с другой; многочисленные связи с немецкими и французскими позитивистами, а также с академическими течениями в различных европейских странах; интерес к новым веяниям в итальянской исторической науке, связанным с идеями «микроистории», или с новейшими течениями в североамериканской и англосаксонской исторической традиции; связь с обновленным подходом в испанской постфранкистской исторической науке или с русскими и латиноамериканскими историческими исследованиями в последние двадцать пять-тридцать лет. И это всего лишь отдельные примеры.

Анализ, основанный на систематическом применении сравнительного подхода всегда подразумевает глобальность мирового исторического процесса, что нам позволит также набросать карту отнюдь не случайного неравномерного распространения влияния «Анналов» по всему миру. Это распространение связано с определенной политической и социальной конъюнктурой, характерной для истории XX века. В то же самое время мы увидим пути развития различных культурных традиций, существовавших на протяжении долгого времени и проявивших себя как в европейской, так и в мировой истории.

Рассматривая, таким образом, историю «Анналов» в русле концепции глобального процесса мировой истории и одновременно используя сравнительный подход, мы сможем избежать

10

Критический подход к истории французских «Анналов»

некоторых ограничений, которые свойственны большинству работ, посвященных истории этого направления. В целом, за отдельными редкими исключениями, те исследования, что

пытаются воспроизвести перипетии истории «Анналов», впадают, как правило, в излишний «национальный» уклон в изложении событий, так что в одних случаях мы имеем французский взгляд на проблемы, в других - англосаксонский (связанный либо с Северной Америкой, либо с Англией).

Равным образом нам хотелось бы избежать другого уклона, в который впадает большинство исследователей, пишущих об истории «Анналов». Во многих статьях и очерках, посвященных данной теме, и во многих воспоминаниях самих представителей этого направления, история «Анналов» часто интерпретируется и реконструируется (независимо от того, будь это воспоминания или аналитический обзор) с упором на один из периодов существования «Анналов» или на идейную атмосферу этого периода, причем другие этапы при этом опускаются.

Мы, напротив, хотели бы рассмотреть полную историю «Анналов» на протяжении всех периодов их существования с такой точки зрения, которая включала бы в себя историю Франции, Европы, европейской цивилизации и всего мира, то есть рассмотреть сложную историю существования журнала на более глобальном фоне, проследить ее в более широком контексте. Кроме того, подход, рассматривающий любое явление с точки зрения «времени большой длительности»*, то есть на фоне продолжительного исторического контекста, позволяет учесть при рассмотрении более широкий временной период, чем реальное время существования «Анналов», включить историю журнала в обширную панораму полутора веков современной истории. В связи с этим мы можем поставить перед собой не только вопрос о реальном вкладе «Анналов» в современную историю, — тема, которой уже было посвящено 'La longue duree' - термин, введенный Броделем. Подробнее он рассмотрен далее в этой же книге. Этот термин в нашей литературе встречается в разных переводах. Мы даем перевод соответствующий переводу А. Я. Гуревича — известного российского историка, специалиста по вопросам средневековой культуры (*Примеч. пер.*)

Введение

11

священо достаточно исследований, - но и попытаться ответить на вопрос о влиянии «Анналов» на будущее развитие исторической науки.

Концепция «времени большой длительности», длительности исторического контекста, позволяет нам не только рассмотреть «Анналы» как один из возможных путей развития современной идеи построения достоверной науки истории, но дает также новые возможности для понимания той роли, которую сыграли «Анналы», представляя определенную социальную и культурную среду и являясь самым перспективным и важным течением в исторической науке не только во Франции, но и во всей Западной Европе, и еще шире - в западной культурной традиции.

И наконец, в полном согласии с собственными принципами «Анналов», мы хотели бы проанализировать их идейную историю с критической точки зрения. Говоря другими словами, мы хотели избавиться от стандартных «общепринятых положений» или «святых истин», на которых зиждется и которым традиционно следует большая часть исследований, посвященных этой теме. Мы хотим подвергнуть эти устоявшиеся утверждения беспристрастной строгой критике и выяснить, насколько действительно верны те или иные положения, насколько правильными являются принимаемые большинством на веру объяснения. Только таким образом, а также с учетом уже упоминавшихся глобального и компаративистского подходов, и концепции исторического «времени большой длительности», можно выстроить действительно обоснованную и достоверную историю «Анналов» и важнейших вех их существования.

Учитывая это, мы будем дистанцироваться как от «позолоченных», так и от «очерняющих» мифов, сложившихся относительно того или иного этапа истории этого направления, стремясь объяснить резкие идейные сдвиги, которыми, безусловно, изобилует его история, с учетом изменений в общей культурной тенденции, которые были характерны для всего общества в соответствующий период времени. Подходя к вопросу таким образом, мы сможем уберечься от примитивных объяснений, ко-

12

Критический подход к истории французских «Анналов»

торые взваливают на отдельного индивида ответственность за идейные выражения всего исторического направления. Это даст возможность выработать более сбалансированный

подход, в котором будут учитываться как индивидуальный и групповой вклад в особенности того или иного периода развития направления «Анналов», так и более глобальный культурный и идейный фон, на котором это развитие разворачивалось. Таким образом, опираясь как раз на собственные достижения представителей «Анналов», мы собираемся подвергнуть историю «Анналов» такому критическому рассмотрению, которому она до сих пор не подвергалась. И это сразу же выводит нас на новый подход к рассмотрению темы. Это подход, в котором мы дистанцируемся от проблемы - в той мере, в какой это доступно для внешнего наблюдателя, находящегося в Латинской Америке - и можем отделить «внутреннюю» историю «Анналов» от ее «внешней» истории, не опираясь на традиционные рамки восприятия и трактовки. Традиционно эти подходы имели национальную окраску, будь то «французский» или «английский» вариант истории «Анналов». Беспристрастный подход позволит подойти к критической сравнительной истории «Анналов», учитывающей также и исторический контекст, или «время большой длительности». Мы будем двигаться от авторов к произведениям, от произведений к коллективному проекту, от коллективного проекта к культурному и социальному контексту, и наконец, от частного контекста к глобальному обзору современной исторической науки. А затем, обогащенные этим, повернем назад и пройдем по всем перечисленным пунктам в обратном направлении с тем, чтобы в конце концов вернуться к конкретной истории направления, что группировалось вокруг издания «Анналов» на протяжении 70-80 лет его существования. Эта конкретная история со всеми ее характерными чертами получит таким образом верное и связное истолкование в смысле всех основных уровней глобального и структурного исторического анализа. И таким образом, основываясь на этом особом подходе, мы подойдем к решению целого ряда других проблем, которые никогда не затрагивались или затрагивались в других исследо-

Введение

13

ваниях лишь частично. Это позволит нам подойти к разрешению ряда парадоксов, которые, по-видимому, не раз возникали на протяжении истории «Анналов», но до сих пор не получили должного объяснения. И точно в таком же ключе нами пересматриваются многие другие «общепринятые положения» и получившие повсеместное признание «святые истины» относительно того явления, которые было и до сих пор многим известно под названием Школа «Анналов».

Например, парадоксальный, на первый взгляд, факт, что как раз в тот период, когда «Анналы» на третьем этапе своего существования переживали расцвет (1968-1989 гг.), и их влияние широко, как никогда прежде, распространилось по всему миру и стало важной составной частью мировой исторической науки, как раз в этот же период во Франции журнал стал подвергаться резкой критике по множеству пунктов и с самых разных сторон. Одновременно в Европе направление «Анналов» утратило свою доминирующую роль в перспективных научных исследованиях, то есть в тех исследованиях, что связаны с разработкой новых методов, открытии новых тем и областей в исторической науке. Это противоречие, связанное с тем, что для посторонних глаз «анналистские» научные светила засияли ярче всего в тот момент, когда у них на родине их блеск стал затухать, лишь на внешний взгляд парадоксально. Мы объясним это в соответствующей главе нашей работы.

Или понимание того, что уже при создании «Анналов», и вполне сознательно, было провозглашено, что они являются представителями широкого движения в исторической науке XX века и таким образом замещают предшествующее направление, что доминировало в исторической науке Европы и всего западного мира на протяжении 1870—1930 годов и соотносилось, в основном, с немецким ареалом. С конца двадцатых годов XX века центр исторической науки переместился во Францию, и это было характерно для первых этапов истории развития «Анналов». Этот факт бросается в глаза при глобальном подходе, но он редко упоминался в предыдущих исследованиях.

Исследования генезиса нового исторического направления позволят нам пролить свет на некоторые проблемы «Анналов»,

14

Критический подход к истории французских «Анналов»

которые ныне уже можно считать «классическими». Речь идет о трудной и резкой дискуссии

между Марком Блоком и Люсь-еном Февром, что развернулась весной 1941 года. Эта дискуссия знаменовала лишь итог длительных и глубоких идейных разногласий. В ней проявились основные отличия двух различных подходов внутри самих «Анналов», подходов, радикально отличающихся по своим взглядам на то, какую общественную роль должен играть исторический журнал и какие идеи должны вдохновлять новое формирующееся направление. Или другой пример, касающийся Фернана Броделя, который в какой-то момент приобрел большое общественное влияние, можно сказать, «захватил власть» в области исторической науки. Это влияние невозможно объяснить, если исходить только из его трудов по истории Средиземноморья в эпоху Филиппа II, однако оно кажется вполне понятным и логичным, если вспомнить об успехе и доминирующей роли того исторического направления, к которому он принадлежал.

И, конечно же, фундаментальный вопрос относится к возможностям дальнейшего развития «Анналов». Поскольку наиболее объемные труды по истории «Анналов» вышли до конца 1980-х годов, они, естественно, не включают в себя историю и оценку самих авторов, которые их писали, то есть возможных создателей так называемых четвертых «Анналов», заявивших о себе в 1989 году, когда в «Анналах» был опубликован текст, озаглавленный «Попробуем поставить опыт» ('Tentons l'expérience'). Это затрагивает фундаментальную проблему, то есть будущую судьбу четвертых «Анналов», от которых зависит в большой степени та роль, которую может играть французская историческая наука в обновлении мировой исторической науки в течение наступившего XXI века. И хотя сейчас «Анналы» являются лишь одним из многих разнообразных течений исторической науки нарождающегося третьего тысячелетия, это не мешает им быть одним из главных и все еще, безусловно, находящимся на передовой линии.

И наконец, чтобы закончить эти краткие примеры, которые мы позже рассмотрим более подробно, интересно также отметить, что многочисленные примеры исторического срав-

Введение
15

нительного анализа показывают, насколько существенную роль в истории «Анналов» играл диалог с марксистами. Этот диалог не прекращался на протяжении всего времени существования «Анналов» и велся в очень разном стиле, в нем участвовали различные течения внутри «Анналов» и разнообразные группы марксистов, отношения варьировались от явного союза или полуслияния до прочного разделения и поддержки дистанции, от приятия с некоторыми ограничениями до откровенно скептической позиции, хотя и не отрицающей вклада в науку другой стороны. Эти противостояние и связь были фундаментальными, хотя, безусловно, некоторые из историков смотрели на это косо и лишь косвенно упоминали об этом в своих книгах, эссе и статьях.

По новому рассмотрев, таким образом, историю «Анналов» с этих разных, кое-где пересекающихся сторон, мы сможем в нашей книге разрешить ряд проблем и кажущихся парадоксов, связанных с историей журнала и всего направления. Это также подводит и к тем, уже давно поставленным и хорошо освещенным в литературе вопросам, которые связаны с этим течением во французской исторической науке. В чем состоит действительная оригинальность подхода «анналистов»? Какие трудности пришлось преодолеть течению? Что привело его от маргинального статуса «еретиков» на обочине исторической науки к роли признанного истеблишмента, имеющего свои организации и учреждения и официально поддерживаемого доминирующими культурными институтами стран Западной Европы? Интересен также вопрос о том, что было потеряно или от чего отказались при переходе от броделевских «Анналов» к «Анналам», посвященным истории «менталитета», также как и большое значение, которое может иметь в будущем знаменитый 'tournant critique' («критический поворот»), которой был положен в основу текущего, четвертого, этапа существования «Анналов».

Рассмотрев «всегдашние споры», ведущиеся между историками «Анналов», с применением нового подхода, описанного выше, мы надеемся создать то, что ляжет в основу решения старых проблем новым, отличным от прежнего образом, что так-

16

Критический подход к истории французских «Анналов»

же включает и создание новой терминологии. Все это мы делаем, желая внести свой вклад в насущный и сложный процесс самоопределения новых, четвертых «Анналов» перед лицом наступающего будущего.

Это короткое исследование истории и вклада «Анналов» в историческую науку XX века не предназначено просто стать еще одним трудом, который ляжет дополнительным грузом на весы прошлого, оно, напротив, дает критическую и хорошо сформулированную концепцию, выработанную на основе разбора обсуждаемых по сей день проблем самой истории «Анналов». Эта концепция претендует стать эффективным и живым вкладом в будущие исследования, в дебаты вокруг необходимого обновления исторической науки, обновления, в котором мы сейчас и участвуем. Поскольку только участвуя напрямую в движении, которое ныне прорисовывается внутри мировой исторической науки, историки всего мира - включая сюда и «Анналы», которыми мы занимаемся и которые исследуем в исторической перспективе и с точки зрения сегодняшнего дня - могут наметить будущие рубежи развития исторической науки, которая лишь при таком подходе будет критичной и глубокой, то есть сможет выступить в русле лучших традиций и наследия тех же «Анналов».

А теперь пора читателю, в меру его критичности по отношению к данной работе и имеющихся у него мнений по поводу затронутых в ней основных проблем, внести свою лепту в общий процесс трансформации современной исторической науки.

Глава 1

«Анналы» в единственном и «Анналы» во множественном числе

Мы уже отмечали двусмысленность наименования Школа «Анналов», но, тем не менее, хотим сейчас задаться вопросом о том, что именно в сложном клубке проблем, который скрывается за этим известным и вроде бы простым наименованием, было такого, что можно считать общим для всех направлений внутри «Анналов»? Какие характерные черты или какой общий стиль объединяли разные течения, существовавшие на протяжении более полувека? Что присутствует во всех этих многочисленных вариантах и может быть определено как общие элементы, типичные для всего направления?

Мы рассмотрим эти общие элементы, присутствовавшие во всех различных интеллектуальных проектах, представлявших отдельные периоды «Анналов». С одной стороны, это те общие черты, что характеризовали это направление (несмотря на существенные различия между разными периодами существования журнала), как определенное течение французской исторической науки, в отличие от других тенденций, развивавшихся в последние 150 лет в мировой исторической науке. С другой стороны, какие-то элементы этого направления представляли собой лишь частное рассмотрение определенных черт, развиваемых и другими течениями мировой исторической науки, являясь в то же время некими модальностями, которые повторялись во всех вариантах «Анналов». Но, в любом случае, эти черты представляли собой постоянные характеристики на протяжении всей истории «Анналов», если рассматривать ее в целом.

18

Критический подход к истории французских «Анналов»

Первой характерной чертой является тот факт, что, во-первых, в основе исторического направления «Анналов*» лежит французская культурная матрица, и, во-вторых, как следствие этого, мы имеем дело также со средиземноморской культурной матрицей. Это означает, что на всем протяжении истории «Анналов», на всех разных этапах развития, разворачивающегося на фоне различных культурных тенденций двадцатого века, это направление воспроизводило, систематически и последовательно, длящийся во времени исторический контекст («время большой длительности») средиземноморской культурной традиции в ее французском варианте. Но равным образом в развитии этого направления можно проследить и более широкий контекст всей западной о-средиземноморской культуры, которая, в своих национальных вариантах, охватывает часть Швейцарии, Италии, Испании и Португалии.

Как неустанно повторял еще Фернан Бродель, европейская цивилизация была, начиная с момента создания и на протяжении всего времени своего существования, не одной, а двумя цивилизациями, включенными в единый проект, внутри которого они сосуществовали на европейской территории, сохраняя, тем не менее, свои отличия.

Отличительные черты этих двух европейских цивилизаций, составляющих «единую Европу», можно проследить в географии, технологии, экономике, обществе и культуре на протяжении всей истории ее развития. Они проявлялись со времен Европы, описанной Тацитом как «Германия» и противостоящей Римской империи, их можно разглядеть в Европе Карла Великого в противовес землям, завоеванным арабами, или в протестантской Европе эпохи Реформации, противостоящей Европе Контрреформации, оставшейся верной папскому Риму. Позже водораздел проходил между странами, где тенденции стиля барокко проявились слабо, и странами, где эти тенденции оказались сильными, а временами и довлеющими. И, наконец, в недалеком прошлом, легко прослеживается различие между северной Европой, создавшей, поддерживавшей и продвигавшей марксистские идеи, и южной Европой, шедшей за Прудоном, Бакуниным и анархистами.

Глава 1

19

Эти две Европы, граничащие друг с другом, всегда сильно отличались. Одна южная, другая северная; для одной характерен жаркий средиземноморский климат, для другой - более холодный и дождливый климат севера. В южных областях в качестве тканей для одежды используют лен и ввозимую шерсть, в северной - одеждой служит шерсть и меховые шкуры. Южная Европа изобилует удобными плодородными почвами, для возделывания которых пригоден легкий плуг, в северной Европе земли менее плодородны, для их возделывания употребляется тяжелый плуг с отвалом. На юге пьют вина, изготавливают оливковое масло, собирают обильные урожаи пшеницы и мало занимаются разведением скота. На севере пьют пиво, изготавливают сливочное масло и молоко, там собирают менее богатые урожаи, в основном ржи, а не пшеницы, зато уделяют большее внимание разведению скота, могут похвалиться относительно многочисленными стадами. Это два разных универсума, уживавшиеся рядом на одном европейском континенте. На этой различной историко-географической почве на более чем тысячелетнем отрезке истории строились отличающиеся друг от друга территориальные, технологические, экономические, социальные и культурные структуры.

На базе этих двух различных цивилизационных структур, которые сосуществовали и постоянно дополняли одна другую, родилась современная европейская цивилизация, как целостность, сформировавшаяся на основе непрекращающегося диалога между двумя первичными матрицами, или универсумами.

Этот диалог, если рассмотреть его в приложении к сфере культуры, привел к особому дуализму культурных ценностей, сосуществовавших на протяжении долгого периода времени на территории Западной Европы.

С одной стороны, культурные ценности, основанные на германской, каролингской, слабой барочной северной традиции, которая выделяется интеллектуальным подходом к темам и проблемам, попавшим в ее сферу интересов. Это теоретический, философский подход к проблемам. Такой взгляд на мир приводит к характерной строгой и лаконичной аргументации, формирует стиль речи, отличающийся сильной индивидуали-

20

Критический подход к истории французских «Анналов»

зированной окраской с уклоном в философские размышления. В основе этой культурной традиции лежит структура заранее заданных доминирующих понятий, которые распространяются в анонимной и безличной форме. Культура и речь, основанные на этих элементах, характеризуются строгой структуризацией, носящей абстрактно-философский характер, имеется склонность к сжатым, далеким от пышного литературного слога, описаний, формулировки обычно выражены в компактной форме и строго аналитичны.

Другая культурная традиция, отличающаяся и иногда противостоящая предыдущей, берет свое начало и опирается на античную, эллинистическую и римскую культурную матрицу. В русле этой традиции развиваются меровингская культура, контрреформаторская тенденция, барочная и средиземноморская культуры. Эта традиция характеризуется, напротив, не теоретическим, а практическим отношением к окружающему миру, объекты которого изучаются при помощи эмпирического экспериментального подхода. Понимание формируется путем многократного повторения, неустанным возвратом к одной той же мысли.

Для этой традиции характерна пышная цветистая речь, с многократными повторениями, имеющая более практический и общеупотребительный характер. Она формируется на основе обыденной разговорной речи и непосредственного общения. Для такого типа культуры характерны речь и мышление более свободные и имеющие уклон в воображение.

Формулирование мысли обычно касается некоторого непосредственного конкретного объекта или примера, изложение носит развернутый характер, изобилует литературными описаниями, переполнено многочисленными образами, которые иллюстрируют идею или тезис.

Эти различные формы понимания и мышления, питающие культуру и позволяющие создавать литературные произведения, помогают продвинуться в понимании первой характерной черты, что повторялась во всех течениях «Анналов», поскольку, как мы теперь покажем, все различающиеся между собой течения «Анналов» относятся к описанному нами второму типу культурной традиции, к традиции средиземноморской культуры.

Глава 1

21

Таким образом, речь идет всегда о текстах, авторах, произведениях, которые не предрасположены к изложению заранее заданных философских систем, посвященных их собственным глобальным видениям исторического процесса или к абстрактным и теоретическим рассуждениям. Как мы покажем в дальнейшем, это отнюдь не мешает им спорить по ряду различных методологических парадигм или опираться на теоретические модели. Однако многие идеи, вдохновлявшие их интеллектуальные проекты, имели не эксплицитный, а имплицитный характер. Говоря другими словами, ряд теоретических моделей и концепций, а также методологических парадигм или эпистемологических уроков, вытекающих из практических исторических исследований, были высказаны не в развернутой форме, а в коротких замечаниях, отдельных комментариях, в некоторых случаях не прояснялись, ограничиваясь лишь единственным упоминанием.

В то же самое время и вполне в духе средиземноморской культурной традиции, явными представителями которой были авторы «Анналов», большинство из них блестяще владело языком, обладали прекрасным литературным стилем, что во многом облегчило распространение и обеспечило успех работ этого направления среди самых разных слоев населения Франции, Европы и всего мира.

Их труды, статьи, тексты и эссе, как всем известно, являются результатом долгой предварительной работы, как на семинарах и курсах французского колледжа, так и в высшей школе, или в различных французских университетах. Рядным образом, в этих работах представлены итоги и отклики на постоянные живые академические дебаты в среде французских историков, а также между историками и их коллегами из смежных гуманитарных и социальных дисциплин.

В них собран, таким образом, итог интеллектуальной деятельности представителей «Анналов», относившихся, несмотря на свои явные различия, безусловно, к культурной средиземноморской традиции, которую они реализовывали и воплощали в одном из ее французских вариантов, в том самом, что носит картезианский, рационалистический и просветительский

22

Критический подход к истории французских «Анналов»

Глава 1

23

кий характер. Именно это, как мы покажем в дальнейшем, объясняет частично сильную неравномерность в распространении «Анналов» как внутри европейских стран, так и за пределами Европы. В таких странах, как Италия, Испания, Швейцария, Португалия, и затем Латинская Америка, «Анналы» были достаточно быстро признаны: их читали, о них спорили, их переводили, в целом они оказались включены в культурную традицию исторической науки этих стран и в общий гуманитарный контекст. Это касается тех стран, и регионов, которые относятся к той же самой средиземноморской культурной традиции. Напротив, в Германии, Англии, Австрии, Голландии, Канаде, Соединенных штатах, распространение «Анналов» шло медленней, с трудом, с оговорками, их признание как бы просачивалось сквозь фильтр чуждой им североевропейской субкультуры и тем самым было затруднено.

Второй характерной чертой, которая также присутствует во всех сменяющих друг друга интеллектуальных проектах, группировавшихся вокруг «Анналов», является постоянный и не-

прекращающийся диалог со смежными с историей гуманитарными или социальными дисциплинами, со всем тем, что можно охарактеризовать как «науки о человеке». Этот диалог играл настолько важную роль, что можно даже сказать, что вся история существования «Анналов» может быть представлена во многом, как ряд сменявших друг друга союзов, стыковок, альянсов и даже слияний с той или другой смежной гуманитарной дисциплиной, занимавшейся исследованиями тех ли иных аспектов существования человеческих обществ. И совершенно очевидно, что этот диалог ни в коей мере не случаен, он соответствует научным принципам исторического исследования, провозглашаемым представителями «Анналов». На всех сменявших друг друга этапах своей истории представители этого направления непрерывно и совершенно сознательно обращались к активному диалогу со смежными науками, поскольку это соответствовало их представлению об открытости науки истории и о необходимости постоянного плодотворного обмена мнениями и идеями с другими социальными науками. В итоге, это соответствует их представлению об исто-

рии, как науке, которая с большим или меньшим успехом стремится к полному преодолению разделения наук о человеке на различные дисциплины, области знания или частные сферы. Вопреки многократно высказывавшемуся мнению, речь идет не о том, что направление «Анналов» выступало в защиту «интердисциплинарной», «трансдисциплинарной», «поли-» или «мультидисциплинарной» концепции, то есть такой концепции, которая предполагает в качестве исходного фона законность существования различных дисциплин и которая занята поиском «интер» связей, «мульти» соединений, «транс» отношений или «плюри» направлений, позволяющих установить многоуровневый диалог. Намерения «Анналов» были куда более радикальны. Речь шла о стремлении поставить под вопрос законность самого существования многочисленных наук о человеке и о попытке полного преодоления такого рода разделения социальных наук на отдельные отрасли, являющиеся автономными, отличающимися друг от друга, имеющими различные эпистемологические стратегии подхода к решению проблем социальной реальности.

Это, в частности, объясняет постоянные обвинения, выдвигавшиеся против Блока, Февра, Броделя и других, обвинения в попытке создать «империалистическую» историю, то есть такую, что захватит и подчинит себе все остальные социальные дисциплины, превратив их в свой придаток. В действительности, то, к чему направлена эта экуменическая претензия якобы «поглощения» других социальных наук, это идея о том, что следует, вообще отказавшись от принципа разделения социального знания на отдельные, не связанные между собой дисциплины, создать единую историю широкого и общего профиля, историю разворачивающегося во времени целостного пространства «общество-и-человек».

И хотя эта идея отличается от тех конкретных целей, которые ставились на каждом из сменявших друг друга этапов истории «Анналов», тем не менее, это была общая перспектива, которая разделялась представителями направления. Хотя, возможно, она не полностью осознавалась в смысле связанных с ее осуществлением сложностей, но, тем не менее, факт остается фак-

24

Критический подход к истории французских «Анналов»

том - в каждый период существования «Анналов» эта традиция в какой-то момент становилась отчетливой и приводила к возобновлению диалога с той или иной научной дисциплиной или даже с целой группой смежных дисциплин. И, таким образом, мы не можем исследовать «Анналы» Блока и Февра без обращения к таким наукам как социология, экономика, психология, а «Анналы» Броделя могут быть не совсем понятны, если не принимать в расчет взаимных переплетений истории и географии, а также истории и демографии или истории и экономики. То же самое относится и к третьему поколению «Анналов», которое поставило в центр своего интеллектуального проекта связь с антропологией. Четвертый этап связан с возвратом к открытому диалогу практически со всеми научными отраслями изучения общества и человека, кроме того, его специфическим новшеством является обращение к философии.

Систематически поддерживая этот принцип и проводя его в жизнь на протяжении всей истории своего существования, направление «Анналов» добилось того, что его проекты на

каждом этапе оказывались новаторскими не только в области науки истории, но и во многих смежных отраслях научного знания. Таким образом, концепция «Анналов» повлияла не только на развитие исторической науки, но оказала революционизирующее воздействие на всю сферу социальных наук в целом, завоевывая в ней с каждым разом все большее пространство и большее признание.

Третьей характерной особенностью, которая равным образом относится к самым разным интеллектуальным проектам «Анналов», и в то же время роднит это течение с рядом новых направлений исторической науки, развивавшихся на протяжении XX века, это те черты, что отличают историческую науку XX века от моделей и подходов XIX века и связывают эти новые направления с исключительно новаторским подходом к изучению истории, который был выдвинут в теоретических и критических работах Маркса.

Будучи далеки от ложного представления, которое связывает события только с непосредственными датами и, соответственно, жестко приурочивает эти идеи к истории XIX века,

Глава 1

25

мы считаем, что именно оригинальные идеи марксизма, то есть те, что содержатся в трудах Маркса и Энгельса, являются основным фундаментом того, что, пользуясь точными определениями, следует назвать современной исторической наукой, то есть тем современным подходом к построению реальной науки истории, который и сегодня продолжает функционировать и развиваться. Первоначальное развитие идей марксизма, пришедшее на вторую половину XIX века, таким образом, предвосхитило более чем на полвека целый ряд открытий, достижений и средств, которые стали типичными практически для всей новаторской исторической науки XX века и продолжают оставаться важными и в настоящее время. Построения марксизма явились критической альтернативой по отношению к основным концепциям, которые доминировали в XIX веке и принимались европейской исторической наукой того времени. Они оказались также интеллектуальным показателем момента, соответствовавшего началу длительного затяжного упадка современного буржуазного общества (эта фаза началась приблизительно в период исторических событий 1848-1870 годов, продолжая длиться и в наши дни), и явились гениальным предвосхищением того, что развернулось в последующие сто пятьдесят лет: развитие нового типа истории как науки, исследующей социальные явления, твердое стремление поставить исторические исследования на научный фундамент, а следовательно и более пристальное внимание к методам и интерпретациям, которые использует профессиональный историк. Именно такая историческая наука, в которой внимание уделяется прежде всего социальным явлениям, история, базирующаяся на научном подходе, на протяжении многих лет развивалась и отстаивалась многими поколениями представителей «Анналов». Они, в той мере, в которой они признавали марксистское наследие или оставались связанными с марксистскими идеями, сыграли в XX веке роль главных представителей такой исторической науки, которая означала резкий поворот от «стиля девятнадцатого века» к новым методам и «типичным формам двадцатого века». Опираясь на такие существенные идеи, какие дал первоначальный марксизм, и придавая им

26

Критический подход к истории французских «Анналов»

Глава 1

27

структурность и глубину, «Анналы» на протяжении всего времени своего существования постоянно обращались к социальным проблемам, пытаясь выстроить историю как научную дисциплину с присущей ей методологией.

Если рассмотреть историю этого направления в его различные периоды, то становится понятным, что тип исторического исследования, который они всегда поддерживали, продвигали и защищали, постоянно направляется от рассмотрения истории великих личностей, элиты, отдельных частных процессов, то есть от поверхностного рассмотрения, к истории, которая рассматривает процессы коллективные, истории больших групп людей, общественных классов, истории повторяющихся социальных процессов, имеющих широкий диапазон действия и вовлекающий массы населения, говоря иными словами, к углубленному подходу к историческим явлениям. Тот же подход можно увидеть и в изучении социальных

явлений, и в реконструкции картин сельской жизни, и в идейной истории эпохи, в исследованиях коллективных верований, в изучении форм материальной культуры и экономического развития. Это касается и исследований по истории «коллективного менталитета» и тех практических обычаев, что определяют «соглашения» между участниками социального действия относительно соблюдаемых всеми правил. Во всех этих разнообразных случаях можно увидеть постоянный интерес к социальной истории, понимаемой прежде всего как история масштабных процессов, в которые вовлечены большие группы людей, история массовых явлений, коллективных феноменов, то есть именно как социальная история. И хотя тот же Люсьен Февр сетовал на амбивалентность и туманность термина «социальная» в применении к истории, тем не менее мы вполне можем применить его и при описании истории самого движения «Анналов», если введем более строгие определения. Мы определим термин «социальная история» как изучение масштабных коллективных явлений в истории, процессов, которые затрагивают большие массы людей и главные группы какой бы то ни было общественной структуры. И в этом смысле, это самые типичные и характерные темы, которые изу-

чались направлением «Анналов»: экономическая и социальная история, история материальной культуры, географо-исторический фундамент цивилизаций, история мировой экономики и мировой цивилизации, история «менталитетов» и историческая антропология, история городов, культурных обычаев, экономика античности, количественный анализ в истории, современная антропология и многие другие.

Этот глубокий подход к истории как истории общественного развития, противостоит традиционному подходу к истории как собранию биографий политиков и героев, истории войн, битв и мирных переговоров. Эта новая история является одновременно шагом к созданию истинной науки истории, что уже выходит за пределы старых споров XIX века, когда обсуждался вопрос о том, является ли история наукой или искусством. Новая история превращается в науку, или, как говорил Марк Блок, в настоящее «обоснованное предприятие анализа», или в истинно научное предприятие.

Этот подход оказывался важным на каждом этапе существования «Анналов». В каждый следующий период историки «Анналов» боролись за то, чтобы установленная ими историческая правда была научной правдой, открывая и используя для этого новые технические приемы, новые парадигмы исследования, новые процедуры интерпретации, новые методы, новые теоретические модели и новые темы исследования, а также предпринимали другие шаги, продвигающие их вперед в процессе построения истинной исторической науки.

А потому в тот «короткий двадцатый век», который уже завершился, представители «Анналов», к какому бы внутреннему течению его они не принадлежали, были непосредственными участниками самой важной революции в теории исторической науки, развивавшейся на протяжении последней сотни лет - революции, которая, выливаясь в разные варианты во многих регионах и в различных условиях, была революцией в теории истории, базирующейся на прогрессивных исторических исследованиях, каким являлся первоначальный марксизм. Именно «Анналы», наряду с прочими, отстаивали также и научный подход в современной исторической науке. Он получил

28

Критический подход к истории французских «Анналов»

Глава

29

свое выражение и развитие и в блоковском анализе социальной структуры общества, и в моделях исследования мышления той или иной эпохи Люсьена Февра, и в броделевских теоретических изысканиях на пересечении географии и истории. Сюда же относятся разработки по истории материальной культуры и мировой экономики, а также парадигмы глобальной истории, сравнительного анализа в исторической науке, интерпретативный подход и концепция «времени большой длительности», о которых мы будем говорить дальше. Это история, которая удаляется от мифологических представлений и легенд, но в то же время не строится на априорной абстрактно-теоретической схеме, не обольщается ложными спекуляциями общего характера. В ней на должном месте стоит аналитическое, связанное и

обоснованное объяснение, но в то же время это объяснение идет через обращение к фактам и эмпирическим данным, к конкретным социальным феноменам, из которых и формируется в целом исторический процесс. Таким образом, это такой подход к истории, который сформировался в поиске социальных закономерностей и причин, в стремлении обнаружить глубинные истоки, что стоят за фактами и событиями, феноменами и процессами, которые являются предметами исторического исследования. Этот подход далек как от традиционного дескриптивно-нарративного подхода, который ориентирован в основном на поиск отдельных запоминающихся событий и уникальных и неповторимых исторических фактов, так и от разочарования, распространившегося в последние три десятилетия в связи с постмодернистским и иррациональным видением истории.

Подход к истории с широкой социальной точки зрения и выработка научной платформы влечет за собой и расширение понимания задач историка. В противовес преимущественно описательной истории предыдущего столетия, которая стремилась к тому, чтобы достигнуть бесхитростной объективности и полной нейтральности историка, боявшегося хоть на шаг отойти от скрупулезно собранных и надежных «фактов», различные течения «Анналов», напротив, строили в изобилии множество очень разных объяснительных моделей, которые, опи-

раясь несомненно на глубокие знания и на исследование всех видов источников и данных, не подвергали сомнению необходимость ввода новых процедур исследования, новых техник, методов или возможных парадигм интерпретации, что проявилось как в неограниченном умножении источников, так и в постоянном изобретении новых моделей объяснения.

Так, «анналисты» творчески ввели в употребление такие подходы как аэрофотосъемка и анализ пылицы, «непредумышленные» и «невольные» свидетельства, количественные техники и серийный метод, методы дендрохронологии и иконографический анализ, картографию, процедуры «микроистории», связанные с изменением масштаба исследования, и многие другие. И наряду с этим, в дополнение к новым техническим методам вырабатывались теоретические парадигмы, о которых мы упомянули раньше: «время большой длительности»; анализ исторических феноменов с точки зрения пересечения событий; конъюнктура и структура; использование сравнительного анализа для выяснения особенностей объекта изучения; подход к событиям с точки зрения «истории-проблемы», которая выносит на свет скрытые или явные вопросы, сопутствующие исследованию; концепция мировой глобальной истории, которая расширяет территории изучения и воссоздает связь отдельного частного исследования с соответствующими ему другими.

Разрабатывая историю, которая базируется на интерпретативном подходе к историческому знанию, отстаивая её научный характер и отчетливую социальную ориентацию, представители разных течений сменявших друг друга этапов истории «Анналов» определили, таким образом, третий общий элемент, свойственный всему направлению, элемент, который не был исключительной привилегией одного только французского исторического направления, а скорее представлял собой некие общие черты, разделяемые им как с первоначальным марксизмом, так и с некоторыми марксистскими течениями XX века, например, с Франкфуртской школой, а также с некоторыми тенденциями марксистской британской истории второго послевоенного периода. Те же черты присущи и целому ряду других наиболее новаторских проектов исторической науки последнего столетия:

30

Критический подход к истории французских «Анналов»

Глава 1

31

от немецкой «культургешихте» до различных ветвей итальянской микроистории, или, если перейти к антропологическому направлению, то можно упомянуть русское критическое направление в исторической антропологии, новые исторические направления в США и Латинской Америке, и многие другие.

И наконец, четвертая и последняя характерная черта, свойственная всему движению «анналистов», это непреходящий интерес к новаторству в области истории, то есть постоянное открытие новых каменоломен, где могут трудиться историки, а также завоевание и колонизация новых территорий для исторического исследования.

Черта эта, хотя не является свойством одних только «Анналов», но проявляется в этом историческом течении на всех и на каждом по отдельности этапах существования. Таким образом, несмотря на очевидные перемены, связанные с чередованием разных течений в истории этого направления, которые мы проанализируем позже, перемен в смысле смены неких методологических парадигм (отказ от старых парадигм, отречение от существующих критических или еретических положений, или строительство неких общих моделей, притязающих на универсализм) - так вот, за пределами этой очевидной прерывистости ясно видна линия непрерывной связи между следовавшими друг за другом "Анналами", и это - постоянный процесс открытия и исследования новых тем и новых областей исторического знания.

Эту непрерывность можно проиллюстрировать на примере методов, примененных в исследованиях по сельскохозяйственному культурному укладу, которые потом в обновленном виде использовались для описания быта современного города и регионов, а затем в исследованиях влияния окружающей среды, то есть в географо-исторических трудах по истории цивилизаций, а также при изучении влияния истории климата и его воздействия на сельскохозяйственные циклы в русле «времени большой длительности». Ту же преемственность можно проследить в исследованиях, начавшихся с изучения коллективных верований и их связи с общественными механизмами функционирования политической власти и закончившихся социаль-

ной историей. Главными этапами на этом пути были изучение ментального «инструментария» эпохи, а затем история культуры, рассматриваемая с точки зрения событий, конъюнктур и структур, а также многообразных и очень разных ментальных моделей и социальных фантазий.

Другая общая линия, начавшаяся с попытки воссоздать картину структуры феодального мира, позже вылилась в стремление восстановить путем специфического анализа стратегии поведения участников социального действия и выявить специфику общественных «соглашений» и общественных отношений, и перешла потом к попыткам выработать новый тип социальных биографий, к изучению истории средиземноморской цивилизации, капиталистической цивилизации и цивилизаций в целом.

Таким образом, освоение обширного универсума новых проблемных областей и не опробованных ранее линий исследования характерен для всех многообразных «Анналов» на протяжении истории их существования вплоть до наших дней.

Эти четыре характерные особенности, присутствующие во всех интеллектуальных проектах «Анналов», позволяют определить это историческое направление как единое целое, имеющее выраженные характерные черты, которые отличают его от других тенденций или течений современной исторической науки на протяжении последних полутора столетий. И таким образом, мы получаем примерную картину, где «Анналы» вырисовываются как французский вариант универсальной средиземноморской и латинской культурной традиции, сохранявшийся во «времени большой длительности». В диалогах с другими социальными науками «Анналы» всегда стремились к радикальной постановке вопросов и выносили на обсуждение вопрос о ликвидации самих основ, на которых стоят современные общественные дисциплины различного профиля. Отстаивая историю, как научную социальную дисциплину, «анналисты» в изобилии развивали новые темы, новые методы и ранее не исследованные области исторического знания.

Итак, «Анналы» определяются этими характерными чертами, или общими особенностями. Но в то же время, рассмат-

32

Критический подход к истории французских «Анналов»

Глава

33

риваемые сквозь призму их внутренней истории, и, в особенности, когда встает существеннейший вопрос о необходимости периодизации и спецификации различных моментов их существования, они распадаются на очень различные этапы, иногда даже противопоставленные в своих интеллектуальных проектах.

* * *

Если мы теперь начнем, используя описанный выше подход, выстраивать историю этого направления и от общего обзора всей его истории перейдем к анализу отдельных этапов, или периодов, его существования, то увидим за общими характерными чертами, о которых уже говорилось, целую серию специфических черт, которые в последовательном культурном развитии «Анналов» выливались в разные интеллектуальные проекты, а впоследствии - в различные направления.

Один из подходов, отличных от подхода самих «Анналов», и в то же время дополняющих его, концентрирует свое внимание на особенностях каждого из следовавших друг за другом этапов "Анналов", поддерживавших различные интеллектуальные проекты, которые эти течения развивали внутри общей исторической традиции. Такая постановка вопроса подводит непосредственно к проблеме, часто обсуждаемой учеными, изучающими это историческое направление - о преемственности и прерывистости, отличавших длительное существование «Анналов».

Преемственность или разрывы, если отвлечься от традиционных черт, что описаны нами выше, выстраивали особые связи между различными этапами и проектами «Анналов», объединяя или отличая одни из них от других.

Диалектическая связь прерывности и непрерывности, как мы сейчас увидим, дает этим отношениям характер преодоления традиции в рамках ее самой, так что реально существовавшие отходы от традиции, представляя действительно очевидный отказ от предыдущего этапа пути, тем не менее, несмотря на разрыв с предыдущим поколением, означают в то же время некую попытку возвращения к «истокам» направления.

Таким образом, общий путь всего направления не является простой прямой линией, но представляет собой сложную извилистую линию, повороты которой адекватно отражают интенсивные изменения, испытываемые исторической наукой в течение последних 70-80 лет. Учитывая это, нас не должен удивлять тот факт, ясно зафиксированный в истории «Анналов», что периодизация истории направления приближается в общих чертах к самой общей периодизации истории Европы, изменениям социально-экономической ситуации или конкретной исторической обстановки. Одновременно эти изменения следуют ритму внутреннего развития направления и преобразованиям текущего интеллектуального проекта сменявших друг друга этапов истории «Анналов».

Давайте воспроизведем, в первом приближении, эту общую периодизацию «Анналов», что позволит нам рассмотреть разные «Анналы», то есть «Анналы» во множественном числе, что является дополнением и, в то же время, альтернативой общего описания «Анналов» в единственном числе, которое мы дали ранее. Такая периодизация позволила бы наметить в очень общих терминах главные этапы развития направления, которые мы рассмотрим более подробно в следующих главах.

Сейчас, после публикации корреспонденции между Марком Блоком и Люсьеном Февром с Анри Пиренном, уже всем известно, что хотя первый номер «Анналов экономической и социальной истории» увидел свет только 15 января 1929 г., проект основания этого журнала в его первой концептуализации, в виде интеллектуальной идеи, возник в самом конце первой мировой войны. То есть он практически совпадает с началом той конъюнктуры, во многих смыслах исключительной, что сложилась в истории Европы между двумя мировыми войнами. Таким образом, как раз начало 1920-х годов, открывающих период, характерной чертой которого был разразившийся тогда кризис европейского мышления, вызванный окончательным разрывом с вековым стремлением приравнять развитие европейской цивилизации к «прогрессу человечества» — это также Дата первоначальной разработки проекта того, что десятилетие спустя превратится в первые «Анналы».

34

Критический подход к истории французских «Анналов»

Глава 1

35

Если мы обратимся к письмам Блока и Февра к Пиренну, начиная с 1921 года, то становится очевидным, что первоначально издание исторического журнала было задумано совершенно сознательно в качестве замещения, призванного заполнить пустоту, возникшую в

исторической науке с закрытием -которое потом оказалось лишь временной приостановкой - немецкого журнала *Vierteljahrschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte*. Эта замена соответствовала логике противопоставления, а затем и преодоления господствующей роли, которую германский мир играл в западноевропейской исторической науке приблизительно начиная с 1870 года и вплоть до ряда исторических катаклизмов, обрушившихся на Германию уже в XX в. - первой мировой войны, последовавшего затем нацизма и второй мировой войны. Это начинание, зародившееся во Франции, было в то же время международным. Речь шла о том, чтобы реорганизовать подход к изучению истории в европейском масштабе, сориентировать его в другом направлении и придать ему другой способ функционирования, отличный от того, что существовал в 1870 - 1914 гг. Первоначальный проект издания журнала, который позже появился как «Анналы экономической и социальной истории» был в своих первых набросках проектом, стремящимся принять во внимание уроки первого всемирного пожара, который потребовал от историков переосмысления главных линий эволюции европейской цивилизации и соответственно преобразований в области западноевропейской исторической науки.

И хотя от возникновения проекта до его воплощения в жизнь прошло более десятилетия, - время, в которое первоначальные наброски претерпели существенные изменения и дополнения, - тем не менее очевидно, что в целом этот проект был проявлением тех глубоких изменений, которые переживала европейская культура в период между двумя мировыми войнами. Невозможно понять характерные черты первых «Анналов» 1929—1941 гг., не учитывая, что сами они составляют часть обширного движения преобразования, которое затронуло всю европейскую культуру двадцатых и тридцатых годов. Это движение, идущее от идеи разрушения всех основ европейской культуры, породило множество самых разных взглядов, перспектив, проектов, школ, имевших заметную критическую направленность, и ясно декларировало себя, как движение против форм, которые ранее доминировали в той же самой культурной вселенной.

Критическая и полемическая сила, характерная для этих первых «Анналов» и заметная в работах всех представителей этого этапа, - характерное проявление той эпохи, и критический запал, с которым они достигают успеха во Франции в сфере исторической науки, это тот же самый дух, который можно обнаружить в общих чертах и в других странах и областях: во фрейдистском психоанализе в Вене, в критической английской антропологии, в марксизме Грамши и «Новом порядке» в Италии, во Франкфуртской школе и в театре Бертольда Брехта в Германии, в сюрреалистическом движении в той же Франции или в некоторых вариантах испанского модернизма и т.д.

Глобальный кризис европейской цивилизации и европейского мышления, что разворачивался между двумя мировыми войнами, и связанное с ним множество критических движений привели к сильной радикализации теорий и оказали глубокое воздействие на всю западноевропейскую культуру, что в случае с первыми «Анналами» вылилось в истинную революцию в теории истории, которую «Анналы» Блока и Фекра представляли и воплощали, создавая новые парадигмы исследования.

С этой точки зрения, первый этап существования «Анналов» по периодизации приближается к общей периодизации европейской истории и вписывается в картину социального кризиса, характерную для конъюнктуры 1919-1939гг. На фоне культурного и социального кризиса в Европе начинается и разворачивается вышеупомянутая радикализация теорий, которая Дает официальное рождение французскому историографическому течению в 1929 году.

Кроме того, ясно, что зарождение направления «анналистов» подразделяется на два очевидных этапа. Первый ~ гот, что вмещает период с 1921 до 1928 г., и который мы могли бы оха-
36

Критический подход к истории французских я Анналов»

растеризовать как генетический. Это период зарождения проекта первых «Анналов», этап, на котором они существуют как интеллектуальный проект, возникший на базе широчайшего комплекса наследия своих предшественников, как в западноевропейской культуре и историографии, так и в рамках французской исторической и других социальных наук. Этот период можно назвать «доисторической эпохой» «Анналов», когда создание нового особого направления идет путем сложных разрывов, союзов, критического восстановления и

размежевания, которые мы опишем дальше.

Следующий этап, явившийся непосредственным результатом предыдущего - это период «первых «Анналов»», то есть тех «Анналов», что положили основу всему направлению. Журнал издавался начиная с 1929 года - совпадение с годом большого кризиса всей западной экономики вряд ли случайно — и вплоть до 1941 года, когда развернувшаяся вторая мировая война наносит удар по интеллектуальной сердцевине проекта «Анналов», трагически завершая первую стадию развития этого направления тяжелым спором, а потом и идейным разрывом между Марком Блоком и Люсьеном Февром.

Оригинальный проект первых «Анналов», имевший ярко выраженный критический, боевой и полемический характер, был одновременно проявлением теоретической революции внутри истории, о которой мы уже упомянули, а также означал смещение центра притяжения внутри западноевропейской историографии, который, как это прогнозировали Блок и Февр еще в 1921 г., сдвигался постепенно из германского ареала на французскую территорию.

Разразившаяся вторая мировая война и её последствия обозначили конец как глобальной конъюнктуры, сложившейся между двумя мировыми войнами, так и первый период (который продолжался с 1929 года по 1941 год) революционного проекта, каковым были первые «Анналы», ставшие основой нового центра притяжения в западноевропейской исторической науке.

И, как в ситуации с «первыми» «Анналами», так и в случае «вторых» или «броделевских» «Анналов», их характер имеет четкий отпечаток соответствующего отрезка времени, и их грани -

Глава 1

37

цы совпадают со специфической «конъюнктурой» послевоенного периода, который начался в 1945 году и закончился символическим и фундаментальным годом 1968-м. Эта конъюнктура времени после Второй мировой войны отмечена экономическим расцветом, реконструкцией всех европейских экономик, возросшей подвижностью социальных слоев, ростом индустриализации и расширением рабочих движений во всей Западной Европе, и та же атмосфера пропитывает второй интеллектуальный проект «анналистов», тот что в истории этого направления получил ставшее каноническим наименование «годы Броделя».

«Годы Броделя», в которых также нашла свое отражение послевоенная конъюнктура в истории Европы XX века, привели к укреплению и стабилизации критического проекта первых «Анналов». Хотя при этом был отчасти потерян боевой и полемический тон, свойственный первоначальному этапу, но направление утвердилось, и в итоге приобрело структуру государственного института. Одновременно, в теоретике-методологической плоскости исторической науки этот этап знаменует истинное преодоление и в то же время расширение проекта первых «Анналов».

Преодоление и расширение следует понимать в смысле истинно гегелевского термина *Aufhebung*. То есть в одно и то же время, наследие первых «Анналов» углубляется и преобразуется, однако внутри нового и отличного от первого интеллектуального проекта вновь обнаруживается первичная тенденция, но построенная уже на базе радикально новой идейной структуры, что и означает настоящее преодоление с одновременным расширением первоначальной концепции.

При внимательном и тщательном рассмотрении интеллектуального проекта броделевских «Анналов», становится ясным, что это был этап кульминации, он завершал - с соответствующими дополнениями и расширениями - ту революцию в теории истории, что была запланирована и начата ранее, еще на этапе первых «Анналов». Со времени создания «Анналов» эта революция проявилась и в борьбе за интерпретативный и проблемный подход, и через систематическое приложение срав-

38

Критический подход к истории французских «Анналов»

нительного метода к темам западноевропейской истории, которыми занимались Блок и Февр, и в отстаивании концепции глобальной истории, и в стремлении к открытости по отношению к вкладу других общественных наук, а также в создании новой исторической науки, которая открывает ранее не изученные объекты исследования. Во времена журнала Броделя все эти

завоевания получили еще более радикальную трактовку. Углубляя исходные парадигмы и рассматривая их с новой и оригинальной точки зрения - с точки зрения исторических процессов в их «времени большой длительности», Бродель довел до кульминации исходные посылки. Перед историками встали проблемы, никогда раньше не исследованные, и это, в итоге, неизбежно привело к возникновению новейших интерпретационных моделей, которые расширили область применения существовавшего сравнительного анализа до планетарного масштаба, что выводило понятие глобальной истории за пределы одной дисциплины и приумножало объекты, методы, технику и парадигмы этой открытой и изменяющейся новой исторической науки.

И наряду с преодолением наследия первых «Анналов», броделевский проект вновь воспроизводит элементы своего собственного социально экономического и культурного контекста. В русле проекта «вторых» «Анналов» получает право гражданства целая новая ветвь экономической истории, что вполне соответствует тому историческому моменту во Франции, когда экономика расширялась и процветала благодаря государственной поддержке. Экономика становится тогда участницей конъюнктуры, в которой она поддерживается государством, финансировавшим созданные тогда новые институты по экономике, демографии и статистике. Параллельно «вторые» «Анналы» широко распространяют количественную, или «квантитативную», историю, изобретая даже «серийную» историю и открывая новые территории для исследования в истории быта и материальной цивилизации. В то же время, «Анналы» эпохи Броделя противостояли многочисленным структуралистским течениям, которые получили широкое распространение в период, когда в обществе шло ук-

Глава 1

39

репление прочных и эффективных социально-экономических структур, доминирующих над изменяющимися историческими элементами. В этот период, выбрав в качестве основного оппонента структурализм Клода Леви-Стросса, созданного на базе антропологии, но противостоя при этом тому же самому структурализму в лингвистике, в философии, в экономике, в психоанализе и даже в марксизме, «Анналы» второго поколения отстаивали и стремились утвердить исторический, генетический, процессуальный подход, основанный на фактах социальной жизни, но отделенный от идейного воздействия структуралистов самого разного толка. Эта идейная борьба привела их к тому, что были заново пересмотрены, с исторической точки зрения, кое-какие классические темы антропологии, такие, например, как изучение еды, одежды, территориальной организации или многообразных сторон и элементов бытового уклада.

И равным образом, эти вторые «Анналы» вступали в диалог и тесно сотрудничали с разнообразными вошедшими тогда в моду западноевропейскими марксистскими течениями, которые опирались на возросшую численность рабочего класса и на проникновение радикальных идей в средние слои. Эти марксистские течения, как и «Анналы», занимались исследованиями теории прогресса и экономической истории, и имели ряд точек соприкосновения в методологической плоскости, где их взгляды совпадали. Согласно самому Броделю эти взгляды были связаны с перспективами исторической науки, защитой ее как истинно социальной дисциплины, принимающей глобальный подход и учитывающей «время большой длительности» ^

Однако эти вторые броделевские «Анналы», которые продолжали и в то же время преодолевали первые «Анналы», развернулись не сразу, а лишь после целого длительного промежуточного периода. Учитывая это, границы всего второго периода направления «анналистов» можно вновь считать совпавшими с развитием общей социальной конъюнктуры после второй мировой войны, которая ясно подразделяется на два дифференцированных этапа — с 1941 г. до 1956 г., и с 1956 г. до 1968 г.

После того, как интеллектуальный проект первых «Анналов» резко прервался вскоре после разрыва весной 1941 г.

38

Критический подход к истории французских «Анналов»

нительного метода к темам западноевропейской истории, которыми занимались Блок и Февр, и в отстаивании концепции глобальной истории, и в стремлении к открытости по отношению

к вкладу других общественных наук, а также в создании новой исторической науки, которая открывает ранее не изученные объекты исследования. Во времена журнала Броделя все эти завоевания получили еще более радикальную трактовку. Углубляя исходные парадигмы и рассматривая их с новой и оригинальной точки зрения - с точки зрения исторических процессов в их «времени большой длительности», Бродель довел до кульминации исходные послышки. Перед историками встали проблемы, никогда раньше не исследованные, и это, в итоге, неизбежно привело к возникновению новейших интерпретационных моделей, которые расширили область применения существовавшего сравнительного анализа до планетарного масштаба, что выводило понятие глобальной истории за пределы одной дисциплины и приумножало объекты, методы, технику и парадигмы этой открытой и изменяющейся новой исторической науки.

И наряду с преодолением наследия первых «Анналов», бро-делевский проект вновь воспроизводит элементы своего собственного социально экономического и культурного контекста. В русле проекта «вторых» «Анналов» получает право гражданства целая новая ветвь экономической истории, что вполне соответствует тому историческому моменту во Франции, когда экономика расширялась и процветала благодаря государственной поддержке. Экономика становится тогда участницей конъюнктуры, в которой она поддерживается государством, финансировавшим созданные тогда новые институты по экономике, демографии и статистике. Параллельно «вторые» «Анналы» широко распространяют количественную, или «квантитативную», историю, изобретая даже «серийную» историю и открывая новые территории для исследования в истории быта и материальной цивилизации. В то же время, «Анналы» эпохи Броделя противостояли многочисленным структуралистским течениям, которые получили широкое распространение в период, когда в обществе шло ук-

Глава 1

39

репление прочных и эффективных социально-экономических структур, доминирующих над изменяющимися историческими элементами. В этот период, выбрав в качестве основного оппонента структурализм Клода Леви-Стросса, созданного на базе антропологии, но противостоя при этом тому же самому структурализму в лингвистике, в философии, в экономике, в психоанализе и даже в марксизме, «Анналы» второго поколения отстаивали и стремились утвердить исторический, генетический, процессуальный подход, основанный на фактах социальной жизни, но отделенный от идейного воздействия структуралистов самого разного толка. Эта идейная борьба привела их к тому, что были заново пересмотрены, с исторической точки зрения, кое-какие классические темы антропологии, такие, например, как изучение еды, одежды, территориальной организации или многообразных сторон и элементов бытового уклада.

И равным образом, эти вторые «Анналы» вступали в диалог и тесно сотрудничали с разнообразными вошедшими тогда в моду западноевропейскими марксистскими течениями, которые опирались на возросшую численность рабочего класса и на проникновение радикальных идей в средние слои. Эти марксистские течения, как и «Анналы», занимались исследованиями теории прогресса и экономической истории, и имели ряд точек соприкосновения в методологической плоскости, где их взгляды совпадали. Согласно самому Броделю эти взгляды были связаны с перспективами исторической науки, защитой ее как истинно социальной дисциплины, принимающей глобальный подход и учитывающей «время большой длительности».

Однако эти вторые броделевские «Анналы», которые продолжали и в то же время преодолевали первые «Анналы», развернулись не сразу, а лишь после целого длительного промежуточного периода. Учитывая это, границы всего второго периода направления «анналистов» можно вновь считать совпавшими с развитием общей социальной конъюнктуры после второй мировой войны, которая ясно подразделяется на два дифференцированных этапа - с 1941 г. до 1956 г., и с 1956 г. до 1968 г.

После того, как интеллектуальный проект первых «Анналов» резко прервался вскоре после разрыва весной 1941 г.

40

Критический подход к истории французских «Анналов»

между его двумя директорами - разрыва, который, как мы позже увидим, был окончательным в идейном смысле, но не в личном, - начинается переходный период, который будет разворачиваться с 1941 г. и до смерти Люсьена Февра в сентябре 1956 г. Это переходный этап, а не новый интеллектуальный проект, потому что, как это отметил Фернан Бродель, со смертью Марка Блока внутри «Анналов» образовалась пустота, которую один Люсьен Февр никогда не мог вновь заполнить. Со смертью Блока разрушился «тандем», на котором был построен интеллектуальный проект первых «Анналов». Люсьен Февр в период между 1941 г. и 1956 г. ограничивался тем, что старался поддерживать и воспроизводить тот же интеллектуальный проект периода 1929-1941 гг. Однако, в новой обстановке, отличной от той, в которой возник этот проект, и в отсутствие Марка Блока, без его ежедневного вклада в издание, журнал постепенно изживал сам себя. В условиях, которые все более ставили под угрозу опробованные способы выживания, издание утратило вдохновение прежних идей и первоначальную силу.

Это действительно был переходный этап, о чем свидетельствует, например, тот факт, что в то же самое время, когда проект первых «Анналов» терял силу и постепенно угасал, ему на смену внутри направления росло новое поколение, начинал созревать новый интеллектуальный проект, который дал впоследствии жизнь вторым, броделевским «Анналам» 1956-1968 годов, о которых мы уже упомянули.

И как в любом переходном периоде здесь сосуществуют элементы цикла, который заканчивается с ростками нового цикла, который должен последовать. Так, оставшиеся элементы первых «Анналов», завершившихся в 1941 г., сосуществовали с первыми эскизами будущих «Анналов», появившихся после 1956 года. И действительно, внутри этого переходного периода «Анналов», когда Люсьен Февр встал во главе журнала, печатается* например, в 1949 г. большой труд Фернана Броделя о Средиземноморском мире в эпоху Филиппа II.

Переходный этап продолжался до 1956 года - снова важная дата европейской истории, когда советское вмешательство

Глава 1

41

в Венгрии спровоцировало крупный кризис в рядах коммунистических партий Западной Европы. С 1956 г. начинается история вторых «Анналов», руководимых Фернаном Броделем, которые мы уже в общих чертах описали.

С завершением этих броделевских «Анналов», спровоцированном в большой степени внезапным изменением общественной ситуации, которая вылилась в масштабную культурную революцию 1968 года, закончился не только интеллектуальный проект броделевского журнала и второй этап существования «Анналов», - который включает в себя во временном смысле также «Анналы» переходного периода, когда во главе журнала стоял Люсьен Февр, - но действительно весь полный цикл, начавшийся в 1929 г. с выходом в свет первых «Анналов» и имеющий характер осуществленной на практике подлинной революции в теории исторической науки, с развитием нового доминирующего центра в исторических исследованиях, центра притяжения и преобразования, который между 1929 и 1968 гг. оказался расположен во Франции, и на почве которого был создан, развернулся и потом достиг кульминации революционный критический проект внутри исторической науки, воплощенный в работах Блока, Февра и Броделя.

Таким образом, цикл 1929-1968 гг. в истории «Анналов» отмечен преобладанием непрерывности и преемственности, которая резко контрастирует с отношением «Анналов» третьего поколения ко всей предыдущей истории этого направления. Поскольку, как уже мы показали, третье поколение «Анналов» - прямой плод культурной революции 19-58 года и знаменуемой ею новой глобальной ситуации и конъюнктуры. И ввиду того, что культурная революция 1968 года представляет собой резкий разрыв со всеми прежде доминировавшими формами культуры, то точно также и «Анналы» 1968-1989 годов обозначили радикальный и очевидный разрыв с «Анналами» предыдущего цикла 1929-1968 годов.

И если в первых и во вторых «Анналах» можно было заметить влияние общей социально-политической конъюнктуры, которая тем не менее не совпадала полностью с их историей, то третьи «Анналы» как раз совпали с развитием третьей и после-

дней общей политической конъюнктуры «короткого» XX века, начавшейся, равно как и третий цикл «Анналов», в символическом 1968 году и завершившейся в не менее важном году 1989-м.

Как и предшествующие «Анналы», также и эти были «детьми своего окружения», имевшего характерные черты. Потому что, как известно, «Анналы» 1968-1989 годов концентрировались, прежде всего, на продвижении истории «менталитета», а также в выработке некоторого варианта вошедшей тогда в моду социально-исторической антропологии.

В этом цикле соединение с конъюнктурой, сложившейся после 1968 года, оказывается наиболее очевидным. Революция 1968 года коренным образом повлияла на все механизмы воспроизведения форм культуры в современном обществе, она вынесла на повестку дня обсуждение трех главных институтов современной культуры, которые являются основными средствами внедрения в общество культурных моделей: эти три института - семья, школа и СМИ.

И в этот период, спроецировав на историческую науку идущие в обществе преобразования, «Анналы» начали культивировать следующие темы: история семьи и повседневности; исторический анализ процесса распространения грамотности во Франции; изучение истории представлений о смерти, истории образа ребенка и истории страха; исследования проблем дехристианизации и генезиса идеи чистилища; исследования частной жизни и положения женщин; изучение средневекового или современного «менталитета» и форм жизни и поведения в какой-нибудь деревеньке на юге Франции.

Обратившись, таким образом, к темам «менталитета» или «исторической антропологии» различных эпох, миров, обществ и пространств, третьи «Анналы» обозначили глубокий разрыв как со вторыми, так и с первыми «Анналами», то есть со всем предшествующим циклом развития этого направления. Что, возможно, объясняет желание новых представителей «Анналов» обозначить себя как «Новую историческую науку» («nouvelle histoire»). Это название прижилось и стало популярным, и именно под ним в 1970-80-е годы «Анналы» стали известны всему миру.

Глава 1

43

Изучая главные работы этого третьего поколения «анналистов», мы увидим, что за их ссылками на историю «менталитета», практикуемую еще Марком Блоком и Люсьеном Февром, - что, в действительности, исчерпывается ровно двумя случаями, сильно отличающимися от того метода, который они реализовывали в своей работе, - ясно, что мы имеем дело с радикальным изменением как по сравнению со вторыми, так и с первыми «Анналами». Это изменение включало в себя как отход от изучения социально-экономической истории, которое культивировалось ранее, что ясно выразилось в методологических спорах, а также в развитии новых историографических парадигм и даже в защите и применении старых.

Потому, как мы увидим ниже, заявление, высказанное авторами «третьих» «Анналов» о том, что глобальная история невозможна, и что нужно заменить ее на общую историю, не было для них чем-то из ряда вон выходящим. Одновременно они заявили, что не желают быть связанными «ни с какой идеологической ортодоксией» и что историческая наука имеет, скорее всего «экспериментальный» характер. Декларируя ясно свой отказ от широких и всеобъемлющих взглядов и от глобальных тем, которыми занимались их предшественники, это третье поколение «анналистов» предложило вместо вышеупомянутых тем и широких подходов обратиться к более ограниченным по масштабам, но более тщательно выполненным исследованиям, имеющим более монографический и эмпирический характер, что позволило бы «укрепить уже завоеванные участки» вместо того, чтобы продолжать «расширять границы» исторической науки на теоретическом, методологическом и парадигматическом поле.

И вот, как раз в то время, когда выявился их разрыв с предшествующими «Анналами» цикла 1929—1968 гг., эти новые «Анналы», занимавшиеся историей ментальностей, оказались кульминационным этапом в распространении и утверждении направления «Анналов» и полностью влились в официально признанный истеблишмент французской культуры. А за пределами

Франции начался процесс практически планетарного распространения «Анналов» и почти повсеместного признания их в мировой исторической науке.

44

Критический подход к истории французских «Анналов»

Таким образом, история третьих «Анналов» характеризуется рядом постоянных парадоксов, которые определили специфическую напряженность в разворачивания «Анналов» третьего поколения. В 1968-1989 гг. они являются «Анналами», распространенными во всем мире, но одновременно самыми критикуемыми за все время существования этого направления, кроме того они принадлежат к эпохе, когда Франция теряет свою гегемонию в западноевропейской историографии.

В то же время, именно эти «Анналы» популяризировали и распространили по всей планете знаменитую историю ментальностей. Вся западная историография занимается в данный момент теми же самыми проблемами, хотя и под разными наименованиями: психоистория, культурная история, история интеллекта, история речи и дискурсивных практик, история идеологий, история представлений, история культурных традиций и история обычаев, и многие другие. «Анналы» третьего поколения цитируются и упоминаются значительно чаще, чем «Анналы» их знаменитых предшественников, основателей и строителей направления на его первом и втором этапах, и в то же самое время третьи «Анналы» резко порывают с глобальным подходом в исторической науке и отказываются от применения главных парадигм этого самого направления эпохи 1929-1968 гг.

И, наконец, именно эти «Анналы», занятые изучением ментальности*, будучи наследниками своих знаменитых предшественников - Блока, Февра и Броделя - получили наиболее прочное место в государственных институтах и широкое признание в официальной французской культуре, несравнимое с предшествующими периодами. Их впечатляющее присутствие в официально признанной культуре заметно было не только по занятым им ключевым постам во многих журналах и изданиях (как в академических, так и в предназначенных

* Ментальность определяется А. Я. Гуревичем как «живая, изменчивая и при всем том обнаруживающая поразительную устойчивость константы магма жизненных установлений и моделей поведения, эмоций и настроений». Цит по: Вовель М., Гуревич А., Рожанский М. Ментальность // 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. М.: Прогресс - Rayot, 1998. С. 454—463. Далее в тексте термины «ментальность» и «менталитет» используются как синонимы. (Примеч. пер.)

Глава 1

45

широкой публике), но и по влиянию на радио, прессу и телевидение.

Интересно также посмотреть, как параллельно с историей «Анналов» разворачивались многие другие интеллектуальные течения, возникшие на базе культурной революции 1968 года. Тогда возник целый ряд течений, занимавших различные идейные позиции, которые в целом можно объединить и охарактеризовать термином «марксисты-анналисты». В период с 1968 и до 1989 года они являются альтернативой франкоязычным «Анналам». Эти течения появились в результате кризиса левых сил, которые полностью сошли с политической арены вскоре после критики, которой они подверглись во время революции 1968 года и позже, когда по всему миру начали возникать и расти многочисленные движения «новых левых». Таким образом, на смену старому вульгарному марксизму, упрощенному и примитивному, приходит новый марксизм, открытый к диалогу со всеми общественными науками XX века и особенно с направлением, группировавшимся вокруг издания «Анналов».

Результатом этого было два встречных движения: с одной стороны, приближение марксизма к «Анналам», с другой -аналогичный переход некоторых из течений «анналистов» на более левые позиции, вплоть до марксистских. В области историографии это привело к созданию целого ряда тенденций и интеллектуальных результатов в виде исследований, теоретическая база которых подпитывается двумя источниками - как теориями и концепциями Маркса, так и уроками, полученными от «Анналов» 1929-1968 гг.

Среди многих работ такого рода можно отметить труды Иммануэля Уоллерстайна, группы исследователей из центра Фернана Броделя или, во Франции, выдающихся исследований Пьера Вилара и Мишеля Вовеля - во всех них получила отражение конъюнктура 1968-1989 годов, которая сосредотачивалась вокруг идейной матрицы «марксисты-анналисты». Эта матрица в отличие от французских третьих «Анналов» устанавливает прямое родство с

наследством «Анналов» Марка Блока, Люсьена Февра и Фернана Броделя. Итак, в то время как «Анналы», связанные с исторической антропологией и изу-

46

Критический подход к истории французских «Анналов»

чением ментальностей берут курс на очевидный разрыв с наследием прошлого, марксистско-анналистская матрица вновь берет на вооружение и продолжает линии исследования, развернутые Марком Блоком и Фернаном Броделем. Марксисты-анналисты поддерживают и культивируют исследования в области экономической истории, уделяя им главное внимание, и активно продолжают работу в сферах эпистемологии и методологии с тем, чтобы ввести новые элементы в построение теоретических моделей и возобновить дискуссию относительно целей исторической науки.

И это означает, что действительно полная история направления, которое группировалось вокруг издания «Анналов», не может быть написана, если не будет принята во внимание эта особая марксистско-анналистская матрица, возникшая в период существования третьих «Анналов» и получившая распространение в 70-80-е годы XX века.

И, наконец, всем хорошо известно, что социально-экономическая и политическая конъюнктура, началом которой послужили события 1968 года (и последовавший почти сразу за ними мировой экономический и общественный кризис 1972-1973 годов), продолжалась до конца восьмидесятых и завершилась в 1989 году символическим падением Берлинской стены - со всеми предшествующими и последующими фундаментальными фактами, связанными с этой символической датой.

Вследствие этого, и вновь подтверждая совпадение периодизации истории «Анналов» с общими периодами исторического развития, 1989 год явился завершающим и для этапа третьих «Анналов», именно с него начинается следующий этап в истории журнала, что разворачивается перед нашими глазами на протяжении последних пятнадцати лет.

Однако и теперь, спустя пятнадцать лет после завершения этапа третьего поколения «Анналов», все еще трудно определить, идет ли сегодня речь о четвертых «Анналах» или лишь о новом переходном этапе между циклами, подготавливающим приход четвертых «Анналов».

Хотя общие идеи нового четвертого этапа были достаточно ясно обрисованы в 1988-1989 гг. (в передовых статьях жур-

Глава 1

47

нала за март - апрель 1988 года и за ноябрь - декабрь 1989 года), а затем в недавних работах Бернара Лепти, Пьера Сури (Pierre Souyri), Жан-Ива Гренье и Жослин Даклия (Joselyne Daklhia), до сих пор остается неясным вопрос о той роли, которую смогут или сумеют сыграть «Анналы» как во французской исторической науке - где сегодня имеется сильная конкуренция и возникают многообразные новаторские проекты, например, проект, группирующийся вокруг журнала *Espaces Temps*, — так и во всей западноевропейской и мировой историографии. Совершенно очевидно, что «Анналы пост-89» заняли позицию радикальной трансформации по отношению к своим непосредственным предшественникам, то есть по отношению к третьим «Анналам». История ментальностей, которая поддерживалась последними, вызвала огромное количество обоснованной критики с самых разных сторон. Этот подход подвергся критике и с позиций французских историков, не принадлежащих к направлению «анналистов», и с точки зрения различных течений итальянской микроистории, и с позиций британских историков-социалистов, и с точки зрения новой социальной немецкой истории; его критиковали и североамериканские и некоторые латиноамериканские историки, чьи взгляды сформировались в рамках марксистского подхода. «Анналы» четвертого поколения выдвинули взамен совершенно иную социальную историю культуры, которая представлена, например, в работах Роже Шартье или Алена Буро. Вместо исторической антропологии, практикуемой в 1970-80-е гг., новые «Анналы» после 1989 года отдают предпочтение социальной истории на антропологической основе, помещая в историческую перспективу классические проблемы и темы антропологии, а также, прежде всего, аналитические процедуры, понятия, методы и подходы этой дисциплины, которые возрождаются теперь уже как инструменты исторической практики, исследования и интерпретации.

В то же время, преодолев отход от исследований социально-экономической истории, характерный для третьих «Анналов», эти потенциальные четвертые «Анналы» претендуют, напротив, на исследования в области демографической, количе-

48

Критический подход к истории французских «Анналов»

ственной, городской, социально-экономической истории, которые интегрируют недавние результаты работы социологов по исследованию человеческой деятельности и договорной экономики. Они также подхватывают идеи итальянских микроисториков, и стремятся в целом к открытию новых путей, по которым будет идти в будущем обновленная социальная и экономическая история.

И в том же направлении размежевания и отхода от «Анналов» 1968-1989 годов, современные «Анналы» снова активно включаются в методологическую дискуссию, стремятся к выработке новых эпистемологических парадигм, возобновляют обсуждение содержания понятий «глобальной истории» и «времени большой длительности», одновременно претендуют на «прочную интердисциплинарность», ведут обсуждение трудностей применения в историческом исследовании процедуры «изменения масштаба», вновь обращаются в своих исследованиях к выявлению роли акторов - действующих лиц истории в конструировании социальных соглашений, практик и связей.

Таким, почти спонтанным, способом, «Анналы пост-89» оказались в некоей ситуации «возврата», пусть опосредованного и критического, но вполне очевидного, к наследию начальных этапов существования этого направления. И это вполне объяснимо, поскольку, если общее направление этого четвертого интеллектуального проекта подразумевает частично *действительное преодоление* третьих «Анналов», в отношении которых они находятся в очевидной ситуации разрыва, то сама логика движения самоопределения возможных четвертых «Анналов» приводит к тому, что они вновь обращаются к фундаментальным элементам старого наследия Марка Блока, Люсь-ена Февра и Фернана Броделя.

И ввиду того, что вышеупомянутое наследство, от которого отказались третьи «Анналы», было поддержано и разрабатывалось в тот период разнообразными течениями, представляющими марксистскую матрицу среди представителей «Анналов», то становится также понятным тот факт, что четвертое поколение «Анналов» легко вступило в диалог и предприняло обмен мнениями с вышеупомянутыми историками и исследо-

Глава 1

49

вателями, принадлежащими к целому ряду разделяющих марксистские взгляды течений внутри «Анналов».

И не случайно некоторые из главных представителей четвертых «Анналов» оказались среди тех, кто вновь обратился к серьезным и систематическим обсуждениям понятий «времени большой длительности» и «глобальной истории», вопросам о возможном эффективном использовании количественной истории, сравнительного метода, или интерпретативного метода в историческом исследовании, и одновременно вновь начал разрабатывать парадигмы экономической истории и активно участвовать в оживленных дискуссиях по поводу новых интерпретаций и критических реконструкций самой истории первых и вторых «Анналов». Таким образом, современные «Анналы» - которые являются, возможно, четвертыми «Анналами», или же лишь переходным этапом к четвертым «Анналам» - решают двойную задачу. С одной стороны, они стремятся к преодолению традиции третьих «Анналов», и в этом смысле можно говорить о некоем возвращении, пусть опосредованном и усложненном, к «Анналам» первого поколения и к броделевским «Анналам». С другой стороны, они в то же время предпринимают реальные усилия в построении *нового и оригинального* интеллектуального проекта в соответствии с новыми обстоятельствами развития мировой историографии - поскольку для развития новейших исторических исследований характерен интенсивный *полицентризм* и отсутствие, в мировом масштабе, гегемонии какого-либо направления среди исторических школ. В такой ситуации текущий этап развития «Анналов» может способствовать общему определению нового курса исторической науки в новом *историческом* веке и тысячелетии, начало которому было положено в 1989 году.

Решая, таким образом, двойную задачу — повторного обращения и объединения по

отношению к наследству «Анналов» цикла 1929-1968 годов, и в то же время настоящего нововведения и построения действительно нового и оригинального интеллектуального проекта, «Анналы» после 1989 года ставят перед нами, наряду с решением собственной пробле-

50

Критический подход к истории французских «Анналов»

мы относительно будущей судьбы их направления, вопрос намного более общий — относительно реальных сложностей и перспектив развития всего универсума мировой исторической науки.

* * *

Если для завершения нашего вводного общего обзора мы бросим самый общий взгляд на историю различных сменявших друг друга этапов развития «Анналов», периодизацией истории которых мы сейчас и занимаемся, то станет ясно, что история «Анналов» в целом сама испытывала постоянное и непосредственное воздействие более глобальных по отношению к ней общих исторических этапов, периодов, на которые подразделяется история Западной Европы в течение того краткого XX века, что длился с 1914-1917 гг. и до 1989 года. И, таким образом, логично будет предположить, что изменения в западноевропейской истории и в истории западной культуры в целом оказали *решающее влияние* на внутреннюю историю самого направления, вызывая, вместе с изменением общей социальной конъюнктуры, смену этапов, интеллектуальных проектов, которые действовали в тот или иной конкретный момент и определяли общую концепцию, общий подход на разных этапах развития «Анналов». А потому не случайно, что 1939, 1968 и 1989 годы, которые являются знаменательными и фундаментальными для истории всего западноевропейского континента, — это также решающие даты в периодизации истории «Анналов», что, однако, вовсе не подразумевает, что вышеупомянутая периодизация чисто механически накладывается на историю этого направления. Поскольку, хотя история «Анналов» воспроизводит и повторяет периоды более общего порядка, но ее собственные периоды имеют также очевидную специфическую динамику, внутреннюю логику развития, которая базируется на смене соответствующих отдельных исторических проектов, переопределяется со временем и находится в зависимости от как индивидуальных, так и коллективных действий основных участников событий. Поэтому, как мы видели ранее, внутренняя история представителей направления «Ан-Глава 1

51

налов», хотя и укладывается в рамки и границы периодов более глобальных преобразований общечеловеческой истории культуры, в которую она включена, однако не является механическим повторением глобальных социальных конъюнктур западноевропейского мира, а идет собственным эволюционным путем, сложным и противоречивым, со многими изгибами, возвратами и поворотами. Долгие переходные периоды сочетают в себе отчетливо проявленные идеи и проекты, которые могут замедлять рождение нового этапа, занятые тщательной отработкой форм, а также могут пролонгировать предыдущий проект, или, напротив, предвосхищать действительность следующего за ним проекта, что связано со сложной диалектикой взаимодействия главных действующих лиц направления «Анналов» с соответствующими меняющимися идейными и общественными контекстами. С учетом этого становится понятно, что история «Анналов» никогданеявляласьлинейным, идущим по прямой, простым развитием, напротив, это история многообразных путей, отмеченная то очевидными возвращениями назад, то радикальным отходом от предыдущих взглядов, в ней были как крутые повороты и принципиальные разрывы с предыдущей традицией, так и долго длящиеся периоды расцвета, как критическое преодоление прошлого, так и творческое восстановление наследия. Таким образом, история «Анналов» является сложной и достаточно запутанной, хотя, несомненно, поддается логически объяснимой расшифровке.

При общем взгляде на эту историю, развивавшуюся на разных уровнях, на передний план выступают те основные преобразования, которые мы попробовали свести в цельную картину следующих друг за другом различных этапов, или периодов, существования «Анналов». В истории «Анналов» выделяются *четыре* мощных проекта, которые знало это направление, и шесть этапов, пришедшихся на четыре сменившиеся за это время общие социально-

экономические конъюнктуры, в рамках которых и разворачивалась история «Анналов». Сложный путь различных поколений историков «Анналов», - поколений, которые совмещаются и сосуществуют вместе на различных этапах развития всего направления, — и их

52

Критический подход к истории французских «Анналов»

совместная деятельность представляют собой в целом многообразный, полный подводных течений, общий путь всего направления: различные подходы, проекты, переходы, преодоление, разрывы с традицией и возвращение к истокам.

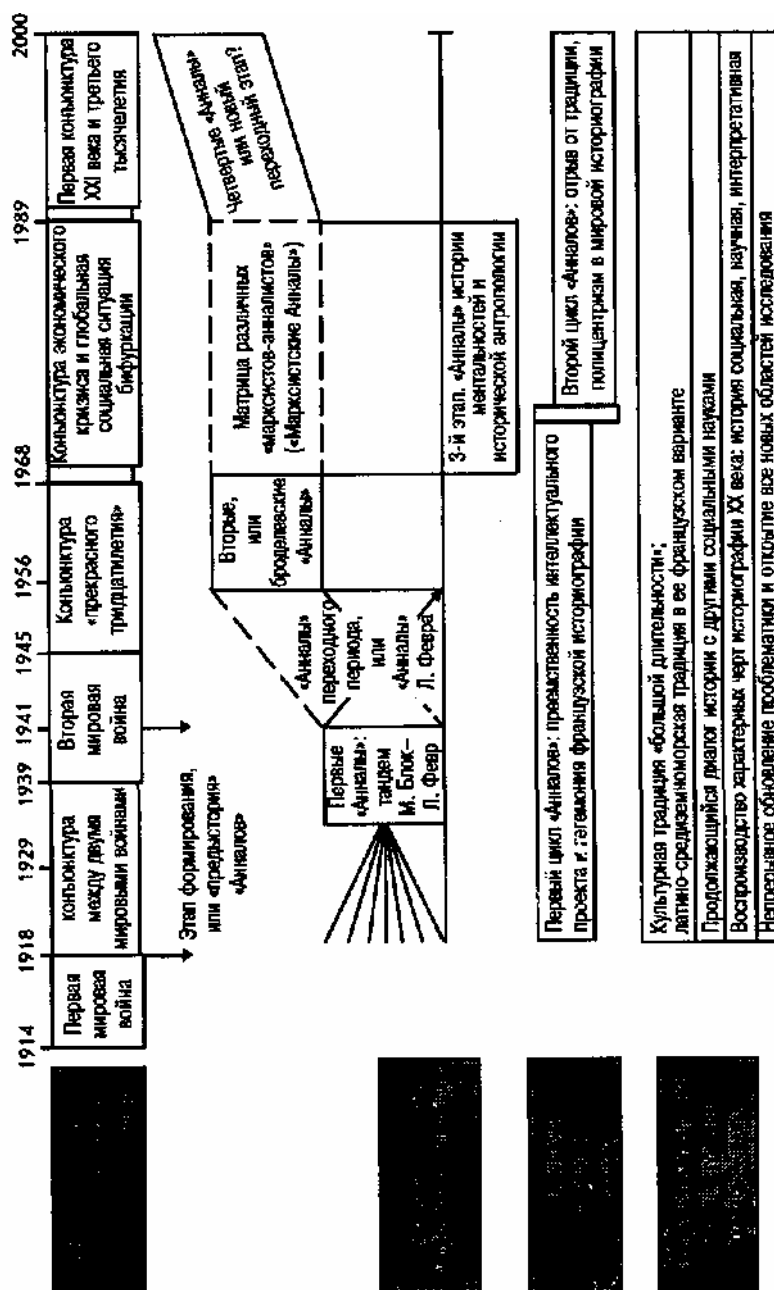
Под этим первым уровнем просматривается вторая плоскость, на которой можно попытаться сгруппировать различные этапы. На втором уровне отчетливо выявляются два цикла внутри общей эволюции движения истории «Анналов»: первый цикл, который длился с 1921 до 1968 г. и был отмечен *принципиальной непрерывностью* следующих друг за другом проектов, цикл, в котором эволюционная кривая направления «Анналов» совпадает с циклом зарождения, утверждения и достижения максимального влияния франкоязычного региона в западноевропейской историографии. На смену первому циклу, который покрывает практически половину века, приходит второй, развернувшийся между 1968 и 2004 годом и продолжающийся до сих пор. В этом втором цикле доминирующей чертой является *прерывание традиции* между последующими интеллектуальными проектами, прерывание, которое одновременно привело к быстрому упадку франкоязычного влияния в историографии Западной Европы и всего мира. Новая социально-экономическая конъюнктура, начавшаяся с 1968 года, отмечена полицентризмом новаторских проектов и отсутствием какого-либо доминирующего направления в мировой исторической науке.

И наконец, под этими первыми двумя плоскостями, расположены те характерные элементы, что мы определили изначально, тот самый набор черт, который придает глубокое единство течению «Анналов», и который, за пределами этих первых двух слоев, разделялся всеми последующими поколениями «анналистов» и их проектов.

Взаимосвязь этих уровней и направлений можно обобщить графически, мы попробовали это передать схемой, представленной ниже.

Схема является лишь общим абрисом, передающим в исторической перспективе основные черты «Анналов», к более подробному описанию которых мы сейчас и переходим.

Схема 1. ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И РАЗРЫВЫ В ИСТОРИИ «АННАЛОВ»

Глава 2

«Анналы» до «Анналов»: 1921—1929 гг.

Невозможно понять процесс формирования, а также характер и функцию первых «Анналов», если не поставить во главу угла тот глобальный исторический процесс, ту ситуацию, сложившуюся между двумя мировыми войнами, в которой оказалась как западноевропейская, так и мировая историческая наука в целом. Вышеупомянутый глобальный исторический процесс представлял собой постепенный упадок и схождение на нет того влияния, или гегемонии, в исторической науке, которую германоязычные страны удерживали начиная приблизительно с 1870 года и вплоть до первой мировой войны, символизировавшей окончательный кризис этого влияния, который затем усугубился с приходом к власти в Германии нацистов. Одновременно и параллельно шел другой процесс - процесс роста нового, который шел параллельно упадку немецкого и австрийского влияния в западноевропейской историографии. Он проявился в постепенном наращивании мощи одного из новых центров исторических исследований, который возник во франкоязычном мире, и главными действующими лицами которого оказались как раз выдающиеся деятели культуры, что группировались вокруг зарождающегося проекта журнала *Annales d'Histoire Economique et Sociale*. Именно это определило круг предшественников и сферы происхождения «матрицы» первых «Анналов». Поскольку эта «матрица» образовалась в период германоязычной гегемонии и

многим была обязана немецкой исторической науке, но одновременно также находилась в критической оппозиции к ней, то это объясняет многое в развитии нового движения, привел - Гпавз 2

55

шего к крутому повороту в исторической науке между 1919 и 1939 гг, и к замене до тех пор доминирующей исторической модели новой моделью, тогда еще только находившейся в процессе формирования.

Потому что совершенно очевидно, что на протяжении полувека, прошедшего со времени героической Парижской Коммуны и до конца первой мировой войны, именно Германия и Австрия (по крайней мере в девяти из десяти случаев) были основными центрами, где кипели главные научные дебаты, разворачивались важнейшие исторические дискуссии того времени, велось большинство новаторских исследований. Например, там развернулась знаменитая полемика о методе в истории (*Methodenstreit*) и большая дискуссия по поводу исторического изучения различных культур (*Kulturgeschichte*), что существенным образом отразилось на развитии всей западноевропейской историографии того времени.

Именно германская почва взрастила таких известных деятелей, как Макс и Альфред Вебер, Карл Лампрехт, Альфонс Допш, Георг Зиммель, Вильгельм Дилтей, Норберт Элиас, Леопольд фон Ранке, Вернер Зомбарт или Вальтер Беньямин. Гер-маноязычному миру мы обязаны также работами многих других историков и социологов, чей вклад определил курс и основные направления развития современной науки истории. В этот период внутри все того же ареала германской культуры создается законченная модель представлений о том, что из себя представляет и какой должна быть историческая наука, и именно эта модель культивируется, именно ее преподают во всех европейских университетах на протяжении всего периода с 1870 и до 1920 года.

Эта модель исторического подхода, получившая название *позитивистской истории*, была создана в немецких университетах, с ней связывают — не совсем верно, хотя и по вполне понятной причине — имя Леопольда фон Ранке. Именно этот подход стал тем образцом, той моделью, которая потом будет широко внедряться во всех крупных школах и университетах Европы, подаваясь как парадигма того, в чем должны заключаться занятия и работа историка. Позитивистская модель, в

56

Критический подход к истории французских «Анналов»

которой сконденсировался опыт, накопленный на протяжении всего XIX века - опыт, который был получен в основном в процессе работы по компиляции, расположению и классификации документов для многотомного издания *Monumentae Germaniae Historicae* - этот опыт утверждал, что история начинается с исследования документов и письменных свидетельств, текстов, которые являются ее источниками и основными материалами.

В свете такого подхода процедура исторического исследования должна состоять, по преимуществу, из внутренней и внешней критики письменных документов, критики, которая оценивает свидетельства, устанавливает их истинность, уточняет датировку событий, укладывая в строгом хронологическом порядке наиболее важные факты, зарегистрированные в этих же самых текстах.

При позитивистском видении истории объектом исследования являются исключительно факты, относящиеся к прошлому, и, кроме того, лишь те, что удостоились записи в *письменных* источниках. Таким образом, это историческая наука, которая не только исключает из своего анализа настоящее время, но также и все этапы доисторической эпохи, и которая вполне логично определяется как этап, предшествующий изобретению письменности и, следовательно, не имеющий письменных источников.

Позитивистская история удовлетворяется тем, что повторяет и принимает на веру ту самую подразумеваемую иерархию исторических фактов, которая описана в письменных документах, предоставляя таким образом привилегии наиболее «зрелищным» событиям истории - крупным военным сражениям, знаменательным политическим событиям, биографиям великих людей или событийной истории монархий, государств и империй. В итоге, при таком подходе к истории, легко можно прийти к выводу (как это сделал в самой Германии Бисмарк) о национальном превосходстве государств Европы, что в свою очередь

приводит к шовинистическому прославлению как их героических деяний, так и долгих эпопей формирования и процветания западноевропейских стран и их правителей.

Дипломатическая, биографическая, военная и политическая история, связанная с фетишистским культом документа,

Глава 2

57

имела ограниченный, узко специализированный характер, иногда доходя до твердолобости, и была, с одной стороны, полностью неспособна вступать в диалог с другими общественными науками, тогда как с другой, стремилась к тому, чтобы скопировать в плоскость исследований общества те модели, что были тогда в моде среди естественных наук. Это привело, в конце концов, к изначально фальшивой и неосуществимой идее «нейтральности» или якобы «абсолютной объективности» со стороны историка по отношению к объекту исторического исследования.

Позитивистская история, являясь *доминирующей* версией исторической науки в германоязычных странах, была навязана, по существу, в качестве официальной и главенствующей модели всей западноевропейской историографии, что в 1900-х годах проявлялось, в частности, в установившейся практике традиционного «путешествия в Германию», как необходимого и обязательного условия для любого серьезного исследователя, претендующего на звание историка.

Позитивистская модель, которая являлась *доминирующей* в русле общего германского влияния на западноевропейскую историческую науку, естественно, нуждалась в преобразовании и преодолении, и это стало одной из главных задач «Анналов» в тот момент, когда они начали утверждать собственный революционный проект преобразования исторической науки, проект, который осуществлялся в период между двумя мировыми войнами.

Позитивистская история, хотя и являлась господствующим подходом внутри германской исторической традиции с ее трактовкой мира и культуры, однако была не единственной существовавшей тогда линией исследований. Наряду с позитивистской моделью Ранке имелись также две другие, которые, хотя занимали подчиненное и маргинальное положение по отношению к этому доминировавшему подходу, тем не менее отчетливо себя проявили в общей картине немецкой и австрийской историографии, о которой сейчас идет речь.

Во-первых, сюда относится *марксистский подход*, который, хотя и возник вне академической сферы, но игнорировался представителями академической науки совсем не по этой при-

58 Критический подход к истории французских «Анналов»

чине. Исторический подход, который был вдохновлен работами Маркса и Энгельса и имел тесную связь с социалистическими партиями, с общественными, профсоюзными и рабочими движениями той эпохи, был представлен в статьях и работах Карла Каутского, Франца Меринга, Генриха Кунова, Отто Бауэра, Макса Адлера, Розы Люксембург и др. Этот подход к истории имел четкую и открыто декларируемую цель критически себя противопоставить существовавшей тогда повествовательной позитивистской истории. Опираясь на работы Маркса, представители этого подхода отстаивали следующее: важность интерпретативного подхода к историческим фактам и явлениям, поиск экономических причин исторических явлений, необходимость более широкого взгляда на возникающие проблемы, необходимость построения объясняющих моделей общего характера, попытки нахождения регулярностей в общем течении исторического процесса и следующих друг за другом исторических событий и общественных явлений, а также постоянные поиски ответа на вопрос, почему могли произойти те или иные события, или чем объясняется то или иное течение исторического процесса. Марксистское видение истории, несмотря на то, что в нем история оказывается связанной скорее с политическими процессами эпохи, вводит, тем не менее, все вышеупомянутые элементы в сферу исторических дискуссий германоязычного академического мира, а вслед за тем и в культурную сферу всей западноевропейской исторической науки. После первой мировой войны это проявится даже в трудах академических кругов и в работах знаменитой Франкфуртской школы - сложного и плодотворного интеллектуального проекта, в русле которого были созданы блестящие сочинения Хоркхаймера, Адорно, Бенямина и др.

В то же время развивалась и вторая, не доминирующая, но существенная линия исторических исследований, представленная разнообразным рядом работ, которые написаны в русле того, что можно назвать *академическо-критическим подходом*. Обширный набор авторов, начиная с Макса Вебера, Вернера

Глава 2

59

Зомбарта, или Альфонса Допша и до Карла Лампрехта, Альфреда Вебера и Норберта Элиаса, которые с различных точек зрения также пробовали найти критический подход, пытаясь преодолеть позитивистскую традицию толкования истории и предлагая объяснительные модели, тщательно разработанные в плане возможностей отхода от позитивизма. Они изучают экономическую историю и развивают новую историческую науку, которая, хотя чужда марксизму, но знакома с его идеями и без труда вступает с ним в диалог, иногда критикуя, а иногда совпадая с ним во мнениях, но всегда признавая марксистов как важных и неизбежных собеседников в обсуждении проблем исторической науки того времени.

С начала первой мировой войны это академическо-критическое направление вынесло на обсуждение сформулированный в очень систематических и точных терминах ряд больших проблем исторической науки, таких как возможность достижения объективности в историческом исследовании, особенности исторической науки по сравнению с естественными науками и другими разделами общественными наук. Была поставлена также проблема объекта исторического исследования, обсуждался краеугольный вопрос об историческом времени, проблемы биографии и роли личности в истории, также как вопрос о значении интерпретации в реконструкции проанализированных фактов, или о возможности общего взгляда на процесс исторического развития, который включает в себя рассмотрение длительных периодов времени, и др. Таким образом, эти академические ученые пытались решить т-1-же проблемы и задачи, что выдвигались тогда историкам и-марксиста ми (те самые проблемы, что позитивистская история оставляла в стороне), однако стремились при этом найти такой подход к решению этих сложных проблем, который бы отличался от подхода последователей марксизма.

Этот критический и новаторский, но не марксистский подход к истории, был в какой-то мере известен представителям первых «Анналов» и их непосредственным предшественникам, и в определенной степени послужил источником, вдохновив-

60

Критический подход к истории французских «Анналов»

шим их собственный проект, одновременно являясь важным инструментом в противоборстве с ведущим, позитивистским подходом в исторической науке.

Таким образом, в германоязычной исторической науке имелись три существенные линии, которые, сосуществуя, а иногда противостоя друг другу (внутри той же Германии и Австрии), функционировали однако как общая доминирующая или главенствующая группа в западноевропейской исторической науке 1870-1930 годов. Служа моделью официальной истории, которая преподавалась в главных западноевропейских университетах, и являясь арбитром во всех спорных вопросах нововведений и горячих дискуссий между почитателями Клио, германская историческая наука проявляла свое обширное культурное влияние, которое распространялось и на другие примыкающие к исторической науке общественные дисциплины, а также в истории искусства и истории культуры, главные представители которых в это время также относились к германо-язычному региону.

Но, как известно, в споре за мировую гегемонию, развернувшемся между Германией и Соединенными Штатами в течение этого же самого периода, Германия проиграла. И это внешнее поражение в первой мировой войне, и, что важнее, *внутреннее* поражение её социалистических и радикальных течений, символом которого оказалось подавление попытки восстания в Берлине, не могли не сказаться отрицательно как на основной силе этой культуры - и, соответственно, на немецкой исторической науке, - так и на роли германоязычной культуры в Западной Европе.

После первой мировой войны, как мы уже упоминали, начинается глобальный кризис западноевропейской культуры, который сопровождался и более частным кризисом австрийского и немецкого культурного сообщества, кризисом, который до крайней степени

поляризовал все социальные структуры в этих странах, вскрыв существующие противоречия и заострив проблемы социального неравенства и концентрации экономического богатства в одних руках. Все это, в итоге, способствовало созданию идейной и политической атмосферы, которая

Глава 2

61

благоприятствовала возникновению и развитию нацизма и расизма после 1933 года.

И если агрессивные претензии Германии в первой мировой войне и последовавшее её глобальное поражение спровоцировали недоверие других стран Западной Европы по отношению к германской культуре, и, в частности, к модели позитивистской и националистической истории, которая была использована, чтобы узаконить и оправдать территориальную и политическую агрессию в отношении других европейских наций, то приход к власти нацистов в 1933 г. спровоцировал, на сей раз, уже физический *исход* представителей части критически настроенной интеллигенции и левых сил, обитавших в германоязычном ареале. Физическая эмиграция представителей интеллигенции, вынужденных под давлением нацизма покинуть родину в целях элементарного выживания, привела к почти полному разрушению всего лучшего и прогрессивного в германской культуре и искусстве.

Это разрушение, среди многого прочего, затронуло и два вышеупомянутых маргинальных критических направления немецкой исторической науки - марксистское и академическо-критическое, которые были полностью истреблены в результате прихода к власти Гитлера. Радикальные удары по германоязычной культуре не только привели к окончательному исчезновению той ее гегемонии в области исторической науки, что существовала в период 1870 - 1930 гг., но и вызвали глубокий застой в сфере общественных наук всей германоязычной культурной зоны, который продлился почти полвека, так что только после культурной революции 1968 года стали заметны некоторые признаки пробуждения и очень медленного и постепенного подъема.

Кризис и упадок модели немецкой и австрийской исторической науки были тем основным фоном, на котором возник идейный проект первых «Анналов», и отсюда становится понятным, почему не только Марк Блок или Люсьен Февр, но и Анри Берр, и Анри Пиренн и многие другие, были прекрасно знакомы с трудами немецких историков и легко с них ориентировались: это был универсум, на котором они выросли и в

62

Критический подход к истории французских «Анналов»

который, критикуя и предлагая альтернативные подходы, внесли собственный интеллектуальный вклад.

Так, Анри Берр выступал против спекулятивного метафизического подхода немецкой философии истории, а Анри Пиренн соглашался с Карлом Лампрехтом в вопросе о типологиях экономической и социальной истории. Или Марк Блок, который опираясь на богатое наследие немецких исследований по сельскому бытовому укладу и его истории, возродил в своих трудах этот подход. Или Люсьен Февр, который в своей работе о Лютере также отталкивался от немецких исследований, критикуя и преодолевая их. Во всех этих случаях оказывается очевидным, что было бы невозможным понять проект первых «Анналов» без учета его происхождения и его связи с предыдущей традицией, присутствовавшей в немецкой исторической науке.

И также было бы невозможно понять происхождение нового направления, каковым являлись «Анналы», не учитывая, что вся информация, полученная в наследство от германоязычной традиции, была тем или иным образом преобразована и переработана представителями этого нового нарождающегося направления. Старые подходы и интерпретации подверглись критике, были переделаны и включены в сферу другой культурной традиции, перенесены на другую культурную почву. Речь идет о специфически «латинском» культурном ареале, породившем особое «средиземноморское» восприятие, существовавшее на протяжении «времени большой длительности», о котором мы уже говорили раньше. И это происходило также на фоне бурного расцвета, которое, в этот же самый период, переживали гуманитарные

науки во Франции.

Зарождающийся проект «Анналов» имел, наряду с германскими корнями и предшественниками, также и французские, которые во франкоязычном регионе в тот период представлены были особым асимметричным раскладом, существовавшим в области общественных наук.

В канун первой мировой войны, когда Марк Блок и Люсьен Февр формировались как историки, все гуманитарные науки во Франции находились под властью расширявшегося и набиравшего силу проекта социологии школы Эмиля Дюркгейма.

Глава 2

63

гейма, проекта, ядро представителей которого группировалось, начиная с 1897 г., вокруг регулярного издания знаменитого журнала *Année Sociologique*. Социологический подход в его экономическом варианте пропагандировался как «экономическая социология» в работах Франсуа Симиана, а в антропологическом - в очерках и работах Марселя Мосса и Анри Юбера, сюда же относятся оригинальные работы по исследованию различных проблем социальной жизни и социальной структуры, таких как труд, самоубийство, формы религиозной жизни, общественные классы и социальная память, проблем, которые исследовались и объяснялись в книгах Эмиля Дюркгейма и Мориса Хальбвакса.

Эта сильная социологическая тенденция, присутствовавшая и господствовавшая во всех социальных исследованиях, была главным *французским* гуманитарным наследием, которое сыграло роль в создании первых «Анналов» Марка Блока и Февра. «Анналы» вновь возродили, заимствовав это из дюркгеймовской социологии, как само понятие *цивилизации*, так и проблему *социальной памяти* и передачи исторических воспоминаний, перейдя позже к обсуждениям понятий общественного класса, экономических факторов, или различных «менталитетов», относящихся к разным эпохам человеческой эволюции.

Поскольку речь шла о том, чтобы основать «Анналы экономической и социальной истории», которые, по замыслу, должны были бы развивать именно такой подход, продвигая и расширяя исследования по экономической истории, а также включая в себя широкий спектр того, что может характеризоваться термином «социальная история», то вполне естественно, что формирующийся проект направления «Анналов» подпитывался этой почти вездесущей социологией Дюркгейма, которая проникла во все отрасли французских гуманитарных наук, как в экономическую социологию, так и социологию религии, а также в антропологию, которая занималась изучением ментальное™ и культуры различных социальных слоев. И именно по этой причине на заседании редакционной коллегии первых «Анналов» присутствовал видный пред-

64

Критический подход к истории французских «Анналов»

ставитель дюркгеймовского направления Морис Хальбвакс, удостоверяя тем самым связь (до сих пор мало исследованную), которая существовала между социологами группы *Année Sociologique* и проектом первых *Annales d'Histoire Economique et Sociale*. Связь, которую сам Марк Блок признавал существенной, высказывая свое уважение по отношению к социологической школе, основанной Дюркгеймом, «поскольку ей мы обязаны многими успехами в наших исследованиях. (Она) научила нас более глубоко анализировать факты, фокусировать взгляд на проблеме, в целом, думать, я бы рискнул сказать, менее "дешевым" способом». Если для построения новой, отличной от прошлой, экономической истории, а также для продвижения в различных областях двусмысленной и туманной «социальной» истории, «Анналы» первоначально опирались на экономическую социологию и на другие ветви социологии Дюркгейма, то второй важной опорой этого проекта было богатое наследие французской географической школы Видаля де ла Бланша.

И если в темах, касающихся экономики, «менталитета» и общества, наследие соответствующих дисциплин было опосредованным (то есть выражалось либо авторским отношением, либо ссылками на представителей школы Дюркгейма), то в случае географии связь осуществлялась непосредственно и напрямую, что выразилось не только в привлечении Альбера Де-манжо в первую редколлегия журнала «Анналы», но также и в шедшем самыми разными путями диалоге между географией и историей, традиция которого существовала во

Франции с последней трети XIX века.

Этот диалог для первых «Анналов» играл принципиальную роль, поскольку они пытались ввести в арсенал методов исторического исследования так называемое *географическое мышление*, которое помогает правильному осмыслению проблем, фактов и процессов истории. Это «географическое мышление» включает в себя элементы обычной географии, но они являются уже не просто «рамками» или «задником», на фоне которого разыгрывается исторический сюжет, а воистину активными действующими лицами исторической драмы, как это было показано в

Глава 2

65

работе Марка Блока «Появление и распространение водяной мельницы», а также в его книгах «Характерные черты французской аграрной истории» и «Феодальное общество».

Этот новый способ включения элементов географического описания внутрь исторического исследования был теоретически обоснован и прокомментирован также в знаменитой книге Люсьена Февра «Земля и человеческая эволюция. Географическое введение в историю».

География видалевской школы на протяжении всего периода 1929-1941 года была источником, из которого черпали представители «Анналов», сюда относятся не только труды самого Видаля де Бланша, но также работы Жана Брюна (Jean Brunhes), Альбера Деманжо (Albert Demangeon), Жюля Сиона (Jules Sion), Максимилиена Корре (Maximilien Sorre), Э. де Мартонна (E. De Martonne) и др. Первые «Анналы» особое внимание уделяли критическому обзору всех работ в области исторической географии и в области региональной истории, которые как раз тогда переживали расцвет. Для того времени это была новаторская область исторических исследований, в нее внесли свой вклад и Марк Блок, и Люсьен Февр своими работами «Иль де Франс» и «Филипп II и Франшконтэ» (соответственно). Эти исследования в духе новой региональной истории, обновленной благодаря стратегическому союзу между историей и географией, будут поддерживаться «Анналами» вплоть до периода Броделя, а затем, в 1970-80-е годы, станут более редкими и почти сойдут на нет.

При создании первых «Анналов», которые были основой всего дальнейшего направления, Марк Блок и Люсьен Февр, как мы видели, должны были твердо придерживаться своего собственного курса, обособляясь от различных линий немецкой исторической науки, подпитываясь одновременно наследием современной им французской социологии и географии.

Между первой и второй мировыми войнами идейный проект «Анналов» разворачивается в сложном переплетении взаимоотношений, соглашений и разногласий с другими направлениями, развивающимися во франкоязычном регионе в то время.

66

Критический подход к истории французских «Анналов»

Направления, существовавшие во французской историографии 1920-1930-х гг., воспроизводили до некоторой степени, хотя и на особый французский манер, современные им направления германской исторической науки, но к ним добавляется ряд оригинальных элементов и положений, которые повлияли и на создателей первых «Анналов». Среди этих направлений, во-первых, доминировали те, что включали в себя модель позитивистской истории, о которой мы вкратце говорили. Главным учебником и основным пособием по позитивистской истории являлась во Франции книга Ш. Ланглуа и Ш. В. Сейнобоса «Введение в изучение истории», которая, будучи напечатана в 1898 году, служила чем-то вроде знамени официальной истории и изучалась не только в знаменитой Сорбонне, но и во всех больших школах и университетах франкоязычного региона.

Во Франции в период после первой мировой войны позитивистский подход является наиболее влиятельным. Для той исторической революции, которую развернули первые «Анналы» Марка Блока и Февра, это позитивистское направление оказалось «врагом, который должен быть побежден». Как мы увидим ниже, революция в теории истории, утвердившая идеи интеллектуального проекта «Анналов» в период с 1929 по 1941 год, началась именно с разрушения и радикального отрицания главных черт старой позитивистской истории. Спустя несколько десятилетий доминирующее положение в сфере исторической науки займут как раз «Анналы».

И если первые представители «Анналов» резко критиковали и с большим полемическим жаром сражались с позитивистской моделью в исторической науке, то это было вызвано вовсе не тем, - как это пытались объяснить позже некоторые исследователи истории «Анналов», - что им было «необходимо выдумать себе врага», чтобы подчеркнуть собственную оригинальность и исключительность. Скорее, это было вызвано, по нашему мнению, тем, что с помощью критики и разрыва со старым, которое в любом случае доживало свой век, окончательно преодолевался тот *ограниченный* подход к пониманию истории, который считал единственным мерилем ремесла историка размер его *исторической эрудиции* и стремился свести горизонты исто-

Глава 2

67

рической дисциплины к простому и методически упорядоченному расположению и каталогизации фактов и больших «событий», зарегистрированных в письменных источниках.

Такая концепция истории, хотя для XIX столетия и представляла собой шаг вперед, но оказывалась слишком узкой для требований XX века. Разрушение «Анналами» позитивистского научного фундамента в исторической науке имело тройное значение: во-первых, это был прямой подкоп под основы французского позитивизма, фундаментальный удар, который поставил под вопрос его монополию в исторических исследованиях франкоязычных стран. Во-вторых, это означало также конец германской гегемонии в западноевропейской исторической науке, серьезный подрыв доминирующей модели, которая служила образцом для всех западноевропейских университетов в 1870-1930-е годы. И наконец, разрушение позитивистского проекта в более глобальном смысле означало общий переход от относящейся к XIX веку устаревшей западноевропейской историографии к науке, отвечающей требованиям XX века.

Во французской историографии имелось и еще одно направление, которое оказалось смещено и отодвинуто на второй план в результате деятельности «Анналов». Речь идет о работах Раймона Арона, в особенности о его докторской диссертации, посвященной исследованиям четырех современных ему немецких историков, и о двух объемных томах «Введения в философию истории». Раймон Арон принадлежал к течению, которое пыталось привить на французской почве кое-что из основного наследия авторов немецкого направления, которое мы называли академическо-критическим. Направление это являлось одним из ответвлений от немецкого «историзма», центральным положением которого было утверждение о неповторимости и уникальности исторических фактов и событий, и потому неизбежно должно было столкнуться с нарождавшимся движением «Анналов», которые прежде всего были заняты поиском исторических закономерностей и общих причин исторических процессов. В отличие от позитивизма, академическо-критическое направление не было явным противником «Анналов» и факти-

68

Критический подход к истории французских «Анналов»

чески постепенно сошло на нет само собой, попросту не найдя отклика среди французских историков, хотя продолжало частично развиваться в некоторых исследованиях, например в работах А. И. Марру, и позже у Поля Вейна. Существование этого направления, хотя оно и не получило развития на французской почве, свидетельствует о той насущной потребности, которую тогда испытывала французская, а также и западноевропейская историография, пытавшаяся преодолеть доминирующую позитивистскую модель, пробуя новые и различные альтернативные пути для дальнейшего продвижения вперед.

Третьим важным направлением во франкоязычной историографии был такой подход к изучению истории, который мы могли бы называть французской социалистической историей, то есть подход, который, хотя и испытал сильное влияние марксизма, но не являлся строго марксистским, и вел свое происхождение от известной работы Жана Жореса «Социалистическая история Французской революции». Это направление имело ярко выраженную левизну, стремление к критике существующей системы, передовые взгляды, и, хотя отличалось скорее частичным и не очень глубоким знанием трудов Маркса — что становится совершенно очевидным при сравнении его с марксистской историографией германского мира, о который

мы упомянули раньше, - тем не менее стремилось возродить общие цели рабочих и социалистических движений второй половины XIX столетия и первых декад XX века, тем самым утверждая себя как направление, стоящее особняком и независимое от академической историографии франкоязычного региона.

Однако, сконцентрировавшись в основном на теме Французской революции — что понятно для того времени, так как вышеупомянутая революция виделась в тот момент как нечто, стоящее у истоков порядка, действовавшего тогда во французском обществе, - и не имея прочных марксистских традиций сравнимых с теми, что существовали в Германии и Австрии, эта линия социалистической истории оказалась неспособной создать собственный интеллектуальный альтернативный и автономный проект, необходимый для обновления французской историографии того времени. В конце концов, течение объе-

Глава 2

69

дилось с проектом первых «Анналов», заняв в нем подчиненное положение.

Со своей стороны «Анналы» 1929-1941 годов без труда принимали исторические позиции социалистического толка, с которыми они совпадали в своей трактовке экономической истории, и которые они воспринимали как *критическое направление* по отношению к позитивистской историографии, стремящееся к созданию общих интерпретативных моделей и занятое поисками причин и объяснений закономерностей исторических процессов.

Социалистические или полумарксистские исторические исследования, которые уделяли особое внимание исследованию коллективных процессов, касающихся разнообразных социальных групп и классов, а также вставляли на защиту парадигм «глобальной истории», проблемной истории, критического подхода с перспективой создания действительно научной истории, естественно находили многообразные точки соприкосновения с первоначальным проектом «Анналов».

И, наконец, еще о двух предшествовавших «Анналам» «матрицах», благодаря которым в первой четверти XX века было подготовлено и распахано то поле, на котором потом взошли ростки «Анналов». Будучи связаны с журналом непосредственно через личностное общение их представителей, эти «матрицы» превратились в опоры, на которых выстроилось все предприятие проекта «Анналов». Помимо прочего, эти две «матрицы», в отличие от упомянутых раньше течений, являются уже органической частью самой истории «Анналов», именно они подготовили ее и осуществляли прямым и непосредственным образом.

Первая из них представлена новаторским и критическим проектом Анри Берра и его «Журнала исторического синтеза», основанного в 1900 г. Глобальная цель этого проекта, как признавал сам Берр в работе «Синтез в истории», состояла в том, чтобы придать истории *истинно научный* характер, который вывел бы ее как за пределы произвольных обобщений, как часто бывает в случае различных «философий истории», так и за пределы простой «монографической» работы по переписыванию фактов, как в случае позитивистской модели. Это означа-

70

Критический подход к истории французских «Анналов»

ло, что Анри Берру для утверждения его идейного проекта приходилось сражаться на *два фронта*. С одной стороны, он был хорошо образованным человеком, основательно знакомым с германоязычной исторической наукой того времени, которая с момента своего возникновения стремилась избежать риска превращения истории в ряд абстрактных, построенных *a priori* моделей, являвшихся плодами гениальности ее авторов, моделей, которые, превращаясь в различные варианты философии истории, использовали эмпирический материал только как способ утверждения собственной точности и истинности. Но, с другой стороны, Берр был хорошо знаком и с результатами этого подхода на французской почве - с французской позитивистской историей, которая была занята бессмысленным собирательством документов и фактов. Он ставил перед собой задачу преодолеть этот подход, оставляя его лишь как подготовительный этап, который хотя и необходим для исторического исследования, но не является еще подлинной исторической работой.

Вследствие чего, пытаясь выйти за рамки этих двух подходов к истории, которые Анри Берр

называет «донаучными», он предлагал другой, собственный подход, названный им историческим синтезом, который включал в себя тщательное построение моделей и исторических обобщений, полученных на основе анализа и исследования фактов («ученый» синтез), которые в этом случае получили бы должное объяснение и приобрели более общий, или универсальный, смысл. Повторяя знаменитую фразу предшествующей эпохи, которая гласила, что «нет никакой науки, кроме универсальной», Анри Берр именно на исторический синтез возлагал задачу получить - наконец-то, и впервые - ответ на те великие вопросы, которые в течение долгого времени находились в ведении философии, вопросы, на которые, по его мнению, справедливый ответ могла дать лишь наука история.

И чтобы этот исторический синтез, означавший первый шаг на пути превращения истории в истинную науку, был способен давать ответы на великие вопросы человеческого духа, которые всегда ранее являлись предметом философского раз-

Глава 2

71

мышления, было необходимо сначала произвести основательную реструктуризацию *всех* существующих общественных наук, которые в разной мере и самыми разными способами, применяемыми в соответствующих областях, могут быть использованы и преобразованы для участия в глобальном проекте новой масштабной интерпретации истории, которая является этим самым историческим синтезом. Это, помимо всего прочего, было одной из основных линий аргументации в вышеупомянутой главной работе Берра «Синтез в истории».

И наконец, поскольку речь шла об истории как науке, об общем подходе, объясняющем и дающем понимание того, как протекают масштабные процессы в человеческой истории, эта идея проявилась также в проекте многотомного энциклопедического издания, руководимого тем же Берром «Эволюция человечества», собрании, которое в ста томах должно было представить человеческую «одиссею» в русле универсальной истории. Отсюда становится понятным, почему этот автор посвятил значительную часть своей главной работы «Синтез в истории» проблеме поиска причинности в истории, относительно чего он выстроил очень подробную и сложную схему, в которой различаются причины возможные (или квоты), причины обуславливающие (или необходимые) и закономерные (или логические) причины исторических событий и исторических процессов.

То есть в данном случае мы имеем дело с интеллектуальной матрицей, имеющей много точек прямого совпадения с теми взглядами, которые разделяли основатели «Анналов».

Итак, яростно настаивая на *научном* характере истории, тщательно исследуя проблему исторической причинности, устанавливая право истории вести диалог со всеми остальными социальными науками, а также критикуя ограничения и позиции германоязычной позитивистской истории и философии истории, Анри Берр и вся группа «Журнала исторического синтеза» реализовали и открыли ряд путей и областей, которые, будучи переформулированы и углублены под более радикальным углом зрения, оказались существенными составляющими чертами первых «Анналов» 1930-х годов.

72

Критический подход к истории французских «Анналов»

Кроме того, в чисто практическом смысле, важно отметить, что среди учредителей журнала присутствовал тот же Берр. Сфера деятельности Анри Берра охватывала не только «Журнал исторического синтеза» и издание собрания «Эволюция человечества», он также основал Международный центр исторического синтеза, организовал знаменитые «Международные недели синтеза» и выпускал «Исторический словарь», в котором сотрудничал в основном Люсьен Февр, но также, хотя в меньшей степени, и Марк Блок. В русле того же сотрудничества были изданы некоторые первые книги и очерки основателей «Анналов», а также такие важные труды, как «Феодальное общество» Марка Блока и «Религия Рабле. Проблема религиозного неверия в XVI веке» Люсьена Февра.

Оба они участвовали в «неделях синтеза» и, самое главное, сотрудничали с «Журналом исторического синтеза», именно он послужил им образцом, именно его деятельность два основателя нового журнала *Annales d'Histoire Economique et Sociale* хотели восстановить и продублировать на новой почве, в среде французской интеллигенции.

Наряду с ценными уроками, полученными в наследство от группы Анри Берра, первые

представители «Анналов» унаследовали также и некоторые из их ограничений, на что впоследствии указывал Фернан Бродель и другие авторы. Анри Берр был представителем такого подхода к истории, который был еще чрезмерно перегружен философскими метаниями и носил отпечаток философского размышления, что в итоге дает много раздумий об истории религий, идей и науки, зато меньшее внимание уделяет развитию новых экономических и социальных областей исследования в истории. Проект Берра, в итоге, оказался планом преобразования исторической науки, который в основном, не был реализован. Со временем проект исторического синтеза превратился в предприятие одного человека и маленькой группы его верных последователей и приверженцев, что, в конце концов, обернулось излишним ригоризмом и схематизмом.

И одновременно совершенно ясно, что этот один из главных недостатков проекта Берра и исторического синтеза был в

Глава 2

73

большой степени восполнен вторым предшественником, или второй главной «матрицей», на основе которой возникли первые «Анналы». Главным действующим лицом этой второй матрицы был бельгийский историк Анри Пиренн, работу которого в целом вполне справедливо можно назвать трудом первооткрывателя или основателя новой экономической и социальной истории во франкоязычном культурном ареале.

Анри Пиренн оказался на некотором этапе его образования в русле германоязычной исторической науки и был связан напрямую с Карлом Лампрехтом. Впитав идеи Лампрехта, он стал, можно считать, законным и истинным отцом обновленной экономической истории во франкоязычных странах, истории, которая, отдаляясь от простого пересчета экономических данных и от построения статистических рядов и частных фактов, пробовала перейти к построению широких объяснительных моделей, которые бы объединили частные вопросы (рост торговли, изменения в денежном обращении, формы земельной собственности и хозяйства, взимание налогов и использование налогов как формы эксплуатации) для того, чтобы разработать теорию, в которой бы учитывались причины масштабных социальных преобразований в истории.

Эта масштабная социально-экономическая история открыла пространство диалога с марксистскими историками - что, кстати, подтверждается отнюдь не случайным фактом, что как в свое время Лампрехт, а затем и Пиренн в какие-то моменты были охарактеризованы как «марксистские историки» (не будучи ими в действительности) - и позволила выявить основное значение экономических факторов в общем течении исторических процессов, узаконивая необходимость (которая была подхвачена первыми «Анналами») поставить во главу угла развитие исследований, относящихся к научным направлениям, занятым изучением социально-экономической истории.

Отсюда логически вытекает тот факт, что уже в 1921 г. Марк Блок и Люсьен Февр предложили тому же Анри Пиренну встать во главе планируемого ими журнала (который появился восемь лет спустя), что бельгийский историк тесно сотрудничал с ними во время разработки этого проекта, что

74

Критический подход к истории французских л Анналов»

оба основателя «Анналов» постоянно с ним советовались, просили выслать им его статьи, уговаривали сотрудничать с ними. И хотя, как известно, Пиренн не согласился на место директора, он принимал участие в первом заседании редакционной коллегии «Анналов», будучи там единственным нефранцузским членом, и оказал покровительство журналу, опубликовав в первом его номере свою статью, а кроме того помог наладить связи журнала с целым рядом своих коллег-историков, проживавших в Бельгии.

Пиренн не только участвовал, и очень активно, в реальном организационном построении первоначальных «Анналов», но и передал журналу одну из своих собственных самых характерных и фундаментальных черт, а именно, интерес к развитию и построению новой социально-экономической истории, и это характерное направление было блестяще развернуто сначала Марком Блоком, а позже Фернаном Броделем.

Труды Пиренна богаты идеями и моделями, в частности, он уделял большое внимание

интерпретативному характеру работы историка. В его монументальной «Истории Бельгии», как и в его знаменитой незаконченной работе «Магомет и Карл Великий», ясно видно, что главное, к чему стремится бельгийский историк, состоит в том, чтобы выработать масштабную глобальную гипотезу, которая может объединить и включить в себя целый набор менее масштабных гипотез, чтобы в конце концов упорядочить все факты и исторические данные и поместить их в логически связную схему, которая давала бы углубленное понимание смысла главных насущных проблем и ключевых моментов.

А потому не случайно, что глобальная гипотеза, содержащаяся в труде Пиренна «Магомет и Карл Великий», даже будучи тысячу раз подвергнута критике и отвергнута, или тысячу раз вновь поднята на щит и одобрена, тем не менее продолжает оставаться одной из *двух* возможных общих моделей объяснения периода детства западноевропейской цивилизации. Вторая глобальная модель была построена Марком Блоком в его книге «Феодальное общество». Или такой еще факт, что некоторые из крупных его идей, высказанных в «Истории

Бель-
Глава 2
75

гии», - как, например, идея о двух Европах, северной (нордической) и средиземноморской, которые сосуществуют, противостоя и ведя диалог в микрокосмосе бельгийской нации, или его примеры, содержащиеся в «Магомете и Карле Великом», которые превращают Средиземное море в реальное и активное историческое действующее лицо в эволюционной драме европейской цивилизации - по сей день остаются плодотворными идеями, вызывающими споры гипотезами, подхваченными следующими поколениями историков (например, тем же Фернаном Броделем) и продолжающими вдохновлять самые современные исторические исследования.

Следует также заметить, что именно Анри Пиренн был самым первым энергичным защитником идеи введения сравнительного метода в историческое исследование. Это ясно не только благодаря его знаменитому выступлению 1923 года, посвященному этой проблеме, но и потому, что он сам систематически применял сравнительный метод в ряде своих главных работ. К примеру, утверждая, что «нет истории Бельгии, которая не была бы в то же время историей Европы» Пиренн не только сломал традиционные националистические ограничения многих историков, но также открыл дверь исследованиям, сравнивающим валлонскую Бельгию с Бельгией фламандской, и, более того, систематическому и плодотворному сравнительному анализу двух противостоящих Европ, аналогично двум частям Бельгии; ему же мы обязаны сравнениями различных эволюционных линий бельгийской истории : соответствующими линиями эволюции немецкой, французской, голландской и западноевропейской истории в целом.

Этот подход будет повторен потом как в сравнительном анализе того, насколько различный эффект произвели германские, а затем мусульманские вторжения на регионы средиземноморской Европы и на само Средиземное море, так и в прекрасном исследовании по - в чем-то общей, а в чем-то сильно отличающейся — истории различных средневековых городов. Систематическое плодотворное использование сравнительного метода характерно для Люсьена Февра и для Марка Блока, а позже и для Фернана Броделя.

76

Критический подход к истории французских «Анналов»

Таким образом, Пиренн, которой передал зарождающемуся проекту «Анналов» опыт исследований в экономической и социальной истории, наряду с интерпретативным подходом и сравнительным методом, является вторым непосредственным предшественником, на который опирались «Анналы» на первом этапе своего существования.

И так же, как в случае Анри Берра, «Анналы», используя наследие Пиренна, придали ему более радикальный и углубленный смысл, развив на этой основе значительно более глобальный подход к экономической и социальной истории, чем тот, что достался им в наследство от бельгийского историка. Они подвели более широкую теоретическую основу под сравнительный анализ и рассмотрели сложности его применения в исторических исследованиях, опираясь на наиболее зрелые и новаторские труды самого Пиренна, а именно на те, что были созданы уже после первой мировой войны. Эти труды, которые вышли за

пределы Бельгии и были признаны в академических сферах всего франкоязычного региона, «Анналы» использовали в качестве коллективного объединяющего ядра для своего значительно более широкого идейного проекта.

Итак, вооружившись элементами наследства этих двух прямых своих предшественников, и имея в целом поддержку или установленные связи, как со всем спектром направлений германоязычной и франкоязычной исторической науки, так и с общественными науками во Франции в целом, наконец, 15 января 1929 года впервые вышли в свет знаменитые ныне *Annales d'Histoire Economique et Sociale*.

Глава 3

Первые «Анналы» (1929-1941): революция в теории истории

Если мы хотим правильно понять значение «Анналов» для развития исторических исследований XX века, как и ту общую роль, которую они сыграли в исторической науке, мы должны исходить из факта, что рождение «Анналов» как исторического направления в январе 1929 года представляло собой подлинную *революцию в теории истории*.

Это был радикальный и полный переворот всех до тех пор *господствующих* представлений о том, как следует изучать историю и в чем заключается работа историка. Этот переворот невозможно сравнить ни с одним из последующих достаточно важных изменений в «образе действий» в сфере исторического исследования, которые произошли в исторической науке в течение XX века. Величина и значение того переворота сравнимы разве что с другой великой революцией в теории истории, произошедшей в XIX веке в связи с возникновением и развитием марксистского понимания истории. Но здесь имеется существенное различие - вышеупомянутое развитие марксистской истории шло, начиная с его зарождения и до достаточно позднего времени, совершенно *вне* академических и университетских кругов, разворачиваясь в Западной Европе и по всему миру в основном в сфере политических и социальных движений протеста против существующего государственного строя.

И это значит, что, если под смыслом и манерой исторической работы мы подразумеваем прежде всего историческую практику, доминирующую внутри этих академических и университетских кругов, в которых осуществляется большая часть

78

Критический подход к истории французских л Анналов»

исторических исследований, то мы ясно увидим, что один способ, один подход к истории существовал до «Анналов» и совершенно другой - после, а между ними была революция в истории, начавшаяся с возникновением этого направления, и, в результате, у нас имеются два совершенно различных стиля исторической работы и понимания того, чем занимается историк; один подход и понимание ассоциируется с этим «раньше, или до», а другой - с «после».

Подлинная революция в исторической науке XX века, конечно, вовсе не означает, что «Анналы» изобрели вдруг «все на свете» из «ничего», или что этот проект был абсолютно оригинальным, нет, это означает лишь, что именно в тот период и именно с возникновением «Анналов» процесс преобразования, давно уже шедший в исторической науке, достиг точки конденсации, и из науки, относящейся к XIX столетию, она превратилась в новую науку, соответствующую требованиям XX века.

Мы уже рассмотрели достаточно подробно весь ряд предшественников и идейные корни, без которых было бы невозможным возникновение «Анналов», и совершенно очевидно, что речь шла всегда о предшественниках и об интеллектуальных прецедентах, которые не играли доминирующей роли внутри историографии, будучи скорее маргинальными, критическими проектами, противоборствующими установленной, официальной линии в исторической науке - и, следовательно, проводниками самых важных нововведений.

Это проекты по различным причинам не смогли создать сильную новую альтернативную модель истории, которая смогла бы эффективно прийти на смену позитивистской доминирующей модели. Эти проекты сыграли скорее роль «растворяющих элементов», постепенно размывая фундамент, на котором покоилось главенствующее позитивистское направление в исторических исследованиях, и одновременно приводя к постепенному накоплению небольших изменений, подготавливавших почву грядущих крупных преобразований.

Итак, как мы уже упомянули, марксизм, вплоть до 1929 года, практически не признавался в академических и университетских кругах, воздействуя лишь косвенным образом или через по-

средников на общий стиль исторических работ и на тех, кто занимался исторической работой, то есть на историков, число которых к этому времени намного увеличилось, как в Западной Европе, так и во всем западном мире. С другой стороны, имелись также работы академическо-критического направления в русле самой германской историографии, которые, хотя отличались большой фундаментальностью и основательностью в критике ограничений позитивистского подхода, но не смогли преодолеть маргинального положения внутри исторической науки, являясь в большей степени плодом работы отдельных выдающихся интеллектуалов или ярких индивидуальностей, чем результатом коллективных усилий в русле стандартизированного проекта, а потому, в итоге, не были способны заменить основную доминирующую позитивистскую линию. Наконец, выше мы уже рассмотрели роль, сыгранную двумя новаторскими проектами обновления исторической науки во франкоязычном регионе, которые не смогли добиться радикального изменения: в одном случае из-за узкого территориального охвата (случай Анри Пиренна и его школы), в другом - в результате несколько абстрактного и расплывчатого смысла самого проекта (журнал *Revue de Synthèse*, руководимый Анри Берром).

Таким образом, вобрав в себя все эти импульсы и методы преодоления доминирующей модели, и одновременно выстроив новую структуру внутри глобальной и связанной модели с новыми эпистемологическими обоснованиями, «Анналы», являясь коллективным проектом, обозначили истинную революцию в теории истории. Это означало конец позитивистской доминирующей модели и конец гегемонии германоязычного мира в исторической науке, на смену им пришла новая франкоязычная гегемония, группировавшаяся вокруг анналистской исторической модели, которой предстояло в будущем постепенно завоевать академические исторические круги Франции, Западной Европы и всего западного мира.

И это позволяет нам более точно охарактеризовать смысл этой революции. Это был, во-первых, революционный поворот *по отношению* к доминирующей тогда позитивистской модели, против которой он и был направлен. Во-вторых, это ста-

80

Критический подход к истории французских «Анналов»

ло радикальным изменением *внутри* исторической науки, практиковавшейся в западноевропейских академических и университетских кругах, благодаря чему впоследствии некоторые пункты ее позиций удивительным образом совпали также с некоторыми центральными положениями революционного и радикального проекта, который существовал уже в течении семидесяти или восьмидесяти лет вне академической сферы - речь идет об интеллектуальных идеях марксизма. И наконец, в-третьих, следует заметить, что это была революция в исторической науке, развернувшаяся прежде всего внутри *французского* мира, вследствие чего она имела ясный отпечаток латинско-средиземноморской западноевропейской культуры, и потому отнюдь не случайно, что широкое распространение она получила именно в этом культурном ареале.

Но эта антипозитивистская, академическая революция, носящая явный отпечаток французского духа и культуры - и это является характерным моментом её развития - представляла собой одновременно, на более глубоком уровне, реальный переход от устаревшей историографии XIX века к исторической науке XX века и зарождение нового доминирующего центра, который просуществовал на протяжении всего исторического столетия, закончившегося в 1989 году. В момент её возникновения все имевшиеся многообразные линии возможных эволюционных преобразований пересеклись в проекте «Анналов» и смогли, наконец, противостоять комплексу схем, которые характеризовали позитивистскую модель (тогда все еще доминирующую). В позитивистском подходе были обобщены и зафиксированы все прогрессивные достижения XIX века, но уже сразу после первой мировой войны и русской революции, открывающих исторический XX век, этот подход оказался не соответствующим духу времени, на ходу превращаясь в анахронизм. Итак, двигаясь собственным путем и вооружившись как собственными средствами, так и многим из того, что уже было открыто ранее новаторским и фундаментальным проектом первоначального марксизма, а также заимствовав определенные модели из наследия

академическо-критических кругов герма-ноязычного и франкоязычного региона, «Анналы» полностью

Глава 3

81

перевернули старое понимание смысла и задач науки истории и работы историка, и выступили против позитивистской концепции, относящейся к XIX веку, аккумулировав в своем направлении целый ряд предыдущих проектов. (См. схему 2).

Схема 1. РЕВОЛЮЦИЯ «АННАЛОВ» В ОТНОШЕНИИ ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ПОЗИТИВИСТСКАЯ МОДЕЛЬ
АННАЛИСТСКАЯ МОДЕЛЬ

1. Предмет исторического исследования: прошлое, зафиксированное в письменных источниках.

Определение истории: наука о прошлом.

2. Цель исторического исследования: рассказ о «великих» исторических событиях. Политическая, военная, дипломатическая и биографическая история.

3. Сфера исследования: история непосредственно «видимых», «поверхностных» фактов и событий, великих свершений.

4. Понятие «времени»: модернистско-буржуазная идея времени (ньютоновская модель). Изучение «короткого» событийного времени. Присущая XIX веку идея прогресса как движения простого, линейного, кумулятивного и восходящего.

5. Источники: исследование истории основывается исключительно на изучении письменных документов.

6. Приемы исследования: историк опирается на внутреннюю и внешнюю критику документа, на дипломатику, нумизматику и палеографию.

1. Предмет исторического исследования: настоящее, прошлое и «предыстория» человечества. Определение истории: наука о людях, существующих во времени.

2. Цель исторического исследования: понимание масштабных социальных процессов. История социальная, экономическая, культурная, история власти.

3. Сфера исследования: история глубинных структур, скрытых реальностей, длительных периодов и коллективных процессов.

4. Понимание «времени»: разбиение времени на множество различных времен, создание нового понятия времени и длительности. Анализ и конъюнктур, и долговременных исторических процессов. Критика и преодоление идеи линейного прогресса.

5. Источники: число исследуемых источников увеличивается как за счет открытия новых, так и вследствие новых способов интерпретации старых.

6. Приемы исследования: историк использует множество методов -аэрофотосъемка, дендрохронология, серийные методы, иконография, компьютерные программы и т.д.

82

Критический подход к истории французских «Анналов»

7. Отношение к первичному материалу: историк претендует на «нейтральность» и абсолютную «объективность» в отношении своего объекта.

8. Области исследования: темы исследования четко установлены, ограничены самим определением цели истории и собственным объектом. История рассматривает изолированные проблемы и замыкается в жестких временных, пространственных и тематических рамках.

9. Проецируемый вовне образ: специализированная история, которая занимается строго ограниченным фрагментом социального мира.

10. Отношение к другим социальным наукам: история является изолированной и автономной дисциплиной, без каких-либо связей с другими общественными науками.

11. Статус истории: история как нечто среднее между искусством и наукой, силящаяся имитировать - без какой-либо критики - модель естественных наук.

12. Результаты исторических исследований: история, которая развивает интерпретативный метод, создавая глобальные модели, гипотезы и объяснения.

13. Отношение к фактам: история критическая, которая деконструирует свидетельства, выявляет скрытые в них предположения и допущения, ставит под сомнение общепринятые взгляды и противостоит им.

7. Отношение к первичному материалу: историк осознает и признает свои предвзятости, предрасположенности и различные ограничения.

8. Области исследования: история, которая считает, что все, что касается человечества, является объектом истории, признает глобальный подход, использует сравнительный метод, постоянно преодолевает хронологические, пространственные и тематические границы.

9. Проецируемый вовне образ: история, находящаяся в процессе построения, открытая, обновляющаяся и обогащающаяся с каждым новым поколением.

10. Отношение к другим социальным наукам: история, открытая для постоянного диалога и взаимного обмена с другими общественными науками.

11. Статус истории: история, которая осознает себя наукой или научным проектом и стремится определить свою специфику по отношению к естественнонаучной модели.

12. Результаты исторических исследований: история, которая развивает интерпретативный метод, создавая глобальные модели, гипотезы и объяснения.

13. Отношение к фактам: история критическая, которая деконструирует свидетельства, выявляет скрытые в них предположения и допущения, ставит под сомнение общепринятые взгляды и противостоит им.

Глава 3

83

Таким образом, принципиальные и решительные изменения, которые (в области исторического исследования) были в общих контурах разработаны еще при возникновении и развитии материалистического подхода к истории Карла Маркса, затронули академические и университетские круги западноевропейской историографии лишь восемь десятилетий спустя, и произошло это именно благодаря той революции в теории истории, которую осуществили первые «Анналы», или *Annales d'Histoire Economique et Sociale*, — революцию, которая носила яркий отпечаток французско-средиземноморской культуры и имела четкую антипозитивистскую направленность.

Эта революция, используя и усилив те позиции, что высказывались ранее в критических и маргинальных течениях внутри германоязычной и франкоязычной исторической науки, определила *главные характерные черты общего стиля исторических исследований*, который стал типичным для XX века. И с этой точки зрения становится понятно, почему *все* новаторские проекты, что возникали в Западной Европе и во всем западном мире на протяжении «короткого XX века», границы которого очерчены 1914-1917 гг и 1989 годом, в определенной мере, либо прямо проистекали, либо косвенным образом имели отношение к направлению «Анналов», и, в особенности, к тем их достижениям, что относятся к периоду с 1929 до 1968 г. Идет ли речь об итальянской «микроистории» или о различных подходах в британской социальной истории, равно как о русской исторической антропологии, или новой радикальной североамериканской исторической школе, а также о региональных латиноамериканских исторических исследованиях, и многих других, все они явным образом всегда декларируют либо совпадение своих точек зрения, либо свои разногласия с «первыми» и «вторыми» «Анналами», и в то же время, всегда воспроизводят, с присущими им оригинальными оттенками, те линии, что мы уже свели в вышеприведенную схему «анналистской модели». Революция в теории истории, методологическое и эпистемологическое твердое ядро которой было создано из ряда фундаментальных парадигм, обеспечила прочную опору всем ли-

84

Критический подход к истории французских * Анналов

ниям упомянутой «анналистской модели» и открыла новые концептуальные горизонты для всех тех, кто, начиная с этого момента и в течение всего XX века, будет практиковаться в «ремесле историка». Эти парадигмы включают в себя и сравнительный метод, и подход с точки зрения глобальной истории, и постулаты интерпретативной истории или «истории-проблемы», и отстаивание идеи открытости истории по отношению к другим дисциплинам, и, наконец, теорию существования различных «времен» и «времени большой длительности». Для представителей первых «Анналов», история, которая является истинно научной, должна была быть историей, которая в полной мере использовала достижения сравнительного анализа. В этом вопросе они опирались как на знаменитое выступление Анри Пиренна в Брюсселе в 1923 г. на тему «О сравнительном методе в истории», так и на опыт других общественных наук, таких как социология, этнология, лингвистика или литература, которые в тот же самый период ассимилируют и преобразуют внутри соответствующих научных сфер все тот же сравнительный метод. Представители первых «Анналов» и, в особенности, Марк Блок, углубил и творчески развил главную методологическую парадигму их идейного проекта. Блок в своей знаменитой статье 1928 года, озаглавленной «О сравнительном методе в применении к западноевропейской истории», дал самое ясное и до сегодняшнего дня остающееся наилучшим определение того, в чем состоит сравнительный метод в истории. Он пишет: «Прежде всего, что означает сравнительный метод в тех областях, что находятся в ведении историков? Безусловно, следующее: выбрать в одной или нескольких социальных сферах два или более явления, которые на первый взгляд имеют между собой некие аналогии, описать затем их эволюцию, подтвердить наличие определенного сходства и определенных различий и, по мере возможности, попытаться объяснить те и другие». То есть при использовании сравнительного методу следует избегать «фальшивого сравнения», когда

пробуют сопоставлять явления, не обладающие между собой никаким сходством. Это подразумевает, что не все сравнимо со всем. Но в то же время сравнительный метод это не простое

Глава

85

«рассуждение по аналогии», где сходство возникает в силу того, что сравниваются два или большее количество явлений, относящихся к одной и той же социальной среде, и, где сравнение бесплодно, так как сходство в таком случае проистекает из того, что все эти явления относятся к одной и той же социальной реальности.

В таком случае, раз сравнительный метод состоит в установлении как сходства, так и различий между историческими явлениями, и, одновременно, в поисках объяснений для этих сходств и различий, то становится очевидным, что одним из самых важных результатов систематического применения сравнительного метода в истории будет обретение умения определять общее, характерное, универсальное, что присуще ряду фактов, явлений и исторических процессов, и отличать это общее от частных, единичных или индивидуальных черт. Это умение различать, которое, как нам известно, оказывается принципиальным для любого историка.

От этого, в частности, зависит построение моделей и общих интерпретаций в историческом исследовании. И если Анри Берр и Анри Пиренн повторяли, что «нет никакой науки, кроме универсальной», то понятно, что превратить историю в истинную науку, можно лишь опираясь на сравнительный метод. Потому что, как иначе Марк Блок смог бы построить глобальную интерпретативную модель феодального общества Западной Европы, если бы он не пользовался (в частности, в своем историческом исследовании средневековья) сравнительным анализом развития различных областей и районов Франции, Италии, Испании, Германии, Англии и т. д.?

Но эта тщательная работа по разграничению частного и общего включала в себя также и элементы решения более крупных вопросов: проблемы причинности в истории, поисков закономерности и повторяемости в ходе исторических процессов, проблемы исторического детерминизма. Поскольку, лишь опираясь на идею причинности или детерминированности исторического процесса, можно переходить к определению общих тенденций и постулировать возможные исторические закономерности, которые описываются общей эволюционной

86

Критический подход к истории французских «Анналов»

кривой. Это те темы, которые Марк Блок поднял в своей незаконченной «Апологии истории», а Люсьен Февр в сборниках статей «Бои за историю» и «За целостный подход в истории», которые прямо связаны с обращением к сравнительному методу в истории.

Следовательно, применение сравнительного метода в истории состоит в том, чтобы пролить новый свет на историческую реальность, представить ее в новом ракурсе. Это во многих случаях позволяет обнаружить, что те факты или явления, которые раньше казались анекдотическими или незначительными, являются важными и существенными, или, напротив, что те черты, что прежде казались оригинальными или уникальными, оказываются общими, а не особенными чертами и имеют более широкое распространение, или что ситуации и факты, которые выглядели странными или необычными, имеют простое логическое объяснение. Эффективность такого подхода и его результаты прекрасно проиллюстрированы в работе Марка Блока «*Короли-чудотворцы*».

Именно таким образом, путем последовательного перехода от сравнения к сравнению, могут быть зафиксированы и обозначены области существования некоего феномена, а также его временные рамки, и в результате, исходя из этих установленных пространственных и временных пределов, можно уже с большей легкостью связать определенное локальное явление или процесс с соответствующими ему более «глобальными» процессами.

Вторая парадигма «Анналов» 1929-1941 годов - это подход к истории, понимаемой как «глобальная» или «целостная» («тотальная») история. Эти термины много раз интерпретировались неверно, иногда в том смысле, как будто речь идет о простых эквивалентах стандартной общей истории, или, при другом подходе, о *всеобщей истории*. Так происходит потому, что в подтексте терминов «глобальный» или «целостный» содержатся два тесно

связанных, но в то же время ясно дифференцированных определения.

Почему историческое исследование, как оно понимается первыми «Анналами», является «глобальным»? Во-первых, из-

Глава 3

87

за размеров объекта исследования, которое оно вмещает. Это исследование разворачивается на некоем пространстве, территории, и в это пространство включается все то, что изменялось, преобразовывалось, производилось и мыслилось людьми, начиная с самой далекой и первоначальной «доисторической эпохи» и вплоть до самого непосредственного настоящего. «Наука о людях, существующих во времени», как ее определил Блок, и потому внимательная ко всему, что оставляет след во времени - не важно в какой социальной плоскости, и в то же время включающая в себя все временные отрезки, связанные с пространством человеческого существования и охватывающие самые различные эпохи, начиная со времени превращения обезьяны в человека и вплоть до первых лет третьего тысячелетия.

«Глобальная история» утверждает, что все, что касается человека и все, что его окружает в любой эпохе, является вполне *уместным и возможным* объектом исторического анализа. Это, однако, не означает, что все, что касается жизни человека или его окружающей среды, равнозначно в качестве объектов исследования. Кроме того, это вовсе не объясняет нам масштабные эволюционные процессы, затрагивающие общество или человека. «Глобальная история» не является идентичной ни «всеобщей истории», поскольку в этот *дескриптивный* термин включается обычно история всех народов, рас, империй, государств и человеческих групп, которые существовали с древних времен и до наших дней. Она также не совпадает с «общей историей» — под этим термином, *скрытом в подтексте* слова «глобальный», подразумевается обычно весь набор событий, фактов и реалий данной эпохи, или иногда под этим подразумеваются жизнь и деятельность некоего исторического лица, или история некоторого явления, или любого другого исторического феномена. Глобальная же история — сложное и тщательно разработанное понятие, подразумевающее совокупную иерархизированную целостность («тотальность»), наделенную определенным смыслом, которая именно и является «работой людей во времени». И, следовательно, подход с точки зрения глобальной истории является открытием территории, где на-

88

Критический подход к истории французских «Анналов»

личествуют как фундаментальные явления, так и менее важные и значимые, где имеются определяющие и определяемые элементы, в иерархии которой есть также малые самодостаточные целостности, но есть и другие реалии, которые не содержат в себе самоопределяющего начала.

И это нас приводит ко второму специфическому значению «глобальной истории». А именно, в эпистемологическом смысле, в смысле подхода к проблеме, она является ответом на необходимое требование всегда рассматривать проблему или исследуемую тему, помещая ее внутри целого ряда последовательных совокупных целостностей, которые ее окружают. Заниматься глобальной историей не означает заниматься всеобщей историей, то есть это не связано с многообразными историями развития каждой человеческой группы во времени. Подход «глобальной истории» не имеет также отношения к точке зрения общей истории, занятой до бесконечности утомительным и бесплодным собирательством всех фактов и сопутствующих явлений внутри общества, или социального слоя, или данной эпохи. Заниматься глобальной историей, как сказал Фернан Бродель, означает «систематически преодолевать границы», характерные для исследования данной проблемы, объясняя её связи и отношения с различными совокупными целостностями, которые ей соответствуют. Итак, мы имеем дело с необходимым тройственным разделением - пространственным, временным и тематическим - феномена или проблемы, подлежащей исследованию. Что делает глобальная история? Ее задача состоит в том, чтобы снова охватить проблему с точки зрения совокупной целостности (об этом в свое время говорил еще Маркс),

перестраивая линии связей этого феномена в первую очередь с ограничивающими целостностями, которые ей соответствуют. К ним относятся: во-первых, пространственная целостность, или самое общее влияние, которое как бы окутывает этот феномен со всех сторон. Во-вторых, временная целостность, начальная граница которой соответствует началу феномена или его происхождению, а конечная граница - самым последним видимым следам его действия, или последствий его действия. В-третьих,

Глава 3

89

тематическая целостность всего набора реалий или фактов, которые вначале объединяются каким-либо существенным способом с данной проблемой или феноменом, и только потом - с глобальной совокупной целостностью («тотальностью»), которая идет всегда последней — это и есть многократно упомянутая «работа людей во времени».

Подход с точки зрения глобальной истории подразумевает, следовательно, что общественные науки не должны быть разделенными на отдельные сферы или области: науку экономическую или политическую, или историческую, или психологическую и т.д., и т.д.. Наука в целом должна сконцентрироваться вокруг определенных *проблем*, которые всегда являются «многофасеточными», или многогранными, а впоследствии и сама социальная наука, изучающая эти проблемы, должна превратиться в «унидисциплинарную» и «глобальную». Потому что, как подчеркивал Фернан Бродель, существует *лишь одна* социальная реальность, «один только пейзаж», который различные научные дисциплины видят каждая со своей стороны и не в полном объеме, а частично, поскольку смотрят на него с разных точек зрения. И, наконец, третья парадигма, которую стремились ввести первые «Анналы», это так называемая «интерпретативная» история, или «история-проблема». Этот подход к истории перекликается с тезисом, высказанным Анри Пиренком, который утверждал, что «ядро» работы историка заключается не в знаниях, а именно в интерпретации. То же самое утверждал и Анри Берр, который считал, что именно интерпретация позволяет перейти от простого «ученого синтеза» к истинному «научному синтезу». «Анналами» этот тезис был доведен *до логического конца*. Они постулировали, что интерпретация является не только ядром, или самой важной частью исторической практики, или условием преобразования обычной учености в настоящую науку, но скорее *самой сущностью и главным определяющим моментом* всей исследовательской деятельности историка.

Если прежняя историческая наука видела в интерпретации некий момент, стоящий на втором месте в работе ученого, и, следовательно, совпадавший с окончанием или завершением

90

Критический подход к истории французских «Анналов»

исторического исследования, то «Анналы» коренным образом изменили этот тезис, утверждая, что интерпретация - это отправной пункт исторического исследования, который, помимо того, присутствует и на всем протяжении исторической работы.

В связи с этим возникло и определение «история - проблема», так как этот тезис подразумевает, что историческое исследование «всегда исходит из проблемы», которую оно пробует решать, чтобы в результате обрести множество новых проблем. И отсюда же, из этого подхода, вытекает, что «реальность нам отвечает, лишь когда мы задаем ей вопросы», и что каждый «находит то, что ищет», и, следовательно, само историческое знание зависит напрямую и существенным образом от этой предварительной интерпретации, проявляющейся в гипотезах, вопросах, методах и инструментах анализа, которые историк уже имеет в своей голове в самый начальный момент, когда он только еще обращается к определенным источникам и различным историческим материалам.

Потому любое историческое исследование начинается со своего рода «анкеты», определенного «вопросника», который имплицитно подразумевает некий подход к теме исследования, заранее заданную постановку проблемы. Именно эта постановка проблемы определяет ту область предположений, в русле которых будут задаваться вопросы о том, что имеет значение, а что - нет, какие гипотезы могут быть приняты, а какие нет, а также весь набор пунктов и элементов, для которых нужно найти объяснение. Вопросник или анкета формируют проблему данного исторического исследования. Первые «Анналы» считали, что постановка проблемы определяет все дальнейшее направление научной работы и сами результаты исторического исследования. И это, впоследствии, стало первостепенным в практическом своде правил почитателей музы Клио.

Понятно далее, что, если постановка проблемы, или начальный вопросник, столь фундаментальным образом детерминирует процесс научной работы, то необходимо с максимальной строгостью детально разобраться с этим в самом начале исторической работы. И тогда, в объяснении и понимании предварительной постановки проблем ясно раскроется как прочность

Глава 3

91

образования и широта знаний каждого историка, так и, прежде всего, весь набор характерных пристрастий и склонностей, которые неизбежно вводятся от себя историком еще до обращения к материалу. Потому что наперекор бесхитроственному взгляду позитивистов, которые стремились к абсолютной нейтральности историка по отношению к теме исследования и мечтали также об абсолютной объективности его результатов, подход к историческому исследованию с точки зрения «истории-проблемы» утверждает, напротив, что сам историк «порождает исторические факты», выстраивая, наряду с процедурами и техникой анализа, «объекты» и «проблемы», которые он будет исследовать, чтобы получить в итоге набор гипотез, моделей и глобальных объяснений, также построенных им самим и, следовательно, также имеющих определенную «направленность», являющуюся результатом его деятельности или вмешательства.

Тогда, поскольку в природе не существует чистых, «асептических» отношений между историком и его «сырьем», историческая работа всегда и неизбежно будет носить отпечаток многообразных характерных «направленностей» её создателей. Эта «направленность» начинается с характерных черт эпохи, к которой принадлежит данный историк - в связи с чем Блок вспоминал знаменитую присказку о том, что люди являются столь же детьми своего времени, как и своих родителей. Эти характерные «направленности» диктуют отчасти критерии выбора интересующих его проблем, что иногда связано с биографией историка или с его личной судьбой, которая приводит одних к тому, чтобы они заинтересовались культурой или политикой, а других - к заинтересованности в изучении экономики или социальной борьбы. Несомненно, что эти «направленности» зависят и от происхождения и от социального слоя, к которому принадлежит историк, но также и от конъюнктуры — социальной или культурной ситуации, от общего положения в мире или стране, коллективного, а также от индивидуального практического опыта.

Другая существенная функция вопросника, анкеты или изначальной постановки проблемы состоит в том, что таким образом специфическая «направленность» историка прояс-

92

Критический подход к истории французских «Анналов»

няется и переводится на сознательный уровень. Эта «направленность», или определенная ограниченность, является не такой, что приводит к абсолютному релятивизму исторических результатов, как это можно наблюдать в недавних постмодернистских взглядах на историю: скорее, она приводит к элементарному пониманию того, что любая историческая правда, как и истина вообще, является относительной истиной, и что, следовательно, прогресс исторического знания, как и прогресс в целом, реальный прогресс - не простое линейное и необратимое движение вперед, а сложное, полное отступлений, неожиданных зигзагов и многообразных ответвлений, движение. Восходящую же поступь прогресса можно увидеть, лишь наблюдая за самой глобальной обобщающей траекторией этого движения.

Четвертая парадигма нового исторического знания, выдвинутая «Анналами» в период с 1929

по 1941 год — это идея открытости исторической науки, или идея истории, всегда находящейся в процессе построения, истории, которая всегда строится.

Это связано с тем, что новый тип истории, который они стремились утвердить - это и есть исторический подход, использующий сравнительный анализ, подход с точки зрения «глобальной» истории и с точки зрения «истории-проблемы», о которых мы только что говорили. Хотя этот тип истории появился в виде проекта во второй половине XIX века, ведя свое происхождение от первоначального марксизма, но в академических и университетских кругах, занимающихся исторической наукой, он начал утверждаться совсем недавно. Следовательно, эта историческая наука, которую отстаивали первые «Анналы», не могла быть ничем иным, как «молодой» историей, историей, находящейся все еще в процессе построения, в поисках определения своих собственных окончательных и фундаментальных черт.

И, таким образом, эта новая наука история посвятила себя постоянному открытию новых горизонтов и тому, чтобы исследовать и колонизировать многообразные новые территории, которые открывало каждое последующее поколение историков.

Эта задача, как показывает нам история направления «Анналов», а также и развитие всей исторической науки XX века,

Глава 3

93

выполнялась на протяжении последних восьмидесяти лет, обновляя с каждой новой исторической «конъюнктурой» темы и области исторического исследования.

И наряду с освоением новых областей и сфер применения обогащались также техника, процедуры, методологические парадигмы и модели, понятия и теории, которые использовались, применялись и присоединялись к науке истории. Начиная с техники радиоактивного анализа до дендрохронологии, с использования сравнительного анализа до современной «индексной парадигмы» итальянских микроисториков и с моделей феодального мира Пиренна или Блока до более современных моделей капитализма Броделя или Уоллерстайна, или моделей культурной истории Карло Гинзберга или Роже Шартье. Наука история на протяжении всего этого времени продолжала расширяться, переопределяться, углубляться и радикально преобразовываться, открывая дорогу развитию обширного корпуса технических, методологических и эпистемологических нововведений.

Таким образом, благодаря парадигме постоянно строящейся и обновляющейся истории, «Анналы», начиная с первого этапа, всегда имели первооткрывательский характер *незаконченного, в принципе, проекта исторической науки*, характер, который не только объясняет постоянное изменение и обновление, которые современная историческая наука переживала в последнем столетии, но позволяет предсказать также и ее ближайшее будущее. Как однажды заметил с легкой иронией Фер-нан Бродель, момент, когда мы найдем «хорошую науку» истории, придадим ей «окончательную форму», полностью освоим области принадлежащей ей огромной территории, создадим окончательно установленные «хорошие техники» и «хорошие методы», - этот момент все еще от нас далеко.

Скорее наоборот, поскольку история является «сгустком» всего самого «человеческого» во все времена, то её прогресс продолжает продвигаться вровень с развитием всех общественных наук, их преобразованием и продвижением вперед, конец чему пока что нам не виден.

Поэтому, как говорил Марк Блок, история «в смысле обоснованного предприятия анализа» все еще остается наукой, переживающей свой «детский» период,

94

Критический подход к истории французских «Анналов»

постоянно совершая новые открытия и новые находки в русле ее сложного самосозидания. Возможно, также и поэтому она не прекращает до конца свою борьбу с теми формами историографии, которые ей предшествовали, и с которыми она порвала столь радикальным способом. Поскольку, не сумев добиться полной консолидации вокруг данного «предприятия», носящего научный и критический характер, который отличает его от прежних позитивистских, эмпирических, легендарно-метафизических подходов, относящихся к XIX веку и предыдущим столетиям, эта новая история оставила незатронутым ряд областей, и в них продолжают процветать и выживать позитивистские, «монографические» и чисто

повествовательные, полностью анахроничные и лишенные содержания подходы, которые до сих пор являются активно действующими в историографии многих стран. И наконец, пятая парадигма, которая характеризует революцию в теории истории - парадигма существования различных исторических времен и «времени большой длительности».

Парадигма, которая, хотя наброски ряда ее существенных пунктов были сделаны еще в работах Марка Блока, но большой темой, присоединенной к истории направления, стала уже благодаря работам и очеркам Фернана Броделя, на втором этапе существования направления, который мы проанализируем в следующей главе.

Эти пять парадигм представляют собой прочное эпистемологическое ядро революции в теории истории, развернутой первыми «Анналами» и продолженной броделевскими. Эта революция и была главным вкладом «Анналов» в историческую науку XX века. Благодаря «Анналам» был также продвинут новый тип экономической и социальной истории и совершен ряд оригинальных и сверхноваторских прорывов в области культурной истории — то, что позже получило неверное наименование истории «ментальностей». В целом, направление «Анналов» оказало огромное влияние и привело к многочисленным преобразованиям как во французской, так и в средиземноморской, латиноамериканской, и наконец, в западноевропейской и, в целом, мировой исторической науке.

Глава 3

95

Революция, которая является прямым результатом сложного и плодотворного сотрудничества Марка Блока и Люсьена Февра, а также первых членов редакционной коллегии и сотрудников проекта, таких, как социолог дюркгеймовской школы Морис Хальбвакс, разделявший социалистические взгляды, или Анри Осер, возглавивший кафедру экономической истории в Сорбонне, хороший знаток Маркса, или Жорж Ле-февр и Эрнест Лябрусс, специализировавшиеся на изучении Французской революции и испытавшие сильное влияние марксистских идей, и т.д.

Это был коллективный, принципиально новаторский и революционный проект, первые идеи которого зародились сразу по окончании первой мировой войны, проект, который очень медленно пробивал себе путь к осуществлению. Впервые он был реализован только в 1929 году, а завершился весной 1941 года в результате идейного разрыва между Марком Блоком и Люсьеном Февром.

* * *

Тяжелый спор между Марком Блоком и Люсьеном Февром весной 1941 года по вопросу о том, следует ли временно прекратить или стоит все же продолжать дальнейшее издание «Анналов» в сложившейся тогда ситуации, неоднократно обсуждался впоследствии многими исследователями «Анналов», особенно в последнее десятилетие. Сам Люсьен Февр обратился к этому вопросу в 1945 году, затем, около 20 лет назад, появились интерпретации Алена Герро и Жозефа Фонтана, но в наибольшей степени этот вопрос обсуждался на протяжении последних десяти лет, когда этот разрыв стал предметом живой полемики между специалистами по истории «Анналов», полемики, в которой не только отражаются весьма различные интерпретации этого судьбоносного перекрестка в истории издания журнала, но также, как правило, высказываются различные глобальные оценки относительно самого движения анналистов.

Речь идет, несомненно, о *существеннейшем* моменте внутренней истории «Анналов», поскольку решение о дальнейшем пути журнала влекло за собой серьезные последствия: после

96

Критический подход к истории французских «Анналов»

взятия Парижа нацистами, захватившими половину французской территории, был издан указ от 3 октября 1940 года о статусе евреев, в котором им запрещалось сотрудничать в любых печатных изданиях, и тем более в руководстве периодическими изданиями. Поскольку Марк Блок с Люсьеном Февром были содиректорами, то журнал, называвшийся в то время «Анналы социальной истории» могли обвинить в том, что это - еврейское предприятие, и закрыть. Альтернатива была ясна: следовало либо временно приостановить его издание, как это сделал, например, *Revue de Synthèse*, руководимый Анри Берром, либо продолжать печатать

«Анналы», но убрать с обложки журнала имя Марка Блока, подчиняясь вышеупомянутым условиям, навязанным нацистами. Известно, что Марк Блок склонялся к первому варианту, считая второй «отречением» и «в какой-то мере дезертирством». Напротив, Люсьен Февр придерживался диаметрально противоположной точки зрения, он считал позицию Марка Блока «негативной позицией», которая «выступает в поддержку одного из тех "мифов незапятнанности", от которых не остается в истории ни следа», то есть он считал, что следует продолжать публикацию «Анналов», даже подчиняясь назначенным условиям. Таким образом, в тот момент, когда Февр утверждает, что «Анналы» должны продолжаться, так как это не только журнал, а «немного того вечного духа, который должен быть спасен», и подчеркивает, что смерть «Анналов» была бы «еще одной смертью для моей страны», Блок, напротив, полагает, что такая выживаемость журнала, выживаемость в данных обстоятельствах, была бы «уступкой, которая в моральном смысле более, чем жестока», это уступка, которая «на деле, я думаю, есть приговор».

В конце концов, возобладала точка зрения Люсьена Февра, и «Анналы» продолжали издаваться, хотя с большими трудностями и огромной нерегулярностью, в течение всей второй мировой войны. Именно тогда, весной 1941 года, во Франции, в итоге радикальной конфронтации позиций в споре об общественной роли и о самой судьбе направления, окончательно завершится коллективный проект первых «Анналов», прекра-

Глава 3

97

тится обмен идеями и тесное сотрудничество между Блоком и Февром, которые оживляли весь этот коллективный проект с 1929 до 1941 г., и начнется длинный переходный период, который закончится в 1956 году.

Какова причина этого разрыва, или что может объяснить глубокое расхождение 1941 года между двумя директорами «Анналов», расхождение, которое привело к завершению двенадцатилетнего проекта, и к радикальному преобразованию «Анналов»? Из живого, коллективного, постоянно новаторского и революционного проекта в теории истории он превратился в журнал, редактируемый в основном только Люсьеном Февром, а сотрудничество Марка Блока было весьма эпизодическим. И как связывается разрыв тандема «Блок — Февр» с предшествующей историей самих «Анналов» и с идейным развитием его руководителей, Марка Блока и Люсьена Февра?

Недавние исследования - более новые, чем те, на которые мы ссылались выше - ясно показали, что принципиальные разногласия 1941 года были отнюдь не первыми из тех расхождений, что имелись у двух главных руководителей первых «Анналов», расхождений, которые и раньше могли бы привести к кризису гармоничный проект и нарушить прочное сотрудничество между ними. Наоборот, этот спор 1941 года - не больше, чем последнее звено, пусть даже самое важное и значительное, в длинной цепи постоянных внутренних трений, кризисов и противостояний, более или менее открытых, или более или менее скрытых, что характеризовали в целом историю первых «Анналов».

Хотя очевидно, что Блок и Февр согласны в самом для них существенном — в борьбе против позитивистского подхода в истории, в необходимости возрождать и развивать во Франции и в других странах Западной Европы социально-экономическую историю, в том, что необходимо срочное радикальное обновление подходов в современных исторических исследованиях, но также верно и то, что эти совместные задачи виделись этими историками с точки зрения их собственного исторического восприятия, которое в основе было достаточно различным. В чем-то их восприятия скорее противостоят друг другу,

98

Критический подход к истории французских «Анналов»

и это объясняет их взаимную оппозицию в отношении их индивидуальных проектов, в отношении различных культурных инициатив и в оценке главных достигнутых результатов исследования.

Так, известно, что Февр в конце первого года существования «Анналов» упрекал сам себя за «полувоздержание» и ограниченное участие в этом предприятии, признавая тем самым ведущую роль Блока на старте их проекта и открыто критикуя последствия этого (то есть ведущей роли Блока) для журнала. Исследователями также уже был отмечен тот факт, что,

если Блок занимался полностью и почти исключительно «Анналами», то Февр, напротив, мечтал основать другой параллельный журнал, журнал «истории идей», и к тому же одновременно продолжал активно сотрудничать с *Revue de Synthese* Анри Бер-ра и с *Revue d'Histoire Modernes*.

Также известно, что переезд Февра в Париж в 1933 г., вместе с секретарем журнала, привело не только к физической удаленности двух директоров «Анналов», но и к идейной разобщенности. Примерно о том же говорит известная недоверчивость Марка Блока относительно проекта Февра с *Encyclopedie Frangaise* и затем, его сомнения относительно близких сотрудников Февра, таких как Люси Варга или Фернан Бродель. Со стороны Февра же была не только недоверчивость, но и открытая оппозиция в 1938 г., когда он выступил против представления кандидатуры Марка Блока в директорат *Ecole Normale Supérieure*.

Набор повторяющихся и немаловажных разногласий и идейных противостояний, которые доходили даже до взаимной критической, а иногда и отрицательной оценки, например, высказывания Февра относительно «Феодального общества» Блока, или слова Блока о книге Февра «Религия Рабле. Проблема религиозного неверия в XVI веке». Сложное и разностороннее сотрудничество Марка Блока и Люсьена Февра, развернувшееся в тридцатые годы в форме постоянной диалектики сосуществующих одновременно принципиальных соглашений и менее принципиальных отрицаний, с одной стороны, хорошо объясняет исключительное богатство и многогран-

Глава 3

99

ность проекта первых «Анналов», с другой - это то, что привело к окончательному разрыву 1941 года.

«Анналы» 1929-1941 годов, которые Фернан Бродель охарактеризует как «самые блистательные, умнейшие, прекрасно изданные и самые новаторские из всех "Анналов"», были результатом тонкого равновесия, установившегося и поддерживавшегося на протяжении почти двадцати лет между двумя умными и сильными личностями, которые, хотя разделяли в глубине души ряд общих намерений и целей, но также сильно расходились как в отношении общего смысла, который они вкладывали в исторический проект «Анналов», так и относительно той общественной роли, которую, по их мнению, должен был сыграть этот журнал.

И точно так же, как разразившаяся вторая мировая война являлась разрывом напряженного равновесия между различными силами и европейскими странами, та же война сломала и сложное равновесие, — в остальном плодотворное и исключительно эффективное, - которое установилось между двумя «братьями-врагами» (по словам кого-то из их противников), каковыми являлись Марк Блок и Люсьен Февр.

Это взаимно обогащающее равновесие, приведшее к разнообразным выдающимся интеллектуальным результатам, хотя и было платформой, на которой стоял тандем Блок - Февр в тридцатые годы, но сохранялось лишь там и тогда, где и когда их идейные пути, опирающиеся на совершенно различные происхождение и традиции и сориентированные на совершенно разную логику и часто противоположное понимание, временно действительно пересекались.

Если разрыв 1941 года и может быть объяснен, в первую очередь, влиянием непосредственных обстоятельств, о которых мы уже сказали, а во вторую - постоянным напряжением в отношениях и конфликтам, которые сопутствовали всей истории «Анналов» 1929-1941 годов, то, если попытаться отыскать более глубокую причину, следует обратиться к рассмотрению в целом жизненных путей, идейных линий эволюции Марка Блока и Люсьена Февра. Эти две жизни, два пути, в их очевидной противопоставленности, также дают ключ к объясне-

100

Критический подход к истории французских «Анналов»

нию двух разных экзистенциальных и идейных позиций, которые выявились в спорах 1941 года относительно того, следует ли продолжать издавать «Анналы».

Итак, Люсьен Февр родился в Нанси в 1878 г., в семье скромного преподавателя лицея. Марк Блок будучи на восемь лет моложе, родился соответственно в 1886 г., и его отец Густав Блок

был довольно заметным и известным преподавателем Сорбонского университета. К этим некоторым различиям в возрасте, социальном происхождении и начальном статусе по отношению к академическим кругам, следует добавить и разницу в характерах и темпераментах. Люсьена Февра все вспоминают, как общительного и экспансивного человека, способного иногда на эмоциональные взрывы, он всегда был готов поддерживать диалог и отчасти служил кем-то вроде «проводника идей» среди людей своего поколения. Ему было свойственно неукротимое интеллектуальное любопытство, которое пробуждалось от любого внешнего толчка. Он был способен писать до двадцати-тридцати страниц текста в день, излагая свои мысли по самым многообразным поводам в свободной манере и с интеллектуальным размахом. Марк Блок, напротив, характеризуется как человек более замкнутый, строгий и сдержанный в выражении эмоций, к нему было не так легко подступиться, наладить отношения или интеллектуальное сотрудничество. Интеллектуал, который сконцентрировал все свое внимание на некоторых четко определенных сферах исследования, который по много раз переписывал свои тексты, редактировал рукописи по три-четыре раза, добиваясь строгой и систематической аргументации по тем вопросам, которые он затрагивал. Два блестящих, но противоположных темперамента, что отразилось не только на различных интеллектуальных подходах или стиле работы, но - и это, возможно, главный элемент нашей аргументации, — относились, *в целом, к двум совершенно разным линиям идейной эволюции, линиям, шедшим в прямо противоположных направлениях.*

Итак, если мы посмотрим на идейную эволюцию Люсьена Февра, то станет ясно, что он прошел путь от активного участия во французских социалистических печатных изданиях начала

Глава 3

101

века — наполовину прудоновских, наполовину жоресовского толка (что подтверждают более тридцати газетных статей, напечатанных в ежедневной газете *Le Socialiste Comtois*, а также и его докторская диссертация на тему «Франшконтэ и Филипп 1^й» - к другой позиции, которая все более удалялась от влияний социализма и марксизма, отмежевывалась и противопоставлялась им. Это приводит Февра к тому, что он все более посвящает себя чисто академическим занятиям и все менее вовлекается в живую политическую жизнь. Вехами на пути этой эволюции стали его вступление в Коллеж-де-Франс, его связи с Б. Монзи и проектом «Французской энциклопедии» и, наконец, его позиция относительно дальнейшего издания «Анналов» в 1941 г.

С другой стороны, идейный путь Марка Блока является прямо противоположным. Он начинается с либеральной и про-грессистской позиции, которой Блок придерживался на протяжении первой мировой войны, что получило ясное отражение в его недавно изданных «Записках о войне 1914-1918 гг.», затем он постепенно переходит на позиции, которые сближают его с марксизмом, и его усиленная работа в области социально-экономической истории идет параллельно радикализации его политических взглядов, смещающихся все более и более влево, и это сопровождается также все более острым осознанием необходимости брать на себя обязательства, связанные с текущими обстоятельствами и текущей ситуацией. Его жизненный путь был отмечен рядом неудач: попытка поступить в Коллеж-де-Франс и провалившаяся попытка войти в руководство Высшей нормальной школы. Частично это объясняется господствовавшими тогда настроениями расизма и антисемитизма, которые позже обострились до крайности во время второй мировой войны.

Итак, Февр двигался от социалистических и левых взглядов к центристским, Блок же, наоборот, с центристских позиций с легким левым уклоном перешел постепенно к радикально левым взглядам. Промежуточный период, место их встречи, совпал с коллективным проектом первых «Анналов», просуществовавшим с 1929 до 1941 года.

102

Критический подход к истории французских «Анналов»

Война привела к окончанию нормальной жизни и к обострению позиций, Блок и Февр имели прямо противоположные взгляды на то, как следует реагировать на войну и на ее последствия, и эти их оценки в отношении войны привели и к различным взглядам на решение проблемы о дальнейшем издании «Анналов».

Этот конфликт вновь продемонстрировал принципиальное расхождение двух линий идейной эволюции, которые переживали эти два историка. Марк Блок добровольно записывается в армию и старается быть «полезным» родине на фронте, понимая, что ситуация изменилась радикально, и считая, что единственный способ противостоять врагу состоит в том, чтобы с ним бороться - сначала в теории, а затем и на практике. Он работает в армии, потом попадает в не занятую немцами зону и, в конце концов, оказывается в рядах движения Сопротивления. Люсьен Февр, напротив, ищет возможности уклониться от высылки на фронт, он принимает решение остаться в Париже. Даже когда Париж заняли нацисты, Февр продолжает цепко держаться за свою «нормальную» деятельность (курсы в Коллеж-де-Франс, написание книг и также регулярная публикация «Анналов»), считая такой образ действия единственным эффективным способом противиться врагу. Таким образом более старый содиректор «Анналов» как бы отказывался принимать или признавать подавляющее действие условий, в которых он оказался.

Противостояние Марка Блока и Люсьена Февра, reagировавших двумя принципиально различными способами на одну и ту же ситуацию, дает нам также ясное представление о тех взглядах, что разделяли многие из их французских соотечественников во время второй мировой войны. Одни, восставая против изменений, которые повлекла за собой немецкая оккупация, отказывались принимать ситуацию такой, какой она была, и стремились удержать во что бы то ни стало предыдущую «нормальную жизнь» - будучи убеждены в том, что вся эта ситуация является временной и преходящей. Другие считали, что после этой войны ничто уже не будет как раньше, и что Франция и Европа, которые переживут этот драматический опыт, должны

Глава 3

103

начинать строиться прямо сейчас - как путем практической активной оппозиции оккупации, так и посредством критического анализа, не отступая перед теми сложными уроками, которые может повлечь за собой такая позиция,

Два различных отношения, в одном из которых присутствует представление, сильно укоренившееся в предшествующей идейной традиции Франции и Западной Европы - представление о войне как о трагическом, но эфемерном «выключении», «перерыве» в общей ситуации «нормальности», или основной непрерывности событий. Именно этот взгляд отстаивал Люсьен Февр. Другой взгляд связан с представлением о еще не определившемся будущем той же самой Западной Европы и Франции. При таком представлении о будущем всплывает вопрос о неизбежных революционных преобразованиях, вызванных войной, и о том, что можно сделать сейчас, с тем чтобы подготовиться к «новой Франции» и к «новой Европе» - эти взгляды явным образом выражал Марк Блок.

И это открывает нам новые грани понимания причин столь сильных разногласий, которые привели к тяжелому разрыву между Марком Блоком и Люсьеном Февром весной 1941 года. Если иметь в виду внутреннюю эволюцию направления «Анналов», то конфронтация 1941 года вскрывает внутри коллективного проекта 1929-1941 годов сосуществование *двух отчетливых линий идейного наследия*, что присутствовали з нем и воплощались двумя директорами «Анналов». С одной стороны, интеллектуальная традиция, которая объединяет Марка Блока с работой Анри Пиренна и, если взять немного ранее, го с работами Карла Лампрехта, то есть с традицией, занимавшейся исследованием социально-экономической истории, которая отстаивает использование сравнительного анализа и интерпретатив-ный подход в истории, и которая поддерживает более космополитическую точку зрения внутри исторической науки. С другой стороны, подход, воплощенный Люсьеном Февром, имеет в качестве своего непосредственного прямого предшественника Анри Бера: это традиция, которая в значительно большей степени сконцентрирована на проблемах и темах культурной истории, истории идей, религиозной истории или истории науки, и

104

Критический подход к истории французских «Анналов»

гораздо более заинтересована в диалоге истории с другими общественными науками. В ней также используется парадигма «история-проблема», но она в большей степени сориентирована на исторические исследования франкоязычного региона и на «французское» видение

различных проблем.

Две традиции, различные по происхождению, которые объясняют также сосуществование двух моделей культурной истории, или, как это стали называть позже, «истории ментальностей», совершенно незаконно экстраполируя тот термин, который Люсьен Февр использовал в отдельных, хотя и нередких, случаях, а Блок постоянно критиковал. Речь идет о моделях культуры, полностью отличных друг от друга, развернутых, одна — в книге Марка Блока *«Короли-чудотворцы»*, и вторая - в работах Люсьена Февра, и, прежде всего, в его книге *«Религия Рабле. Проблема религиозного неверия в XVI веке»*. Две модели исследования истории культуры, неудачно и неверно называемой «историей ментальностей». У Блока это является скорее социологическим исследованием точки зрения «глобальной истории», объединяющем все составные слои (относящиеся к народным верованиям и коллективным чувствам, которые получили отражение и в некоторых ритуалах английской и французской монархий XI—XVIII веков) в некоего рода «палимпсест», то есть наслоение новых слоев на почти исчезнувшие или полустертые старые. При этом общая картина представляет собой собрание многих разнородных элементов, каждый из которых имеет различную временную продолжительность и весьма различное происхождение. Исследование же Февра, это прежде всего критический обзор элементов, что входили в набор «духовной оснастки» людей, живших во Франции XVI века. Две модели культурной истории, которые, вопреки широко распространенному мнению, с одной стороны, не были единственными в своем роде, но с другой — не получили воплощения в третьем поколении «Анналов». Если говорить об исследованиях Февра, то его подход нашел истинное продолжение в некоторых работах Мишеля Фуко, тогда как развитие того подхода к истории культуры, который характерен для Марка Блока, можно увидеть в работах Карло Гинзбурга.

Глава 3

105

Различие в двух культурных традициях, которые олицетворяли собой Марк Блок и Люсьен Февр, проявилось также в том, что они были связаны с разными научно-академическими кругами, а их труды были признаны и получили распространение в разных культурных ареалах. Марк Блок поддерживал интеллектуальное общение и переписку с теми западноевропейскими историками и учеными из других стран за пределами Европы, которые занимались экономическими проблемами. У него имелись постоянные корреспонденты в Англии, Норвегии, Германии, Соединенных Штатах, Испании и Италии, и это, помимо прочего, объясняет значительное распространение его работ за границей. Он имел в международных академических сферах вес и репутацию несколько большую, чем обычный историк-медиевист, или даже крупный французский историк, занимающийся экономическими вопросами. У Февра, напротив, основные научные и академические связи локализовались во Франции, особенно в Париже, что позволило ему принимать активное участие во множестве мероприятий, разворачивавшихся в этом культурном ареале: он был одним из руководителей издания «Французской энциклопедии», входил в дирекцию CNRS, организовывал VI секцию Школы высших исследований в социальных науках, представлял Францию в ЮНЕСКО и многое другое. Его труды имели большее распространение во Франции, а не за рубежом, он считался одним из самых крупных французских историков первой половины XX века. Эти разнородные линии исторических исследований и исторической традиции каким-то образом, однако, совпали в тридцатые годы, и образовали сложный синтез, который и обеспечил исключительное богатство идей и тот особый блеск, который характеризует первые «Анналы» 1929-1941 годов. Этот союз распался в 1941 году, однако две упомянутые традиции все еще продолжали играть довольно существенную роль, как в период переходного этапа «Анналов» Февра, так и в период вторых, броделевских «Анналов».

Глава 4

От «Анналов» переходного периода (1941-1956) к «Анналам» Броделя (1956-1968): точка наивысшего расцвета и влияния в исторической науке

После разрыва Марка Блока и Люсьена Февра, произошедшего весной 1941 года, разрыва, означавшего конец плодотворного сотрудничества этих двух историков, основавших проект

первых «Анналов», начался длинный переходный этап в развитии этого исторического направления, занявший весь период с 1941 и до 1956 г., то есть до самой смерти Люсьена Февра. На этом этапе реальное руководство журналом осуществлялось исключительно Февром (как утверждал Фернан Бродель), что, естественно, накладывало на издание отпечаток его собственных взглядов и его идейной «направленности».

Речь идет пока что именно об «Анналах» переходного периода, а не о вторых «Анналах», поскольку тщательный анализ этого периода раскрывает тот факт, что Люсьен Февр не создал какой-либо новый или отличающийся от первых «Анналов» интеллектуальный проект, который пришел бы на смену старому, развивавшемуся в 1929-1941 гг., то есть проявился бы как независимая идейная программа со свойственным ей альтернативным самоутверждением по отношению к первым «Анналам», и, следовательно, способная создать новые направления и области исследования и достичь каких-либо новых, отличных от прежних, рубежей в исторической науке.

Хотя после 1945 года общая идейная атмосфера и социально-экономическая глобальная конъюнктура Западной Европы и Франции изменяются радикальным образом, но старый про-

Глава 4

107

ект первых «Анналов» Марка Блока и Люсьена Февра сумел «выжить» и просуществовал еще пятнадцать лет после 1941 года, опираясь лишь на деятельность Февра и без фундаментального вклада Марка Блока, несмотря на то, что окружающие условия и общая послевоенная атмосфера совершенно не совпадали с теми условиями и с атмосферой той идейной конъюнктуры, в которой этот проект возник.

Если рассмотреть, какой вклад внесли «Анналы» 1941-1956 годов в историческую науку, то мы увидим, что в эти годы направление «Анналов» не внесло каких-либо абсолютно новых эпистемологических, теоретических или методологических идей по сравнению с теми, что уже были высказаны и прокомментированы на протяжении предыдущих тридцати лет развития журнала. Напротив, ясным следствием отсутствия Марка Блока, убитого нацистами в 1944 г., стало то, что в «Анналах» Люсьена Февра ослабевают элементы, которые соответствовали идейному наследию, или идейной традиции, представленной Блоком, той самой, что уделяла большое внимание историческим исследованиям с использованием сравнительного анализа, которую волновали вопросы, связанные со сложной проблемой трактовки исторического времени, а также исследования, относящиеся к области экономической и социально-экономической истории, и которая всегда стремилась к построению больших моделей и глобальному подходу к различным аспектам социальной структуры. В то же время, одновременно с сокращением тематики, имеющей отношение к «блоковской» идейной традиции, естественно, усиливались те характерные черты исторического исследования, что были присущи традиции Февра. В результате «Анналы» 1941—1956 годов были больше сориентированы на «историю-проблему», которая в наибольшей степени соответствовала возможности обращения к проблемам культурной истории и к исследованиям ментальностей различных исторических эпох, и которая задавалась вопросом о том, какую роль играет постоянный диалог истории с другими общественными науками и как это влияет на создание основ глобальной истории. Таким образом, это были «Анналы», которые отстаивали, хотя и в сокращенном виде,

108

Критический подход к истории французских «Анналов»

общий проект предыдущих лет в новом социальном контексте, радикально отличавшемся от периода между двумя мировыми войнами.

Но в то же время, если мы говорим об «Анналах» переходного периода, то надо отметить, что рядом с доминирующими линиями развития, установленными Люсьеном Февром, начали разворачиваться и некоторые другие линии, которые, соединившись с фундаментальными трудами Фернана Броделя, постепенно позволили сформироваться вторым, или броделевским «Анналам» 1956-1968 годов. Так, еще в переходный период «Анналов» Февра, Фернан Бродель начал публиковать свои первые исторические статьи на социально-экономические темы, а в 1949 г. вышла в свет его большая работа о Средиземноморском мире в эпоху Филиппа II. Он также начинает вводить в сферу проблем, затрагиваемых «Анналами»,

вопросы, связанные с историей различных культур, с отношениями между историей, с одной стороны, и экономикой, географией и социологией, с другой, а также специфические идеи относительно различных «времен» и «времени большой длительности».

Вышесказанное относится к процессам в основном идейного порядка, но «Анналы» Февра являются переходными также и в том смысле, что в этот период они переживают изменение своего статуса. Из занимаемого ими положения где-то на окраинах французской академической науки, положения, в котором они существовали на протяжении всего первого этапа 1929-1941 гг., они перемещаются на более видные позиции, заняв более важное положение как в академических кругах, так и в более широком общественном смысле. В 1947 г. Февр создает VI секцию Школы высших исследований в социальных науках, он входит также в ряд комиссий, является делегатом Франции в ЮНЕСКО, становится членом директивного органа Национального центра исторических исследований (CNRS) во Франции, президентом Комитета по истории Второй мировой войны, членом Академии моральных и политических наук, и т.д.

В «Анналах» переходного периода, — как это всегда бывает, когда речь идет о переходных периодах любого типа, — отчетливо видна смесь, или комбинация, характерных черт и элементов

Глава 4

109

старого проекта, который сохраняется как доминирующая линия, хотя и с некоторым сокращением ее первоначальных компонентов, и одновременно зародыши (пока еще не окрепшие и находящиеся в подчиненном положении, но уже существующие и действующие) будущего проекта, которые проявятся позже в «Анналах» под руководством Фернана Броделя.

* * *

Вторые «Анналы», известные как броделевские, своими корнями уходят в предшествующий период «Анналов» Люсье-на Февра. Но в полной мере они утверждаются и разворачиваются лишь после его смерти в сентябре 1956 года, когда руководство журнала переходит к Фернану Броделю. И хотя в течение первого этапа этого периода важную роль в ведении и построении журнала играл также Робер Мандру - который расстался с «Анналами» после спора с Броделем в 1962 г., - однако именно фигура и деятельность Фернана Броделя определили специфические и наиболее существенные черты нового идейного проекта, который он возглавлял и вдохновлял, начиная с 1956 и до 1968 года.

Характерные особенности второго проекта, его цели и задачи, были в обобщенном виде обозначены в знаменитой статье, напечатанной в последнем номере «Анналов» 1958 года все тем же Броделем и озаглавленной «История и общественные науки. Время большой длительности».

Эта статья, если ее рассматривать с точки зрения общей истории «Анналов», имела ярко выраженный программный характер: в ней была сделана попытка определить особый тип исторического исследования, который будет продвигаться броделевскими «Анналами». И как блестящая, хотя и незаконченная «Апология истории» Марка Блока является методологическим и эпистемологическим синтезом проекта первых «Анналов», а знаменитые «Бои за историю» Люсьена Февра - методологическим обобщением того исторического подхода, который разворачивался в «Анналах» переходного периода, точно также мы можем считать очерк о «времени большой длительности»

110

Критический подход к истории французских «Анналов»

ности» Фернана Броделя действительно основополагающим текстом — идеологическим манифестом вторых «Анналов».

Если мы внимательно перечитаем очерк 1958 года, который справедливо является самым распространенным и знаменитым текстом среди всех, что вышли из-под пера Фернана Броделя, мы обнаружим, что в нем действительно определен основной подход, послуживший руководящей нитью при построении «Анналов» 1956-1968 годов, подход с точки зрения «времени большой длительности». В том же самом тексте одновременно высказываются ясные взгляды по отношению к самым модным тогда течениям - марксизму (в его франко-средиземноморском варианте) и структурализму, а также определяются основные темы, области

и сферы исследования, которым будет уделяться наибольшее внимание на протяжении всего существования броделевских «Анналов».

Главной темой очерка, что явствует из его названия, было объяснение броделевской теории различных социально-исторических «времен», имеющих собственные черты, при этом особое внимание уделяется «времени большой длительности». Обоснование этой теории начинается с того, что подвергается критическому разбору и категорически отвергается буржуазное модернистское понимание времени. При таком понимании за основу исторического времени принимается ньютоновское физическое время, то есть утверждается, что существует только одно время, однородное, пустое, представляющее собой просто соединение идентичных фрагментов, время, проходящее независимым и необратимым способом относительно событий и человеческой жизни, которые оно регулирует, контролирует и подчиняет. Напротив, броделевская теория утверждает, что существуют многообразные исторические времена, времена, которые не вычисляются по часам или календарю, а являются *социально-историческими* реальностями, столь же многообразными и разнородными, как и сама историческая реальность. И, следовательно, «время» может быть разным — более или менее плотным, более или менее прерывистым. Такое время, будучи непосредственно связано с процессами, затрагивающими общество и челове-

Глава 4

111

ка, являет собой разнообразные «исторические длительности» и требует большого внимания и кропотливого исторического исследования.

Времена или «длительности», выделенные Броделем, были сведены им к трем типам по уровням событий. Один из этих уровней связан с фактами «короткого времени», другой, уровень конъюнктуры, имеет отношение к явлениям «среднего времени» и, наконец, уровень структур, или процессов соответствует «времени большой длительности». Это разложение на три составные части, на времена разной длительности, дает возможным выделить, а затем и расположить по разным уровням различные исторические факты. Первый уровень — те непосредственные, быстрые и мгновенные события, что продолжаются несколько часов, дней или недель — всегда являлся излюбленным материалом для исследований традиционных историков в целом и позитивистских историков, в особенности. Кратковременные факты, длящиеся очень недолго, такие как внезапная девальвация, смерть главы государства, землетрясение, приведшее к разрушению какого-либо города, неожиданно развязанная война, вызвавшая огромные потери и утрату сотни ракет в какой-нибудь пустыне, то есть события, которые иногда являются зрелищным действием, которые привлекают к себе все взгляды присутствующих или участвующих людей, а также средства массовой информации и внимание политиков. Факты краткой длительности, или «короткого времени», имеют специфические черты, отличающие их от явлений конъюнктуры, то есть от процессов, разворачивающихся или длящихся на протяжении 5-10-ти лет, такого рода процессы подвергались внимательному изучению историков XX века, занятых проблемами экономического, социального или культурного развития. К фактам конъюнктуры относятся такие явления, как, например, культурное или литературное движение поколений в нисходящей или восходящей ветви цикла Кондратьева, или различные следствия политических или социальных движений протеста: эти длящиеся явления, как правило, очерчивают границы этапов для более коротких событий, а также часто определяют этапы жизни и деятельности людей.

112

Критический подход к истории французских л Анналов»

И, наконец, под этим «средним временем» культурной, социальной, экономической или политической конъюнктуры располагаются структуры «времени большой длительности» или протяженности, которые соответствуют процессам, которые длятся века, а некоторые наиболее продолжительные, и тысячелетия. Такие структуры являются наиболее устойчивыми реальностями, относящимися к исторической жизни общества. К таким реальностям «времени большой длительности» относятся как характерные черты какой-либо культуры, так и питательный рацион какой-либо социальной группы, как устойчивые системы построения и действия социальной иерархии, так и отношение к работе, жизни и смерти, или природе — все эти темы подверглись особенно тщательному изучению в броделевский период

существования «Анналов».

Как пишет сам Бродель, когда он принял на себя руководство «Анналами», то «прочно сконцентрировался на направлении "времени большой длительности"». Этим и объясняется тот факт, что в 1961 и 1962 годах на страницах журнала проводилось обширное международное анкетирование на темы «материальной жизни», статьи по истории цивилизаций во множестве появляются в те же годы. То же относится к сериям очерков об идее крестовых походов, просуществовавшей несколько веков, об истории цен в период между 1450 и 1750 гг., о географических условиях жизни индивида, или на другие темы, также сосредоточенные на проблемах и фундаментальных структурах «времени большой длительности». Не говоря уже о методологической дискуссии, что развернулась на страницах «Анналов» вокруг той самой вышеупомянутой статьи «История и общественные науки. Время большой длительности».

Взгляд на историю с точки зрения «времени большой длительности» является одновременно самым существенным вкладом и самой оригинальной чертой броделевских «Анналов» в сфере исторической методологии. Эта парадигма позволила углубить и радикализовать набор научных парадигм, полученных в наследство от первого этапа «Анналов», и это углубление, поддерживая существенную преемственность между первыми и вторыми «Анналами», одновременно явля-

Глава 4

113

ется как преодолением первых «Анналов», так и, в то же время, кульминацией успеха их наследия. Речь идет о преодолении в гегелевском смысле, об *Aufhebung*, которое, наряду с отрицанием, в то же время сохраняет парадигмы первоначальных «Анналов», давая им новый способ функционирования в новой структуре и придавая им новое измерение с помощью включения в набор прежних парадигм идеи «времени большой длительности».

Поскольку идея «времени большой длительности» ставит одной из своих главных задач определение границ и изучение структур, то есть возникновение как бы архитектурных элементов медленно формирующейся реальности, элементов, которые неизбежно и многократно повторяются в истории, и столь же медленно изнашиваются и деструктурируются, постольку эта идея предоставляет нам исключительно выгодный подход к систематическому использованию сравнительного метода, позволяя распространить сравнительный анализ на периоды большей временной продолжительности и применить его к гораздо большему универсуму «явлений» или «случаев», которые действительно можно отнести к разряду «сравнимых». При использовании сравнительного анализа одним из его существенных результатов является исключение из рассмотрения более общих или универсальных элементов, и больше внимания уделяется частным и индивидуальным случаям, а с точки зрения «времени большой длительности» это исключение всегда предполагается и является необходимым. От этих структур «времени большой длительности» мы переходим к внутренним цепочкам реалий, в универсум неких настойчиво повторяющихся элементов, в определенные циклические и повторяющиеся процессы, которые проявляются снова и снова как реально действующие элементы определения многовековых исторических процессов развития человечества. Таким образом подход с точки зрения «времени большой длительности» открывает огромные новые территории и пункты обоснования сравнительно-исторического метода, предоставляя ему еще один возможный подход к элементам, исследование которых является общей целью обоих методов.

114

Критический подход к истории французских «Анналов»

С другой стороны, сконцентрировав все внимание на выявлении, описании и объяснении элементов, которые имеют наиболее длительное существование, наиболее глубокие корни и являются определяющими для долгих периодов истории человеческих сообществ, броделевские «Анналы» начали впадать в *новый и до сих пор не встречавшийся* исторический детерминизм, а именно, детерминизм структур «времени большой длительности». Но так как (как отмечал Бродель) элементы, имеющие длительную продолжительность существования, присутствуют как в географии, так и в культуре, а также в политике или экономике, да и в обществе в

целом, то получается, что детерминизм «времени большой длительности» естественным образом подводит эти вторые «Анналы» к идее радикальной перепланировки «глобальной истории». И в новом понимании «глобальной истории» этот исторический подход уже не только пытается совместить различные реальности или уровни совокупной социальной целостности, но также стремится утвердить в виде главного эпистемологического постулата идею *о глубоком первоначальном фундаментальном единстве социума*. Для Фернана Броделя и его «Анналов» социум есть отправная точка исследования, это единство, или совокупная целостность («тотальность»), которую «рассматривают» или «наблюдают» различные науки и общественные дисциплины с соответствующих точек зрения или особых платформ. И, следовательно, потребность переместить рассмотрение проблем из тех целостностей, в которые они включены, чтобы наблюдать их с точки зрения глобальной целостности, к которой они изначально принадлежат, превратилась в «Анналах» 1956—1968 годов в идею о необходимости перестроить и преодолеть существующую в настоящее время *эпистему дисциплин*, занимающихся проблемами, связанными с социумом, - с тем, чтобы создать новую эпистему, принципиально «унидисциплинарную» и действующую с глобальной точки зрения, что поможет приблизиться к пониманию истинной реальности.

Благодаря применению подхода с точки зрения «времени большой длительности», в огромной мере повысились возможности и расширились способы использования сравнительного

Глава 4

115
анализа. Это привело к сильной радикализации и даже преобладанию точки зрения глобальной истории, что довело до логического конца использование постулата «история-проблема», высказанного первыми «Анналами». В русле того же подхода к реальности с точки зрения «времени большой длительности» проводились многочисленные анкетирования, создавались вопросники, всплывали проблемы, к которым совершенно невозможно было бы приступить с позиций позитивистской или традиционной истории. Как говорил Бродель, о Средиземном море нельзя сказать, что оно «родилось в такой-то день», или рассказать о тех или иных его изменениях или существенных проявлениях, как о «некоторой вещи, с которой они произошли», а потому очевидно, что с позиций «времени большой длительности», учитывая те особые *проблемы*, которые ему соответствуют, появляется необходимость срочно восполнить пустоту и создать новые вопросники для новых исследований, обеспечить такую постановку проблемы, которая позволила бы изучать историю материальной культуры, распространение культуры в ареале Средиземного моря, фундаментальные структуры рыночной, или капиталистической, экономики, а также геоисторические процессы, связанные с различными культурами. И поскольку исследование процессов исторического «времени большой длительности» невозможно с каких-либо других позиций, кроме как позиций «истории-проблемы», то следует включить этот подход в качестве необходимого условия такого исследования.

Наконец, помимо того, что подход к истории с точки зрения «времени большой длительности» революционизировал список обычных тем исторического исследования, открыв обширную территорию новых проблем, упомянутых выше, он также обновил и понимание открытости исторической науки. Невозможно превратить историю «времени большой длительности» в эмпирическую историю, состоящую из фактов или событий, и также не имеет смысла пытаться возвести временные длительности, или продолжительности, в ранг новой метафизической «философии» истории. А потому следует признать и подчеркнуть новый, первичный характер такого под-

116

хода к истории, то есть признать, что современный проект исторической науки находится еще в стадии младенчества, в самом начале пути, и идея «времени большой длительности» дает ему новый импульс к обновлению, к созданию новых методов и техник, процедур анализа и общих идей вплоть до обновления фундаментальных понятий, теорий и основных моделей.

Пересмотрев с точки зрения «времени большой длительности» все подходы, характерные для первых «Анналов», бро-делевские «Анналы», таким образом, преодолели (в гегелевском смысле) парадигмы своих предшественников, развернув новый идейный проект, который, хотя и отличался от первоначального проекта «Анналов» 1929-1941 гг., но в то же время не прерывал традиции и, в принципиальном смысле, являлся их продолжателем.

Если мы вернемся вновь к тексту «История и общественные науки. Время большой длительности» 1958 года, то мы увидим, что помимо объяснения теории различных «времен» и методологического подхода с точки зрения «времени большой длительности», служивших руководящим критерием для определения издательской политики и всего проекта броделевских «Анналов», в статье можно легко заметить - в многообразных примерах, используемых автором - тот особый дух времени, ту специфическую «конъюнктуру», внутри которой разворачивались вторые «Анналы». Как мы упомянули раньше, «Анналы» 1956—1968 гг. возникли и разворачивались в период подъема конъюнктуры (по циклам Кондратьева) с конца второй мировой войны и до экономического международного кризиса 1972-1973 гг. - период, который во Франции получил название «славное тридцатилетие». Эта конъюнктура отмечена мощным экономическим ростом, что способствовало ускорению индустриализации как во Франции, так и во всей Западной Европе, росту численности городского населения и достижения абсолютного его перевеса над сельским населением; тогда же началось повышение уровня жизни народных масс и резко возросла подвижность всех слоев и социальных групп населения в западноевропейских странах. Это был период резкого экономического подъема, означавшего быстрый рост урбани-

Глава 4

117

зации, индустриализации и модернизации «малой Европы», который проявился также в значительном укреплении рабочего движения и в укреплении социальных структур, которые в тот период покоились на, казалось бы, незыблемых основаниях стабильности и законности.

Тогда - и это было вполне в духе общих черт социально-экономической конъюнктуры, находящейся на подъеме - в центре интересов оказались экономические и социально-экономические проблемы, что проявилось в западноевропейской и французской исторической науке в виде роста исследований в области экономической истории, а также исследований в только что возникшей демографической истории и некоторых особых направлений социальной истории. Все они ориентировались на прогресс статистических и численных методов, что привело сначала к возникновению квантитативной истории, а затем, как следствие, и к так называемой «серийной» истории.

Этот процесс затронул, естественно, и «Анналы», руководимые Фернаном Броделем, которые не только проявили инициативу и проводили исследования, например, по изучению истории цен во всех странах Западной Европы между XV и XIX веками, но также непосредственно отозвались на возможность осуществления различных количественных и «серийных» исследований. Они занимались изучением роли валюты в западноевропейской экономике, исследовали рацион питания и судовые пайки на флотах разных стран, интересовались проблемами стратификации античного общества и многими другими темами.

Таким образом, броделевские «Анналы» одновременно служили форумом новых социально-экономических исследований для историков всей Западной Европы и центром значительной части инициатив, разворачивавшихся в области социальной, демографической, экономической, количественной и серийной истории. «Анналы» были активнейшими участниками целого ряда идейных дискуссий, которые в тот период волновали представителей исторической науки и были посвящены как проблемам перехода от феодального общества к капиталистическому, так и многообразным зигзагам эволюции,

которая этому способствовала. В русле этих дискуссий были подняты воп-

118

Критический подход к истории французских «Анналов»

Глава 4

119

росы, относящиеся как к крестьянским движениям и восстаниям в доиндустриальную эпоху и к изменениям в правящих дворянских, а затем буржуазных слоях на протяжении последних пяти веков, так и к истокам и значению промышленной | революции, а также глобальные проблемы всей истории современных капиталистических обществ.

И в условиях той общественной атмосферы, что способствовала быстрому экономическому росту, который тогда переживали западноевропейские страны, и одновременной популяризации и укрепления новых веяний в экономической и социальной истории, броделевские «Анналы» начинают играть все большую роль в академических кругах франкоязычных стран и всей Западной Европы, а VI секция Школы высших исследований в социальных науках превращается в аванпост развития общественных наук во Франции. Тогда же был основан столь же отвечающий духу того времени Дом Наук о Человеке (*Maison des Sciences de l'Homme*), который быстро превратился в самый передовой центр критических идей Западной Европы и всего западного мира.

Одновременно, благодаря все более усиливавшейся институциональной поддержке, «Анналы» того периода, если рассматривать их с точки зрения «времени большой длительности», оказались вовлечены в поток наиболее крупных идейных преобразований, происходивших в культуре франкоязычного региона Западной Европы. Эти идейные новшества сосредоточились в двух массовых, увлекших все гуманитарные круги потоках: во-первых, новые марксистские течения в их средиземноморском варианте, и, во-вторых, различные варианты структурализма.

И если мы вновь обратимся к программно-методологическому тексту Фернана Броделя 1958 года, мы увидим, что в нем уже содержится ясно выраженная позиция относительно этих двух массовых интеллектуальных тенденций, которые в 1950-60-е годы полностью преобразовали идейную атмосферу во Франции.

Во-первых, Бродель высказался в духе открытого стратегического сотрудничества и идейного союза с идеями Маркса

и марксистов, И не только потому, что марксисты занимались теми же проблемами в области социально-экономической истории, но также потому, что он открыл в работах Маркса глубокое сходство методологических и эпистемологических фундаментальных подходов к интересовавшим его проблемам. Именно в статье «История и общественные науки. Время большой длительности» Бродель подчеркивал, что «гений Маркса, секрет его не ослабевающего со временем влияния, проистекает из того, что он первым создал настоящие социальные модели, опирающиеся на время большой длительности».

Исходя из этого, Бродель полагал, что на основе подхода к истории с точки зрения «времени большой длительности», возможен развернутый и плодотворный диалог между его соратниками и непосредственными учениками, с одной стороны, и представителями марксистских течений, с другой. И действительно, в результате постоянных встреч на конгрессах по экономической истории и обмена мнениями и результатами исследований по различным темам - о возникновении капитализма или об исторической эволюции буржуазии, а также и о «серийной» истории европейских цен или о динамике развития различных культур - между сотрудниками и основными представителями броделевских «Анналов» и западноевропейскими марксистами установились отношения открытого диалога и взаимного сотрудничества. И если первые «Анналы» Блока и Февра сыграли роль открытого форума, где могли выступать и публиковать свои статьи такие социалистические и коммунистические авторы как Жорж Ле-февр, Франц Боркенау, Люси Варга, Эрнест Лябресс, Анри Мужен, Пьер Вилар или Морис Хальбвакс, то броделевские «Анналы» пошли еще дальше, завязав тесные и систематические связи с марксистами английского журнала *Past and Present*, с коммунистическими польскими историками группы Витольда Кула, с советскими и венгерскими историками, с итальянскими, испанскими и португальскими историками, которые придерживались левых взглядов, равно как и с марксистскими историками из Канады,

Соединенных Штатов или Латинской Америки.

120

Критический подход к истории французских «Анналов»

И хотя абсолютно ясно, что Фернан Бродель никогда не был марксистом, как, естественно, не были марксистскими броделевские «Анналы», это не препятствовало тому, чтобы автор книги «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» многократно заявлял, что он восхищается Марксом не только потому, что тот обладал «восприятием "времени большой длительности"», но также потому, что имел «острое историческое чутье», раз был способен «воспринять точку зрения глобальной истории», а также потому, что труды Маркса являются попыткой построить «истинную науку или научный проект истории». И потому нет ничего удивительного в том, что броделевские «Анналы» сотрудничали с различными марксистскими течениями вплоть до того, что организовали «общий фронт» с марксистами западноевропейских стран и с французскими марксистами, предоставив им возможность выступать на страницах журнала, приглашая их на конгрессы и в академические учреждения, обсуждая с ними общие темы и результаты исследований. Об этом же говорит тот факт, что Фернан Бродель вербовал историков, которые должны были получить в наследство руководство журналом, а также различные посты, связанные с влиянием в академических кругах, которые он тогда занимал, именно среди представителей коммунистических и левых сил франкоязычного региона.

Если позиция «Анналов» по отношению к марксистским идеям, которые получили широкое распространение во всей гуманитарной культуре Франции после 1956 года, была определена в терминах дружелюбной открытости и, отчасти, идейного союза, то по отношению к другой крупнейшей интеллектуальной тенденции того времени броделевские «Анналы», пропагандировавшие «время большой длительности», находились во фронтальной оппозиции. Речь идет об идеях французского структурализма, которые мощными волнами, следующими одна за другой, захлестнули в те же 1950—60-е годы все гуманитарные дисциплины франкоязычного региона. Противостояние структуралистским идеям со стороны «Анналов» объясняется самым простейшим и примитивнейшим фактом - структурализм был в целом, и даже в работах его наиболее блестящих представителей, принципиально *не-историчен*, даже в

Глава 4

121

ту пору, когда он еще не провозгласил сам себя откровенно анти-историчным.

Один из основных постулатов структурализма состоит в самом что ни на есть подробном анализе элементов и связей, то есть структур. Такой анализ в отношении общества, социума, возможен лишь в том случае, если «замораживается» движение и эволюция этой структуры, и диахронические процессы приносятся в жертву синхронии. Следовательно, синхронический «разрез», который рассматривается и затем упорядочивается в структуру, чтобы лучше понять связи между различными ее составляющими, приводит почти всегда и неизбежно к исключению генетических или формообразующих элементов этой структуры. Об этом свидетельствует и неудачная попытка создать «генетический структурализм», который пытался избежать обвинений в *не-историчности*, или в *антиисторичности*: эта попытка не удалась именно потому, что *не-историчность* изначально включена в аналитический подход представителей структурализма. А потому, как Люсьен Февр, так и Фернан Бродель активно (и почти что произвольно) противились всем набегавшим «волнам представителей структурализма», отстаивая необходимость исторического взгляда на общество и культуру, то есть такого, который учитывает происхождение и эволюцию всех общественных явлений - именно ту точку зрения, которая по необходимости отбрасывалась структуралистами. Это, однако, не препятствовало ни Броделю, ни броделевским «Анналам» использовать (и обильно), сам термин «структуры». Но он использовался в совершенно другом, если можно так выразиться, «антиструктуралистском» смысле, то есть исходя из совершенно другого понимания структуры. Это было частью хитроумной интеллектуальной стратегии Броделя, который таким образом «придавал историчность» понятию «структура», включал его в историческое исследование и использовал для обозначения реальности или явлений «времени большой длительности», а потому эти структуры окрестили структурами «времени большой

длительности». Но речь, совершенно очевидно, идет об абсолютно другом смысле термина, чем тот, что вкладывали в него сами представители структурализма.

122

Критический подход к истории французских л Анналов»

Противостоя структурализму в целом - что не воспрепятствовало, парадоксальным образом, тому, что не слишком внимательные читатели принимали его за представителя *структурализма* — Бродель, в частности, выступал против структурной антропологии своего большого друга Клода Леви-Стросса. И это также было ясно видно еще в тексте-манифесте 1958 года. В русле все той же тонкой и хитроумной стратегии Бродель и броделевские «Анналы» противостояли антропологии Леви-Стросса как представителя структурализма. Для осуществления этого они охватили те же темы и объекты исследования, но рассматривали и объясняли их с исторической точки зрения, чтобы, «историзировав» их, придать им ту объемность, которая отсутствовала во французской структуралистской антропологии того времени. Эта стратегия блестяще себя оправдала в исследованиях и достижениях Броделя в области «материальной культуры».

В этих исследованиях Фернан Бродель будет изучать те же темы, которые раньше открыла структуралистская антропология (ритуалы, связанные с принятием пищи, формы одежды, обстановку жилища, организацию территории или пищевой рацион и т. д.), но рассматривать все это с принципиально исторической точки зрения, которую меньше волнуют функциональные связи, или взаимосвязи, или комбинаторные возможности этих элементов, и больше - исторические эффекты, то есть эволюционно-прогрессивные линии развития и длительности этих «структур» культуры или материальной жизни людей во времени. Таким образом, это радикальное и фронтальное наступление на структурализм оказывалось не просто критикой или опровержением его тезисов, а, скорее, иллюстрацией и демонстрацией аналитических лакун и ограниченности его возможных объяснений по поводу некоторых фундаментальных тем о жизни человеческих обществ, лакун и ограничений, которые преодолевались в броделевском изложении благодаря строгому историзму.

Определив таким образом свои позиции относительно течений марксизма и структурализма, бывших тогда в моде во французской культуре, броделевские «Анналы» тем самым утвердили свою собственную идейную направленность, которая не только устанавливает принципиальную связь с

Глава 4

123

«Анналами» 1929-1941 годов, и, следовательно, также с «Анналами» Февра переходного периода, но в то же время наполняет интеллектуальным содержанием непрерывный процесс утверждения определенного влияния в области исторической науки, влияния, которое появляется еще во времена первых «Анналов» и достигает максимальной кульминации в «Анналах», руководимых Фернаном Броделем с 1956 до 1968 г.

* * *

Мы уже говорили о том, как сильно первая мировая война и затем приход к власти нацистов ударили по немецкой и австрийской культуре, разрушив полностью бывшее влияние и первенство, которое эта германоязычная культура имела в Западной Европе приблизительно с 1870 г. и до трагических 1914 г. и 1933 г.. С этим, как уже мы объяснили, было связано образование некоего вакуума в недрах западноевропейской культуры, пустоты, что с конца первой мировой войны и далее медленно, но неуклонно начала заполняться трудами французских авторов и произведениями, созданными во франкоязычном регионе Западной Европы. А потому нет ничего удивительного в том, что, если рассматривать это в рамках развития всей западноевропейской культуры XX века, то становится очевидным смещение центра культурного влияния, произошедшее между двумя мировыми войнами и окончательно утвердившееся после Второй мировой войны.

Это перемещение общего западноевропейского культурного центра затрагивает помимо гуманитарных наук также сферу искусства и литературы, что отчетливо проявилось во внутренней эволюции всех этих направлений и сфер деятельности. Так, например, в театральной культуре ясно видно переключение интереса с театра Бертольда Брехта на экзистенциалистские пьесы Жан-Поля Сартра и Альбера Камю, в литературе интерес

смещается с Роберта Мусила и Томаса Манна к Марселю Прусту и Андре Мальро, и тем самым начинается перемещение центра тяжести в западноевропейском искусстве. Но то же происходит и в философии, которая от статей Хайдеггера и Гуссерля переходит к Сартру и Мерло-Понти или

124

Критический подход к истории французских «Анналов»

в социологии, которая от Тенниса и Зиммеля переходит к Гур-вичу, или в политологии, что описывает кривую, перейдя с Макса Вебера на Раймона Арона, и в антропологии, которая с Маурера и Бахофена сдвигается к Клоду Леви-Строссу. Все это свидетельствует о перемещении центра европейской культуры с германоязычных во франкоязычные страны. И то же относится к психоанализу, переходящего от Фрейда к Лакану, или к марксистским течениям, в которых на смену Франкфуртской школе приходят работы Анри Лефевра и Луи Альтюссера. Тот же процесс переориентации идет и в экономических исследованиях, где неоклассицизм австрийской школы преобразовывается в изучение экономических полюсов Франсуа Перро, или в лингвистике, интерес в которой с Витгенштейна и Венского кружка переключается на блестящие достижения Ролана Барта, или в географии, которая из «ратцелианской» превращается в «видалианскую» - все это отражает, в различных гуманитарных областях, более общую тенденцию упадка германского влияния и германской культуры и переход пальмы культурного первенства к франкоязычным странам.

Эта тенденция проявила себя еще в период конъюнктуры 1919-1939 годов, а окончательно утвердилась после второй мировой войны, в области исторической науки это привело к тому, что главным действующим лицом стало именно направление «Анналов», потому что, как мы уже говорили раньше, глубокий кризис, который переживали исторические исследования в Германии и Австрии после Первой мировой войны и который продолжался и обострялся на протяжении двадцатых - тридцатых годов двадцатого века, спровоцировал постепенный упадок в германоязычной исторической науке. Этот процесс упадка шел параллельно с рождением и утверждением «новой исторической науки», которая стала образцом для всей западноевропейской историографии. И это было французское направление, начало которому положили именно *«Annales d'Histoire Economique et Sociale»*, впервые вышедшие в свет в 1929 г. И если до 1939 года влияние этого нового направления заметно лишь в западноевропейской историографии, то после Второй мировой войны, напротив, вышеупомянутое влияние все

Глава 4

125

более укреплялось и усиливалось, объединяя вокруг себя историков разных стран. «Анналы» постепенно становятся мировым центром, где поднимаются и решаются наиболее важные и новаторские проблемы, разворачиваются самые острые исторические дискуссии, где публикуются девять из десяти самых представительных и фундаментальных исторических работ того времени.

И если в 1900 году основной курс развития западноевропейской исторической науки определяла Германия, то в 1960 году это была уже Франция: именно здесь определялись основные пути дальнейшего развития, главные направления исторических исследований в Западной Европе и во всем мире. Опираясь на уже упомянутое выше научное и художественное наследие французской культуры, исторический подход, выдвинутый «Анналами», открыл для читателей Клио во всем мире новые методы количественной и серийной истории, которые получили широкое распространение, начиная с пятидесятых — шестидесятых годов двадцатого века. Там же, во Франции, развивались и новые области исторического исследования - демографическая история, а также геоистория. В обращение были введены многие новые и более изощренные инструменты и подходы, связанные как с изучением истории культуры в целом и, в особенности, с исследованиями материальной культуры, которые открывали перед историками целый ряд новаторских и оригинальных возможностей для изучения бытового и культурного уклада. И наконец, девять из каждых десяти важнейших работ, которые создавались в тот период и внесли значительный вклад в ту интеллектуальную конъюнктуру, были работами французских историков, начиная с таких фундаментальных трудов, как «Кризис французской экономики в конце Старого режима и в начале революции» Эрнеста Лябрусса и «Средиземное море и средиземноморский мир в

эпоху Филиппа II» Фернана Броделя, и вплоть до книг «Лангедокские крестьяне» Эммануэля Леруа Ладюри или «Каталония в современной Испании» Пьера Вилара, а также многих других.

Первенство Франции в области исторических исследований ясно проявилось в «Анналах» переходного периода 1941-

126

Критический подход к истории французских «Анналов»

Глава 4

127

1956 годов и достигло кульминации в тот период, когда «Анналы» возглавлял Фернан Бродель, то есть с 1956 г. до 1968 г.. Именно в эти пятнадцать лет французская историческая наука достигла практически неоспоримого преимущества в западноевропейских исследованиях, связанных с историей, преимущества, которое привело к тому, что на смену знаменитому «путешествию в Германию», обязательному для историков первой четверти века пришло обязательное «пребывание во Франции», а точнее говоря — в Париже, потому что как раз во Франции 1945-1968 годов сосредоточились главные представители исторической науки того времени, той конъюнктуры. Так что после второй мировой войны «пребывание во Франции и в Париже» стало необходимым и обязательным условием для формирования настоящего историка.

И именно идейным господством французской гуманитарной культуры и исторической науки в эти годы - начиная с сороковых и до конца шестидесятых - объясняется и институциональный рост, и влияние в академической среде, которое направление «Анналов» завоевало на протяжении этой конъюнктуры. Поскольку французская историческая наука превращается в образец и модель для передовой исторической науки Западной Европы и всего мира, то «Анналы», как самое важное течение французской историографии, естественно, привлекают к себе интерес всех историков-новаторов - и в Латинской и в Северной Америке, и в Западной Европе. Именно в тот период, чтобы обеспечить возможность принять у себя поток коллег со всего мира — слушателей, последователей, соратников — была основана в 1947 г. VI Секция при Практической школе высших исследований, а затем, в 1962 г. - Дом Наук о Человеке. И это, в определенной мере, послужило причиной того, что теперь представителей направления «Анналов» начинают приглашать в качестве преподавателей на кафедры Коллеж-де-Франс, в руководство сериями изданий по истории в крупные издательства, в качестве председателей и членов жюри на экзамены, в различные комиссии и на ответственные должности в правительственных органах, определяющих политику в сфере преподавания истории или в сфере исследовательских работ.

Эта «институциональная власть» и «академическая власть» были простым проявлением, на уровне государственных учреждений, того успеха, которого достигли «Анналы» Февра, а потом Броделя. Это не было результатом сознательной стратегии завоевания вышеупомянутой власти ни со стороны Люсьена Февра, ни со стороны Фернана Броделя, и не являлось плодом некоторой странной личной психологической предрасположенности стать «мандарином», «большим покровителем» или «человеком, облеченным властью», как поспешили заключить некоторые исследователи, занимавшиеся историей «Анналов», руководимых Февром, а затем Броделем.

Так, например, «институциональная власть», которую имел в свое время Фернан Бродель, ни в коей мере не объяснялась ни личным честолюбием, ни какой-либо иной чертой характера знаменитого автора книги «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII века», а являлась лишь «институциональным коррелятом» той главенствующей роли, которую играли «Анналы» в западноевропейской и французской исторической науке в пятидесятые и шестидесятые годы, в то время, когда Бродель был главой направления. Это положение у кор-мила власти было позже Броделем покинуто радостно и без каких-либо сожалений в результате резкого прерывания «времени большой длительности», которое было осуществлено культурной революцией 1968 года. Этой же революцией, которая завершила этап броделевских «Анналов»/, в то же время, на более глубоком уровне, закрывается и более общий цнт^л. который прошло направление «Анналов» с 1929 до 1968 г., цикл, отмеченный существенной общностью теоретике-методологических взглядов и точек зрения на проблемы

между сменявшими друг друга этапами истории «Анналов». Начиная с символической даты майских событий во Франции, в жизни направления «Анналов» начинается новый цикл, который характеризуется принципиальным разрывом со всеми предыдущими этапами.

Глава 5

«Анналы» ментальностей и исторической антропологии: 1968-1989 годы

Направление «Анналов», которое было и является несомненно одним из самых значимых культурных выражений французского интеллекта XX века, не избежало тех последствий, которые были вызваны фундаментальной культурной революцией 1968 года, революцией, которую Фернан Бродель сравнил (в смысле ее значимости) с такими историческими явлениями, также имевшими характер культурной революции, как Возрождение и Реформация в Западной Европе, а Иммануэль Уоллерстайн охарактеризовал как «революцию в геокультуре современной мир-системы».

И с расстояния в тридцать лет сейчас легче оценить то, что эта революция, символом которой стали разнородные молодежные движения и студенческие бунты 1968 года, была действительно революцией культурных структур продолжающегося до сих пор «времени большой длительности», революцией мирового масштаба, развертывание которой имело целый ряд долговременных последствий для мировой культуры. Если рассмотреть географические ареалы крупных движений протеста второй половины 1960-х годов, то станет очевидно, что мы имеем дело с единым процессом глубокого изменения культуры, идет ли речь о том, что вдохновляло культурную пролетарскую революцию Китая в 1966 г., или о «жаркой осени» 1969 года в Италии, или о массовых студенческих и рабочих движениях в мае 1968 года во Франции, о студенческом мятеже, жестоко подавленном в Мексике, либо о «Пражской весне», задавленной советскими танками, или об «оккупации» студен-

Глава 5

129

тами зданий в Нью-Йорке и Беркли, берлинском движении протеста, коротком массовом восстании в Аргентине и многих-многих других.

Революция охватила практически все страны земного шара, переименованная каждый раз в соответствии с местными условиями, но она имела четыре главных эпицентра: в Париже во Франции, то есть в одной из самых экономически развитых западных стран, в городе Мехико, который стоял во главе бедных и менее развитых стран, в Пекине, а позже в Праге, что включило в сферу ее действия и страны, именовавшиеся тогда социалистическими. В этих четырех центрах, где революция приобрела наиболее законченные формы, наиболее ясно видны и различия в ее проявлениях. Так, в Париже и в развитых капиталистических странах она проявилась как радикальная критика потребительской современной культуры, которая стремилась «революционизировать повседневную жизнь людей», доказывая ограниченный характер школьной иерархии, структуры семьи и способов передачи знаний. Но в другой трактовке, в культурной революции, которая шла в Пекине, в Праге и в других странах социалистического мира, это проявилось как радикальная попытка «революционизировать формы сознания и жизни», все еще буржуазные или капиталистические, и в то же время как стремление к созданию настоящей социалистической, коммунистической культуры, «нового человека» и «нового общества». В случаях Мехико, Кордовы и других восстаний в так называемом третьем мире, движения 1968 года выдвигали, прежде всего, требования установить настоящую гражданскую и демократическую культуру, основанную на праве на свободу информации и на активном преобразовании устоявшихся семейных, образовательных, социальных и политических практик в смысле их истинной демократизации.

Но если отвлечься от региональной, национальной и местной специфики, то революция 1968 года представляла собой подлинный переворот в главных механизмах создания и воспроизводства структур культурной жизни: школы, семьи и средств массовой информации. Если рассмотреть историю самих этих сфер, занятых передачей знаний и культурного опыта

130

Критический подход к истории французских «Анналов»

та, воспроизводящих устойчивые культурные традиции, то оказывается, что для них конец

шестидесятых годов — тот самый рубеж, где безвозвратно закончилось прошлое, и началось нечто абсолютно новое. Так, прямым результатом 1968 года был отказ от прежде не оспариваемой строгой иерархии учитель - ученик, что положило конец прежней установке «magister dixit»*, и открыло огромный простор для поисков, продолжающихся до наших дней, поисков новых педагогических моделей производства и передачи научных знаний. Это было также время, когда студенты перестали относиться к печатному слову, как к фетишу, которому надо поклоняться и принимать на веру: прежнее поклонение заменяется на свободное отношение к письменному или печатному тексту, который имеет не больше значения, чем устно выраженное мнение. И также после 1968 года педагоги и преподаватели начинают искать новые способы повысить активность учащихся, что достигается с помощью перестройки отношений в образовательном процессе, с помощью методов индивидуального обучения и применения других современных достижений в педагогике и психологии. Одновременно, и это тоже было одним из последствий революции 1968 года, начинают меняться и традиционные семейные структуры, что приводит к сильным изменениям в положении и роли женщины в супружеских отношениях и внутри семейной ячейки.

Преобразуются отношения родителей с детьми и, в более общем смысле, между разными поколениями, и одновременно начинается процесс изменения значимости семейных связей во внутренних установках личности. Потому что в последние тридцать лет резко повысилась роль женщины -отсюда становится понятным и подъем феминистских движений - как в социальной, так и в семейной жизни, что увеличило ее экономическую независимость и свободу в решении вопросов, связанных с распоряжением собственным телом, материнством, сексуальностью и, в целом, в общих жизненных установках. В то же время в корне изменилось отношение к детям, уменьшилась неограниченная власть родителей, расши-

* Учитель сказал (лат.).

Глава 5

131

рились реальные знания о детях, о специфике их развития, об их потребностях. Параллельно с этим семья стала все больше терять значение в смысле некоего пространства, где происходит становление личности, отдавая часть своих старых функций другим механизмам социализации и формирования личности, таким как школа, двор или средства массовой информации.

В последние три десятилетия средства массовой информации захватывают все больше сфер общественной жизни, постоянно увеличивая скорость передачи сообщений и в огромной степени - объем информации, но также и возможности манипуляции этой информацией. Начиная с конца шестидесятых годов различные сферы культуры также включаются в поток массовой передачи информации, что усиливает во много раз возможности её распространения по всему миру.

Таким образом, преобразовав кардинальным образом школьное устройство и семейную структуру и открыв путь новым средствам информации, культурная революция 1968 года привела к полному и окончательному отказу от всех форм прежнего «воспроизводства культуры», действовавших с 1848 до 1968 г., заложив основы для реконструкции культурных механизмов, которой занимается человечество на протяжении последних тридцати лет.

И параллельно с той революцией и кардинальными последствиями, которые она вызвала, менялась западноевропейская и мировая историография. Не случайно, с 1963 года по всему миру начинают набирать силу и развиваться отрасли западной историографии, которые в качестве центральных выбрали темы культуры. В основе изучения истории культуры, которое приобретает разнообразные формы в различных культурных или национальных ареалах, лежали те же основные идеи, что были подняты, высказаны и поставлены во главу угла все той же революцией 1968 года. Именно единый субстрат культурного катаклизма 1968 года и вызванных им последствий лежит в основе как развития и популяризации англосаксонской психоистории, так и в широком распространении французской истории ментальностей. И то же самое можно сказать о самых

132

Критический подход к истории французских «Анналов»

новаторских подходах в русской исторической антропологии, об успешном развитии североамериканских исследований по истории идей, об упрочении направления итальянской

микроистории, которая занималась опять же культурной историей, о ряде ответвлений «новой социальной истории» в Германии, занятых новыми проблемами идеологии и форм сознания, а также о вновь поднятых некоторыми марксистскими историками в Англии темах, связанных с традициями и элементами народной культуры.

На протяжении последних тридцати лет развивается целый ряд исторических подходов, позиций и тенденций, общий смысл и задачи которых состоят в том, чтобы переопределить основные приоритеты представителей школы Клио, поставив в центр исследования проблемы, связанные со сферой истории культурных структур, поскольку эти структуры, преобразованные столь кардинальным образом, требуют от исторических дисциплин новых адекватных приоритетов и постановки новых проблем. Эта смена приоритетов изменяет также и взаимоотношения истории с другими дисциплинами, отодвигая на второй план географию, экономику и социологию, которые раньше ее питали, и выводя на авансцену антропологию, философию и социальную психологию.

В связи с разработкой новых приоритетов и стремясь к пониманию преобразований прошедшего тридцатилетия, историки начали заниматься темами, которым раньше уделялось мало внимания, популяризируя и активно развивая исследования по истории семьи, традиций и форм сознания рабочего класса, поднимая такие темы, как история страха или история чувств и ощущений, например, запахов, или изучая нормы общественной морали. Появляются исследования, в которых рассматриваются народные представления, зарождение идеи чистилища, мировоззрение мельника в XVI веке, история сумасшествия, карательные установки в классическую и современную эпохи, исследования по истории частной жизни и повседневности, о тройственной модели феодального порядка, об идее смерти, дехристианизации, образе ребенка в античности, представлениях о шабаше ведьм, и многое другое.

Глава 5

133

Это был воистину взрыв новых культурных тем, сопровождаемый параллельным возникновением множества новых подходов и точек зрения, что отразилось, несомненно, и в исторических исследованиях «Анналов» периода 1968-1989 годов, но имело значительно более широкое распространение и, фактически, относится ко всему развитию исторической науки после 1968 года.

Кроме того, благодаря новой общественной роли средств массовой информации, новые подходы в историографии теперь пропагандировались и транслировались через новые каналы коммуникации и информации, распространяясь по всему миру. Начиная с 1968 года тиражи книг по истории резко возросли, доходя в некоторых случаях до десятков тысяч. Такое массовое распространение привело к тому, что исторические знания превратились в предмет массового потребления, который, по своему успеху у публики, соперничает подчас с литературой, и, следовательно, им уделяют большое внимание как телевидение и радио, так и газеты и журналы, а также издательства, специализирующиеся на публикации тиражных pocket-буков и других массовых дешевых изданий. Историческая наука, поднимая темы, которые волновали всех, легко находила отзыв и спрос со стороны читающей публики.

Новый набор тем, новые взаимоотношения с другими социальными науками, а также формы воздействия и средства распространения среди читающей публики, изменили в историографии «пост-1968» соотношение влияний разных стран на развитие этой дисциплины. Так, мы уже утверждали ранее, что до 1968 года и, по крайней мере, с 1870 г., если не раньше, историческая наука функционировала таким образом, что имелся всегда лишь один главенствующий центр, вокруг которого сосредотачивалось большинство исторических нововведений, теоретических дискуссий, доминирующих направлений и самых значительных исследований. Этот центр служил образцом для историков других стран западного мира, и, таким образом, историческая наука в этих странах следовала, имитировала или воспроизводила установленную главенствующую модель. И мы видели также, как исторические исследования возглавляла сна-

134

Критический подход к истории французских «Анналов»

чала германоязычная историография, а потом французская; именно так шло развитие до 1968 года.

Но культурная революция, которая проявилась в особенности в событиях конца шестидесятых годов, прервала, среди прочего, действительные взаимосвязи между исторической наукой различных стран, что привело к ослаблению влияния Франции, которое она имела между 1930 и 1970 годами, но, одновременно, на более глубоком уровне, и все остальные виды централизации и господства в исторической науке. Так, после 1968 года в принципе исчезает какой бы то ни был общий центр, вокруг которого сосредотачиваются основные исторические исследования. Складывается ситуация, при которой существует множество разных центров, их число все увеличивается со временем, возникают и исчезают новые направления исторического исследования. Таким образом в течение последних тридцати лет не существует больше «доминирующей силы» в западной исторической науке, которая являлась бы привилегированным «образцом» для других, и все важные дискуссии, фундаментальные работы и самые крупные представители разных направлений в общей всемирной панораме исторических исследований распределены более однородно по различным культурным ареалам нашей планеты. Отсюда следует, что в последние тридцать лет «третьи» и «четвертые» «Анналы» во Франции не играют ведущую роль, а являются одним из направлений, таким же, как и многообразные ветви сложной матрицы «марксистов-анналистов», которую мы анализируем ниже, или как два основных направления итальянской микроистории, или как новая русская историческая антропология, или североамериканская «радикальная история», а также разные течения социалистической и марксистской британской истории, новой региональной латиноамериканской историографии или португальской институциональной истории, и множество других. Монополия на новаторство в истории исчезла, уступив место свободной и разнообразной конкуренции между историками всего мира, задача которых в настоящее время заключается также в том, чтобы определить новые задачи самой истории.

Глава 5

135

Кроме всего прочего, речь идет о процессе, который, по-видимому, выходит за рамки одной только сферы исторической науки или даже культуры в целом, процесса, который затрагивает саму ткань социума и социальной жизни - речь идет о процессе упадка самого принципа централизованности, то есть господства одного только элемента над остальными. Потому что совершенно очевидно, например, что с 1970-х годов и вплоть до настоящего времени рабочий класс прекратил быть единственным или центральным ядром движений протеста против существующей системы власти - все чаще в последнее время в этих движениях участвуют самые разнородные социальные слои. Также после мирового экономического кризиса 1972-1973 гг. Соединенные Штаты потеряли функцию центра западной мировой экономики, на смену их гегемонии пришло существование нескольких равных по силе экономических блоков, противостоящих друг другу в стремлении к новой гегемонии. Или точно также на смену ранее сплоченных движений протеста против капиталистического строя, выдвигавших экономические и политические требования, пришел целый ряд новых движений - феминистских, экологических, национальных, этнических, пацифистских, городских, движения многообразных меньшинств.

Идет быстрый отход от модели централизованности, на смену которой приходит модель множества и разнообразия, что в целом воспринимается также и как кризис «базовых интерпретативных моделей», что, естественно вызывает дискуссии на темы базовых интерпретаций в целом и попытки построения такого глобального методологического синтеза, при котором были бы возможны многообразные подходы, включая сюда как удобные, но бесплодные постмодернистские установки, так и другие, более творческие и критические, например, микроисторический подход итальянских историков.

Таков общий контекст, в котором разворачиваются «третьи» «Анналы» периода 1968—1989 годов. Он несет на себе ясный отпечаток тех последствий, которые принесла культурная революция 1968 года. Историческая наука этого периода может быть определена как история, обратившаяся к исследова-

136

Критический подход к истории французских «Анналов»

нию тем культуры, история, которая завоевывает определенный статус

благодаря средствам массовой информации и которая внутри себя оказывается в ситуации полицентризма, разнообразного соперничества в разработке и определении новых направлений, областей исследования, техник и фундаментальных парадигм.

И этим контекстом в значительной мере объясняются основные черты «Анналов», занятых проблемой ментальности и вопросами исторической антропологии. Эти «Анналы», как мы упомянули раньше, представляют собой полный разрыв с предыдущими этапами направления, то есть на них прерываются старые традиции. Этот разрыв проявляется изначально в сознательном отказе или переводе на второй план таких сфер исследования как экономическая и социально-экономическая история, которая занимала центральное место в исследованиях Марка Блока и Фернана Броделя. Отказ от этих ранее культивируемых тем совпал с одновременным переходом к новым сферам интереса, которым с того времени журнал стал уделять основное внимание - ментальности и исторической антропологии. Эта проблематика, весьма типичная для конъюнктуры после 1968 года, о которой мы упомянули раньше, мало помалу приобретала все большее значение для журнала, что в конце концов привело к возникновению и распространению двусмысленного и плохо определенного, скорее проблематичного, чем полезного термина «ментальности». И как вся западная историография после 1968 года стремится освоить различные явления культуры, так и «Анналы» будут принимать, продвигать и популяризировать во Франции и за ее пределами тот вариант истории культуры, что сейчас известен под названием «истории ментальностей».

Переместив центр тяжести с экономической и социальной истории на исследования в области исторической антропологии и «ментальностей», «Анналы» после 1968 года отошли также и от подхода с точки зрения глобальной истории, который играл столь фундаментальную роль на этапе броделевских «Анналов». Этот отказ от попыток использовать подход к истории с глобальной точки зрения сопровождался иногда прямыми

Глава 5

137

ссылками на трудность или даже невозможность создания глобальной истории, и, следовательно, замены «общей истории» в смысле, которое Мишель Фуко вкладывает в этот термин в книге «Археология знания». В других случаях этот вопрос сглаживается или заменяется утверждениями о необходимости более специфического, узкого подхода в новых проблемных областях истории. Это было ясно высказано третьими «Анналами» в некрологе, озаглавленном «Фернан Бродель (1902-1985)», напечатанном в первом номере журнала за 1986 год: «К чему скрывать? Фернан Бродель весьма сдержанно относился к журналу («Анналам»), ответственность за который он передал другим уже более пятнадцати лет назад, и от которого он все более отстранялся. Он объяснил причины своей сдержанности и критического отношения. Не отрицая, что журнал стал более разнообразным и частично обновился, он упрекал его в измельчении интересов и недостаточном внимании к важным темам. Его собственный проект касался глобальной истории, которая включала бы в себя наследие всех гуманитарных наук. Мы, напротив, посвящаем себя более ограниченному экспериментированию...»

Отказ от исследований в области экономической истории и от подхода с точки зрения глобальной истории сопровождался также отказом от дискуссий и от работ в сфере методологии и эпистемологии. Не случайно, что третьи «Анналы» не произвели на свет ничего аналогичного таким произведениям, как «Апология истории» Марка Блока или «Бои за историю» Лю-сьена Февра, или «Заметки по истории» Фернана Броделя. Самыми близкими по характеру к упомянутым текстам были: трехтомник работ разных историков, изданный в 1974 г. под общим заглавием «Делать историю» (*Faire l'histoire*), а также словарь «Новая историческая наука» (1978 г.). Обе книги являются плодом коллективной работы, в них собраны разнородные и внутренне не схожие тексты самых разных авторов, и соответственно, в них представлен самый широкий спектр позиций — от классического марксизма до некоторых постмодернистских текстов (со всевозможными промежуточными точками зрения). По этой причине эти собрания статей представ-

138

Критический подход к истории французских «Анналов»

ляют собой скорее выражение взглядов всех направлений французской историографии, чем собственно «Анналов». Отказ от теоретических изысканий был ясно выражен, например, тем же Жаком ле Гоффом, который в предисловии к вышеупомянутому словарю «Новой исторической науки», озаглавленном «Наука в движении. "Детство" науки» объявляет, что «новая история, действительно, хотя и постулирует необходимость теоретического размышления, но не является пленницей никакой идеологической ортодоксии. Она утверждает, напротив, плодотворность многообразных подходов, существование множества систем объяснения одной и той же проблематики». И это значило, что проект третьих «Анналов» сосредоточился исключительно на проблематике, затрагивающей изучение ментальности и на исторической антропологии, а не на выработке нового методологического подхода или создании теории, составленной из определенного набора парадигм, как это было в случае первых и вторых «Анналов». Воспроизводя, таким образом, кое-какие общие черты этого времени, черты, которые были характерны и для других течений исторической науки западного мира, «Анналы» после 1968 года отделились от «общих моделей», или от «глобального интерпретативного подхода», как и от идеи «синтеза», то есть от всего того, что придавало блеск и силу журналу до 1968 года. Вместо этого третьи «Анналы» занялись более ограниченными исследованиями, более узко очерченными темами. Не ставя перед собой масштабных задач, они занимались отдельными проблемами, что, естественно, привело их к некоему варианту идеологического и методологического «эклетицизма», который принимает без разбору любую эпистемологическую, теоретическую и историческую позицию при обращении к проблематике, связанной с исследованиями так называемых ментальностей. Интерес к новой проблематике, который отодвинул на второй план социально-экономическую историю, привел и к отказу от плодотворного диалога, который «Анналы» до 1968 года вели с марксизмом и различными современными разновидностями марксистских течений. Отказавшись от тематики, которая сближала их с последователями автора «Капитала», и оста-

Глава 5

139

вив в стороне вопросы теории, а также подход с точки зрения глобальной истории и связанные с этим эпистемологические дискуссии, «Анналы» третьего поколения таким образом закрывают все сферы, где ранее шел диалог с марксизмом, от которого они начинают все более отдаляться, что, однако, не воспрепятствует, как мы увидим ниже, продолжению того же диалога и даже его усилению в других центрах развития мировой исторической науки. С другой стороны, в результате того, что история теперь активно пропагандировалась средствами массовой информации, третьи «Анналы» превращаются, в духе времени, в генераторы исторических знаний, которые шаг за шагом проникают в массы, влияя на общественное мнение и общественную жизнь Франции, и одновременно усиливая позицию этого направления вплоть до полного взятия им под контроль академического и культурного истеблишмента франкоязычных стран. Когда книга Эммануэля Леруа Ладюри о Монтанью расходится тиражом 130 тысяч экземпляров за два с половиной года, и когда Жак Ле Гофф руководит еженедельной программой на радио «Понедельник, история», которая насчитывает тысячи слушателей, а телевизионную серию «Средиземноморье», координируемую Фернаном Бродемом, смотрят десятки тысяч телезрителей, тогда становится понятной известность «Анналов», известность, которая выходит далеко за пределы профессионального союза историков и научных академических кругов. И тогда же, в дополнение к этому, члены редколлегии «Анналов» начали сотрудничать с редакциями крупнейших издательских домов Франции *Gallimard* и *F. ammarion*, а также издаваться в еженедельных и месячных массовых журналах, таких как *L'Express*, *Le Nouvel Observateur* или *L'histoire*, выступать в телевизионных и радиопрограммах, например, в популярной программе «Apostrophes», а также принимать участие в комиссиях, разрабатывающих программы по истории для начального, среднего и высшего образования.

Таким образом, в эти годы «Анналы» влились в ряды французского культурного истеблишмента, превратились в «предмет культурного экспорта», продвигаемый французскими по-

140

сольствами по всему миру. Посольства, кроме того, непосредственно поддерживали работы по переводу трудов «анналистов» на всевозможные языки во всех странах, а также организовывали курсы и конференции, популяризирующие идеи «Анналов». И на этой кульминационной точке широкой известности и популярности как раз и завершился тот этап «Анналов», что начался в 1956 году. В целом, «Анналы» на протяжении всей своей истории были настроены критически по отношению к существующему истеблишменту, выдвигали радикально новаторские и революционные программы в теории и в методологии истории, и, следовательно, вызывали на себя нападки со стороны официальной историографии, представленной академическими кругами франкоязычных стран. С переходом в ряды истеблишмента «Анналы» теряют свой боевой задор, а также интерес к теории и методологии, в них появляется склонность к эклектическим построениям, они в этот период становятся частью официальной историографии и господствующих академических кругов, которые их принимают, интегрируют и популяризуют во всем мире. Вот что сказал Бродель в интервью, данном на праздновании окончания коллоквиума в Бин-гхемтоне в 1977 г. и озаглавленном «Вместо заключения»: «...Мои преемники имеют перед собой более трудную задачу, чем стояла передо мной. «Анналы», хотя бы они этого или нет, но стали теперь частью истеблишмента, стали силой, и теперь могут спокойно существовать, не имея врагов. И это выдвигает много проблем. Я не говорю, что необходимо непременно обзавестись врагами, чтобы упростить задачу развития «Анналов», но очень трудно быть еретиком и новатором, когда, вдруг, вы стали причастны каким-то образом к ортодоксии».

Одновременно с потерей своего прежнего еретического, критического, вызывающего и боевого характера, третьи «Анналы» в своем внутреннем развитии отчетливо продемонстрировали и новую общую черту того времени — многополярность и отсутствие влиятельного центра. И в связи с этим, в связи с исчезновением модели централизации, третьи «Анналы», что часто повторял Фернан Бродель, утратили и «директивную линию», которая объединяла бы их идейный проект. Так, если

Глава 5

141

«Анналы» Марка Блока строились вокруг сравнительной и глобальной истории, «Анналы» Люсьена Февра — на оси «истории-проблемы», а броделевские «Анналы» — на подходе с точки зрения «времени большой длительности», то третьи «Анналы» не имели, напротив, никакой узнаваемой оси парадигм, которая служила бы основой для построения новой издательской политики и прочного идейного проекта. Потому что исследования, связанные с ментальностью и с исторической антропологией не опирались на какие-то ясные методологические парадигмы или теоретические подходы, а лишь очерчивали новое поле проблем, к которому можно подступиться (как это и случилось) с самых разных точек зрения, используя многообразные подходы и методы.

Тогда — и это соответствовало многополярности исторических подходов, разворачивавшихся после 1968 года, — характерной чертой «Анналов» новой конъюнктуры 1968–1989 годов стало сосуществование многообразных идейных позиций, ни одна из которых не являлась доминирующей. Это ясно выразилось в широком разбросе тем и методов исследования, начиная от работ по исторической антропологии Эммануэля Ле-руа Ладюри до истории ментальностей Жака ле Гоффа, наряду с экспериментальной историей Марка Ферро, критической антропологической историей Люсетт Валенси (Lucette Valensi) или различными подходами Андре Бургьера (Andre Burguiere) и Жака Ревеля (Jacques Revel), Разные авторы и очень различные подходы, единственный общий знаменатель которых — единство тематического пространства, связанное с анализом и описанием всего *ментального* и *антропологического*. Но отказавшись от эпистемологической работы своих предшественников и от методологических дискуссий, сторонники этого подхода перестали играть главенствующую роль в западноевропейской и мировой исторической науке. Хотя, парадоксальным образом, благодаря уже упомянутому выше активному распространению исторических знаний через средства массовой информации и благодаря включению представителей «Анналов» во французский культурный истеблишмент, именно это историческое направление, уже не

являясь главенствующим в смысле новаторства и определения! новых тенденций в исторической науке, широко распространилось по всему миру. Историков-последователей тех «Анналов» можно найти ныне в самых разных странах. Направление «Анналов», избежав опасности замкнуться в узком академическом кругу, освоило обширные культурные пространства и имеет успех у массовой публики.

В определенном смысле, «Анналы» ментальностей и исторической антропологии напоминают нам те далекие звезды, интенсивность блеска которых нарастает как раз в тот момент, когда они уже гаснут. Третьи «Анналы» получили распространение и известность в планетарном масштабе, уже утратив ведущую роль в западноевропейской и мировой исторической науке, роль новаторов, определяющих главные направления развития исторических исследований.

* * *

В мае — июне 1969 года, освоив главные уроки культурной революции 1968 года, которую сам он сравнивал с западноевропейским Возрождением или Реформацией, Фернан Бродель принимает полностью свободное и добровольное решение сложить с себя полномочия по управлению журналом и передать руководство *Annales. Economies. Societes. Civilisations* триумvirату, составленному из Эммануэля Леруа Ладюри, Жака Ле Гоффа и Марка Ферро. Это было вполне логичное и закономерное решение, вызванное не только ясным пониманием изменения общественной и идейной конъюнктуры, но, помимо прочего, тем, что, начиная с 1962-1963 гг., Бродель, после трудного разрыва с Робертом Мандру начал понемногу отдаляться от работы в журнале, перекладывая все больше дел на нового секретаря редакционного комитета, которым тогда был Марк Ферро.

Таким образом, в наступившем после 1968 годановом «контексте», характерные черты которого мы уже обрисовали выше, третьи «Анналы» начали разворачивать новый проект. С самого начала третьего этапа он имел двойную направленность, ориентируясь, с одной стороны, на историческую антропологию, которой занимался Эммануэль Леруа Ладюри, подтвер-

Глава 5

143

див этот интерес работами о Монтайю и о карнавале, и с другой - на историю ментальностей, которая была представлена «Рождением чистилища» Жака Ле Гоффа. Две линии, которые позже превратятся в три, когда к ним присоединится проект по современной истории, более экспериментальной и более близкой проблемам XX века, который вел Марк Ферро. Но так как эта линия не была поддержана другими членами редакционной коллегии журнала, остались лишь две вышеупомянутые: именно они определяли общие ориентиры и явились основной идейной программой третьих «Анналов».

Обе линии, хотя и обладают некоторыми чертами, общими для всей историографии после 1968 года, но одновременно имеют и большие отличия.

Когда мы говорим об исторической антропологии третьих «Анналов», то речь идет, прежде всего, об исторических исследованиях, которые обращаются к наиболее классическим темам и проблемам антропологии, пытаясь найти новые объяснения с помощью обычных инструментов исторического анализа. Речь идет об исследовании, рассмотрении, а затем анализе и понимании всего сложного универсума *социальных практик и бытового уклада*, того, чем традиционно занимались антропологи. При этом, как в уже упомянутой книге о Монтайю, рассматривается история организации брака, домашний уклад, бытовые привычки, касающиеся еды, гигиены или секса, ритуалы общения в целом, а также механизмы передачи и распространения культурных навыков и знаний. Антропологическая история развивается в третьих «Анналах» сначала Эммануэлем Леруа Ладюри, а затем Люсетт Валенси (она в основном сосредоточилась на истории исламского мира и мусульманского Средиземноморья), и, хотя в них и затрагивались отчасти некоторые темы и проблемы культуры, но, в основном, эти исследования были направлены на практические реалии, представленные моделями поведения, привычками, способами организации и социальными отношениями в человеческих сообществах. Эта линия исторического исследования, которая расцвела благодаря упомянутым работам Эммануэля Леруа Ладюри и Люсетт Валенси, не получи-

144

ла, однако, широкого распространения во Франции вне работ её уже упомянутых основателей. Напротив, вторая линия, или ответвление, «Анналов» после 1968 года, так называемая история ментальностей, сосредоточилась, в основном, на исследовании ментальных представлений, коллективных восприятиях, культурных универсумах, чувствах и верованиях общества в определенную эпоху, и, следовательно, на изучении различных аспектов *культурной реальности* или «ментальностей» людей (что не помешало - и не случайно - тому, что в некоторых из столь различных определений того, что подразумевается под «ментальностью», в нее были включены также и практические реалии, которые изучает историческая антропология, что, по нашему мнению, лишь еще более увеличивает и так весьма большую неопределенность термина и его двусмысленность). Вторая линия внутри «Анналов» культивировалась в первую очередь Жаком Ле Гоффом, а вне их - более или менее близкими к ним исследователями, среди которых - Жорж Дюби, Филипп Арьес, Мишель Вовель, Жан Делюмо, Ален Корбен и др.

История ментальностей, исследования в русле которой поддерживались «Анналами» третьего поколения, достигла большого распространения и известности как во Франции, так и во всем мире, так что в конце концов она многими стала восприниматься как главный вклад третьих «Анналов». Но если рассмотреть более подробно работы основных представителей третьего поколения анналистов, то станет ясно, что история ментальностей была создана скорее вне «Анналов», а «Анналы» только помогли, поддерживали это течение. И хотя через работы Ле Гоффа «Анналы» также приняли участие в истории ментальностей, но совершенно очевидно, что они не являются ни пионерами этого направления в 1960—70-х годы — пионерами были скорее Робер Мандру, Жорж Дюби, Мишель Вовель и Филипп Арьес — ни также его единственными значительными представителями.

Вопреки общему мнению, настойчиво повторяемому многими из исследователей «Анналов» в целом, и третьих «Анналов», в частности, полностью ложным является утверждение,

Глава 5

145

что третьи «Анналы» представляли собой «продолжение» или «продление» истории «ментальностей» Люсьена Февра и Марка Блока, развитой ими тридцать, или сорок, или пятьдесят лет назад. Поскольку, во-первых, хорошо известно, что история ментальностей Люсьена Февра существенно отличается от истории народных верований, которой занимался Марк Блок. В письме к Люсьену Февру от 8 мая 1942 года он называет используемое Февром наименование «ментальность» - «посредственным термином», который «может привести к некоторой двусмысленности». Основатели «Анналов» принадлежали к двум различным направлениям в своем подходе к истории культуры, и, кроме того, ни одна из «моделей» основателей «Анналов» не имитировалась и не была продолжена главными представителями «Анналов» 1968-1989 годов. Как справедливо отметил Фернан Бродель, истинным продолжателем уникального подхода к истории ментальностей, которой занимался Люсьен Февр, был Мишель Фуко. А истинным продолжателем сложной модели анализа коллективных народных верований, представленной в книге Марка Блока «Короли-чудотворцы», по нашему мнению, является Карло Гинзбург, что стало ясно уже из его монографии «Сыр и черви», но проявилось наиболее ярко в его блестящей «Ночной истории».

Изучение истории ментальностей третьими «Анналами» не является продолжением ни работ Марка Блока, ни работ Люсьена Февра, но определяется, напротив, открытым критическим противопоставлением традиционной истории идей, отчетливым разрывом с этой традицией и стремлением ее преодолеть. Если эта история идей была всегда историей крупных мыслителей, выдающихся мастеров, знаменитых создателей философских или политических систем и известных изобретателей, или, в другом варианте, историей избранных литературных, научных, политических или гуманистических течений, воплощенных интеллектуальной элитой, то история ментальностей стремится изучать, напротив, не историю элиты или индивидов, а историю коллективных верований, чувств и представлений целой эпохи, или ряда обществ, или некоторой цивилизации в целом. Кроме того, и в противовес традиционной истории, изучающей лишь те духов-

146

Критический подход к истории французских «Анналов»

ные факты, что смогли воплотиться в осознанные мыслительные системы, имеющие структурное философское или научное обоснование и связанные с другими аналогичными системами, история ментальностей пробует охватить также различные взгляды, способы поведения и неосознанные установки, способы поведения, которые еще не концептуализированы и иногда даже явно не сформулированы.

Представляя собой, таким образом, шаг вперед по отношению к уже устаревшей истории идей, история ментальностей, воспринятая и практикуемая третьими «Анналами», подверглась, однако, почти с самого начала, серьезной и достаточно справедливой критике. Во-первых, неоднократно критиковалось неопределенное и неточное, а иногда и явно двусмысленное понятие ментальноеTM. Это понятие представляет собой скорее коннотацию, чем строго определенный термин, и было определено очень по-разному у различных авторов, которые пробовали его сформулировать. И таким образом оно приобрело, скорее, тематическое значение, то есть обозначало принадлежность к некоему не слишком точно очерченному кругу проблем, чем ясный и строго установленный смысл. Даже сам Жак Ле Гофф характеризует термин «ментальность» как «двусмысленный», служивший как бы общей «крышей», под которой нашли себе приют исследования разной значимости и весьма различной глубины.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить явно различные, а иногда и взаимоисключающие определения, которые дали понятию «ментальность» такие авторы, как Робер Манд-ру, Жорж Дюби, Мишель Вовель, Филипп Арьес и Жак Ле Гофф. Становится ясно, что речь идет о термине, который никогда всерьез не подвергался теоретической разработке и изобретение которого вызвано стремлением условно обозначить каким-то образом, хотя бы временно, новую проблематику, которую проигнорировала традиционная история идей. Стремление это было сильно подстегнуто культурной революцией 1968 года, которая сделала эту проблематику актуальной и требующей исследования и объяснения. Это служит также объяснением того, почему в тот момент почти любая экзотическая и нео-

Глава 5

147

бычная тема исследования могла быть причислена к «истории ментальностей» - в нее включались тогда все вышеупомянутые темы, относились ли они к проблемам исторической антропологии или к изучению истории повседневности, или же к исследованиям в области лингвистики, фольклора или истории искусства. Этим объясняется и тот факт, что почти сразу же проблема ментальностей привлекла общее внимание, и началась дискуссия о том, как увязываются эти «ментальности» с другими понятиями, некоторые из которых опирались на теоретически прочную традицию и были гораздо более разработаны - речь идет о таких понятиях как «идеология», «форма сознания», «культура», «воображаемое», «бессознательное»: какие связи между ними существуют, можно ли их объединить, или включить, или охарактеризовать специфические связи между ними.

Второй пункт, по которому понятие «ментальности» подвергалось критике, также имел отношение к недостаточной строгости описания и недостатку систематичности. Речь шла о том, что расплывчатость понятия, его незавершенность, оставляет в подвешенном состоянии важный вопрос о связи вышеупомянутых «ментальностей» - каким бы ни было их содержание — с более обширным представлением совокупной социальной целостности («тотальности»), или с социумом. Этим понятие «ментальности» отличается, например, от понятия «идеологии», которое всегда необходимым образом связано с определенными классами и общественными группами, с экономической реальностью или с общественными конфликтами, например, в той же сфере культуры. Понятие «ментальности», будучи двусмысленным и неопределенным, обходит эти связи молчаливым, открывая тем самым простор самым различным позициям, одни из которых претендовали на абсолютную автономию и объяснительную самодостаточность «ментальной» реальности, другие, наоборот, пробовали навести различными способами мосты со всем, что относится к социуму. Все авторы, занимавшиеся ментальностями, чувствовали себя вынужденными вводить собственное определение и, в итоге, каждый автор решал своим собственным способом эту задачу соедине-

148

ния с остальными частями или уровнями всего комплекса социальной структуры.

Помимо прочего, подтверждением уже отмеченного выше факта является то, что история ментальностей не имела ни теоретической парадигмы, ни методологического подхода, а являлась лишь новой тематической областью, которую можно было исследовать на основе очень различных точек зрения, подходов, парадигм или исторических гипотез.

И наконец, третий и главный пункт критики в адрес понятия ментальности - это его так называемый «межклассовый» или универсальный характер. Поскольку, если мы утверждаем, как это делает Жак Ле Гофф, что ментальность - это то, «что объединяет Наполеона с самым смиренным из его солдат, или Христофора Колумба с последним из его матросов», то мы неизбежно исключаем из рассмотрения конфликт классов в культурной сфере и значимое различие между культурой господствующих классов и народной культурой. Игнорирование этих важнейших параметров при анализе культурных явлений неизбежно подрывает возможность анализа всей разнородной реальности, охватываемой понятием «ментальности». Эти три пункта, постоянно выдвигаемые критиками французского направления истории ментальностей, однако не воспрепятствовали его широкому распространению как во Франции, так и за ее пределами на протяжении всей конъюнктуры 1968-1989 годов. Это стало неоспоримым свидетельством тех действительно глубинных изменений в культуре и обществе, что начались после революции 1968 года, и свидетельствовало также о существовавшей в обществе того времени насущной необходимости освоить и идейно проработать вышеупомянутые изменения.

Итак, история ментальностей в семидесятые и восьмидесятые годы достигла во Франции пышного расцвета и стала считаться самым важным культурным вкладом третьих «Анналов». Однако, как мы уже сказали, это направление в те годы не было однородным и не имело четко определенных границ, напротив, его развитие шло на основе различных подходов и сильно отличающихся моделей. Интересно, что до сих пор ни

Глава 5

149

исследователи, изучающие историю направления «Анналов» в целом, ни те, кто сосредоточился на анализе третьего поколения анналистов и истории ментальностей в особенности, не пытались выявить общую схему, типологию различных моделей «истории ментальностей», моделей, которые распространились во французской исторической науке непосредственно после 1968 года.

Эта общая типология, которая несомненно заслуживает более тщательной разработки, но даже и в ограниченном масштабе вполне отчетливо могла бы указать на различия между несколькими «моделями» подхода к истории ментальностей, может быть представлена примерно в таком виде:

1. Модель автономной, самодостаточной и почти идеалистической истории ментальностей. Это модель, примером которой может служить работа Филиппа Арьеса «Человек перед лицом смерти». В ней исследуется эволюция и изменение различных взглядов на смерть, или, в более теоретическом плане, изменения тонкого и трудно уловимого «коллективного бессознательного». Этот подход полностью абстрагируется от социального контекста, от реальных и материальных изменений, происходящих в обществе, в котором вырабатывались представления о смерти, и стремится объяснить их исключительно «психологическими» факторами, такими как сам по себе прогресс сознания, отказ от природной дикости, верой в жизнь после смерти или верой в существование зла. Эта модель опирается на одну только впечатляющую и иногда очень интересную эрудицию, но ограничивается течкой зрения на ментальность как явление, которое имеет объяснения в себе самом и абсолютно не зависит от других сфер или процессов, происходящих в социальной реальности.
2. Вторая модель - это модель истории, или, скорее, археологии и генеалогии дискурсивных структур и основ строения человеческой речи. Совершенно оригинальная модель, высказанная в некоторых работах Мишеля Фуко («История сумасшествия в классическую эпоху», «Слова и вещи» или «Наблюдать и наказывать»), отрицающая само понятие «ментальности» и необходимость подходить к проблемам с традиционной

точки зрения линейной хронологической последовательности, явилась, однако, в некотором смысле продолжением истории ментальности, предложенной Люсьеном Февром в его книге «Религия Рабле, Проблема религиозного неверия в XVI веке». Более чем очевидно, что между «духовной оснасткой» Февра и «эпистемами» Фуко имеется определенное сходство: оба термина использовались авторами, чтобы различить, какие мыслительные образы и представления являются возможными, а какие - невозможными, когда речь идет о какой-либо исторической эпохе. Модель археологии и генеалогии речи, опирающаяся на сложный синтез философии, лингвистики и истории науки была с восторгом встречена третьими «Анналами», но вне упомянутых работ Мишеля Фуко практически не имела последователей.

3. Третью модель мы могли бы назвать неопозитивистским, или чисто описательным подходом к ментальностям: это вариант, который на основании отказа от точки зрения глобальной истории и от разработки методологических проблем, культивировал в основном чисто описательные работы по истории семьи, истории отношения к человеческому телу, к вопросам смерти, и т.д.. Такие исследования ограничивались лишь тем, что удачно вскрывали или давали представление о наличии тех или иных верований и представлений в ту или иную эпоху в определенном обществе, не стремясь при этом к выработке общих моделей или более углубленных объяснений, которые могли бы иметь значение за пределами тематики, которой они посвящены. Эта модель «историзации» ментальности строится на старой, чисто повествовательной и описательной позитивистской основе. Она и сейчас применяется, что еще раз свидетельствует о том, что «ментальность» определяет сферу исследования, а не метод, поскольку к нему применимы любые подходы или точки зрения, включая даже традиционные. Эта модель присутствовала также и в третьих «Анналах» и имела некоторое распространение во Франции, но еще чаще применялась в постфранкистской Испании, а также, в последнее двадцатилетие, в некоторых направлениях латиноамериканской историографии.

Глава 5

151

4. Четвертый подход к ментальностям является социологическим или социально-экономическим. Его мы находим в работах Жоржа Дюби, например, в книге о тройственной модели, или о ментальных представлениях в эпоху феодализма. В рамках этого подхода была предпринята более серьезная попытка включить понятие ментальности в социально-экономический контекст, в нем чувствуется влияние некоторых марксистских воззрений. И, таким образом, обращаясь вновь к идеям разделения общества на противоборствующие классы и помещая понятие менталитета в рамки социума, эта модель истории ментальностей оказывается гораздо ближе, чем другие, к прежнему подходу с точки зрения глобальной истории, который отстаивали и продвигали Марк Блок, Люсьен Февр и Фернан Бродель. И хотя, несомненно, здесь речь ни в коей мере не идет о марксистской истории, тем не менее эта модель не нашла большого отклика в третьих «Анналах», которые поддерживали другие варианты той же истории ментальностей. Это, однако, не препятствовало тому, что некоторые из работ Жака Ле Гоффа, например, «Рождение чистилища», можно тоже отнести к этой четвертой модели.

5. И наконец, модель «серийной» истории ментальностей, которая является также Критической историей и представлена книгой Мишеля Вовеля «Вера в эпоху барокко и дехристианизация в Провансе в XVIII веке». Этот подход явно носит отпечаток влияния Лабрусса, который стремился освоить так называемый третий уровень в исследованиях ментальности, вооружившись всеми инструментами и методами количественной, и прежде всего серийной, истории, и одновременно гораздо более ясно и отчетливо вводил критические положения марксизма в качестве фундаментальной основы для интерпретации. В этом варианте вновь поднимается вопрос о связи между идеологией и ментальностью, причем менталитет помещается в старую схему в виде третьего «уровня», сопоставленного и связанного как с базовым экономическим уровнем, так и с промежуточным социальным. Этот вариант модели изучения ментальности, хотя не нашел сильной поддержки в «Анналах» третьего поколения, является еще одним из многих проявлений

идейного совпадения между «Анналами» и марксизмом, о чем мы будем говорить ниже. Третье поколение анналистов между 1968 и 1989 гг. группировалось, в основном, вокруг издания журнала «Анналы. Экономика, общество, цивилизации» и имело последователей во Франции и по всему миру, занимавшихся исследованиями в русле истории ментальностей и исторической антропологии. В тот же период в мировой историографии шел процесс создания и распространения целого ряда проектов и идей, общим для которых было стремление, с одной стороны, приблизиться, вести диалог, или любым другим способом вновь установить контакт с наследством, оставшимся от первых двух этапов существования направления «Анналов». С другой стороны, они ставили своей целью освоить наследство и фундаментальные идеи различных и многообразных марксистских течений двадцатого века. Это освоение разворачивалось одновременно и внутри третьих «Анналов» и не зависело от особенностей и различий между внутренними течениями направления «Анналов». Без понимания этих особенностей невозможно понять ту роль, которую сегодня играют или могут сыграть «Анналы» в дальнейшем развитии, в мировом масштабе, современных подходов в исторической науке.

Глава 6

Та же «конъюнктура»

1968-1989 годов: марксистские «Анналы» или марксисты-анналисты?

Культурная революция 1968 года затронула практически все важные области современной культуры. И, естественно, она также существенным образом повлияла на разнообразные марксистские течения того периода, рассеянные по всему миру. Марксистские течения разного толка имели весьма различный статус в обществах, в которых они развивались. Сюда относятся и те, что превратились в «государственную идеологию» - доктрину, преподаваемую на основе упрощенных учебников, которые ограничивали развитие общественной мысли, и те последователи настоящего критического марксизма, что всегда находились в оппозиции, в меньшинстве и занимали маргинальное положение. Эти последние представители марксизма стремились творчески разработать оригинальные идеи Карла Маркса и объяснить на их основе явления двадцатого века, современниками которого они являлись.

Двадцатый век породил огромное разнообразие марксистских взглядов. Между названными выше полюсами располагались всевозможные промежуточные позиции. Имелся как гуманистический марксизм, который противостоял структурализму, так и экономический марксизм, противостоящий политическому и воинствующему. Существовали также сталинисты, выступавшие против троцкистов, «ленинисты», «ревизионисты», «люксембургисты» и др. Все эти марксистские течения XX века отличались друг от друга, иногда они сменяли друг друга, а иногда сосуществовали, например, марксизм Грам-

154

Критический подход к истории французских л Анналов»

ши, Франкфуртская школа, австрийское направление марксизма, марксизм Хосе Карлоса Мариатеги, альтюссеризм, англосаксонский марксизм, «спартаковский» марксизм Хосе Ревуэлтаса, а также маоизм и множество других вариаций.

Разнообразные течения марксизма в XX веке в большинстве своем, за исключением уже упомянутой маргинальной линии, достаточно отделились от первоначальных взглядов его основателей и утвердились в качестве доминирующей версии через коммунистические партии Третьего Интернационала. Эти представители марксизма следовали, в основном, упрощенным и сокращенным вариантам марксистской мысли, удовлетворяясь повторением ряда «марксистских истин», лишенных реального содержания и обоснования. Пропагандируемый ими схематический подход на основе вырванных цитат был весьма далек от хорошо разработанных, сложных и оригинальных взглядов Карла Маркса.

В большинстве культурных пространств западного мира тот марксизм, который действительно являлся выражением реального революционного социального движения, первоначально был почти разгромлен, затем, во время первой мировой войны, погибли лучшие его представители, а позднее начался процесс его постепенного инкорпорирования в состав различных обществ Западной Европы и западного мира. В итоге, руководящая элита социальных и рабочих движений, которые по своему происхождению были действительно

революционными и стремились бороться с господствующей системой, преобразовалась понемногу в простую реформистскую бюрократию, которая удерживала протест рабочих и социальные требования в рамках, дозволяемых этой самой системой, а в идейном плане придерживались ограниченной и почти карикатурной версии марксизма.

Но события 1968 года, как мы уже упоминали, привели также и к слому структур функционирования прежних «старых левых» - они покончили с бюрократическим реформистским левым движением, которое стимулировало распространение «вульгарного» марксизма. Вслед за радикальным преобразованием культурных структур и революционными движениями

Глава 6

155

1968 года, разразился мировой экономический кризис 1972— 73 гг., обозначивший начало конъюнктуры экономического упадка, которая длится и до сегодняшнего дня, и которая, наложившись на движения переломного 1968 года, вновь подняла по всему миру волну активных движений протеста, борьбы с существующей системой, движений, разворачивавшихся во всех частях света на протяжении последних тридцати лет.

Эти социальные движения протеста не были одним только простым возрождением рабочих и крестьянских движений, которые существовали ранее, одновременно появились новые и очень оригинальные общественные движения, раньше почти никогда не возникавшие или имевшие лишь локальный характер. Итак, параллельно тому, как теряли силу и сходили на нет старые формы культурного воспроизводства, чтобы быть замененными другими, укреплялись и росли новые варианты общественного протеста. Появляются феминистские и экологические движения, идет рост антивоенных движений протеста, студенческих и антирасистских, возникают движения хиппи, этнические движения многообразных меньшинств - во всем этом прослеживается очевидная связь с последствиями и результатами 1968 года. Новые способы борьбы против существующей системы не только укрепляют и делают более комплексным общий фронт борьбы против господствующего капитализма, но также определяют и полностью обновляют список фундаментальных проблем и тем, которые общество ставит перед своей интеллектуальной элитой, требуя от нее анализа и понимания происходящего.

Именно тогда перед марксизмом и различными марксистскими течениями, равно как и перед всеми думающими людьми той эпохи, были поставлены новые проблемы, требующие своего разрешения. Необходимо было дать ответ на те вопросы, которые возникали в связи с распространением новых движений против существующей системы, вопросы, которые они ставили во главу угла. Каково положение женщины в семье, в экономике и в обществе? Как влияют современные технологии на окружающую среду, и как можно ограничить её эксплуатацию? Как следует относиться обществу к своему «природ-

156

Критический подход к истории французских л Анналов»

ному окружению»? В чем причины войн, и какую роль они сыграли в истории народов? Как создать условия для действительно продолжительного и всеобщего мирного существования? Каковы факторы воспроизводства насилия в современном обществе? Каковы взаимосвязи между войной, обществом и политикой? Какова общественная роль студентов? Имеет ли студенческое движение долговременные перспективы? И как это связано со школьным образованием и, в целом, со способами передачи знаний? В чем заключаются причины расовых конфликтов в различных современных обществах? И в какой степени они сочетаются с классовой борьбой и другими возможными формами социального протеста? Какие перспективы имеет современная семья? Какие возможны альтернативные формы семьи? Какую роль могут сыграть движения, возникающие в различных городских кварталах, новых жилых комплексах и вообще на различных территориях современного городского пространства? А также движения эндогенного населения или этнических меньшинств? Или же выступления особых групп, исключенных из общества - заключенных, гомосексуалистов, рабочих-иммигрантов и т. д.? Это целая серия фундаментальных вопросов, которые до 1968 года отнюдь не являлись главными темами или предметами систематического изучения марксистов и интеллектуалов в целом. Эти вопросы были поставлены на повестку дня и стали

объектом пристального внимания только в последние тридцать лет. Было очевидно, что ни «старые левые», ни господствовавший во многих странах упрощенный догматический марксизм не были способны дать ответ - ни на практике, ни в теории - на насущные проблемы новых движений против существующей системы, требовавшие срочной идейно-теоретической разработки. Таким образом, перелом 1968-1972/73 годов стал также окончательным кризисом старых левых сил и вульгарного доминирующего марксизма, кризисом, который привел в итоге к возникновению и развитию различных «новых левых», более радикально и критически настроенных, чем левые движения до 1968 года. И точно так же, после 1968 года, возникло чрезвычайное множество марксистских течений, которые занялись

Глава 6

157

исследованием новых социальных фактов и объектов, бросили свои силы на анализ всплывших в эти годы сложных тем, проблем и явлений современности.

Пристальное внимание со стороны «новых левых» и новых марксистских течений к явлениям конъюнктуры 1968-1989 годов побудило их к тому, что, отставив позиции своих предшественников, внимание которых сосредотачивалось в первую очередь на исследовании и изучении экономических и политических тем и проблем, они занялись анализом и обсуждением новой тематики, пытаясь решить вопросы, поставленные на повестку дня «конъюнктурой» после 1968 года, вопросы, которые мы вкратце перечислили выше. И, как логическое следствие такого отношения, некоторые прежние марксистские течения и новые марксисты отставили также свои старые предубеждения против «буржуазной науки» и всего того идейно-культурного наследия, которое считалось ее выражением. Они вступили в более открытый и разносторонний диалог с другими культурными традициями, диалог, который позволил «новым левым» неомарксистского толка освоить главные результаты, достигнутые общественными науками в течение XX века. Это одновременно сблизило их с другими критическими точками зрения, которые, хотя и не относились к марксизму, но также развивали современные взгляды на социальную проблематику.

Они использовали прежний опыт диалога, конфронтации и открытой дискуссии, который (хотя он был забыт вульгарными марксистскими течениями) поддерживался самими выдающимися представителями настоящей критического марксизма. Фактически, начиная с Ленина и Розы Люксембург и до Мао, включая Георга Лукача, Карла Корша, Антонио Грамши, Хосе Карлоса Мариатеги и Франкфуртскую школу, множество левых интеллектуалов подвергали резкой критике господствующий марксистский дискурс с тем, чтобы вновь обратиться к непосредственному наследию, относящемуся к реальной деятельности и взглядам Карла Маркса.

В русле одного из многообразных диалогов, которые развернули «новые левые» в области исторической науки, шло

158

Критический подход к истории французских «Анналов»

освоение, исследование и критическое восстановление ими наследия направления «Анналов» в целом, и, в частности, вклада «Анналов» периода 1929-1968 годов. Процесс освоения и узнавания шел параллельно с процессом отхода третьих «Анналов» во Франции от наследия их предшественников. Эти два одновременных и параллельных движения как бы дополняли друг друга. В результате, именно тогда, когда французские «Анналы» периода 1968-89 годов отходят от исследований в области экономической и социальной истории, марксисты продолжают развивать эти сферы исторического исследования, которые оказались для них точкой соприкосновения с идеями бродячих «Анналов», сферы, в которых они обладали своим собственным значительным опытом и традицией. С этого периода историки-марксисты начинают заниматься этими темами на основе критических взглядов, полученных в наследство от Маркса, но также интегрируя в своем анализе идеи и взгляды, заимствованные у Марка Блока и Фернана Броделя. И ввиду того, что труды двух последних авторов опирались на подход с точки зрения глобальной истории, - а для марксистов, начиная с самого Маркса, всеобъемлющий целостный подход является весьма привычным для постановки и видения проблем, — то они начинают активно отстаивать в историографии тот самый подход, от которого, как мы видели, сознательно отказались третьи «Анналы», предпочитая ему более

конкретные и ограниченные исследования.

И то же самое происходит с эпистемологической дискуссией и с разработкой теории, то есть с теми двумя принципами, которые играли столь важную роль в первых и во вторых «Анналах», и от которых отказались «анналисты» третьего поколения. Это позволило марксистам, которые приобщились к кругу «анналистов», заняться продолжением концептуальных и методологических разработок, то есть как раз тем, что всегда являлось самой сильной стороной наследия Карла Маркса. И в то время как французские «Анналы», занятые изучением истории ментальностей или исторической антропологией, погружаются в подробное и тщательное исследование многообразных элементов, посвящая монографические труды описа-

Глава 6

159

нию деревни, или занимаются изнурительной и требующей огромной эрудиции реконструкцией генезиса, распространения и влияния средневековых христианских представлений о чистилище, в это самое время марксисты продолжают поиски общих объяснений и разрабатывают долговременные теоретические модели, которые напоминают как модель глобальной социальной структуры, представленную в работе Марка Блока «Феодальное общество», или общую модель объяснения капитализма, которая была представлена в книге Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм», но также опираются на модели, содержащиеся в «Капитале» и в других важных работах Маркса. И для завершения этой почти совершенно симметричной картины можно отметить, что в то время как «Анналы» конъюнктуры 1968-1989 годов почти полностью сращиваются с государственными институтами, объединяясь с академическим истеблишментом и с официальной французской культурой, современные им марксистские течения, испытавшие сильное влияние «Анналов», напротив, опираются на «золотое дно», разрабатывая богатейшую жилу - наследие первых и вторых «Анналов». Продолжая работать в этом направлении, они пытаются создать другой подход к истории, отличный от стандартных общих мест марксистской критики, одновременно разворачивая критику апологетических или ревизионистских интерпретаций, и всегда противостоят течениям официальной истории, имеющей уже признанные привилегии. Этот всегда новаторский подход к истории, который борется с привычными «очевидностями», возвращает их к тому, что было отвергнуто ранее, заставляет говорить о том, о чем ранее умалчивалось, при этом вдохновляясь поисками бескомпромиссной исторической правды, имеющей характер настоящего «предприятия анализа», о котором говорил Марк Блок.

И в то время, когда некоторые марксисты из «новых левых» сближаются с наследием «Анналов», некоторые анналисты, которые активно участвовали в построении броделевских «Анналов», но отошли от третьих «Анналов», когда обозначился четкий идейный разрыв последних по отношению ко вторым

160

Критический подход к истории французских «Анналов»

«Анналам», — эти представители броделевского направления также начинают сближение с марксизмом, подчеркивая свои левые взгляды и претендуя на новую интерпретацию старых социалистических и марксистских положений. Это можно проиллюстрировать на примере Жоржа Дюби, который после 1968 года взял на вооружение в своих исследованиях понятие Аль-тюссера об идеологии, пытаясь включить его использование в исторический анализ, и построил свой анализ с учетом классовых различий и классовой борьбы в истории. Сюда же относятся работы Мишеля Вовеля, который, будучи учеником Эрнеста Лабрусса, заимствовал у него критические и социалистические взгляды. Вовель также занялся углубленным изучением марксизма, в его работах мы можем найти возвращение к марксистскому целостному взгляду на мир, что привело его к созданию очень творческого подхода к истории, которым он обязан двойному влиянию - взглядам Маркса и наследию «Анналов». Или Пьер Вилар, который, придерживаясь изначально марксистской точки зрения, инкорпорировал в свои исследования как все, что относится к наследию Марка

Блока, так и броделевский взгляд на «время большой длительности», что сам автор открыто признает во введении к своему главному труду *La Catalogue dans l'Espagne moderne*.

Итак, уже отмеченное сближение марксистских историков с «Анналами» совпало с движением ряда историков, сформировавшихся под сенью «Анналов», навстречу марксистским идеям. В результате к собственно марксистской интерпретации добавились элементы, типичные для «анналистов», что способствовало укреплению и расширению диалога «Анналов» с марксизмом, диалога, который после 1968 года становится действительно органическим и систематическим. Хотя взаимодействие с марксистскими течениями осуществлялось на протяжении всей истории направления «Анналов», оно приобрело, однако, с конца шестидесятых годов, в силу последствий культурной революции, новый, прежде ему не свойственный, характер, а именно — обоюдное движение навстречу друг другу.

И если мы теперь вновь бегло просмотрим историю «Анналов» с учетом вышесказанного, то сможем очень ясно опре-

Глава 6

161

делить отношения этого направления с марксизмом и с современными ему марксистскими течениями, отношения, которые так же менялись в соответствии с общей идейной конъюнктурой французской и западноевропейской истории, как и сами проекты следующих друг за другом «Анналов». Ясно, что период первых «Анналов» характеризуется, с точки зрения их отношения к марксизму, как период открытого обсуждения, или форума, который был организован на страницах *Annales d'Histoire Economique et Sociale*, предоставленных для публикации статей откровенно социалистических и марксистских авторов. Совершенно очевидно, что, придерживаясь твердо своих собственных взглядов и своего собственного проекта, основатели «Анналов» - оба не являвшиеся марксистами - на протяжении первого периода существования «Анналов» с 1929 до 1941 года свободно и без каких-либо ограничений сотрудничали с социалистами и марксистами, которые, например, являлись членами их редакционной коллегии - как Морис Хальб-вакс, Анри Осер и Жорж Лефевр - или участвовали в различных выпусках журнала, как, например, Люси Варга, Франц Боркенау, Анри Мужен, Пьер Вилар, Эрнест Лабрусс или Жорж Фридман, а также многие другие. Помимо того, что как Марк Блок, так и Люсьен Феър откровенно восхищались работами Маркса, этот диалог постоянно поддерживался на практике тем, что глобальный проект «Анналов» был открыт - без каких-либо ограничительных условий - для авторов-марксистов и социалистов, и они составили часть общей программы «Анналов» 1929-1941 годов, которая, тем не менее, оставалась несомненно немарксисткой.

Связи с марксистами еще более окрепли, усилились и стали более значимыми в течение этапа броделевских «Анналов». Как мы уже отмечали, период жизни вторых «Анналов» был также периодом подъема и широкого распространения средиземноморского и французского марксизма во франкоязычной культуре. В этот период диалог между «Анналами» и марксистами принял форму систематического общения между двумя собеседниками, стоящими на одной платформе, которые, различаясь в характерах и личных пристрастиях, берутся, тем не менее, за ре-

162

Критический подход к истории французских «Анналов»

шение общей задачи изучения и объяснения одних и тех же проблем. Это, естественно, приводит к тому, что они постоянно сопоставляют соответствующие результаты исследования, а также занимаются взаимной критикой и одновременно взаимно обогащаются информацией, поскольку обрабатывают одно и то же информационное поле

в архивах, используют те же источники, данные и документы, относящиеся к сходным темам исследования. Это проливает свет на упомянутый ранее факт сотрудничества и дружеских дискуссий между Фернаном Броделем и различными марксистскими историками России, Польши, Венгрии, Италии, Франции, Англии, Соединенных Штатов, Канады и Латинской Америки, а также и на сложившуюся тогда новую ситуацию, когда марксисты не только продолжали сотрудничать с «Анналами», но и вели постоянные многогранные дискуссии с влиятельными авторами броделевских «Анналов», дискуссии, в которых обе стороны оказывали друг на друга взаимное влияние и подпитывали друг друга, приобретая тем самым определенное сходство во взглядах.

Этот процесс взаимовлияния после 1968 года усилился и углубился благодаря изменениям, произошедшим как в марксистских течениях, так и во взглядах некоторых из авторов-анналистов, о которых мы уже говорили. Затем, на протяжении конъюнктуры 1968-1989 годов диалог между марксизмом и «Анналами» приобретает особую форму. Речь идет о попытке *построить общее историко-теоретическое пространство*, которое, задавая некий общий концептуальный, методологический, историографический горизонт, позволило бы сблизить эти два интеллектуальных течения, создав основу, которая позволяла бы использовать основное наследие обоих подходов, располагая комплексом новых инструментов исследования, предназначенных для обновленного эмпирического и критического анализа различных исторических проблем, требующих своего разрешения. Это была сложная попытка разработки общего поля конвергенции для направления «Анналов» и марксизма, ясно обозначенное стремление создать идейную платформу для построения и выработки новых общих моделей интерпретации, новых объяснений старых проблем и новых точек зрения в ис-

Глава 6

163

торической науке по поводу основных спорных вопросов, которые волновали историков самых разных направлений.

Результатом вышеупомянутого усилия было то, что в период конъюнктуры 1980—90-х годов сложилась определенная «матрица», имеющая многообразные выражения и распространившаяся по всему миру, - ее можно обозначить как «марксисты-анналисты» или «марксистские *Анналы*». Матрица эта столь же разнородна и позиции внутри нее столь же разнообразны, как и марксистские течения, существовавшие в XX веке. Однако все эти позиции, сколь бы различны они не были, имеют, если речь идет об исторических исследованиях, некоторые общие черты, которые было бы невозможно понять, если не помнить об их двойных истоках - с одной стороны, это уроки Блока, Февра или Броделя, и с другой - концепции, категории, горизонты и перспективы, разработанные Марксом.

Эта матрица, включающая в себя самых разных авторов, является прямым следствием сближения после 1968 года ряда представителей направления «Анналов» предыдущего периода с марксизмом, сближением, которое стало очевидным противовесом по отношению к третьим «Анналам», занятым исследованиями ментальностей и исторической антропологии.

Это являлось противовесом не только в смысле поддержания и развития наследия «Анналов» 1929-1968 годов, от которого отказалось третье поколение анналистов, но также в смысле создания и развития нового подхода и новых пространств исторического исследования, подпитываемых двойным наследием - марксистским и анналистским, подхода, который функционировал на протяжении всей конъюнктуры 1968-1989 годов в качестве альтернативного пути по отношению к французским «Анналам» той же эпохи.

Так кто они такие, эти «марксисты-анналисты» или «марксистские анналисты», которые, равно как и представители течения, изучавшего историю ментальностей, составляют необходимую часть общей истории направления «Анналов» в XX веке? Во-первых, к ним относятся некоторые из французских историков, которых мы упомянули раньше. Живя и работая во франкоязычном регионе, они впитали в себя идеи «Анналов» и даже,

164

Критический подход к истории французских «Анналов»

если стремились заниматься исследованием истории исключительно с марксистских или близких к марксизму позиций, столь же неизбежно присоединялись, в большей или меньшей мере, к наследию Блока, Февра и Броделя. Речь идет о таких историках, как Пьер Вилар или Мишель Вовель, которые, никогда не отказываясь от открытых и ясных марксистских позиций или от взглядов Лабрусса (то есть социалистических и сложившихся под сильным влиянием Маркса), оказались способны признать значение и необходимость исторического видения с точки зрения «времени большой длительности», отстаивая и защищая взгляды Марка Блока о связи между географией и историей, развитие, например, в его работе «Характерные черты французской аграрной истории», или возвращаясь к модели анализа «духовной оснастки», предложенной Люсьеном Февром.

Здесь берет начало та история, которая занимается как экономическими вопросами, так и темами культуры. Например, Пьер Вилар, изучая связи между Каталонией и Испанией, включает в свой анализ как взаимодействие между географической и исторической средой или влияние демографических изменений, что представляет в самом чистом виде исследовательскую традицию «Анналов», так и изучение сельскохозяйственных преобразований, формирования буржуазии и функционирования торгового капитала, которое строится на основе категорий и перспектив, заимствованных у Маркса и последующих марксистов. Или, например, исторический подход Мишеля Вовеля, который исследовал медленные и глубокие изменения христианского сознания и благочестия во французской провинции в течение XVIII века, изменения, которые он определяет как постепенную «дехристианизацию» сознания.

Такого рода исследование он называет исследованием реальности «третьего уровня», которую обозначает совершенно марксистским термином «идеологическая суперструктура», причем наш автор считает себя безусловно «историком ментальностей», то есть относит свои исследования к линии многообразных проектов третьих французских «Анналов».

Итак, мы говорим о группе французских историков, разделявших изначально марксистские или близкие к марксизму

Глава 6

165

взгляды, но впитавших одновременно «дух *Анналов*», а также об историках, которые сформировались как анналисты, но потом сблизилась с марксизмом. К этой группе можно отнести, с небольшой натяжкой, кроме уже упомянутых Пьера Вилара и Мишеля Вовеля, таких авторов, как Ги Буа (Guy Bois), которому, помимо всего прочего, принадлежит статья в словаре «Новая историческая наука», посвященная как раз тем связям и областям, которые можно назвать «сообщающимися сосудами» между марксизмом и «Анналами»; или же Алена Герро (Alain Guerreau), или уже упоминавшегося Жоржа Дюби. Это группа выдающихся авторов, представлявших во Франции встречное движение между направлением «Анналов» и марксизмом. Конечно, это движение не сводится к одним только известным историкам, к нему принадлежала также довольно значительная часть французских почитателей музыки Клио, которые занимались историческими исследованиями на протяжении 1968-1989 гг., и результаты работы которых повлияли на развитие исторической науки в этот период.

Что касается остальных регионов, то в них тот же самый процесс, что шел во Франции, преломлялся по-своему в различных культурных ареалах соответствующих стран. Например, в Испании массовое распространение марксизма и марксистских интерпретаций истории - подавляемых на протяжении десятилетий господства франкистского обскурантизма' - точно совпадает с периодом, наступившим после смерти Франко в 1975 г.; тогда же в некоторые сферы испанской историографии стал проникать и распространяться анналистский подход. Это проникновение было воспринято как сверхноваторская и освежающая альтернатива по

сравнению с традиционным, сильно устаревшим историческим подходом, который господствовал в годы франкизма. Тогда, как естественный итог одновременного и активного распространения «Анналов» и марксизма в исторической культуре постфранкистской Испании, на иберийском полуострове появилось множество таких исторических работ, которые невозможно понять и оценить, если не учитывать двойного идейного влияния — как со стороны «Анналов», так и со стороны марксистов. Это влияние получило свое выражение в

166

Критический подход к истории французских «Анналов»

выдающихся трудах таких авторов, как Рикардо Гарсия Карсель (García Carcel), Рейна Пастор (Reyna Pastor) или Хулио Вальде-он (Julio \Шеон) - одновременно критически-марксистских, но в то же время усвоивших лучшие уроки «Анналов». Равным образом это влияние заметно и в деятельности современных испанских историков. В современной испанской историографии большое внимание уделяется освещению проблемы взаимосвязей и отношений, которые существуют, или которые могут существовать между «Анналами» и марксизмом.

В этом имеется некоторое сходство с тем, что происходило в Латинской Америке после 1968 года. Здесь в вышеупомянутый период (на Кубе, в Бразилии и Аргентине он сдвинут вперед на несколько лет) идет, с одной стороны, массовое проникновение марксизма в общественные науки, и, следовательно, в латиноамериканскую историографию, а с другой — столь же широкое распространение взглядов анналистов. Военные перевороты в некоторых странах Южной Америки и репрессии мексиканского правительства против студенческого и народного движения в 1968 г. спровоцировали значительную миграционную волну молодых латиноамериканских интеллектуалов в страны Западной Европы, в частности, в университетские центры Франции. И когда через несколько лет эта молодежь вернулась на родину, она стала активно популяризовать французскую культуру в Латинской Америке, что включало в себя и широкое распространение изучения «Анналов» историками различных стран латиноамериканского региона. Совпадение периода активного внедрения взглядов «Анналов» с подъемом некоторых марксистских течений в Латинской Америке, подъемом, проходящим в атмосфере роста социального протеста и укрепления революционных движений «конъюнктуры после 1968 года», также привело здесь к слиянию марксистов с анналистами, как это ясно видно на примере работ таких авторов, как Антонио Гарсия де Леон (*Antonio García de León*) в Мексике, Мануэль Бурга (*Manuel Burga*) в Перу или Сиро Фламарион Кардосо (*Giro Flammarion Cardoso*) в Бразилии.

Сближение между марксистскими течениями и направлением «Анналов» во многом обязано блестящему и оригиналь-

Глава 6

167

ному вкладу Иммануэля Уоллерстайна. Речь идет об идеях, которые, отталкиваясь от откровенно марксистских позиций, обновленных непосредственными уроками 1968 года, обогащаются затем броделевским подходом, что приводит в результате к понятию «мир-системного» анализа (*world-system analysis*), которое оказалось чрезвычайно эффективным и получило затем признание как в Соединенных Штатах, так и во всем мире. Это совершенно новое видение общей истории и истории капитализма, которое не только проявилось в работе, озаглавленной «Современная мировая система», но развернулось также в крупный долгосрочный интеллектуальный проект, который утвердился в идейно-культурном плане и получил свое институциональное выражение - основание Центра Фернана Броделя в Государственном Университете штата Нью-Йорк и издание журнала *Review*. И если журнал «Анналы» продолжал в течение конъюнктуры 1968-1989 годов оставаться центром, вокруг которого сосредотачивались представители французских третьих «Анналов», занятые изучением истории ментальностей, то на страницах журнала *Review* выступали некоторые из тех марксистов, которые сближались с «Анналами», а также и многие другие представители различных марксистских течений и «новых левых», возникших после 1968 года. Двойной проект Центра Фернана Броделя и ежеквартального журнала *Review* не случайно, начиная с 1977 года, стал поддерживаться самим Фернаном Броделем - это как раз подтверждает ту линию преемственности, что существовала между «Анналами» 1929-1968 годов и многообразными проявлениями марксистско-анналистской матрицы, представленной Иммануэлем

Уоллерстайном и некоторыми другими членами Центра Фернана Броделя.

' Впервые представленный Уоллерстайном в книге «Современная мир-система», анализ исторического возникновения и эволюции европейской мир-экономики быстро приобрел статус классического. (Главные работы: *Wallerstein, I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the 16th Century. New York: Academic Press, 1974; Wallerstein, I. The Modern World-System-II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600-1750. New York: Academic Press, 1980.; Wallerstein, I. The Modern World-System-III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730-1840. San Diego: Academic Press, 1989.) (Примеч. пер.). См. Приложение I.*

168

Критический подход к истории французских «Анналов»

Итак, наравне с мировым успехом французских третьих «Анналов» и истории ментальностей, по всему миру идет распространение марксистско-анналистской матрицы. И тогда становится, например, понятным возникновение трудов польского историка Витольда Кулы и его школы. Поскольку, пытаясь развить в социалистической Польше не догматическую и ущербную, а, напротив, творческую и открытую версию марксизма, Кула, среди прочих заимствований, много позаимствовал у направления «Анналов». Он обсуждал с Фернаном Броделем подход с точки зрения «времени большой длительности» и организовал программу научного и студенческого обмена между Польшей и Францией, которая не имела аналогов по своей широте ни с одной другой программой обмена между Францией и какой-либо иностранной страной.

Сходная ситуация сложилась и с советскими историками Ароном Гуревичем и Юрием Бессмертным. Эти историки, сформировавшиеся в традициях марксизма, не отрекаясь от своих основных взглядов, оказались способны воспринять точки зрения других культур, и, в частности, в значительной мере, идеи направления «Анналов». Занимаясь проблемами исторической демографии, исторической антропологии или истории ментальностей, они использовали наследие анналистов, накопленное в этих областях, но сохранили собственное критическо-материалистическое видение, которое обнаруживается в их различных работах.

Целый ряд многочисленных проявлений марксистско-анналистской матрицы можно пронаблюдать в самых разных странах, среди которых могут быть упомянуты Перу, Бразилия, Мексика, Соединенные Штаты, Испания, Франция, Польша и Россия, а также у самых разных авторов, живущих в Италии, Канаде, Голландии или Германии - и это далеко не все примеры. Рассеянные по свету представители этой матрицы являются при этом как бы необходимыми составными частями сложной головоломки, которую представляет собой общая история направления «Анналов». Без учета этих ее составляющих оказываются непонятными не только пути распространения и причины устойчивости во времени наследия первых и вторых «Ан-

Глава 6

169

налов», но также продолжающееся влияние и признание «Анналов» в исторической науке различных стран по всему миру. Подобно тому, как некоторые средневековые монастыри свято хранили книги древних ученых, чтобы спасти их в окружении общества, раздираемого войной, голодом и разрухой, точно так же эта матрица «марксистов — анналистов» сохраняет и воссоздает наследство Марка Блока, Люсьена Февра и Фернана Броделя в исторической ситуации 1968 - 1989 годов, которая в историографии, как мы указали, характеризовалась острой конкуренцией, связанной с возникновением множества подходов и различных точек зрения. И точно так же, как эти монастыри передали ренессансным мыслителям дошедшие из древности ценности классической античной науки, так и «марксисты-анналисты» передали наследие обновленных «Анналов» 1929-1968 годов четвертому поколению анналистов, то есть тем «Анналам», что заявили о себе во второй половине 1980-х годов изданием публичного манифеста в знаменитом шестом выпуске 1989 года тех же самых *Annales*.

Economies. Socius. Civilisations. Это придает особый смысл фразе, с которой начинается передовая статья шестого номера журнала «Анналы. Экономика, общества, цивилизации» за 1989 год, фразе, которая начинается со слов: «Наследство "Анналов" принадлежит всему миру...». И нет сомнения, в свете истории уже пережитой конъюнктуры 1968-1989 годов, что наследие первых и вторых «Анналов» принадлежало - и в большей степени чем кому-либо еще - также многообразной и сложной матрице «марксистов -анналистов».

Глава 7

После 1989 года: четвертые «Анналы» или «Анналы» еще одного переходного периода!

1989 год представляет собой одну из важнейших символических дат последних десятилетий - это конец «краткого XX века», века, который начался с первой мировой войны и с русской революции 1917 года, И если 1968 год является началом конъюнктуры, которая породила как французские «Анналы», занятые изучением ментальностей, так и марксистско-анналистскую матрицу, то 1989 год является как точкой отсчета XXI века и третьего тысячелетия, так и началом последнего этапа направления «Анналов».

Сейчас, спустя десятилетие после реального и символического падения Берлинской стены, более ясно вырисовываются те основные характернейшие процессы, которые длились на протяжении «краткого XX века» и завершились как раз этим историческим 1989 годом. К таким характерным чертам относятся возникновение и длительное военное противостояние двух противоборствующих проектов - социалистического и капиталистического, противостояние, начавшееся с конца Первой мировой войны, а вовсе не с конца второй, как обычно считают. Это противостояние сохранялось до конца существования проектов, которые пытались построить так называемый «реальный социализм» и стремились к тому, чтобы осуществить социалистический и коммунистический проект Маркса в очень бедных странах, отличающихся общим отставанием экономического, общественного, политического и культурного разви-

Глава 7

171

тия. К характерным чертам этого «краткого века» относятся также снижение влияния европейских стран на западный мир и возникновение и временное распространение в тех же регионах американского влияния, которое пошло на спад лишь в конце 1980-х годов. Сложные процессы, которые начались во время Первой мировой войны и закончились в знаменательные 8 и 9 ноября 1989 года в Берлине, означали также и завершение долгого предыдущего цикла, после чего возник некий идейный вакуум, который на протяжении последнего десятилетия постепенно заполнялся. Возникли новые и трудные социальные и интеллектуальные задачи, которые включают в себя как радикальное разрешение нынешней исторической ситуации на развилке новых путей, и, следовательно, поиски новой дороги глобальной реорганизации планетарного человеческого сообщества, так и необходимость реорганизации существующих критических парадигм в области социальной и общественной мысли, реорганизации, которая была бы способна дать творческий отклик, обоснованные объяснения и найти ответы на заданные современными общественными движениями вопросы. Ибо после окончательного кризиса различных проектов так называемого «реального социализма» и многократной демонстрации исторической нежизнеспособности капитализма, который не может создать справедливый, демократический и основанный на принципах равенства общественный порядок, вновь стали возникать проекты, вызванные необходимостью выстроить какие-то альтернативы - как социальные, так и интеллектуальные - для таких современных движений протеста, как например, движение коренного населения в Мексике, или движение безработных во Франции, или широкое бразильское движение безземельных, или движения протеста в России и в Китае, альтернативы, которые позволили бы усилить эти же движения в русле поиска и построения некапиталистического общества, где были бы устранены экономическая эксплуатация, многообразные формы общественной дискриминации, угнетение и политическое давление, а также общественное и культурное неравенство.

Сложные задачи, стоящие на повестке дня XXI века и третьего тысячелетия и имеющие огромное значение, проецируясь на специфическую плоскость исторической науки, понимаются как необходимость перестроить или внести посильный вклад в исторические исследования, занятые реконструкцией и построением новой парадигмы, которая должна быть критической и еретической, парадигмы, способной дать адекватный ответ на проблемы наступающего будущего.

Для успешного продвижения вперед подобной реконструкции необходимо использовать самые лучшие элементы наследия исторической науки «краткого XX века», к которым, безусловно, относятся как идеи ряда следовавших друг за другом проектов анналистов, так и достижения марксистов, которые относятся к марксистско-анналу и стекой матрице. Кроме того, такая реконструкция включает в себя осмысление ситуации в исторической науке, сложившейся после 1968 года, ситуации, которая сформировалась в результате возникновения по всему миру множества новаторских центров по изучению истории. В такой ситуации требуется организовать многосторонний диалог историков, разбросанных по всему миру, диалог, который будет вестись без установленного главного центра, без априорной иерархии, диалог, который позволил бы Европе признать реальные вклады «других», притом что эти многообразные «другие» могли бы объединяться друг с другом непосредственно, устанавливая между собой связи и отношения без навязанного им европейского посредника. Именно в русле такого нового контекста, описанного выше, и начал развиваться потенциальный проект четвертых «Анналов», проект, который с самого начала, с момента его возникновения должен был противостоять как упадку и общему кризису истории ментальностей, которую поддерживали третьи «Анналы», так и, с другой стороны, сильному сокращению после 1989 года прежде широко распространенной матрицы марксистов-анналистов. Поэтому проект четвертого поколения анналистов вполне сознательно строился отчасти как попытка ответа и преодоления обширной разнообразной и интенсивной критики, которой, начиная с 1970-х, но, в основ-

Глава 7

173

ном, в течение 1980-х годов, подвергались «Анналы», занятые историей ментальностей. В русле развернувшейся критики, которая оспаривала прежде всего уместность и полезность самого понятия «ментальности» и жизнеспособность подобного подхода для решения поставленных проблем, иногда ставились и далеко идущие вопросы, касающиеся рассмотрения общей истории «Анналов» и роли этого направления в развитии исторической науки XX века. Эта критика иногда исходила от представителей марксизма, иногда от представителей марксистско-анналистской матрицы, но также включала и старых сотрудников «Анналов» и даже главных представителей предыдущих этапов этого направления. Во Франции и в Англии, да и по всему миру, третьи «Анналы» критиковались как со стороны других течений, так и самими представителями этого направления, начиная с того же Фернана Броделя и до Иммануэля Уоллерстайна. Среди критиков были Жан Шено (Jean Chesnaux), Франсуа Фюре (François Furet), Жорж Дюби, Мишель Фуко, Франсуа Досс (François Dosse), Руджеро Романи (Ruggiero Romano), Пьер Вилар, Анри Куто-Бегари (Hervé Coutau-Begarie), а также Жозе Фонтана (Josep Fontana), Питер Бёрк (Peter Burke), Марина Чедронио (Marina Cedronio), Карло Гинзбург (Carlo Ginzburg), Джеффри Ллойд (Geoffrey Lloyd) и многие другие. Многосторонняя критика третьих «Анналов» со всевозможных точек зрения и с самых разных теоретических и идейных позиций, позволила выявить неосновательность позиций «истории ментальностей», ее ограниченность и недостаточность, что подготовило условия для преодоления этого подхода.

Наряду с критикой извне, которая, в основном, указывала на институционализацию «Анналов» и на их включение в официальные круги французского академического истеблишмента, в 1989 г. развернулась и сильная внутренняя полемика в руководстве «Анналов», в ходе которой даже был поставлен вопрос о возможном закрытии журнала, что привело бы к завершению его существования и истории, длившейся к тому моменту уже шестьдесят лет.

174

Критический подход к истории французских «Анналов»

К 1985 году относится начало деятельности Бернара Лепти в качестве секретаря редакционной коллегии журнала «Анналы». Бернар Лепти - историк, чьи исследования были сосредоточены в области исторической демографии и новой городской истории, принадлежал к знаменитому «поколению 1968 года», представители которого во Франции отличаются резкой левизной взглядов. Во второй половине 1980-х годов Лепти начал понемногу обновлять деятельность «Анналов». Это обновление берет свое начало с издательской передовицы «История и социальные науки. Критический поворот?», напечатанной в марте - апреле 1988 года под совместной редакцией Жака Ревеля и Бернара Лепти. Еще более сильно стремление к изменениям прозвучало в подборке шестого выпуска 1989 года, которая была как бы ответом на вопросы, поставленные ранее. Выход этого номера журнала отнюдь не случайно совпал по времени с падением Берлинской стены, тираж распродавался с рук и разошелся в течение буквально считанных месяцев со дня издания. Он может законно считаться манифестом нового направления и тех основных линий, на которых строится новый интеллектуальный проект возможных четвертых «Анналов», представляющий собой радикальную смену курса по сравнению с проектом третьих «Анналов».

При тщательном рассмотрении подборки статей последнего выпуска 1989 года журнала *Annales. Economies. Societes. Civilisations* становится очевидно, что это четвертое поколение анналистов по отношению к своим непосредственным предшественникам придерживается позиции принципиального *интеллектуального разрыва*. Это прерывание предшествующей традиции проявляется в том, что новое поколение полностью отказывается от тех линий развития, которые определяли проект французских «Анналов» в 1968-1989 годы, и в то же время - в ясной попытке вновь наладить контакт, или возобновить идейную связь с наследием первых и вторых «Анналов». Взамен двусмысленной и довольно неопределенной истории «ментальностей» эти возможные четвертые «Анналы» предлагают новую культурную историю социального или социальную историю различных культурных практик, используя подходы,

Глава 7

175

которые недавно были предложены такими авторами, как Роже Шартье или Ален Буро.

Так, заменяя непостижимую «ментальность» на более точное и строгое понятие «культурных практик», авторы из четвертого поколения «Анналов» предлагают такой подход к рассмотрению тем, связанных с культурой, который в качестве своей необходимой составляющей включает рассмотрение взаимосвязей культуры с её социальным и материальным окружением, что, одновременно, позволяет вскрыть и те различия, которые, естественно, обнаруживаются в одном и том же обществе - в культурных проявлениях различных классов и социальных групп, которые его составляют.

В отличие от концепции «ментальное™», отношение которой к общему социальному контексту остается недостаточно определенным и в силу этого имеет самые разные интерпретации - начиная с подходов, где ментальность «повисает в воздухе», являясь автономной и самодостаточной, и кончая подходами, в которых предпринимается попытка перестроить связи этой «ментальности» с ее специфическими социальными основаниями, - в отличие от этого понятие дифференцированных культурных практик, напротив, необходимо включает в рассмотрение материальность самих культурных процессов и, следовательно, обращается как к социальным и экономическим основаниям вышеупомянутых практик, так и к сферам и к реальным конкретным способам конструирования идей, а также к механизмам и реальным способам их распределения, освоения и ассимиляции. Настаивая на социальной истории культурных практик, это направление возрождает взгляд на культуру как на социальное явление, иначе говоря, речь идет о том, что все вышеупомянутые практики являются выражением в сфере культуры социальных феноменов, с которыми культура неразрывно связана и которые она воспроизводит сложными и опосредованными способами.

Равным образом, в том же направлении отхода от взглядов третьих «Анналов», которые

рассматривали ментальное™ как «межклассовое» понятие, развивается новый подход, который, рассматривая многочисленные различия между культурными

176

*Критический подход к истории французских «Анналов»**

практиками, сосуществующими в одном и том же обществе, находит корни такой дифференциации в сложной структуре самого общества. Будучи разделенным на классы, общество также состоит из разных социальных групп, различаемых по определенным признакам на городских и деревенских жителей, на мужчин и женщин, на старые и новые поколения, на католиков и протестантов, на ремесленников и лиц свободных профессий и т.д. Это приводит к такому историческому подходу, который, не довольствуясь рассмотрением культурных различий, порожденных классовым противостоянием, учитывает характерные различия между социальными группами, существование которых породило, в свою очередь, множество отличающихся один от другого культурных практик. Эта новая культурная история социального, которая выросла из критики и из использования наследия авторов марксистско-анналистской конъюнктуры 1968-1989 гг., может стать реальной альтернативой истории ментальностей, которую развивали третьи «Анналы». То же самое проявилось и в исторической антропологии. По сравнению с исторической антропологией третьих «Анналов», которая была прежде всего попыткой «историзации» традиционной антропологической тематики и, следовательно, попыткой превратить «антропологические проблемы» в «проблемы исторические» с тем, чтобы иметь возможность подступиться к ним с инструментарием историка, новая антропологическая история потенциальных четвертых «Анналов» предлагает *новый* взгляд на те же проблемы, стремится к синтезу исторического и антропологического подходов, чтобы, соединив инструментарий историка с концепциями, приемами и процедурами антропологии, найти новые интерпретации старых проблем. Впитав в себя все сложное наследие антропологических дебатов последних тридцати лет по поводу отношений между исследователем и «другим», тем, кого исследуют (это весьма любопытное углубление парадигмы «история-проблема»), новая антропологическая история, представленная такими исследователями, как Жослин Даклия и частично предвосхищенная работами Люсетт Валенси, стала еще одной разделительной линией между «Анналами» после 1989 года и их предшественниками.

Глава 7

177

Третья демаркационная линия, отделившая французские «Анналы» 1968-1989 годов от их наследников, была связана с отношением к проблемам экономической истории и социальной истории. Здесь видится отчетливый разрыв со стороны последователей «Анналов» последних пятнадцати лет по отношению к их предшественникам, поскольку эти последние «Анналы» снова обратились к проблемам экономической и социальной истории, обсуждая их на страницах своего журнала. Вновь подвергся бурному обсуждению и вопрос о возможном взаимном обогащении понятий, проблематики, приемов и подходов в результате наведения мостов между историей, с одной стороны, и экономикой, географией, социологией и правом, с другой. Эти дискуссии вылились на страницы уже упомянутого выпуска «Анналов» ноября - декабря 1989 года. Начав с возможности повторного определения сфер взаимодействия и взаимообмена между историей и другими общественными науками, последние «Анналы» отказались от того преимущественного интереса к антропологии и психологии, который был характерен для третьего этапа истории «Анналов», и вновь завязали диалог с экономикой, географией и социологией - науками, которые оказались столь плодотворными для первых и вторых «Анналов», а также д^ш авторов марксистско-анналистской матрицы. Восстановление взаимодействия и диалога между историей и другими общественными науками, начавшееся с выпуска последнего номера «Анналов» 1989 года, продолжалось и в последующие годы, что нашло свое институциональное отражение как в изменении подзаголовка журнала, который с 1994 году сменил свое старое название «Анналы. Экономика, общества, цивилизации» (*Annales. Economies. Societes. Civilisations*), которое сохранялось за ним с 1946 года, и стал называться теперь «Анналы. История и общественные науки» (*Annales. Histoire, Sciences Sociales*), так и во включении экономиста Андре Орлеана (Andre Orlean) и социолога Лорана Тевено (Laurent Thevenot) в обновленную редакционную

коллегию. В интеллектуальной плоскости это выразилось в разработке проекта, который вводит в исторический анализ два новых измерения социологию

178

Критический подход к истории французских «Анналов»

деятельности и действующих лиц (акторов) и парадигму экономики и социологии соглашений. С помощью этих двух подходов можно попробовать определить, каким образом исторические акторы конструируют нормы и создают социальные связи, которые управляют их собственным поведением, позициями и повседневными практиками, что позволит также выяснить, каким образом отдельные индивиды интегрируются в определенные схемы отношений и соглашений и, сохраняя свою специфические черты, участвуют в качестве акторов в производстве и воспроизводстве социальной ткани. Кроме того, был вновь поднят вопрос, который в свое время волновал Броделя, а именно проблема, связанная с возникновением нового в недрах старого: каким образом создаются новые нормы, новые социальные связи, новые соглашения, а также новые практики, позиции, модели поведения, и при этом достаточно долгое время не разрушаются старые нормы, отношения и соглашения - пока не созреют новые, чтобы в подходящий момент их заменить. Этот комплексный долгосрочный проект четвертых «Анналов» находится все еще на начальном этапе, но его идеи получили ясное выражение в подборке статей, составленной тем же Бернаром Лепти и озаглавленной «Формы опыта. Другая социальная история».

Освоение новых областей социальной истории сопровождается параллельным освоением экономической истории. Речь идет не только о восстановлении в правах экономического подхода, как, например, в обновленной городской истории, но также о новых методах, которые позволяют благодаря тщательному анализу данных источников, свидетельств, имеющихся в нашем распоряжении, экономических трактатов исследуемого периода преодолеть анахронизм в анализе экономик прошлого и выстроить, к примеру, оригинальную модель, описывающую специфику экономического уклада Старого режима в XVII-XVIII вв. Наряду с этим, четвертое поколение «Анналов» по-новому ставит такие фундаментальные проблемы экономической истории, как применение интерпретативных возможностей количественной и серийной истории или реальные перспективы применения модели «экономических

темпорально-

Глава 7

179

стей». Новое поколение отбросило некоторые предположения предшествующей экономической истории, такие, к примеру, как представление о том, что экономическая серия отражает некие гомогенные реальности, или что построенная серией кривая является эффективным способом измерения реального развития исторических явлений, или что аналитическое разложение на составные части прямо коррелирует с дифференциацией уровней проанализированного объекта. Новая экономическая история потенциальных четвертых «Анналов» занята, скорее, зондированием возможностей измерения разнородных реалий, поскольку результаты этих измерений, относящиеся к множеству вариантов, нельзя выразить «серийным способом». Кроме того, на повестку дня вновь поставлен вопрос о более тщательном выяснении сложного соотношения между временным построением и экономическими реалиями, которые исследователь предлагает объяснить. Примеры нового типа исторического экономического подхода можно увидеть в работах Жан-Ива Гренье, который несколько лет назад стал главным редактором новых «Анналов».

Четвертый элемент, указывающий на принципиальный разрыв между подходами «Анналов» до и после 1989 года - это отношение к взглядам Броделя, к понятиям «глобальной истории» и «времени большой длительности». Если «Анналы» третьего этапа отреклись от глобальной истории, предложив взамен возврат к понятиям «общей» истории или возвращение к более детальному изучению более ограниченных и локальных тем, то четвертые «Анналы» снова взяли на вооружение проблематику глобальной истории, поставив ее во главу угла. Они вновь вернулись к пониманию общества как *целостности* (un todo) и признали необходимость подхода с точки зрения «глобальной истории», которая включает в себя изучение социальной целостности, *тотальности* (totalidad) и макроисторических процессов, что позволит перейти к построению реальных глобальных моделей. Возврат к старым броделевским понятиям при

этом поставил под сомнение кое-какие из форм, которые ранее признавались и использовались для интерпретации этой целостности. Например, можно ли считать ее просто со-

180

Критический подход к истории французских «Анналов»

вокупностью локальных элементов, как это бывает в случае помещения меньшей целостности в более крупную социальную совокупность - например, можно ли складывать районы, чтобы построить страну, или добавлять экономическое к общественному, к политическому и к культурному, чтобы формировать социальную целостность. Или другой пример, когда конструирование целостности исходило из постулата необходимой гомологичности всех ее частей, подразумевая, что анализ избранного «случая» мог бы прямо экстраполироваться на всю совокупную целостность, частью которой является этот «случай». В отличие от своих предшественников, «Анналы» после 1989 года предложили следующий подход. Объяснение тотальности не сводится к какому-либо единственному принципу, унифицирующему весь ансамбль, но достигается в пересечении множества перспектив и объяснительных принципов; она определяется в целом, как всеобщая система частичных эквивалентов, в которой экономическое является также культурным, культурное имеет политический смысл, политическое глубоко укоренено в социальном, а социальное выражается также в экономике и т. д. Это целостное видение, согласно Бер-нару Лепта, еще находится в экспериментальной фазе и показывает скорее пути и направления исследования, а не полученные результаты. «Анналы» после 1989 года заново поставили также и проблему «времени большой длительности», отстаивая, с одной стороны, броделевский постулат, по которому именно исторической науке надлежит исследовать темпоральные механизмы социального анализа. Но, с другой стороны, оспаривается, например, сама законность иерархии: «длинная продолжительность», ниже ее «средняя» и еще ниже - «короткая». Поскольку, если изменения, происходящие в «коротком времени» объясняются процессами, идущими в «конъюнктуре», то есть в «средней продолжительности», а конъюнктурные преобразования объясняются структурными модификациями «времени большой длительности», то чем тогда объясняются сами вышеупомянутые модификации? Критикуя идею, состоящую в том, что изменения могут быть заметны лишь в форме резко-

Глава 7

181

го разрыва со старым и полной замены старой структуры, Бер-нар Лепти рассматривает эту проблему с точки зрения социологии действия и экономики соглашений: если тяжести инертных и вездесущих структур противопоставить активную роль действующих лиц исторического процесса, то мы получим картину конкретных модальностей последовательных конфигураций, которые образуют, даже во «времени большой длительности», динамику изучаемых социальных процессов. Это позволяет объяснить генезис социальных изменений на всех временных уровнях. И утверждая также, что «вся плотность темпоральной нагрузки находится в настоящем времени», Лепти не удовлетворяется обычными процедурами определения «времени большой длительности», предложенными Фернаном Броделем, а пытается обнаружить структуры «большой длительности», исходя из дискриминирующей генеалогии элементов настоящего, которая идентифицирует в этом «сегодня» линии или путеводные нити, способные привести нас к броделевской архитектуре «времени большой длительности». Этой методологии следует, например, Дени Ломбар (Denys Lombard) в недавней работе, посвященной проблемам яванской истории.

Возвращение к старым позициям и одновременная критика и коррекция старых взглядов на глобальную историю и «время большой длительности», ставит вопрос о том, какие возможности могут приобрести эти методологические парадигмы после 1989 года, в новом идейном контексте, отличном от того, в котором они были созданы. И какую роль они могут сыграть в развитии современной исторической науки, а также в определении областей возможного будущего диалога между современными «Анналами» и наследниками матрицы «марксистов-анналистов», диалога, который сегодня находится все еще в процессе определения.

Пятое черта демаркации между третьим и четвертым поколением анналистов связана с их отношением к методологическим дебатам и к теоретической или эпистемологической работе.

Как мы видели, третьи французские «Анналы» практически не занимались этими вопросами, области методологии культивировались только марксистами-анналистами того же

182

Критический подход к истории французских «Анналов»

третьего этапа. Потенциальные четвертые «Анналы», напротив, развернули интенсивную работу в этой сфере, пытаясь охватить все возможные области теоретической и методологической работы, и эти исследования они продолжали развивать на протяжении последних пятнадцати лет. Не удовлетворившись углублением концепций «времени большой длительности» и «тотальной истории», к которым мы еще вернемся, они предприняли также восстановление других теоретических позиций и подходов, таких как исторический синтез, история-проблема, использование сравнительного метода и интерпретативной истории, о чем было открыто заявлено в знаменитой редакционной статье «Попытаемся поставить опыт» («Tentons l'expérience»), которая открывает уже упомянутый шестой выпуск «Анналов» 1989 года. Тем самым потенциальные четвертые «Анналы» возвращаются не только к броделевскому наследию, но восстанавливают связь и с наследием Марка Блока и Люсьена Февра.

Возвращаясь к той традиции, которая была прервана «Анналами» конъюнктуры 1968-1989 годов, «Анналы» последних пятнадцати лет разработали новый взгляд, например, на старую проблему связей между различными общественными дисциплинами. Этот подход весьма далек от того, чтобы размывать или ослаблять границы между разными областями изучения общества и человека, как это было в прошлый период. Напротив, он начинает с того, что устанавливает «строгие» границы между дисциплинами, то есть, наоборот, скорее усиливает и укрепляет междисциплинарные барьеры; этот подход не стремится также, как это было в прошлом, создать невозможный «общий универсальный метод» или «единый объект» исследования, разделяемый этими дисциплинами. Он также не стремится к разрешению проблем, возникающих «на стыке» между двумя или более дисциплинами. Этот подход направлен не на то, чтобы уменьшить количество или жесткость вышеупомянутых междисциплинарных барьеров, а скорее на создание свода четко осознанных и выраженных *правил переноса* приемов, концепций, подходов или парадигм из одной дисциплины в другую. Речь идет об экспериментирова-

Глава 7

183

нии, о том, чтобы взять тот или иной метод или понятие, или способ восприятия, например, из экономики, и затем попробовать его операционально использовать в истории. По мнению Бернара Лепти и Жан-Ива Гренье (в статье того же номера журнала *Annales. Histoire, Sciences Sociales* за ноябрь-декабрь 1989 года), такая процедура была образцово осуществлена в работе Эрнеста Лябрусса.

Другая интересная попытка обращения последних «Анналов» к прошлому опыту относится к их стремлению освоить богатый творческий вклад итальянской микроистории. Работа, выполненная совместно Жаком Ревелем, Бернаром Лепти и Жан-Ивом Гренье, привела к интересным результатам, которые позволяют переформулировать процедуру «изменения масштаба» в истории, процедуру, которая, будучи отлична от изменения масштабов в архитектуре, географии, экономике, социологии и антропологии, а также и от обычных способов исследования местной и региональной истории, приводит нас к сложной проблеме диалектических взаимосвязей между общей историей и многообразными «частными» историями, из которых она состоит, а также к проблеме сложной диалектической связи между макро- и микроисторией. Это в любом случае непростая проблема, которая многократно обсуждалась историками, предлагавшими самые разные способы ее решения; сейчас ее разработкой занимаются, подключив новые элементы исторического опыта и уже уточненные результаты, итальянские историки Эдоардо Гренди, Карло Пони, Джованни Леви и Карло Гинзбург.

Показывая противоречия, к которым иногда приводят принципы микроистории, но одновременно отстаивая законность самой постановки проблемы и тех процедур, которые используются для ее решения, «Анналы» после 1989 года способствовали развитию этого подхода во Франции. Это означало, что в центр обсуждения были поставлены вопросы о недо-

статочности и ограниченности старых общих моделей интерпретации. Не пытаясь воспользоваться при этом удобными, но бесплодными постмодернистскими решениями, новые «Анналы» пробовали построить новые и более сложные общие моде-

184

Критический подход к истории французских «Анналов»

ли, начав с опыта тщательного анализа микроисторической реконструкции и легитимации парадигмы «особенного», что привело, в конечном итоге, к раскрытию и расшифровке явлений более общего порядка.

Плодотворное возвращение последних «Анналов» к работе в области методологии позволило им вернуться и к диалогу с марксистами-анналистами, такими как Иммануэль Уоллер-стайн, Юрий Бессмертный, Питер Бе'рк, Франсуа Досс и др.

И наконец, последняя характерная черта «Анналов» после 1989 года определяется не их оппозицией по отношению к предыдущему этапу, а является, скорее, зачатком возможного нового интеллектуального проекта. Речь идет о более систематическом исследовании горизонтов культуры, о рассмотрении других, отличных от европейской, перспектив и вкладов других культур в западноевропейскую цивилизацию. Такое исследование провел, например, Пьер-Франсуа Сури, и это дает пример того, какие уроки современная историография может извлечь из исследования «других». Другая логика конструирования социального и, как следствие, иные представления о том, что такое общество; другие концепции индивидуальности и, как следствие, иные подходы к проблемам биографии; другое понимание рациональности и, как следствие, иные версии культурной истории. И еще: другие формы отношений человека с природой и, как следствие, иные перспективы исторической географии или истории окружающей среды. Этот подход, еще только наметившийся, возможно, позволит перейти в определенной степени к децентрализации исторических исследований, которые раньше были в основном сосредоточены на анализе западноевропейской истории или на западной истории.

Таковы, в нескольких словах, главные черты проекта по глубокому и радикальному обновлению «Анналов», который был начат в 1985 г. и оформился после 1989 года. Первые шаги по осуществлению этого проекта относятся к 1994 году, когда было принято решение об изменении подзаголовка журнала и о включении пяти новых членов в редакционную коллегию. Эти

Глава 7

185

важные преобразования в «Анналах» были проведены в относительно короткий промежуток времени, когда было объявлено о рождении нового интеллектуального проекта. Главным вдохновителем и руководителем этих преобразований был, несомненно, Бернар Лепти. Но в марте 1996 года после неожиданного, абсурдного и трагического происшествия, приведшего к смерти Бернара Лепти, зарождающийся проект потенциальных четвертых «Анналов» подвергся тяжелому удару, который сильно затруднил его последующее развитие. Сегодня, спустя почти девять лет после этой трагической смерти и длящейся уже на протяжении пятнадцати лет борьбы за создание четвертых «Анналов», все еще не преодолены те огромные трудности, которые мешают объединению вокруг новой альтернативной интеллектуальной программы.

К трудностям, например, относится тот факт, что старые члены редколлегии «Анналов» уже и так несут большую нагрузку, будучи обременены многочисленными и разнообразными обязанностями, связанными с функционированием журнала, и в тех областях, которыми они занимаются. С другой стороны, некоторые новые члены, включенные в обновленную редколлегию в 1994 г., не полностью включились в ежедневную работу, которая позволила бы им принимать участие в построении вышеупомянутого альтернативного проекта.

Из чего следует, что те члены редколлегии «Анналов», которые отдают все свои силы и способности на поддержание и продолжение программы радикального обновления, намеченной в 1989-1996 гг. благодаря энергичной деятельности Бернара Лепти, именно эти сотрудники «Анналов» наиболее активно задействованы в текущей работе над журналом.

Признавая необходимость еще раз преобразовать «Анналы», это небольшое активное ядро редакционной коллегии «Анналов» должно сплотить вокруг идеи преобразования всю

редколлегию. Требуется углубить понимание целей, задач и характера этого альтернативного проекта четвертых «Анналов» путем разрешения внутренних разногласий, которые существуют внутри редакции, и добиться нормализации деятельности

186

Критический подход к истории французских «Анналов»

журнала, а также принятия активной позиции по отношению к тем новым тенденциям, которые выдвигаются другими направлениями современной исторической науки.

Дискуссии внутри журнала играют важную роль, поскольку именно в них отражается и, возможно, решается будущая судьба журнала *Annales. Histoire, Sciences Sociétés*. В ходе этих дискуссий обсуждаются самые различные альтернативы, начиная с возможного развития исторической науки, более приближенной к проблемам философии и более внимательной к освоению теоретических результатов философской мысли, и кончая, напротив, вариантом экспериментального и эмпирического подхода к историческим исследованиям, то есть варианта исторической науки, занятой, в основном, конкретными объектами исследования и различными историографическими открытиями. Подробно обсуждается и вопрос о том, каким образом следует организовать связи истории с остальными общественными науками, что позволит провести в жизнь то, что подразумевается в нынешнем подзаголовке журнала - «История и социальные науки». Большая полемика развернулась также о том, должны ли «Анналы» быть журналом, где публикуются исследования в основном по французской и западноевропейской истории, или, напротив, им следует превратиться в журнал по мировой истории, публикующий на регулярной основе серьезные и интересные исследования, относящиеся к другим регионам и культурам. Это означает, что «Анналы» откроют страницы журнала для других культурно-исторических областей, которые раньше были «невидимы» или «наполовину невидимы». Как мы уже упомянули раньше, составной частью живых и ежедневных дискуссий является вопрос о специфических условиях построения новой социальной истории, первые наброски которой были сформулированы в книге «Формы опыта», а также о развитии исследований в рамках парадигмы «изменения масштаба». В серии дискуссий, оживляющих периодические собрания группы, которая сегодня руководит «Анналами», пересекаются основные линии формирования текущего идейного проек-

Глава 7

187

та. В их задачи входит ответ на главные практические и теоретические вызовы и формулировка конкретных позиций по тем вопросам, которые стоят перед сегодняшними «Анналами».

В первую очередь, на наш взгляд, следует постараться поскорее уточнить специфический профиль нового интеллектуального проекта, что позволит определить и другие элементы, которые являются различными в случае, если представляют собой уже фазу четвертых «Анналов», или если они относятся только к новому переходному периоду, сравнимому с периодом 1941-1956 гг. Множество историков по всему миру внимательно наблюдают за эволюцией направления «Анналов», постоянно интересуясь тем, какие предложения, способствующие обновлению исторических исследований, оно способно внести. Тщательное наблюдение и анализ позволяет прийти к выводу, что в случае «Анналов» речь идет о проекте, который еще не до конца оформился, об эскизе, который пока не превратился в законченную картину. Принимая во внимание условия существующей на данный момент сильной конкуренции между многообразными течениями в современной историографии, а также учитывая, что идет постоянное увеличение числа отдельных центров исторических исследований по всему земному шару, для «Анналов» оказывается

необходимым более точно определить свои приоритеты, свою центральную линию, которая могла бы объединить вокруг себя современных представителей этого направления.

Именно поэтому сейчас необходим радикальный разрыв с текущей ситуационной инерцией, когда все еще остается без изменений. Потому, что на сегодняшний день «Анналы» продолжают быть самым важным историческим журналом во Франции и одним из самых важных в Европе и во всем мире. Этот журнал, обладающий почтенной традицией и историей, занимает важное место в исторической науке, которое никем и никогда не оспаривалось. Но, как неустанно повторяли и Лю-сьен Февр, и Фернан Бродель, для настоящего новаторства «требуется быть еретиком», и это, конечно, требует совершенно иных действий, нежели попытки сохранения текущей ситу-

188

Критический подход к истории французских «Анналов»

ации. Это, возможно, потребует даже отказа от основ, на которых до сих пор стояло направление, что прекрасно осознавал Бернар Лепти, и что постоянно проявлялось в его деятельности по преобразованию «Анналов». Так как только преодолевая текущее инерционное состояние, будет возможно вновь запустить в «Анналах» богатую, новаторскую и по-настоящему критическую историческую программу, такую, которая была свойственна направлению еще во времена Блока, Февра и Броделя, и которую пытались продолжать марксисты-анналисты 1968-1989 годов.

В то же время, перед «Анналами» стоит и другая сложная и ответственная задача - организация более органичного диалога, знакомства и систематического сотрудничества как с другими тенденциями или направлениями во французской историографии, так и с разнообразными течениями в западноевропейской и мировой исторической науке. В качестве первого шага для решения этой сложной задачи, который мог бы стать весьма плодотворным, был бы полезен открытый диалог с такими объединениями историков, как например, группа журнала *Espaces Temps*. Можно было бы включить в «Анналы» статьи представителей этого направления, но самое главное, следовало бы организовать дискуссию и обмен мнениями, сверяя результаты разных исследований, сотрудничая в общих мероприятиях, разворачивая инициативы, которые позволили бы объединить усилия в академических, интеллектуальных проектах и, даже шире, в общественных начинаниях. Потому что, если верно то, что неоднократно провозглашали «Анналы», а именно, что они хотят «быть отражением действительного движения истории», то это возможно осуществить лишь на основе создания и поддержания диалога с другими направлениями французской историографии, а также и с другими течениями в мировой историографии.

Вторым шагом, очень полезным для «Анналов», могла бы стать попытка распространить на другие области тот опыт, который они уже применили в случае с итальянской микроисторией. Поскольку следует с тем же вниманием и творческим от-

Глава 7

189

ношением к чужому вкладу в исторические исследования отнестись к таким крупным представителями исторической науки как Центр Фернана Броделя с его идеями *мир-системного анализа* или к развитию немецкой «новой социальной истории». То же относится и к различным ответвлениям британской социалистической и марксистской историографии, к латиноамериканской новой региональной истории или к недавним достижениям русской исторической антропологии, а также ко многим другим. Итак, только признавая ценность и используя лучшие достижения мировой науки для построения журнала, можно удержать ту авангардную позицию в области исторических исследований, которую обычно занимали все сменяющие друг друга поколения анналистов.

Другая важная, сложная и ответственная задача, мы думаем, заключается в том, что как раз пришло время для критического и самокритичного рассмотрения всей предыдущей истории существования направления «Анналов». Поскольку, если проект четвертых «Анналов» обозначился как что-то новое и радикально отличное по отношению к третьим французским

«Анналам», и в то же время как попытка вновь вернуться к традициям, дошедшим до нас от Блока, Февра и Броделя, постольку приобретает особое значение работа по критической реконструкции всей глобальной истории направления «Анналов», а также многообразных исследований, посвященных более узким темам об особенностях наследия Марка Блока или Люсье-на Февра, или Фернана Броделя, равно как и вклада в общую историю направления третьих «Анналов» или весьма неравномерно развивавшихся различных течений марксистско-анна-листской матрицы.

Это движение от частных результатов множества различных исследований по истории «Анналов» к истинно глобальному итогу должно отразить сложное и многогранное наследство первых семидесяти лет жизни «Анналов». Равно как никакое общество никогда не начинает свое развитие с нуля, и даже самые радикальные революции не могут стереть начисто прошлое, точно так же и потенциальные четвертые «Анналы»

190

Критический подход к истории французских «Анналов»

должны строить новое, начиная с восстановления и перестройки лучших элементов прошлого наследия. Это, на наш взгляд, помимо всего прочего, докажет тот (очевидный нам) факт, что реальное наследие и эвристические возможности многих трудов Марка Блока, Люсьена Февра и Фернана Броделя еще далеко не исчерпаны и имеют мощный потенциальный заряд.

И наконец, последняя важная и сложная задача, которая стоит перед современными «Анналами» — это двойное внимание к *современной истории*. Во-первых, в идейном смысле, это предполагает возвращение к традиции исследования фактов, которые происходят в непосредственном настоящем, традиции, которая играла столь важную роль в проекте первых «Анналов» - вплоть до того, что они открывали страницы своего журнала действующим лицам той эпохи. На последующих этапах развития журнала эта традиция утрачивает первостепенное значение и постепенно сходит на нет. Чтобы ее возродить, необходимо вновь развить умение непосредственно реагировать на происходящее, умение «на ходу» анализировать фундаментальные тенденции современной истории, организуя в новых выпусках журнала новые разделы, в которых будут постоянно помещаться статьи, критические заметки и очерки на современные темы. В то же время, в более практическом смысле, возможно, журналу следует активнее участвовать в общественных, политических и интеллектуальных дискуссиях, которые сегодня разворачиваются во Франции, Западной Европе и во всем мире. Итак, сейчас, когда вновь на повестку дня поставлен вопрос об общественной роли интеллектуала, который критически осмысляет текущие общественные процессы, любые направления исторической науки в целом и «Анналы», в особенности, не могут оставаться в стороне от этих запросов.

По нашему мнению, только выполняя эти и ряд других сложных и ответственных задач, современные «Анналы» смогут превратиться в действительно эффективно действующие *четвертые «Анналы»*, обладающие четко обозначенными приоритетами разворачиваемого нового интеллектуального проекта и имеющие свою ясно выраженную позицию в общей па-

Глава 7

191

нораме мировой историографии. Именно таким образом можно будет выполнить завет Броделя о том, что следует отстаивать ту позицию, «на которую способны, приняв на себя риск исключительно новаторского подхода». Это и будет то самое новаторское боевое и активное призвание, что на протяжении более семидесяти лет поддерживало фундаментальный проект «Анналов», созданных Марком Блоком и Люсьеном Февром.

* * *

Конечно же, «Анналы» 2004 года не являются, да и не могут быть такими же первопроходцами и еретиками, как те «Анналами», которые в 1929-1941 гг. встали во главе исторических исследований во Франции, осуществив настоящую революцию в теории истории и открыв новые перспективы ее развития. Революцию, которая привела к тому, что прежнее влияние гер-маноязычного мира было преодолено, и центр тяжести в исторической науке сместился в сторону франкоязычных стран. Также они не являются и не могут быть броделевскими «Анналами» 1956-1968 годов, которые представляли собой кульминационный момент расширения и распространения французского влияния на западноевропейскую

историческую науку в период после второй мировой войны и служили «образцом для подражания» для большинства самых передовых -л критически настроенных историков, работавших во Францчи, в Европе и во всем западном мире в тот период. Еще менее они могут быть третьими французскими «Анналами» конъюнктуру 1968-1989 годов, которые означали упадок и конец франкоязычного влияния и сильно отошли от исторической традиции, созданной первыми и вторыми «Анналами». Точно также они не могут быть сложной матрицей марксистов-анналистов, которые, восприняв вышеупомянутую традицию, инкорпорировали ее в новую перспективу, равным образом опирающуюся на идеи Маркса. Но если «Анналы» 2004 года и не могут быть ничем из того, что было в прошлом, они, тем не менее, если им удастся возро-

192

Критический подход к истории французских «Анналов»

дить лучшие элементы того многообразного наследства, которое им досталось, смогут остаться в авангарде, не утратят позиций в первых рядах современной мировой историографии. Они смогут стать реальной действующей силой, опираясь на позиции, действительно достойные авангарда, на основе которых можно, совместно с другими основными течениями и направлениями исторических исследований во всем мире, эффективно определять курс, которым должна следовать историческая наука в XXI веке и в третьем тысячелетии, стартовавшем уже пятнадцать лет назад. И это, пожалуй, будет наилучшим способом выразить свое уважение проекту, который два профессора Страсбургского университета задумали еще в 1921 г., проекту, который более восьмидесяти лет спустя продолжает вдохновлять почитателей музыки Клио во всех, даже отдаленных уголках нашего маленького земного шара.

Приложения

Приложение I

«Анналы», марксизм и другие исторические направления: сравнение в контексте «времени большой длительности»*

Рассматривая настоящее под углом зрения прошлого, мы стремимся увидеть то, что принадлежит в нем «времени большой длительности», и то, что является лишь преходящим,

Из интервью Фернана Броделя журналу «L'Express», ноябрь, 1971

«Анналам» исполнилось уже 75 лет. Имея за плечами долгую выдающуюся историю, в которой приняли участие четыре поколения историков, и достигнув практически мировой известности, это важное направление французской исторической науки сегодня само превратилось в объект исследования историков.

Так, в последние 20 лет было выпущено множество работ, в которых различные авторы пытаются охарактеризовать развитие этого направления и его современное положение; ставят

* Эта статья — один из частичных результатов моей работы после защиты докторской диссертации на тему «Анналы, марксизм и исторические труды Фернана Броделя». Она была написана в 1988—1989 году, когда я работал под руководством Андре Бургьера в историческом отделении Высшей школы социальных исследований в Париже. Идеи, развитые здесь, были представлены и обсуждены на международной конференции «Анналы». Вчера и сегодня», проходившей в Москве с 3 по 8 октября 1989 года. Выражаю свою благодарность профессору Боливару Эчеверрии, просмотревшему первый вариант этой статьи.

194

Критический подход к истории французских «Анналов»

вопросы относительно различных периодов существования «феномена Анналов», делают попытки определить тот особый вклад в методологической, теоретической, проблемной и исследовательской сферах, который внесли в направление «анналистов» труды различных авторов¹.

В этом русле, в поисках верного понимания, разворачиваются дискуссии вокруг ряда проблем, которые сегодня широко известны всем тем, кто занимается исследованием сложной истории направления «Анналов». Когда, строго говоря, сформировался «анналистский» подход к истории? Каковы его идейные истоки и кто является его основными предшественниками? В чем состоит действительная новизна концепции «Анналов» по сравнению с предыдущими подходами к пониманию истории?

Прояснив вопрос о происхождении и основных идейных предпосылках этого исторического движения, исследователи идут дальше, стремясь начертить общую схему развития этого

направления. Каковы главные этапы в развитии «Анналов»? Существует ли принципиальная преемственность между различными этапами? В чем заключается сходство и различие между «сегодняшними» и «вчерашними» «Анналами»? И где начинается и кончается это «сегодня» и «вчера» в применении к истории данного направления? С какими это связано конкретными методологическими парадигмами, с какими теоретическими вкладами, тематическими областями или общими тенденциями развития историографии?

И наконец, спрашивающий переходит к проблемам, которые относятся к нынешней ситуации, а также к будущему всего направления (этими проблемами частично вызваны и вы-

¹ См. библиографический указатель. В связи с этим привлекает внимание тот факт, что подавляющее большинство работ, посвященных исследованию «феномена *Анналов*» - это статьи или краткие очерки, что свидетельствует о новизне и о том, что эта проблема еще ждет своих исследователей. Исключением являются работы Франсуа Досса «История по крупицам. *Анналы и новая историческая наука*» (Frangois Dosse, *L'histoire en miettes. Des «Annales» a la *Nouvelle Histoire*», Paris, La Decouverte, 1987), Траяна Стояно-вича «Методы французской исторической науки. Парадигмы *Анналов*» (Traian Stoianovich, *French Historical Method. The Annales Paradigm*, Ithaca-Londres, Cornell University Press, 1976) и Жерара Мере «Дискурс и история» (Gerard Mairet, *Le Discours et l'Historique*, Paris, Mame, 1974).

Приложение I

195

шеперечисленные вопросы). Проблемы таковы. Не «выдохлись» ли «Анналы»? Имея за плечами 60 лет существования, какую роль играют во французской и мировой исторической науке «Анналы» сегодняшнего дня? Каков их вклад в исторические и историографические исследования? Каков их общий вклад в багаж исторической науки, или, говоря иными словами, что именно современные историки должны взять, а что отринуть из богатого общего наследия направления «Анналов»?

Поставив перед собой эти и ряд других сходных вопросов, современная историография, занимающаяся проблемой «феномена *Анналов*» уже добилась многих и несомненно важных успехов. Сегодня мы гораздо лучше, чем 20 лет назад, можем ответить на ряд поставленных выше вопросов. Однако, если рассматривать в целом результат историографических исследований, касающихся «Анналов», то привлекает внимание любопытное и по видимости необъяснимое явление: несмотря на разнообразие подходов к проблеме, несмотря на тщательный анализ, проведенный в ряде исследований, почти ни одно из них не выходит за рамки того времени, которое кажется внутренне присущим исследуемой проблеме - то есть за рамки «конъюнктуры», или «среднего времени», как назвал бы его Бродель - и, судя по всему, очень немногие пытались использовать сравнительный метод для внесения большей ясности в понимание поставленных проблем.

Можно также наблюдать «естественное уважение» к национально-географическим рамкам, которые в большинстве исследований ограничиваются страной, где возникли и развивались первые «Анналы». Очень мало кто из ученых рискнул исследовать распространение «феномена *Анналов*» вне заповедного франкоязычного пространства. Так что появляется, на первый взгляд, большой парадокс. Получается, что исследователи проблемы «Анналов», внимательные читатели работ Марка Блока, Люсьена Февра и Фернана Броделя (что определяется самой темой их исследования) очень мало, однако, использовали метод сравнительной истории для объяснения эволюции самого этого направления: они почти не отклонялись в своих исследованиях от одного только французского геогра-

196

Критический подход к истории французских «Анналов»

фического ареала и практически избегали любых попыток «встать над» проблемой, чтобы принять в расчет характерные черты культурной реальности «времени большой длительности», в рамках которой шло это развитие².

Спрашивается, где же исследования, в которых развитие «Анналов» сравнивается с эволюцией и достижениями других прошлых и современных течений исторической науки?³ Куда исчез интерпретативный подход? Почему нет исследований, где история «Анналов»

рассматривалась бы под широким углом зрения, то есть изучалась бы в глобальном контексте развития общественных наук во Франции, исследования, в которых устанавливалась бы связь истории этого направления с глобальной эволюцией истории страны?⁴ И где же работы, в которых

² Интересным исключением из этого характерного ряда работ является статья Иммануэля Уоллерстайна «Человек

конъюнктуры» (Immanuel Wallerstein, «L'homme de la conjoncture»), опубликованная в «Броделевских чтениях» (*Lire Braudel*, Paris, La Decouverte, 1988) работа, которую, конечно, стоило бы рассмотреть и обсудить более подробно.

³ Чтобы иметь представление о различных подходах к проблеме, см. статью Питера Бёрка «Заметки по поводу французской революции в исторической науке: Школа Анналов и британская социальная история» (Peter Burke, «Reflections on the historical revolution in France: The *Annales* school and british social history», *Review*, vol. I, № 3-4 1978); «*Анналы* в глобальном контексте» (сообщение? представленное на международной конференции «Анналы. Вчера и сегодня», проходившей в Москве в октябре 1989 года), а также статью Марины Чедронио «Критический обзор *Анналов* - по страницам журнала *Лн-налы*» («*Profillo delle 'Annales'* attraverso le pagine delle '*Annales*'», en «*Storiografia francesediieriedoggi*, Napoles, Guida Editori, 1977). См. также: Carlos A. Aguirre, "En las fuentes teyricas de la historia cuantitativa: el impacto de la Escuela de los *Annales* sobK la cuantificacion de la historia", en *Economia*, Revista del IIES de la Universidadde San Carlos, nlm. 90, octubre-diciembre, 1986), эта последняя статья также включена в настоящую подборку.

⁴ По этому зарождающемуся направлению будет полезным посмотреть работы Франсуа Досса «Новое облачение президента Броделя» (Francois Dosse, "Leshabits neufsdu president Braudel", *EspacesTemps*, num. 34—35, 1986, pp. 83-93) и «Парадигмы «Анналов»» (сообщение представленное на международной конференции «Анналы. Вчера и сегодня», Москва, октябрь 1989 г.). Атакжеряд интересных работ, хотя эти исследования посвящены в большей степени «*до-анналистскому*» периоду времени: Руджеро Романс «Фер-нан Бродель II» (Ruggiero Romano, «Fernand Braudel II», *Tra storici ed economisti*, Torino, Einaudi, 1982), Лучано Аллегра и Анжело Торре «Возникновение социальной истории во Франции, от Парижской коммуны до *Анналов*» (Luciano Allegra e Angelo Torre, *La nascita della storia sociale in Francia della Comune alle 'Annales'*, Torino, Fondazione Luigi Einaudi, 1977) и Джули-

Приложение I

197

история «Анналов» рассматривалась бы с точки зрения «времени большой длительности», то есть такие работы, где после описания возникновения «Анналов» во Франции затем исследовалось бы их постепенное распространение, сначала внутри той же Франции, затем по странам средиземноморской Европы, а потом по всей Западной Европе и целому миру? Но это кажущийся парадокс, он лишь свидетельствует о реальной сложности главных методологических достижений упомянутых выше авторов «Анналов». Несмотря на 60 лет, прошедших после первых уроков, преподанных «анналистами», объяснявшими основные задачи исторического исследования, историков все еще продолжают «держат в своих руках» анализ событийный и анализ «среднего времени» или «конъюнктуры» - и это даже после броделевского обучения. Что же касается вкладов первых «Анналов» - методов сравнительного анализа и подхода с точки зрения глобальной истории, то их действительно трудно «применить» или «приложить» в исторической практике к самому «феномену Анналов» - чего, казалось бы, требует от нас обращение к историческим трудам Блока и Февра.

Осознавая трудности и риск, который сопряжен с опробованием этого нового пути, мы хотим все же внести в него свой скромный вклад, который, возможно, послужит тому, чтобы воодушевить других исследователей последовать тем же курсом. Мы попытаемся рассмотреть «феномен *Анналов*» за пределами французского пространства и для этого используем точку зрения «времени большой длительности» для описания характерных черт культурных традиций Западной Европы. В то же время, мы сравним развитие и вклад направления «Анналов» с тем, возможно, единственным более старым, чем «Анналы» (что, конечно же, не случайно), течением исторической мысли и исторической интерпретации, которое сумело сохранить свои традиции на протяжении долгого времени и проделана Джемелли «Между двумя кризисами: формирование социально-исторических исследований в республиканской Франции» (GiulianaGemeili, *Tra due crisi: la formazione delle scienze storico-sociali nella Francia repubblicana*, Bolonia, Accademia delle Scienze dell'Istituto di Bologna, 1978).

198

Критический подход к истории французских «Анналов»

жает активно действовать и сейчас — то есть с материалистической интерпретацией истории Карлом Марксом⁵, которая насчитывает уже более 130 лет.

I

Это длящееся постоянство мы обнаруживаем также в культурной жизни, открывая, например, настойчивость некоторых тем или некоторых способов восприятия, сохраняющихся на протяжении многих поколений.

Интервью Фернана Броделя журналу «L'Express», ноябрь, 1971

В настоящее время мы обладаем достаточной информацией об этапах постепенного распространения направления «Анналов» в интеллектуальной среде Франции и во французских общественных науках. История развития этого направления -от маленькой уникальной «лаборатории идей» в Страсбургском университете и вплоть до момента утверждения «Анналов» как важной части официальной культуры Франции (в области

гуманитарных наук) - была описана неоднократно. Мы знаем, что происходило с этим историческим направлением, начиная с первого этапа его существования между первой и второй мировой войной, в тот период, когда первые «Анналы» имели очень мало читателей (число регулярных подписчиков журнала не превышало 500 человек). В тот период журнал «Анналы» имел статус авангардного меньшинства, не признанного официальным французским истеблишментом. Ценой, которую им пришлось заплатить за осуществление истинной революции во франкоязычных исторических исследованиях,

⁵ Факт, который здесь привлекает внимание, это постоянное присутствие и все усиливавшееся с течением времени распространение и влияние обоих этих направлений - «Анналов» и марксизма - в исторических исследованиях. Другие исторические школы или подходы к истории либо просуществовали меньшее время, либо были менее распространены. Одна из целей этой статьи состоит в том, чтобы выяснить основные причины исключительного влияния и продолжительности существования этих двух направлений в исторической науке.

Приложение

199

было враждебное отношение Сорбонны и официальной исторической науки в целом⁶.

Инициативы «Анналов» носили для того времени откровенно еретический и сверхноваторский характер. Их взгляды начали понемногу признавать лишь после Второй мировой войны - в особенности после гибели Марка Блока от рук нацистов в 1944 г. С этого момента и на протяжении всего «броделев-ского» периода «Анналы» постепенно привлекают на свою сторону большую часть французских историков и многих влия-

⁶ В настоящее время речь идет о реальной или предполагаемой маргинальности и о новаторском и революционном характере первых «Анналов». Важно подчеркнуть тот факт, что в данном случае, определения "маргинальный" или "революционный" имеют отношение не к личностям основателей «Анналов» и не к политическому режиму, существовавшему тогда, а только и исключительно к области теории истории. То, о чем идет речь, это критический и революционный характер методологических парадигм и теоретических вкладов первых «Анналов» по отношению к господствовавшему подходу, характерному для всей французской историографии того времени. Различное освещение этого вопроса можно посмотреть в следующих работах: Фернан Бродель «Вместо заключения» (Fernand Braudel, «En guise de conclusion», en *Review*, t. I, num. 3-4, 1978) и «80 лет "римскому папе" современных историков» («Les 80 ans du Tape' des historiens», *L'Histoire*, num. 48, 1982); Иммануэль Уоллерстайн «После Анналов?» (Immanuel Yfellerstein, «Beyond *Annales*? (*Au-dela des *Annales*?)»), сообщение, представленное на международной конференции «Анналы. Вчера и сегодня», Москва, октябрь 1989 года; «Анналы как сопротивление» («The *Annales* as resistance», *Review*, vol. I, num. 3—4, 1978); Жозе Фонтана, статья «Восхождение и упадок школы Анналов» (Josep Fontana, «Ascens i decadencia del'escola dels *Annales*», *Recerques*, num. 4, 1974) и книга «История. Анализ прошлого и социальный проект» (*Historic. Andlisis del pasado y proyecto social*, Barcelona, Ed. Critica, 1982); Франсуа Досс «История в осколках: от Анналов сражающихся к Анналам побеждающим» (Francois Dosse, «L'histoire en miettes des *Annales* militantes aux *Annales* triomphantes», *EspacesTemps*, num. 19, 1985) и *L'Histoire en Miettes...*, op. cit.; Ален Герпо «Феодализм. Перспективы теории» (Alain Guerreau, *Elfeudalismo. Un horizonte teorico*, Barcelona, Ed. Critica, 1985), Морис Эма «Анналы и французская историческая наука» (Maurice Aymard, «The *Annales* and french historiography», *Journal of European Economic History*, vol. I, num. 2, 1972); Карлос А. Агирре «Между Марксом и Броделем. Делать историю, знать историю» (Carlos A. Aguirre, «Hacer la historia, saber la historia: entre Marx y Braudel», en *Cuadernos Poiticos*, num. 48, Mexico, octubre-diciembre, 1986), включенная и в эту подборку, а также «Десять тезисов относительно парадигм «Анналов» и марксизма» («Dix theses sur les paradigmes me'ihodologiques des *Annales* et le marxisme»), сообщение представленное на международной конференции «Анналы. Вчера и сегодня», Москва, октябрь 1989 г. См. также мою статью «*Au berceau des Annales*» (Toulouse, Presses de l'Institut d'Etudes Politiques de Toulouse), упомянутую в библиографии.

200

Критический подход к истории французских «Анналов»

тельных представителей французской интеллигенции. В период третьих «Анналов» это направление окончательно утверждается во Франции в качестве одного из господствующих подходов в разнообразных научных дисциплинах, которые имеют отношение к изучению «социального».

Но если эволюция «Анналов» во французском ареале была многократно исследована, то развитие тех же самых «Анналов» вне Франции - гораздо менее исследованная тема.⁷ Как шло распространение их взглядов на различных этапах существования «Анналов» в других странах Западной Европы на протяжении тех же 60 лет? На основе чего можно построить карту распространения анналистского движения в западноевропейских странах, такую, которая бы позволила сравнить распространение направления «Анналов» с распространением марксистских течений или объяснить выбранные ареалы с точки зрения «времени большой длительности»? Попробуем внимательно рассмотреть эти вопросы.

Если мы рискуем выйти за пределы Франции и будем рассматривать развитие «Анналов» на протяжении 60 лет, то увидим, что это направление почти с самого начала имело некоторые «привилегированные» ареалы распространения, то есть регионы, где их взгляды и труды получали больший отклик, быстрее признавались. Одновременно, в других регионах, вклад

«Анналов» в историю и в историческую науку практически игнорировался или пользовался очень малым спросом.

В этом смысле оказывается интересным тот факт, что из 400 или 500 регулярных подписчиков первых «Анналов» приблизительно сто были итальянскими читателями.⁸ По нашему мнению, это может быть свидетельством (помимо очевидных

⁷ В связи с этим вызывают особый интерес работы, включенные в 3-4 номер журнала *Review*, 1978, которые относятся к этому направлению исследования. В особенности, заслуживают внимания помещенные там статьи Мориса Эма (Maurice Aymard), Питера Бёрка (Burke), Альфреда Дюбуа (Alfred Dubuc), Халиля Инальчик (Halil Inalcik) и Кшыштофа Помиана (Krzysztof Pomian).

⁸ Этот факт неоднократно упоминался в разных работах Броделем, см., например, «80 лет «римскому Папе» современных историков» (Fernand Braudel, «Les 80 ans du 'Rape'...», *op. cit.*, p. 75) или «Вместо заключения» («En guise de conclusion», *op. cit.*, p. 247)

Приложение

201

признаков присутствия «Анналов» в Италии тридцатых годов⁹) более фундаментального изначального влияния «Анналов» на итальянскую историографию (влияния, которое сегодня отчетливо представлено как существенный компонент современной итальянской исторической науки), которое восходит еще ко времени возникновения этого направления во Франции. Таким образом, хотя главные проявления влияния «анналистов» на итальянских историков становятся видимыми лишь в период вторых «Анналов», историческая наука Италии, как кажется, много заимствовала у этого французского направления уже на протяжении нескольких предыдущих десятилетий.¹⁰ В любом случае, для линии исследования, которую мы пытаемся здесь провести, важно подчеркнуть лишь тот факт, что в десятилетие накануне Второй мировой войны первые «Анналы» являлись маргинальным, революционным и находящимся в меньшинстве течением как во Франции, так и - хотя возможно и в меньшей мере — в Италии той эпохи.

Потому не вызывает удивления, что Италия - вместе с Испанией — явились теми странами, где броделевские «Анналы» послевоенного периода (между 1956 г. и 1968 г.) получили широ-

⁹ Отсылаем, например, к рецензии на книгу Марка Блока «Характерные черты французской аграрной истории», которая была написана Дино Луццато в 1933 году для журнала *Nuova Rivista Storica*, а также к рецензии Моранди, посвященной статье Люсьена Февра, опубликованной в *Civiltà Moderna* в 1930 году; о том же говорит публикация самого Луццато в первом номере *Annales d'Histoire Economique et Sociale* в 1937 году. На эту тему см. также: предисловие Делио Кантиморе к книге Люсьена Февра «Исследования Возрождения и Реформации» (Delio Cantimori, «Prefazio», al libro de Lucien Febvre *Studi su riforma e rinascimento*, Turin, Gialio Einaudi Editor!, 1966, pp. GX-XXIX); Мариодель Треппо «Свобода памяти» (Mario Del Treppo, "La libertà della memoria", *Storiografia francesedi ieri e di oggi*, Guida Editor!, Naples, 1977, pp. VII-LI, 1977) и Джино Луццато «Исторические труды Марка Блока» в кн. «Труд и техника в средние века» (Gino Luzzatto, «L'opera storica di Marc Bloch», *Lavoro e tecnica nel medioevo*, Ban, Ed. Laterza, 1974).

¹⁰ Независимо от того, как интерпретировать данный факт, остается неразрешенным до конца ряд вопросов, а именно: Кто был среди этих ста подписчиков «Анналов»? Были ли это историки, экономисты, социологи или просто обычные интеллигенты? Исчезли ли они, не оставив никакого следа в итальянской историографии? Или же, напротив, скрытым образом именно они обеспечили в истории ту почву, на которой позже расцвело это направление в стране? Это крайне интересная тема, требующая дальнейших исследований.

202

Критический подход к истории французских «Анналов»

кое распространение. Наряду с важной исторической работой, развернутой некоторыми учеными, более или менее напрямую связанными с «Анналами» - Федерико Шабо (Federico Chabod), Армандо Сапори (Armando Saporì), Делио Кантимори (Delio Cantimori), Джино Луццато (Gino Luzzatto), а позже - Руджеро Романо (Ruggiero Romano), Франко Вентури (Franco Venturi) и Альберто Тененти (Tenenti) — нужно также учитывать развернувшуюся в Италии издательскую деятельность. Сюда относится не только неудавшаяся попытка в 1948 г. издать на итальянском языке (даже прежде, чем она была опубликована во Франции) рукопись Марка Блока «Апология истории, или ремесло историка»¹¹, но также публикация в 1953 г. (на месяц раньше, чем был сделан испанский перевод и четыре года спустя после первоначального издания на французском) такой работы, как «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» Фернана Броделя, или издание в 1959 г. подборки статей Марка Блока, объединенных под заглавием «Труд и техника в Средние века», а также многие другие публикации.

Эта активная издательская деятельность ясно свидетельствовала о возрастании интереса

историков и итальянской интеллигенции к «феномену *Анналов*». И она не только обеспечила — в результате «эффекта бумеранга» — возрастание влияния «*Анналов*» во Франции, но и в самой Италии создала основу для настоящей популярности авторов-анналистов.¹² Распространение «феномена *Анналов*» за пределами Франции, проис-

¹¹ О неудавшейся попытке издания рукописи Марка Блока см.: Коррадо Виванти «Издательства и историки» в кн. «Бродель в Италии» (Corrado Vivanti, «Editoria e storiografia», *Braudele l'Italia*, Prato, Assessorato alla Cultura, 1988); Массимо Мастрогретори «Незавершенная рукопись Марка Блока *Логика истории*» (Massimo Mastrogregori, "Le manuscrit interrompu: *Metier d'historien de Marc Bloch*", *Annales. Economies, Sociétés, Civilisations*, anno XLVI, n. 1, 1989).

¹² Другим косвенным результатом распространения «феномена *Анналов*» в Италии явился проект «*Storia d'Italia*», руководимый Руджеро Романо и Коррадо Виванти, который сотрудничал напрямую с Броделем. Вообще, разнообразные и многогранные взаимоотношения Броделя с Италией еще ждут своего исследования. Помимо упомянутого выше сотрудничества, они включают в себя: разработку "гида-путеводителя" по Венеции, статей, публикуемых в газете «*Corriere della Sera*», различные консультации в итальянских архивах, деятельность в Институте Франческо Датини в Прато, связи с итальянскими коллегами и учениками и, также, постоянное обращение его

Приложение I

203

ходившее на протяжении пятидесятих и шестидесятих годов двадцатого века, коснулось не только Италии. Оно затронуло также и франкистскую Испанию тех времен. Так, к примеру, испанские интеллектуалы и радетели кастильского языка не только располагали с 1952 года переводом на язык Сервантеса «Апологии истории» (названной в испанском переводе «Введением в историю»), а с 1953 года - переводом «Средиземного моря и средиземноморского мира в эпоху Филиппа II» Броделя, о чем мы упомянули выше, но, не имея возможности открыто проповедовать и распространять взгляды марксистского толка, обратились к изучению именно анналистского направления в исторической науке, которое, в результате, получило в Испании широкую известность.

Будучи отчасти учениками Х. Вивенса Виваса («совпадения» между подходом этого ученого, шедшего собственным путем, и подходом «*Анналов*» ни в коей мере нельзя назвать случайными — они свидетельствуют об общих требованиях, которые эпоха предъявляла к историкам), испанские историки того времени в достаточной мере освоили также подход «анналистов», который, как и в случае с Италией, занимает с тех пор и по сей день

к теоретическим изысканиям, связанным с итальянской историей, что получило свое явное выражение как в его знаменитом труде «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (*El Mediterraneo y el mundo mediterráneo en la época de Felipe II* (2 vols.), Mexico, FCE, 1976), так и в книге «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVI века» (*Civilization material, economía y capitalismo* (3 vols.), Madrid, /JianzaEditorial, 1985) В этом же русле безусловно разворачиваются и его работа в соавторстве с Руджеро Романо по истории порта в Ливорно («*Vavras et marchandises all'entree du Port de Livourne (1547-1611)*», Париж, Librairie Arthème Colin, 1951). Общие труды по истории распространения в Италии «феномена/молов»: Mario Del Treppo, "La libertà della memoria", *Storiografia francese di ieri e di oggi*, Guida Editori, Naples, 1977; Delio Cantimori, "Prefazione", *Studi sulla riforma e rinascimento*, Turin, Giulio Einaudi Editori, 1966; Gino Luzzatto, "L'opera storica di Marc Bloch", *op. cit.*; Maurice Aymard, "Impact of the *Annales* school in Mediterranean countries", *Review*, vol. I, n. 3-4, 1978; Ruggiero Romano, "Encore des illusions", *Cahiers Vilfredo Pareto, Revue Europeenne des Sciences Sociales*, Tomo XXI, n. 64, 1983, Massimo Mastrogregori, "Le manuscrit interrompu:...", *op. cit.*, а также статьи, собранные в книге *Braudele l'Italia*. О связях Броделя с Италией см.: *El Mediterraneo...*, *op. cit.*; Venise, Paris, Arthaud, 1984; *Civilization material...*, *op. cit.*, 1985; *Il secondo rinascimento. Due secoli tre Italic*, Turin, Giulio Einaudi Editori, 1986; Fernand Braudel y Ruggiero Romano, *Navires et marchandises...*, *op. cit.*, а также статью Maurice Aymard, "L'Italia-mondo nell'opera di Fernand Braudel", *Critica Marxista*, n. 1, 1987..

204

Критический подход к истории французских «Анналов»

одно из первых мест среди направлений современной историографии, которые господствуют на Иберийском полуострове.¹³

Таким образом, карта распространения «феномена *Анналов*» начинает вырисовываться перед нами с достаточной ясностью. Это, главным образом, страны *средиземноморской* зоны западной Европы - латинизированный регион Европы, объединенный некоторым *общим типом дискурса и культурной восприимчивости*, которые более или менее явно проявляются в современной культуре - именно здесь был развит и наиболее интенсивным образом воспринят вклад исследуемого нами французского направления.

И напротив, если обратить свой взгляд на север европейского континента, то станет очевидным, что северные страны Западной Европы либо не приняли, либо просто не знали о существовании «феномена *Анналов*». Если проследить первые 40 лет (или даже больше) времени существования этого направления, — то есть период, который вмещает историю первых и вторых «Анналов», - то мы увидим, что их присутствие или влияние практически не

заметно ни в Германии, ни в Австрии, ни по другую сторону Ла Манша.

В германоязычном мире в то время процветают самые различные школы, и дискуссия ведется вокруг «старых работ» или признанных «учителей»; Ранке, Карла Лампрехта, Макса Вебера, Альфонса Допша, а чуть позже — вокруг Освальда Шпенглера, разочарованного «Закатом Европы»; в Англии тогда же работает Тойнби, которому принадлежат обширные труды, претендующие на глобальный подход. В Англии того времени мы не находим ни намека на развитие или на использование наследия того направления, что позже будет названо Школой «Анналов».¹⁴ Только в последние пятнадцать лет - и

¹³ О развитии испанской историографии при франкистском правлении нам пока еще известно недостаточно. Тем не менее, те малые сведения, которыми мы располагаем, кажется, подтверждают высказанную здесь гипотезу. Безусловно, этот вопрос требует дальнейшего изучения.

¹⁴ Явным исключением здесь являются труды Блока. Однако, любопытный факт - Блок получает признание и известность не как глава или основатель направления «Анналов», а как выдающийся медиевист, специалист по истории Средневековья.

Приложение I

205

не напрямую, а кружным путем, через Северную Америку, -до Англии, северных стран Западной Европы и до Германии, наконец, докатились обратными волнами «Анналы», получив там какое-то признание.

Таким образом, старые границы между средиземноморской Европой и северной Европой вновь проявляют себя в этой форме разделения на две Европы, одна из которых благоприятно относится к «феномену Анналов», а другая - остается безразличной и чуждой ему.¹⁵

Понятно, что как «гостеприимное признание», так и «холодное безразличие «не только не объясняется целиком характером той эпохи, когда возникли первые «Анналы», но даже и не является главной причиной такого отношения. Причины

¹⁵ Это, безусловно лишь набросок в общих чертах этого разделения западноевропейского культурного пространства. Для более тщательного анализа проблемы нужно было бы обработать более детально различные карты, относящиеся к *культурным традициям «времени большой длительности»*, которые существовали в пространстве Западной Европы. И тогда мы нашли бы там, возможно, Северную Европу, где "северное (нордическое)" проявляется почти что в чистом виде на скандинавском полуострове и в Дании; а также другой «север», который является более "восприимчивым" к южным и восточным традициям, область, более смешанную с другими влияниями, которую представляет собой германоязычный мир. Также, признав средиземноморский европейский мир, мы могли бы отделить гораздо более "чистый" латинский и средиземноморский юг Италии, Испании и Франции, от еще одного «юга», находящегося во взаимодействии и являющегося проницаемым для «севера» - на севере Франции. Тогда мы смогли бы, возможно, понять, на какой почве возникли во Франции «Анналы» и даже объяснять любопытные (но не случайные) прядения, на которые указал уже Фернан Бродель в своей статье «Личное свидетельство» («Personal Testimony», *The Journal of Modern History*, т. XLIV. num. 4, (1972), из которых следует, что большинство главных деятелей «Анналов» их предшественников были родом из северо-восточных областей Франции: Анри Берр, Люсьен Февр, Марк Блок и сам Бродель были выходцами из этого региона, то есть с западноевропейского юга, но имевшего связи и влияния со стороны нордической Европы. К сожалению в связи с отсутствием достаточного количества работ относительно сложной карты различных *культурных традиций «времени большой длительности»* Западной Европы, эта проблема все еще остается открытой и требующей своего решения. Для целей данного исследования мы удовлетворяемся самым общим примерным наброском, представленным выше (опуская, кроме того, рассмотрение части более северной Европы, Дании и скандинавского полуострова), вполне сознавая ограничения, которые это влечет, и приблизительность гипотезы, выдвинутой в нашей работе.

206

Критический подход к истории французских «Анналов»

уходят своими корнями в глубокое прошлое, в период, который отстоит от возникновения «Анналов» по крайней мере, на полвека, а скорее всего, и намного больше. Чтобы ответить на ряд важных вопросов, необходимо удалиться по времени назад. Что произошло, в плоскости истории идей, с этими двумя Европами (занимающими противоположные позиции по отношению к «феномену Анналов») на протяжении 60 лет, предшествующих рождению этого французского направления исторической науки? Какие основные процессы в сфере развития идей разворачиваются на европейском континенте в течение этого периода?

Реконструкция истории марксизма между 1870и 1930 г. дает очень удобную опору для сравнения, что и позволит нам ответить на эти вопросы.

Бакунинские идеи нашли поддержку [...] в Италии и в Испании, где реальные условия рабочего движения были все еще мало развиты [...], его конспиративный подход был поддержан до определенной степени французскими прудонистами, особенно на юге Франции. *Карл Маркс*,

письмо к Фридриху Болту, 23 ноября 1871

Если мы набросаем двойную карту периода 1870-1930 годов, в которой отметим явления, относящиеся к развитию и распространению «Анналов», о которых мы только что говорили (относительно стран, где направление «Анналов» достигло широкого распространения и о практически полном отсутствии «анналистского» подхода в других), и на ней же отметим ареалы, где шло распространение марксистских взглядов, то мы с удивлением увидим насколько точно *совпадают* области сильного и слабого распространения «Анналов», хотя и с *точностью до наоборот*, с регионами слабого и сильного влияния марксизма. Как же шло развитие марксистских течений, возникновение и распространение которых предшествует возникновению «Анналов»?

Приложение

207

Относительно начального этапа развития марксизма в нашем распоряжении имеется информация, которую оставили сами Маркс и Энгельс. Известно, что после разгрома Парижской коммуны Франция перестала играть роль политического авангарда в западноевропейском рабочем движении, и «политический» центр тяжести, по мнению Маркса и Энгельса, переместился в Германию.¹⁶ Это перемещение на восток главного центра, вокруг которого сосредотачивалось движение рабочего класса в Западной Европе того периода, - наряду с результатами начального этапа развития европейского анархизма — является ключевым моментом, который может объяснить неравномерность распространения марксистского понимания истории в разных странах.

Если вспомнить историю Первого Интернационала и его внутренние разногласия, то следует обратить внимание на такой имеющий важное значение факт, что именно Италия, Испания, юг Франции и «латинская» Швейцария, являлись областями, где анархизм Бакунина получил действительно массовое распространение. Напротив, он практически не признавался в Германии, Австрии и Англии.¹⁷

¹⁶ Ср. Энгельс Ф. «Рабочие в Европе в 1877 г.», (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. Соч. Т. XXIV, М., Прогресс, 1989. С. 211, 221-222.) В этой работе, написанной в 1872г., Энгельс намечает уже первую карту предвидимого им неравномерного распространения рабочего движения в разных странах Европы. Хотя здесь нас не интересуют проблемы истории рабочего движения как таковой, а прежде всего история распространения марксизма в сравнительной перспективе истории идей, но также верно, что существует некоторая, пусть опосредованная и сложная, но реально действующая корреляция между высоким уровнем развития рабочего движения и легким усвоением и признанием марксистских понятий. Не зря историки социализма и марксизма, продолжая разрабатывать гипотезы Маркса и Энгельса, связывают расцвет анархизма в Испании, Италии и Франции с сильным сельскохозяйственным уклоном в развитии экономик этих стран.

¹⁷ Маркс, Энгельс и Лафарг прекрасно проанализировали историю распространения бакунинских идей в средиземноморском ареале Европы в статье «Заговор против Международного товарищества рабочих» в серии *Основные труды «Интернационал»* ("Un complot contra la Asociaci6n Internacional de Trabajadores", en Karl Marx y Friedrich Engels, *Obras Fundamentales*, "La Internacional", Mexico, FCE, 1988). См. на эту тему также работы Энгельса (Engels, "El Consejo General a todos los miembros de la Asociaci6n Internacional de Trabajadores (4—6 de agosto de 1872)", *Ibid*, y "Los bakuninistas en acci6n", *Acerca del anarquismo y el anarcosindicalismo*, Moscú, Ed. Progreso, s. f.)

208

Критический подход к истории французских «Анналов»

Распад Первого Интернационала произошел в тот же самый период, когда имела место героическая попытка Парижской коммуны «совершить прыжок в небо». И это было осязаемое выражение тех различий, которые существовали в странах Западной Европы, достигших разной степени зрелости для признания творческого потенциала марксизма, который как раз в тот период впервые начинает свой путь и распространяется по всей Европе.

Сильное распространение анархизма в средиземноморских странах Западной Европы, связанное с большим весом сельскохозяйственных структур в соответствующих экономиках - только *первое выражение* (в плоскости истории идей) малой восприимчивости к марксистским идеям, которую эта европейская зона будет проявлять по отношению к марксизму на протяжении всего исследуемого периода.

Наоборот, в тех странах Северной Европы, которые мы выше упомянули - те самые, в которых зародился и укрепился первоначальный марксизм уже с начального периода существования Первого Интернационала - марксистская доктрина позже расцвела и

укоренилась еще основательнее на протяжении шестидесяти лет, о которых мы говорим. Рассмотрим это подробнее.

Между 1870 и 1930 годами, как известно, самым развитым и самым распространенным в западноевропейском регионе - хотя русский марксизм, по критериям той эпохи, также имел достаточно хороший уровень - был немецкий марксизм. Самые интересные идейные дискуссии в философской, исторической, экономической и политической плоскости разворачиваются в германоязычном мире. Речь идет не только о некоторых наиболее известных немецких теоретиках марксизма той эпохи, но также о таких выдающихся личностях, как поляк Роза Люксембург или австрийцы Карл Каутский, Рудольф Хильфердинг и Отто Бауэр.

Хотя верно, что немецкий марксизм не справился с революционным кризисом Первой мировой войны, но тем не менее несомненно, что это было наиболее развитое марксистское течение Западной Европы, имевшее в багаже не только литературное наследие Маркса и Энгельса, но и целую плеяду

Приложение

209

выдающихся представителей, которые, в той мере, в которой позволяли условия той эпохи, старались углубить и развить идейное наследие основателей этого направления.¹⁸

Одним из западноевропейских регионов, где марксистские идеи в тот период достигли особого расцвета, была Австро-Венгерская империя. Австрия в эти годы являлась не только регионом, в котором происходил взаимный обмен идеями между немецким марксизмом и идейным наследием ее собственной культуры, но также, в силу особой ситуации, что сложилась в стране накануне Первой мировой войны,¹⁹ - почвой, на которой выросли очень своеобразные мыслители марксистского толка, по теоретическому уровню и оригинальности подхода ни в чем не уступавшие немецким представителям марксизма. Противостоя проблеме Государства, где сосуществуют несколько национальностей - которые сформировали «малый интернационал» внутри Второго Интернационала — и подстегиваемый как влиянием немецкого марксизма, так и глубокими, непосредственными результатами двух русских революций 1905 г. и 1917 г., этот австрийский марксизм находит свое выражение в трудах таких выдающихся представителей, как Бауэр, Реннер или Хильфердинг. На Австрии заканчивается регион Северной Европы, который мы здесь рассматриваем в связи с распространением марксистских идей.

¹⁸ Тот факт, что очень мало кто из марксистов (между ними выделяются Роза Люксембург и Карл Либкнехт) оказались на высоте тех требований, которые поставила перед ними война 1914-1918 годов, свидетельствует, с одной стороны, о высоких требованиях, которые выдвигает марксистское понимание истории и о трудностях его реальной ассимиляции, но с другой, связан с политическими и общественными факторами, для обсуждения которых здесь нет возможности.

¹⁹ Австрия была не только страной, которая находилась под сильным культурным влиянием Германии. Для этой страны было также характерно сложное переплетение идей, что явилось результатом объединения на ее территории большого числа национальностей, которые, ассимилируясь, привнесли разнородные взгляды в общую культуру. Не случайно, что в тот период, наряду с австрийским марксизмом (сегодня мало известным, но очень богатым и интересным) развивается также психоаналитическое фрейдистское движение, работает философский «Венский кружок», и всему этому сопутствует расцвет литературы и искусства. Об австрийском марксизме см.: Г. Д. Х. Коль «История социалистических идей» (G.D.H. Cole, *Historia del pensamiento socialista*, Mexico, FCE, 1957—1963, tomo IV, cap. XII.)

210

Критический подход к истории французских «Анналов»

Интересным исключением из этой реконструируемой нами карты распространения марксизма на территории Западной Европы служит Англия, которая, похоже, осталась вне его влияния. Хотя оба основоположника марксизма последние годы жизни провели в Англии, занимаясь там как теоретической деятельностью, так и политической работой, тем не менее после их смерти в Великобритании не появилось никаких выдающихся продолжателей их дела или мыслителей, которые бы развивали марксистскую теорию и марксистский подход на той стороне Ла-Манша.

Таким образом, становится очевидным тот факт, что английский остров держался в стороне как от распространения марксизма, так и, позже, от влияния идей «феномена *Анналов*», будучи связан скорее в сфере идейного развития с особым англосаксонским универсумом, которой объединял его как с Северной Америкой, так и с датско-скандинавским севером За-

падной Европы, который здесь мы оставили вне нашего рассмотрения.²⁰

Итак, рассматривая в целом карту Западной Европы, которую мы здесь проанализировали, можно сказать, что в зонах более слабого распространения «феномена *Анналов*» на протяжении шестидесяти лет, предшествовавших появлению «Анналов», мы видим области распространения и расцвета марксизма. В то же время в средиземноморских странах, которые испытали лишь временный, хотя и широко распространившийся тогда подъем анархического движения, марксизм будет иметь только слабое присутствие и ограниченное распространение, практически не играя большой роли в идейном развитии этих средиземноморских наций.

²⁰ Мы говорим «возможно», поскольку, по нашему мнению, тема эта требует более углубленного изучения, для которого, как мы уже отметили, кажется, не хватает все еще необходимых исследований. Но как бы то ни было, интересно отметить тот факт, что, как марксизм, так и «феномен *Анналов*» появляются в регионе этой специфической английской культуры достаточно поздно. Марксизм утверждается и распространяется только к пятидесятым годам двадцатого века, а «Анналы» — лишь в последние лет пятнадцать. Об отношениях Маркса с английским социализмом см.: G.D.H. Cole, *Historic delpensamiento...*, op. c/7., tomo II, pp. 356-357, 368—375.

Приложение I

211

Теперь пора поставить вопрос о степени распространения марксизма во Франции, Италии и Испании в тот же период между 1870 и 1930 годами, вопрос, ответ на который мы можем легко вывести даже логическим путем.

Во Франции, за исключением разве что оригинальных и интересных работ (хотя немного ограниченных в глобальном смысле) Поля Лафарга, не существовало практически никаких течений или новых творческих подходов, которые могли бы характеризоваться как марксистские. Здесь разрабатываются анархо-синдикалистские теории Жоржа Сореля, а также социалистические (но не марксистские) взгляды Жана Жореса. Практически, во французской исторической науке до и после «дела Дрейфуса» марксизм полностью отсутствовал.²¹ С этой точки зрения становится понятным отношение Маркса к современному ему «французскому марксизму», по поводу которого он и произнес свою знаменитую фразу: «единственное, что я могу сказать о себе — это, что я не марксист». Очевидно, «марксизм», существовавший во Франции 1870-1930 годов, был настолько далек от учения Маркса, что не мог составить конкуренцию критическому и истинно новаторскому проекту первых «Анналов»²².

И точно так же, как во Франции фигуру Поля Лафарга можно считать оазисом в пустыне, так и в Италии Антонио Лабри-ола, а потом Антонио Грамши являются скорее теми самыми исключениями, что подтверждают общее правило. То есть их деятельность всегда стояла как бы в стороне, они постоянно

²¹ В этой связи, см. интересную статью Ж. Р. Сюрратто «Историки, марксизм и возникновение *Анналов*» (J.R. Suratteau «Les historiens, le marxisme et la naissance des *Annales*: L'historiographie marxiste vers 1929: une mythe?», *Au berceau des Annales*, Toulouse, Presses de l'Institut d'Etudes Politiques de Toulouse, 1983).

²² Фигура Жюль Гюеса (Jules Guesde) весьма символична для характеристики французского «марксизма». Будучи сначала бакунином, он стал потом яростным марксистом и работал вместе с Лафаргом, но закончил, тем не менее, участием в буржуазном министерстве после первой мировой войны. Об этой переменной истории французского марксизма и социализма см.: PedregVranicki, *Storiadelmarxismo*, Roma, Ed. Riuniti 1973, том I, pp. 266, 273-278, том II, pp. 84-87; G.D.H. Cole, *Historic delpensamiento...*, op. cit., том II, pp. 302-308, 410-411, том III, pp. 354-355, том VI, pp. 21, 28-32, 42, том VII, pp. 116-117.

212

Критический подход к истории французских «Анналов»

находились в меньшинстве, марксизм не играл значительной роли в той идейной атмосфере, что сложилась в дофашистской Италии. Без достойных оппонентов, без обширной дискуссии и обмена идеями, которые могли бы питать это направление и стимулировать возможность дальнейшего развития, находясь в окружении скорее враждебном, чем благоприятном, оба эти марксистских деятеля конца XIX—начала XX века остались почти незамеченными в общей волне политических движений, на которую сильно повлияла общественная мысль Франции. Эти политические движения в основном составлялись католиками, анархо-синдикалистами, правыми социалистами и центристами. И, в конце концов, «левый социализм» накануне Первой мировой войны оказывается представленным выдающимся персонажем, который позже

получил печальную известность, а именно... Бенито Муссолини.

Влача на протяжении шестидесяти лет наследие бывшей «любимой страны Бакунина» (по словам Маркса и Энгельса), Италия знала только одну попытку (к сожалению, сметенную уже нарождавшимся тогда фашизмом) развития первоначального и творческого марксизма - это была группа Грамши «Ор-дине Нуово», основанная в 1919 г. Но арест Грамши и всех коммунистов, а также сочувствовавших их взглядам, привел к тому, что эта попытка была задушена на корню, и тем самым была уничтожена единственная серьезная возможность — на тот момент времени - развития итальянского марксизма.²³

И наконец, хорошо известно, что Испания - европейская страна, где анархизм процветал более, чем где бы то ни было еще. После раскола Первого Интернационала большинство рабочих встало на сторону бакунинцев, как признавал Энгельс²⁴ в 1873 г., а после поражения движения, руководимого этими же анархистами, испанский пролетариат погрузился в летаргический сон, от которого не скоро оправился. В течение того периода, который нас интересует, анархизм и анархо-синди-

²³ Относительно ситуации в Италии см.: Pedreg Vranicki, *Storia del marxismo, op. cit.*, tomo I, pp. 278—284, tomo II, pp. 72—73); G.D.H. Cole, *op. cit.*, tomo IV, pp. 176, 187-188, 191, tomo V, pp. 351-355.

²⁴ См. по этому поводу Ф. Энгельс «Бакунины в действии».

Приложение I

213

кализм продолжают быть доминирующими течениями в Испании, в которой так и не появилось ни одного настоящего марксиста-теоретика или марксистской группы, которая бы могла играть важную роль.

Таким образом, карта неравномерного распределения марксистских идей совершенно точно дополняет карту асимметричного распространения «феномена *Анналов*». Эта *обратная* корреляция является полной, то есть, как мы уже показали, в странах, где в период 1870-1930 годов марксистские взгляды либо не развивались, либо развивались слабо - это как раз те страны, в которых позже широко распространились работы «анналистов» и шло изучение направления «Анналов». И, наоборот, те страны Северной Европы, которые мы здесь упомянули, где марксистские взгляды имели силу, где ясно чувствовалось идейное присутствие марксизма (за исключением уже упомянутой Англии), относятся к той зоне, которая осталась, по сути, чуждой и безразличной по отношению к «феномену *Анналов*»,

Кроме того, речь идет о том разделении, разрезе Западной Европы, возникновение которого относится не к XIX веку, и даже не к началу создания капиталистического общества в XVI веке, но уходит корнями действительно во «время большой длительности». Уже Фернан Бродель указал на любопытное совпадение между линией, которая делит в эпоху Реформации (употребляя здесь множественное число, как это сделал Февр) католическую Европу и протестантскую Европу со старой линией границ, которая отделяла народы римской империи от обитателей древней Германии.²⁵ То есть здесь речь идет о *культурной границе «времени большой длительности»*, которая присутствовала постоянно в европейской культуре на протяжении всей ее истории. И в связи с этим возникают следующие вопросы. Почему бывшая римская территория, а потом территория католической Европы, которая в XIX веке стала зоной анар-

²⁵ См., например: Фернан Бродель «Современные цивилизации» (Fernand Braudel, *Las civilizaciones actuales*, Madrid, Tecnos, 1978, pp. 303-308) и «Неприятие Реформации во Франции» («The rejection of the reformation in France», *History & Imagination. Essays in Honour of H.R. Trevor-Roper*, Londres, Duckworth, 1981).

214

Критический подход к истории французских «Анналов»

хизма и слабого развития марксизма, в XX веке превратилась в регион успешного распространения «феномена *Анналов*» и позднего распространения марксизма? Этот вопрос совпадает с другим аналогичным по сложности вопросом, а именно, почему древняя

Германия, описанная Тацитом в начале нашей эры, на территории которой позже получило распространение протестантское движение, оказалась в XIX веке тем центром, где в Европе зародился и успешно развивался марксизм, а в XX веке в этом регионе Европы «феномен *Анналов*» получил самый слабый отклик?

Фернан Бродель, наверное, улыбнулся бы своей уверенной, немного кривоватой, но полной юмора улыбкой, услышав эти формулировки, относящиеся к его собственному «направлению».

Время большой длительности» представляет собой, следовательно, нечто неудобное, сложное и часто не-уловимое. Когда мы принимаем его в качестве одной из целей нашей работы, то это не просто игра, затеянная ради расширения поля исследований и удовлетворения обычной любознательности.

Фернан Бродель «Время большой длительности»

Признав глубокие корни происхождения определенных культурно-национальных различий, которые проявились в регионах Западной Европы в их отношении к течениям марксизма и к направлению «Анналов», мы можем теперь остановиться на основных причинах, объясняющих такое «распределение» западноевропейского пространства по отношению к тем двум подходам к исторической интерпретации, которые, очень возможно, являются самыми крупными, долговременными и устойчивыми из тех исторических подходов, с которыми мы имели дело в прошлом и какие имеются в настоящем в области глобальных исторических исследований. Может быть, оба эти подхода к пониманию и трактовке истории стремятся ответить, в конце концов, на один и тот же глубинный вопрос? Может быть, речь идет просто о двух различных путях приближения к

Приложение

215

одной и той же цели или к описанию одного и того же глобального процесса?²⁶

Это, несомненно, крайне сложная проблема, которая включает в себя много разноуровневых элементов. И дойдя до этой точки исследования, нам необходимо найти какой-то другой способ подхода к ее решению. Нечто подобное простой рабочей гипотезе, на основе которой (и с опорой на понятие «времени большой длительности») мы попытаемся здесь дать набросок того, что, на наш взгляд, подведет нас вплотную к новому подходу к этой проблеме. Маркс изъяснялся предельно ясно, когда старался объяснить причины зарождения материалистического понимания истории. Для него возникновение марксизма, с его попытками выработать настоящий научный подход к объяснению истории (а именно связанное и глобальное объяснение исторического процесса развития человеческой цивилизации, объяснение, которое стремится найти основополагающие причины и всеобщие законы эволюции общества, и которое пытается с помощью критического подхода выявить также общий смысл этого долговременного процесса), факт не случайный, а необходимый, и он связывается с определенным моментом исторического процесса, который смог появиться лишь в силу неких вполне специфических условий.

³⁶ Подтверждением этому могли бы послужить, по нашему мнению, высказывания двух авторитетных авторов. В этих высказываниях затрагиваются проблемы, которые мы обсуждаем. Анри Берр, говоря о причинах возникновения «Анналов», сказал: «[когда Люсьен Фовр] совместно с Марком Блоком создавал *Annales d'histoire Economique et Sociale*, он, в частности, стремился привлечь те аспекты социальной жизни, которые слишком долгое время пребывали в тени, те аспекты, внимание к которым сумел привлечь марксизм». *Ben, La sintesis en Historia, Mexico*, УТЕНА, 1961, р. 301. См. также комментарий Броделя по поводу журнала *Revue de Synthese*, который он характеризует, как журнал, относящийся к "идеалистической" Франции до 1914 года, журнал, который практически игнорировал идеи Карла Маркса. (Braudel, «Hommage a Henri Berg», *Revue de Synthese*, 3 serie, num. 35, 1964, р. 24.) Бродель также утверждал: «...Но, поскольку, как я уже говорил, выступая в Ленинградском университете, если история - это наука, или, по крайней мере, если она занимается научными вопросами, то неизбежно, -и это не зависит от наших отправных точек, — пути наши в конце концов пересекутся». (Braudel, « Marc Bloch a l'honneur », *Annales. Economies. Societes. Civilisations*, XIV, num. 1, 1959, р. 92). Это заявление было сделано как раз по поводу взаимоотношений между «Анналами» и марксизмом.

216

Критический подход к истории французских «Анналов»

В чем же заключаются характеристики этого особого момента, когда должен был появиться марксизм, с возникновением которого связано начало утверждения истории как истинной науки? Каковы были эти особенные условия, сделавшие возможным вышеупомянутое возникновение? Резюмируя достаточно сложное объяснение Маркса по этому поводу, мы скажем, что, с его точки зрения, история не могла быть *научной* дисциплиной до тех пор, пока

она не превратилась в действительноуниверсальную историю. То есть, лишь когда все местные, частичные и изолированные исторические исследования - которые до этого момента развивались в силу множества причин, как истории народов, рас, групп, и даже империй - достигают истинной *унификации* в планетарном масштабе и *соединяются* в едином общем ритме, который координирует различные частные ритмы развития в общем едином процессе «универсальной симфонии», только тогда история может превратиться в истинную универсальную историю (и продемонстрировать тогда свою истинную природу как *универсальной истории человечества*}, то есть когда речь пойдет об истории всего человеческого рода в целом.²⁷ На этом закончат свое существование параллельные и вынужденно *частные* локальные истории, такие как история римской империи, китайского народа, черной расы, приверженцев ислама или американских этнических меньшинств, и им на смену придет и утвердится единая человеческая история - универсальная, планетарная и глобальная. И только начиная с этой

²⁷ В этой связи, Маркс говорил: «В итоге общее развитие согласуется в своем направлении и по своим возможностям с развитием производительных сил - то есть богатства в целом, которое служит его основой, а также зависит от всеобъемлющих связей, поскольку опирается на мировой рынок, как на свою основу [...] отсюда вытекает также понимание собственно истории как процесса познания материального мира (процесс, который сам является практической силой, стоящей над этим) как своей реальной основы. » (Karl Marx, *Elementos fundamentales para la crítica de la economía política. Borrador* (3 vols.), Mexico, 1974, vol. II, p. 33). Это как раз взгляд на историю в её универсальном масштабе и понимание ее как *глобального процесса развития человеческого общества*, такой подход позволяет ставить вопросы и о причинах эволюции, и о цели исторического процесса, и о характерных особенностях его развития в пространственной и временной протяженности, то есть в итоге позволяет истории стать настоящей *наукой*.

Приложение

217

универсальной истории — начиная с создания буржуазного капиталистического общества — можно будет попытаться схватить, по мнению Маркса, ее глубокий смысл, смысл этой истории человека (или «доисторической эпохи человечества» - если использовать его точные термины). Эта универсальная история, впервые описанная Марксом как процесс и растянувшаяся во времени «одиссея», определяет также истинную цель того, к чему - через сложные перипетии своего развития - усердно шло человечество: к полному контролю за материальными ресурсами, к отказу от первоначального общественного устройства, а следовательно, и к отказу от деятельности по исполнению навязанной извне работы. Это означает конец современного политического устройства и существования общественных классов, а в итоге приведет к созданию условий, необходимых для развертывания истинной социальной жизни.

Но, если эта действительно универсальная история - необходимое условие возникновения проекта настоящей науки истории, тогда становится ясным, что этот проект научного объяснения исторического процесса должен быть по необходимости недавним, поскольку, как сама эта универсальная история выстраивалась медленно и постепенно в период между XVI и XIX вв., так и новая историческая наука должна идти вслед за экономическим процессом формирования мирового капиталистического рынка, который является ее практической опозой,

И только распространение капитализма иширь, включая сюда создание мировой экономики в масштабах всей планеты, создает настоящую экономическую базу для реального процесса унификации всего земного шара, и, начиная с этой экономической унификации - базу для одновременной унификации во всех остальных плоскостях общественной жизни.²⁸ И потому вполне логично, что в тот момент, в котором унификация в человеческой истории достигает первого этапа зрелости (в XIX

²⁸ Об этой "унификации" или сложной универсализации истории, которая охватывает всю поверхность земного шара, см.: Fernand Braudel, «European expansion and capitalism, 1450—1650», *Chapters in Western Civilization*, Nueva York, Columbia University Press, 1961 и *Civilization and material..., op. cit.*

218

Критический подход к истории французских «Анналов»

веке), создается и та экономическая база, которая делает возможным возникновение марксистской интерпретации истории, j Таким образом марксизм, как *первое* усилие в направлении со-; здания современной исторической науки, появился именно в тот¹ момент, когда маленькая западноевропейская «мир-экономика» достигла максимальной границы территориального расширения и охватила практически всю планету, очерчивая, в первый раз,

размеры *мировой* экономики, которая, однако, оказалась под ее управлением лишь на короткий и эфемерный период, который закончился двумя мировыми войнами XX века. Мы знаем также (частично в результате того же броделевского учения), что долговременный процесс созревания универсальной истории включает в себя одновременно уравнивание, или соблюдения баланса сил, и децентрализацию. Это процесс, в результате которого средиземноморская Европа, которая в течение многих веков являлась доминирующей «мир-экономикой», медленно передавала бразды правления Северной Европе, которая начала управлять через различные города-торговые центры. Это общее движение сформировало в итоге «мир» Западной Европы, и это не просто метафора. Баланс сил имел большое значение внутри западноевропейской «мир-экономики», и, по нашему мнению, именно он лежит в основе объяснения двойной карты Западной Европы, которую мы составили для рассмотрения распространения влияния марксизма и направления «Анналов». В этом смысле нам уже не покажется странным, что север Европы, являющийся сейчас доминирующим пространством, был как раз той областью, где зародился и активно развивался марксизм в течение XIX века и части XX века. И уже не столь трудно будет объяснить также тот факт, что в средиземноморскую Европу (которая, утратив прежнее господство, утратила вместе с ним и необходимость задавать курс процессу утверждения истинной науки истории) эта новая история пришла позднее в облачении, отличном от первоначального, а именно в облике «феномена *Анналов*».

Маркс, объясняя где-то характер некоторых особенностей греческой цивилизации, воспользовался метафорическим сравнением с рождением детей, говоря о преждевременном родив-

Приложение

219

шихся, о нормальных и о поздних детях. Мы оставляем на усмотрение читателя решение достойного Сфинкса вопроса о рождении науки истории - а именно, являлся ли марксизм «преждевременным» ребенком, или, напротив, не оказался ли «феномен *Анналов*» - ребенком «поздним».

Приложение II

Совпадения и расхождения между <тАнналами> и марксизмом в период с 1929 г. до 1968 г. набросок общих итогов*.

Марксизм... это для нас проблематика, которая сегодня составляет необходимую часть любого серьезного исторического анализа... и следовательно, начиная с того момента, когда установился наш диалог, а именно, наше взаимное желание быть понятыми друг другом, с этого времени никакие расхождения во взглядах не должны нам мешать. Наоборот, эти расхождения часто являются хорошим стимулом для обдумывания, для умения признавать дистанцию и создавать условия возможного примирения. Потому что мы считаем, что не может быть двух вариантов исторической науки. Проблематика наша может разниться, и она действительно разнится, но выводы, ее речь идет о настоящей науке, должны у нас совпадать.

*Фернан Бродель, предисловие к статье «Анналы, как они видятся из Москвы», *Annales. Economies.**

Société's. Civilisations, январь-февраль, 1963

1989 год представляет собой, безусловно, символический момент, пик наиболее важного и глубокого поворота в западноевропейской, и, вполне вероятно, во всемирной истории.

* Этот текст основан на материалах, подготовленных к двум конференциям, посвященным той же теме (Сантьяго де Кампостелло и университет Вальядолида, апрель 1992 г.). В тексте учтены замечания, высказанные испанскими коллегами на этих конференциях, в связи с чем хочу выразить особую благодарность за ценные советы профессору Хулио Вальдейн Баруке.

220

Критический подход к истории французских «Анналов»

После падения Берлинской стены и того, что было связано с самим ее существованием, закончился «краткий XX век», начало которого относится к периоду первой мировой войны. Итак, общая социальная конъюнктура «маленькой окончечности Азии», каковой предстает Европа, претерпела существенные изменения. Это повлекло за собой переопределение общественной обстановки и интеллектуальной атмосферы во многих западноевропейских странах. И параллельно с изменением идейной конъюнктуры в разных западноевропейских регионах начали возникать и ставиться на повестку дня *новые* проблемы, новые ориентиры в

общественных науках, а также новые методы и подходы, которые ранее оспаривались. На фоне этого глобального контекста, связанного с крупными социальными и культурными преобразованиями, внутри «Анналов» развернулась дискуссия, касающаяся ближайшего и более отдаленного будущего, а также новых возможных ориентиров данного направления, которое находилось в тот момент в ситуации радикальной перепланировки и обновления и стремилось в то же время освоить современное марксистское понимание истории. Будучи вовлечены в общее русло изменений, представители общественных наук и, в частности, ученые-историки (относящиеся к обоим из этих двух исторических направлений, которые активно развивались на протяжении последних пятидесяти лет) в результате решительного поворота после 1989 года занялись основательным пересмотром и подвергли внимательному изучению предпосылки, характер и, прежде всего, перспективы исторической науки. Рассмотрим это двустороннее обсуждение подробнее.

С одной стороны, в силу вышеупомянутой особенной ситуации в Западной Европе, и будучи одним из ее интеллектуальных проявлений, направление «Анналов» открыло дискуссию¹

¹ Эта дискуссия, помимо прочего, была также попыткой найти ответ на критику, которой подверглось это направление в 1980-е годы (Francois Dosse, en *L'histoire en miettes. Des "Annales" a la "nouvelle histoire"*. Paris, La Decouverte, 1987, la de Herve Coutau-Begarie en *Lephe'nomene nouvelle histoire*, 2* edition, Paris, Ed. Economica, 1989, o la de Georges Duby en su texto "Le plaisir de l'historien", en el libro *Essais d'ego-histoire*, Paris, Ed. Gallimard, 1987.). Относительно дебатов, развернувшихся внутри журнала, см. редакционные

Приложение II

221

относительно перспектив будущего развития исторической науки. Эта предпринятая в конце 1980-х годов попытка выдвинуть «Анналы» в авангард развития новых подходов в исторической науке получила наименование «четвертых Анналов»², речь шла об обновленных «Анналах», весьма отличных от тех, что издавались в 1969-1989 гг. Радикально отмежевываясь от третьих «Анналов», которые, продвигая вперед такие области исследования, как историческая антропология и история ментальностей, почти не занимались методологическими обсуждениями и проблемами глобальной истории³, проект четвертых «Анналов» вновь поставил в центр своих интересов тематику, связанную с экономической историей, а также возобно-

статьи: «Histoire et sciences sociales. Un tournant critique?», *Annales. Economies. Societes. Civilisations*, ano XLIII, num. 2, marzo-abril, 1988; а также «Tentons l'experience» (*Annales. Economies. Societe's. Civilisations*, ano XLIV, ndm. 6, octubre-diciembre, 1989) в последнем выпуске 1989 года, который посвящен итогам вопросника, содержавшегося в процитированной статье 1988 года. Относительно возможности создания «новых», или «четвертых Анналов» и о том, насколько различны точки зрения по этому вопросу, см.: Immanuel Vtellerstein «Beyond *Annales*!», *Radical History Review*, num. 49, Invierno, 1991; Peter Burke, *The French Historical Revolution. The Annales school, 1929-3989*, Cambridge, Ed. Polity Press, 1990; Youri Bessmertny «Les *Annales* vues de Moscou», *Annales. Economies. Societe's. Civilisations*, ano XLVII, mlm. 1, enero-febrero, 1992; Bernard Lepetit, Jacques Revel, «L'experimentation contre l'arbitraire», *Annales. Economies. Societe's. Civilisations*, ano XLVII, num. 1, enero-febrero, 1992; Bernard Lepetit «Los *Annales*, hoy», *Revista Iztapalapa*, num. 36, Mexico, 1995; а также мою статью: «De los *Annales* 'revolutionaries' a los *Annales* 'marxistas'», включенную в настоящую публикацию и печатавшуюся ранее в *Revista Iztapalapa*, num. 26, Mexico, 1992. Чтобы получить представление о дискуссии, и о том, какое она имела общественное звучание, с^ также статьи Андре Бургьера, Франсуа Досса и Бернара Лепети, опубликованные соответственно в номерах 119—121 и 128 ежемесячного журнала *L'Histoire* в феврале, апреле и декабре 1989 года, они упомянуты в библиографической подборке.

² По этой проблеме см. Бернара Лепети (Bernard Lepetit, «Los *Annales*, hoy», *op. cit.*) и нашу статью («La corriente de los *Annales* y su contribucion al desarrollo de la historia economica en Francia», mimeo, Mexico, 1991.).

³ На это указывал еще Бродель, например, в статье «Подводя итоги» («A modo de conclusion», *Cuadernos Politicos*, num. 48, Mexico, Ed. Era, octubre-diciembre, 1986) или в интервью («Entrevista a Fernand Braudel en sus 80 años de vida» en *Ensayos. Economia Politico e Historia*, num. 12, Mexico, 1990). По поводу резкого поворота, который совершили третьи «Анналы» см. также некролог, посвященный Броделю («Fernand Braudel (1902—1985)», ano XLI, num. 1, enero-febrero, 1986).

224

Критический подход к истории французских «Анналов»

рию разнообразных марксистских течений, возникших уже после Маркса, их различных применений и конкретизации, и вернуться вновь к восстановлению сложного и во многом плохо понятого первоначального мировоззрения автора «Капитала». Продвигаясь таким

образом сквозь жалкие «банкротства» и «странные и непредвиденные слияния», марксизм XX века, равно как и направление «Анналов», хотя и двигаясь совершенно другим путем, также добрался сейчас до одного из главных перекрестков своего сложного развития.

Итак, мы находимся ныне на этапе, когда можно подвести *частичные* итоги, или результаты, исследуемого нами развития этих направлений. Один из этих результатов, который доказывается как предысторией французского движения «Анналов», так и специфической эволюцией марксизма, заключается в тех богатых и сложных отношениях, которые связывали следующие друг за другом этапы «Анналов», существовавшие до настоящего времени, с развивавшимися марксистскими течениями, с этой также долгой и разнообразной исторической традицией, которая восходит к критическому проекту Карла Маркса.

Третьи «Анналы» объявили, что они «чужды любой идеологической ортодоксии» и «открыты самым различным теоретическим подходам»⁷, отойдя в то же время от прямого диалога с марксизмом и марксистами современной им эпохи, однако одной из характерных позиций «Анналов» 1929-1968 годов, напротив, была их открытость по отношению к Марксу и марксистам, а также диалог и прямое сотрудничество с некоторыми представителями различных современных им течений марксистского толка⁸.

Стремясь поспособствовать хоть в какой-либо мере даже частичному подведению итогов, которые сегодня необходимо

⁷ См., соответственно, «Предисловие к новому изданию» и статью Жака Ле Гоффа «Новая историческая наука» в книге: *La nouvelle histoire*, Bruselas, Ed. Complexe, 1988,

* По этому поводу см. статью Иммануэля Уоллерстайна «Бродель, *Анналы* и современная историческая наука» (Immanuel Wallerstein «Braudel, los *Inna/exylahistoriografiaccontemporanea*», *ffistorias*, num. 3, Mexico, INAH, enero-marzo, 1983, pp. 99—111, а также нашу уже выше цитированную работу «От *Анналов* "революционных" к *Анналам* "марксистским"» («De los *Annales* 'revolucionarios' a los *Annales* 'marxistas'».)

Приложение II

225

подвести, чтобы открыть пути как к радикальному обновлению направления «Анналов», так и к процессу самоосознания и изучения уроков истории краткого XX века со стороны критически настроенных марксистов, мы попробуем проанализировать более подробно набор основных сходств и различий, которые мы смогли установить между «Анналами» 1929-1968 гг. и критическими взглядами Маркса в их историческом аспекте.

Разделяя броделевскую идею, которая процитирована в начале этой статьи, то есть исходя из представления о том, что существует лишь *одна, а не две* науки истории, мы стремимся выстроить возможное «общее пространство», внутри которого могли бы вести диалог и обмениваться мнениями два исторических подхода, которые в широкой международной панораме современных исторических исследований проявили себя как самые важные, распространенные и наиболее значимые направления второй половины XX. Речь идет, следовательно, о том, что, вдохновляясь броделевским подходом и оставаясь верными его духу, и занимая открытую позицию по отношению к взглядам Маркса, нам надо начинать думать самостоятельно и подвергнуть обсуждению как марксистов, так и последователей «Анналов», учитывая многие их сходные черты, но также и ясные различия между видением анналистов и марксистской точкой зрения.

I

Это одновременно картина системы и критика той же самой системы, исходящая из нее самой.

Карл Маркс, письмо Фердинанду Лассалю,

22 февраля 1858

Первое важное сходство, которое можно установить между течением «Анналов» и марксизмом, связано с тем фактом, что в обоих случаях речь идет - если говорить об основных и характерных чертах — о *глубоко критическом* мировоззрении. Оба подхода являются не просто обычными рассуждениями, или высказываниями, которые могли бы бесконфликтно сосуществовать с другими интерпретациями, но представляют со-

226

Критический подход к истории французских «Анналов»

бой критику, направленную непосредственно против существующих в то же время, уже установившихся и *доминирующих* официальных положений, основы которых они стремятся опровергнуть и заменить, о чем недвусмысленно и заявляют⁹. Характерное для этих направлений новое мировоззрение, развитое в ходе горячих «битв за историю», были

направлены не только против старых подходов в исторической науке, но противостояли в целом официальной идеологии соответствующих эпох и ареалов, служили формой интеллектуального выражения общественного недовольства или крупных движений социального протеста того времени.

Если всмотреться внимательнее, то становится ясно, что критический характер *первоначальных* выступлений как марксизма, так и «Анналов» проистекал из того, что оба эти направления были интеллектуальным выражением - в плоскости культурной истории - важнейших *глобальных кризисов* развития в истории Западной Европы. При рассмотрении их в более широкой исторической перспективе выявляется тот очевидный факт, что моменты возникновения этих двух подходов в исторической науке хронологически совпадают с двумя большими переломными точками в эволюционной линии развития западноевропейского мира. Так, если марксизм, возникший в XIX веке, есть законное и ясно узнаваемое дитя революций 1848 года, прокатившихся

* Именно характерный *критический подход*, с нашей точки зрения, и объясняет полемический задор ранних «Анналов» и их определение собственной позиции как «битвы за историю», хотя в некоторых недавних исследованиях сделана попытка представить этот боевой настрой исключительно как случайное явление, которое объясняется будто бы целями пропаганды. См. на эту тему Андре Бургьер «История одной истории: рождение *Анналов*» (Andre Burguiere "Histoire d'une histoire: la naissance des Annales", *Annales. Economies. Societes. Civilisations*, ano XXXIV, num. 6, Paris, 1979, pp. 1347—1359). По нашему мнению, напротив, эта черта данного направления является выражением присущей ему изначально действительной критической направленности, глубина и принципиальность которой и роднит их с марксизмом. Примерно сходное утверждение высказывает и Иммануэль Уоллерстайн в своих работах «"Анналы" как сопротивление» («*Annales as resistance*», *Review*, vol. I, mim. 3—4, Nueva York, 1978, pp. 5—7) и «Школа *Анналов*. Война на два фронта» («The *Annales* school: The war on two fronts», *Annales of Scholarship*, vol. 1, num. 3, Verano, 1980.)

Приложение II

227

по всей Европе, то «Анналы» являются закономерным порождением двойного кризиса в развитии западноевропейской культуры, выразившегося в двух мировых войнах двадцатого века. Этим и определяется как уже указанное сходство обоих течений в смысле их критической направленности, так и различия, которые им, безусловно, присущи. 1848 год обозначил момент идейного кризиса крупных мировоззренческих систем, которые разрабатывались на протяжении нескольких предыдущих веков. Это включало в себя одновременный кризис системы гегельянской философии -последнего большого синтеза буржуазной философской и просветительской мысли, экономической системы Рикардо, бывшей на тот момент квинтэссенцией наиболее продвинутых подходов экономической мысли, а также различных систем западноевропейского утопического социализма, которые, пусть даже в ограниченном виде, но являлись выражением всего спектра развития западноевропейской политической теории, начиная со времен Макиавелли. Революции 1848 года были также отражением *общего социального кризиса*, который совпадает с достижением наивысшей точки поступательного эволюционного развития Западной Европы, начавшегося в XVI веке. Это - точка *обращения (инверсии)* долгой восходящей линии расширяющегося мирового проекта западноевропейской цивилизации и начало ее нисходящего движения. Таким образом, это был *исключительный* момент, пришедшийся почти на середину XIX века, который представлял собой точку кульминации и завершения предыдущего развития западноевропейской цивилизации, приведшего к тому, что стало возможным дальнейшее развитие капиталистической системы, которая действует и в настоящий момент, и, одновременно, к зарождению марксизма, этого мировоззрения, которое вскрывает *отрицательные стороны* буржуазной цивилизации. Марксизм был призван показать, помимо ее прогрессивно-цивилизаторского характера, также и ее разрушительную природу, её ограничения и абстрактную логику, которые приводят к тому, что ради мелких критериев оценки и накопления капитала, она жертвует людьми и возможностями дальнейшего человеческого развития, то

228

Критический подход к истории французских «Анналов»

есть теми возможностями, что открылись перед человечеством благодаря успехам этой же самой цивилизации.

Таким образом, 1848.год оказался действительно особым *кульминационным* моментом в истории Европы, как в смысле развертывания фундаментальных достижений

современности, в создании мирового капиталистического рынка, так и, как следствие, в плане универсализации, которая на нем основывается. К этому моменту человек окончательно одержал победу над природой, и завоевания западноевропейской цивилизации приобрели законченные экономические, общественные, политические и культурные формы. Но тот же самый момент обозначил, одновременно, и начало *радикальной* критики в связи с этими достижениями и завоеваниями, критики, подчеркивающей отрицательные эффекты, сопровождающие такое развитие. Речь шла о ясном осознании отношений подчинения и господства, которые связывали большую часть народов и культур нашей планеты, о росте изощренной эксплуатации благодаря использованию машинной техники, а также об ограниченном и неудовлетворительном характере экономических, общественных, политических и культурных отношений. Таким образом, *критические* высказывания Маркса явились *критическим* осознанием этих «плохих сторон» современной действительности.

Гегель по какому-то поводу заметил, что все крупные исторические события неизбежно должны повториться *дважды*, с тем, чтобы окончательно быть усвоенными сознанием. Именно так произошло и с Европой, которая в результате восходящего прогрессивного движения первой половины XIX века пришла к революционному кризису 1848 года, и повторила этот процесс саморазрушения вновь уже в XX веке, в 1914-1939 годах, что доказало всему миру, что после 1848 года термины «прогресс» и «европейская цивилизация» уже не являются синонимами, и что существовавшее до того времени равенство между «капиталистическим развитием» и «историческим развитием» стало окончательно недействительным.

Этим и объясняется тот факт, что «Анналы», равно как ранее марксизм, но в другом контексте и в другое время, явились также одним из откликов, который служил выражением, в идей-

Приложение II

229

ной сфере, второй критической конъюнктуры западноевропейской эволюции (в период между двумя мировыми войнами XX века). В этот период Европа теряет господствующее положение в мире, роль лидера переходит к Соединенным Штатам. Европа же, будучи неспособна осуществить социалистическую революцию, впадает в процесс двойного саморазрушения (упомянутый период /Я/о³-Ш5 годов), что порождает интеллектуальную атмосферу, отмеченную как кризисом отдельных общественных наук, так и общим критическим настроением относительно дальнейшего развития тех же гуманитарных наук.

Таким образом, становится ясно, что в основе *критического* характера направления «Анналов» лежит та особая идейная конъюнктура, что существовала в Западной Европе в период между первой и второй мировыми войнами. В ту пору по Европе прокатилась большая волна альтернативных движений в духе контр-культуры, к ним относятся как психоанализ Фрейда и его школы, так и итальянская граммшианская группа *Ордине нуово*, а также критическая Франкфуртская школа, лингвистические кружки в Москве, Праге и Копенгагене, и др.

Будучи идейным выражением культурного протеста в сфере исторической науки во франкоязычном регионе, первоначальные «Анналы», то *QCTbAnnales d'Histoire Economique et Sociale*, были частью движений и идейных поисков, развернувшихся в двадцатые и тридцатые годы XX века по всей Европе. Долью их был поиск выхода из уже упомянутого кризиса социальной и культурной *идентификации* западноевропейского цивилизаторского проекта. «Анналы» тех лет являлись также *критическим подходом* к исторической науке, подходом, который со временем обозначил и критический водораздел внутри французской, а затем и средиземноморской историографии XX века¹⁰.

Но если как марксизм, так и «Анналы», насколько мы смогли увидеть, являются, по

сути, критическими направлениями, оба порожденные экономическими, социальными и идейными кризисами, они, однако, проявляют себя *различными спосо-*

¹⁰ Мы попытались рассмотреть эту проблему более глубоко в процитированной выше статье «От "революционных" *Анналов* к *Анналам* "марксистским"».

230

Критический подход к истории французских «Анналов»

бами, что вытекает, прежде всего, из различий между порождающими их соответствующими кризисами, лежащими в их основе и обеспечивающими их контекст. Так, марксизм, как уже мы указывали, явился комплексным результатом главного виража эволюционной кривой развития западноевропейской цивилизации, и, как следствие, был необходимой *структурной* формой выражения зарождения всего современного критического мышления. То есть, можно сказать, что марксизм либо должен был быть *критическим*, либо он вообще бы не возник, поскольку его функция - выражение «плохой стороны» современной буржуазной цивилизации¹¹.

Со своей стороны «Анналы», хотя тоже возникли как критическое направление, но их критика имеет *конъюнктурный* характер, то есть они критичны в той мере, в какой составляют часть западноевропейской конъюнктуры, которая в первой половине двадцатого века «повторно выразила» в других формах тот поворот эволюционной кривой развития, который символически представлен 1848 годом, и целью которого было обозначить границы роста и развития западноевропейского цивилизационного проекта. Критическая направленность первых и вторых «Анналов» между 1929-1968 годами вдохновлялась ниспровергающим настроением той конъюнктуры, в которой возникли первые «Анналы». Этот *критический* настрой полностью исчез в период «Анналов» 1969-1989 годов, эти «Анналы» сам Фернан Бродель охарактеризовал как «официальные» и «институциональные», включенные в академические круги французского истеблишмента¹².

¹¹ Именно в этом смысле, на наш взгляд, Жан-Поль Сартр характеризовал марксизм, как «непреодолимый идейный горизонт» всей современной эпохи. См, например, его *Crítica de la razón dialéctica*, Buenos Aires, Ed. Losada, 1970.

¹² На этой идее Бродель настаивал в ряде своих работ и интервью после 1969 года. Кроме уже цитированных статей в примеч. 3, можно упомянуть также: его предисловие к книге Т. Стояновича «Французский исторический метод» (Traian Stoianovich, *French Historical Method. The Annales paradigm*, Ithaca-Londres, Cornell University Press, 1976); интервью, данное Массимо Боффа и опубликованное в газете «*Rinascita*» в 1983 г. (*La Jornada Semanal*, num. 167, Mexico, agosto 23, 1992), или «Последнее интервью Фернана Броделя» («*La última entrevista a Fernand Braudel*»), *Ensayos. Economía Política e*

Приложение II

231

В соответствии с различиями между структурным кризисом развития западноевропейской цивилизации середины XIX века и конъюнктурным кризисом между Первой и Второй мировыми войнами XX века, определяются и различия между марксистской структурно-критической направленностью и «Анналами», которые, будучи также критичными по духу, действуют в русле текущей конъюнктуры. Это, однако, не помешало тому, что в сложном «кратком XX веке», полном парадоксов и неожиданностей, как развитие и эволюция «Анналов», так и развитие марксизма привели к созданию некоторых *институциональных* официальных вульгарных версий.

В случае с марксизмом эти версии оказались весьма далекими от первоначального радикально-критического характера. В случае с «Анналами» мы можем увидеть набор авторов и небольших групп историков - любопытно, что они во многих случаях либо сами являются марксистскими, либо связаны с марксизмом, — которые, идя вразрез с давлением обстоятельств и выступая против того резкого поворота, который осуществило после 1969 года доминирующее ядро направления «Анналов», старались продлить и поддержать *критический* характер этого направления, и, таким образом, стремились преодолеть сугубо конъюнктурную основу, существовавшую в период 1929-1968 г.¹³

Итак, отдавая себе ясный отчет как в исходном критическом характере обоих направлений, так и в тех расхождениях, которые вызваны конъюнктурной или структурной природой их критических взглядов, нам кажется уместным здесь поинтересоваться, что будет, если «Анналы» в ближайшем будущем снова возьмут на вооружение тот критический импульс, который был столь характерен "для них в период со времени их возникновения и до 1968 года,

и который был оставлен в период с

Historia, num. 9, Mexico, Division de Estudios de Posgrado, Facultad de Economia-uNAM, 1987, pp. 69-79), и т. д.

¹³ Помимо статей, упомянутых в примеч. 8, можно посмотреть также: François Dosse «L'histoire en miettes: des *Annales* militantes aux *Annales* triomphantes», *Espaces Temps*, num. 29, Paris, 1985; Josep Fontana «Ascens i decadència del'escuela dels *Annales*», *Recerques*, num. 4, Barcelona, 197-1, pp. 283-298; Alain Guerreau *Elfeudalismo. Un horizonte teo'rico*, Barcelona, Ed. Critica-Grijalbo, 1985).

232

Критический подход к истории французских «Анналов»

1969-1989 гг? Одновременно мы задаемся вопросом о том, что, если марксизм также будет способен вернуть себе и поставить в центр своей платформы тот исходный *критический подход*, без которого он превращается просто в иной, но не *альтернативный* вариант по отношению к господствующей идеологии.

Пусть название, которое я выбрал [Бои за историю], напоминает о том боевом настрое, который всегда присутствовал в моей жизни. Люсьен Февр. Предисловие к книге «Бои за историю», 1953

Вторым важным совпадением между критическим проектом Маркса и результатами деятельности направления «Анналов» в период 1929-1968 гг. является двойное критическое *специфическое* отрицание, на котором построены те новые платформы, которые возникли на основе этих двух идейных направлений. Поскольку если в целом они являются критическими позициями, воспроизводящими в интеллектуальной форме конъюнктуру кризисов, внутри которых они родились, то в более частном виде они являются платформами, которые, противопоставляя себя господствующей идеологии, пробовали занять или завоевать то место или пространство на том же интеллектуальном поле, которое занимала эта самая идеология.

Интересен тот факт, что как марксизм, так и первые авторы «Анналов» замысливали свой проект новой исторической науки как двойной проект реконструкции и преодоления тех вариантов философии истории, которые были тогда в моде, а также эмпирического и чисто эрудитского подхода к истории, также широко распространенного в то время.

Процесс, который Маркс реализовывал, начиная уже с раннего текста - «Немецкой идеологии», в которой он подвергал критике какгегельянскую философию истории и те искажения и вульгаризацию, которые привнесли в нее эпигоны левогегель-янства, так и чисто фактологический и эмпирический подход к истории, которая в итоге превращается в простую «коллекцию

Приложение II

233

мертвых фактов», якобы относящихся к «объективной истории». Этот подход в истории оказывается столь же далеким от материалистической науки истории, как и системы, построенные вокруг различных априорных принципов, которые обычно ставились в центр различных философий истории, начиная с Макиавелли и до Гегеля, включая и Вико и Вольтера.

Аналогичная критика той философии истории, которая, исходя из заранее предвзятой схемы, рассматривала исторические факты только для того, чтобы найти в них «эмпирический материал» для её подтверждения, позже многократно была повторена различными историками направления «Анналов». Об этом свидетельствуют как их ясные заявления, что они «не философы» и, следовательно, не способны предлагать или развивать новую философию истории, так и их явное нежелание участвовать в дискуссиях, посвященных обсуждению «чистой теории», что подтверждает их негативное отношение к любым попыткам использовать различные *a priori* в исторической науке.¹⁴ Их критическое отношение и почти инстинктивное стремление держать дистанцию относительно «лже-философии» в истории, дополнялось также, равно как и у марксистов, радикальной критикой эрудитского синтеза и нарративной истории. Речь шла о той истории, которая, основываясь на изречении Ранке, была призвана «рассказывать вещи только так, как они происходили», а закончила тем, что стала скорее простым накоплением и описанием фактов и данных. Это было простое описание без выстраивания фактов в структуру или иерархию, а также бессмысленные добавления фактов в тот или иной натратив, что также постоянно подвергалось критике со стороны «Анналов»

Эта критика, направленная против двух тенденций - «эмпиризма» и «лже-философии» в истории, была *общей* для «Анналов» и для марксизма, однако удельный вес критики в отно-

¹⁴ На эту тему достаточно посмотреть, например, предисловие Люсье-на Февра к его работе «Проблема религиозного неверия в XVI веке» (*El problema de la incredulidad en el siglo XVI, La religion de Rabelais*, Mexico, Ed. UTENA, 1959) или заявления Марка Блока в его книге «Апология истории, или ремесло историка», сам заголовок которой подчеркивает дистанцию по отношению к философии или общей теории истории. См. также утверждения Фернана Броделя на ту же тему в уже цитированной статье «Вместо заключения».

234

Критический подход к истории французских «Анналов»

шении этих двух тенденций у них различался, имел *ясно выраженный уклон*, то есть его можно назвать *асимметричным*, что нас подводит, если мы хотим найти этому объяснение, к проблематике различных *культурных универсумов «времени большой длительности»*, универсумов, которым принадлежали «Анналы» и марксизм — что мы рассмотрим немного позже — сейчас же можно отметить, что это свидетельствует о различном *ста-тусе теории и методологии* в сравниваемых нами двух идейных направлениях.

Если мы более подробно рассмотрим работы Маркса, то увидим, что в них критика и преодоление гегельянской философии истории¹⁵ являются в то же время *преобразованием* этой философии в *теорию* истории, то есть в целостную систему понятий и в связный набор *общих* гипотез об историческом развитии человечества. Следовательно, в теорию в самом полном смысле этого слова, которая предоставляет ясные ответы на вопросы об исторической динамике и фундаментальных законах эволюции, на проблемы исторической причинности и вопросы, связанные с периодизацией её различных элементов, как и на вопрос об иерархии внутренних связей, устанавливающихся между различными уровнями совокупной социальной целостности («тотальности»).

Такое преобразование является реальным *преодолением* (именно в гегельянском смысле) гегелевской философии истории, которая, после ее деконструкции и определения собственных ей специфических пределов, может быть преобразована в *новую и действительно обоснованную* теорию — материалистическую интерпретацию истории. Речь идет о такой *теории*, которая, будучи отлична от чистой исторической *методологии*, выступает в то же время как *интерпретативная альтер-*

¹⁵ Монументальные и крайне сложные построения гегелевской философии истории, содержащиеся в его «Лекциях по философии всеобщей истории» (*Lecciones sobre la filosofia de la historia universal*, Madrid, Ed. Revista de Occidente, 1974) также служили Марксу в качестве постоянных «полей» интерпретации и объяснения реальной истории, полей, которые необходимым образом «поворачиваясь» или «перерабатываясь» в материалистическом смысле, предоставляли необходимый упорядоченный материал для более точного понимания реальных исторических процессов.

Приложение II

235

натива по отношению к преодоленным моделям философий истории. И это позволяет нам понять также тот факт, что для Маркса это преодоление гегельянской философской системы занимало центральное место в его теоретической программе, относящейся к области истории, в то время как критика эмпирического подхода к истории, хотя и была представлена в его работах, но лишь в общих чертах, поскольку она играла лишь дополнительную роль.

Асимметрия в двух направлениях критики, которая была свойственна как «Анналам», так и марксизму, в случае Маркса имеет ясно выраженный уклон к критике и преодолению «философской» истории. В случае с «Анналами» мы имеем дело с почти точно *инвертированной схемой*. Для их критики характерным *центральным* мотивом, наиболее часто повторяющимся, будет критика эмпирического и фактологического подходов к истории, то есть критика той чисто нарративной эрудиции, которая властвовала в Сорбонне и в академических французских кругах в момент зарождения «Анналов».

Вполне логично трудная и интенсивная работа по поиску, классификации и компиляции исторических источников¹⁶, которая велась в Европе в XIX веке, привела в результате к эмпирической интерпретации истории, к «культу источника» и письменного текста, который стал краеугольным камнем притязаний и объяснений чисто *событийной* истории, основанной лишь на широкой эрудиции. Именно против последней и была направлена лобовая атака первоначальных «Анналов». Она началась с демонстрации того, что документы «говорят j-лишь с тем, кто умеет спрашивать», и ответы зависят от постановки вопроса, а письменные документы являются лишь *одним* из многообразных источников и возможных свидетельств,

которые может использовать историк¹⁷.

¹⁶ Это ясно продемонстрировал Анри Пиренн в статье «Что пытаются делать историки» (Henri Pirenne, «What are historians trying to do?», Stuart A. Rice, (editor), *Methods in social science*, Chicago, The University of Chicago Press, 1937).

¹⁷ Мы попытались рассмотреть этот вопрос более подробно в статье «Between Marx and Braudel. Making history, knowing history» en *Review*, vol. XV, num. 2, Nueva York, Primavera, 1992.

236

Критический подход к истории французских «Анналов»

Преодоление *событийной*, или «историзирующей» истории - одна из фундаментальных целей, на которые была направлена критическая энергия «Анналов» 1929-1968 гг. Критика же философии истории была отодвинута на второй план. В проекте анналистов эта философия скорее *отвергалась в принципе*, будучи открыто отрицаема, но не была, строго говоря, преодоленной, или *преобразованной*, со всеми сопутствующими и *закономерно* из нее вытекающими вопросами, на которые эта философия дает двусмысленные и туманные ответы¹⁸.

И потому оказывается вполне логичным, что, если говорить об *основных* тезисах, то мы не найдем в «Анналах» систематическую *теорию истории*, в смысле четко сформулированных определений, а скорее постоянный отказ - во многих случаях более риторический, чем реальный, но в то же время присутствующий - от теоретических дискуссий и «чистой теории». Систематическое и постоянное отвращение от философии, и даже от теории истории приводит к видимому *сокращению* теоретического содержания в работах и высказываниях анналистов. Это содержание во многих случаях скорее *подразумевается* (и в таком случае его приходится разыскивать, выяснять и даже восстанавливать заинтересованному читателю их текстов) или же только фрагментарно присутствует в соответствующих аргументациях Блока или Февра.

Занимая в этом смысле прямо противоположную позицию по сравнению с марксизмом, «Анналы» периода 1929-1968 годов ограничили дискуссию и теоретическую работу единствен-

¹⁸ Здесь, безусловно, следует упомянуть, что Анри Берр, который был одним из главных идейных предшественников «Анналов», является именно исключением из правил. Берр как раз пытался открыто противостоять прежней философии истории, ее преодоление он видел в той форме, которая вылилась в конце концов в его проект «исторического синтеза». См. его книгу «Синтез в истории», а также подборку материалов (*L'histoire traditionnelle et la synthese historique*, Paris, Ed. Librairie Felix Alcan, 1935). Тут, безусловно, привлекает внимание тот факт, что именно «Анналы» считали проект Берра* «слишком философским», на что ясно указал Фернан Бро-дель как в своей статье «Памяти Анри Берра» («Hommage a Henri Berre», *Revue de Synthese*, 3a. serie, n° 35, Paris, 1964, pp. 17—26), так и в очерке, озаглавленном «Личный завет» («Personal Testimony», *Journal of Modern History*, \B. XLIV, num. 4, Chicago, diciembre, 1972, pp. 448-467).

Приложение

237

но *исторической методологией*, на которой зато они откровенно и четко сконцентрировались. Продвигаясь в этом направлении с обычным боевым и полемическим задором, они попробовали установить правила исторической профессии: *как* практикуется история, *какие условия* необходимо соблюдать при исторической и историографической работе, какими должны быть инструменты и процедуры в работе *историка*, и какими могут быть, наконец, *способы примерной датировки и истолкования* различных исторических материалов.

И это тогда нам объясняет то постоянное ощущение, повторенное различными исследователями «феномена Анналов», что очень трудно, а иногда и невозможно найти в текстах основоположников «Анналов» четко сформулированные позиции по отношению к проблеме исторической причинности, к закономерностям исторического процесса, периодизации истории и так далее¹⁹.

Итак, это второе сходство-различие между марксизмом и «Анналами». Их объединяет двунаправленная конкретная критическая позиция, которая лежит в основе их нового мировоззрения, но они различаются силой акцентуирования той или другой из двух критических составляющих. Здесь мы можем вновь, осветив общий путь эгах двух направлений, поставить на повестку дня вопрос о том, смогут ли теперь марксисты, исто-

⁴⁷ Самые различные интерпретации этой «полупустой» области теории истории см.: Massimo Mastrogregori, *Ilgenio dello storico. Le considerazioni sulla storia di Marc Bloch e Lucien Febvre e la tradizione metodologica francese*, Naples, Edizione Scientifiche Italiane, 1987; el de Gerard Mairet, *Lediscoun: et l'histoire*, Paris, Mame, 1974 o el de Josep

Fontana, *Historia. Andhsu del pasado y proyecto social*, Barcelona, Ed. Critica-Grijalbo, 1982. Тем не менее следует здесь отметить, что рассматривая проблему в целом, труд Фернана Броделя является как раз *исключением* по отношению к существовавшей у авторов «Анналов» аллергии к теоретическим изысканиям. Поскольку Бродель не отказывается ни от теории, ни от теоретических споров, в его трудах имеются эксплицитно высказанные и систематизированные теории: теория цивилизаций, теория общества, теория материальной жизни, теория «мир-экономики» и теория капитализма в целом. Отсюда проистекают, среди прочего, та легкость и простота, с которой он устанавливал связи с французскими, западноевропейскими и любыми другими марксистами, что жили в одно с ним время (относительно последнего утверждения можно посмотреть для примера свидетельство Эрика Хобсбаума — Eric Hobsbawm, «Comments», *Review*, vol. I, num. 3-4, Nueva York, 1978, pp. 157-162).

238

Критический подход к истории французских «Анналов»

рически более искушенные в дискуссиях и в *теоретическом* анализе, специально *уточнить* этот теоретический анализ, с тем чтобы превратить его в инструмент реального объяснения и интеллектуального воспроизведения конкретных исторических реальностей, всегда более сложных и разнообразных, чем просто абстрактная схема или теоретическая гипотеза. Со своей стороны, в этой сравнительной перспективе и в отношениях диалога, который мы пробуем установить, мы можем также задать вопрос себе самим относительно того, способны ли современные «Анналы» согласиться воспринимать более органично сферу теории истории, объясняя концептуально более строгим способом *общие* вклады различных эмпирических исследований и решительно взявшись за поиск ответов на всегда насущные вопросы теории и методологии относительно смысла и динамики исторического прогресса человечества, о причинах и закономерностях исторического процесса, о границах и иерархической структуре собственного объекта исторической науки.

В основу нашего предприятия положен некий вид интеллектуальной революции... *Марк Блок, Письмо Люсьену Февру, 20 сентября 1929*

Третье узнаваемое сходство между «Анналами» Блока, Фев-ра и Броделя, с одной стороны, и первоначальным марксизмом, с другой, заключается в том *определённом намерении* произвести *радикальное обновление* предыдущей *исторической платформы*, которое в обоих идейных программах отчетливо выражено. Помимо их общего критического характера, помимо деструктуризации и специфического преодоления прошлого, на котором базируются оба проекта, в них обоих присутствовало также ясно декларируемое стремление сделать все *по-другому*, стремление к созиданию, отталкивающемуся от критики, перевод альтернативной платформы в господствующее мировоззрение. Это была заявка на новые и глубоко отличные от предшествующих мировоззренческие платформы, которые были бы способны дать по-

Приложение

239

ложительный ответ в том интеллектуальном и социальном контексте, внутри которого сами они были выношены.

Речь идет о совпадении в цели, которую преследовали оба этих направления, цели *строительства нового и истинно научного исторического мировоззрения*. И этим объясняются как неоднократно повторенные заявления Маркса относительно необходимости определить и точно установить «реальные предпосылки» материалистического понимания истории, а также использованный им научный подход интерпретации и анализа, так и, с другой стороны, сражения Марка Блока за превращение истории в истинное и «обоснованное предприятие анализа» или утверждения, повторяемые не раз Фернаном Броделем об истории как «о проведенном научном расследовании», качественно отличном от как от простой хроники происшествий, так и от все еще частичных реконструкций, смешивающих мифы и легенды с конкретными историческими фактами.

Это была конечная цель, разделяемая и принимаемая как марксизмом, так и «Анналами». Оба эти направления соглашались с тем, что необходимо построить истинную историческую науку, чего, однако, они пробовали добиться, двигаясь *существенно различными* путями. Наличие одинаковой цели, но разные пути и разные моменты возникновения этих направлений могут, на наш взгляд, объяснить тот факт, относящийся к современной западноевропейской истории, ч'А> это построение научного взгляда на исторические факты осуществлялось, развивалось и потом распространялось внутри *двух различных пространств европейского универсума*.

Это разделение воспроизводило существующий также в сфере истории идей *разлом «времени*

большой длительности»,

20 этот броделевский тезис относительно двух Европ «внутри Европы» в любом случае очень интересен и пока мало разработан историками. Его можно встретить в книге Фернана Броделя о современных цивилизациях (*Las civilizaciones actuales*, Madrid, Ed. Tecnos, 1978), в главах, которые Бро-дель редактировал для сборника «Европа» (*L'Europe*, Paris, Ed. Arts et Metiers Graphiques, 1982), а также в его статье «Неприятие Реформации во Франции» («The rejection of the reformation in France», *History & imagination. Essays in honour of H.R. Trevor-Roper*, Londres, Ed. Duckworth, 1981).

240

Критический подход к истории французских «Анналов»

о котором говорил Фернан Бродель²⁰, и который разделяет европейский континент на две различные Европы — Европу Германии и Европу Римской империи, а также Европу Реформации и Контрреформации, марксизма и анархизма, Европу, воспринимающую идеологию «Анналов» и безразличную к ней. Таким образом, это воспроизведение старого разделения Европы на два больших культурных универсума «времени большой длительности». Попытка проекта построения современной исторической науки также проявилась в двух формах, передающих в каждом случае различия упомянутых ареалов²¹. Так, известно, что марксизм зародился в немецкой интеллектуальной среде, развивался далее Марксом и Энгельсом, когда они находились в Англии, а позже, между 1870 и 1930 гг., распространился вширь на большую часть севера Западной Европы. Как раз в Германии, Австрии и Польше разворачиваются самые интересные марксистские дискуссии тех времен, марксизм в этих странах процветает. В то же время интересно отметить, что средиземноморская латинская Европа на протяжении тех же шестидесяти лет, разделенных хронологически началом XX века, была, напротив, не подвластна веяниям марксизма, здесь он не получил признания - за некоторыми почетными, но строго очерченными исключениями. В этом ареале получили распространение скорее анархизм и западноевропейский анархо-синдикализм, которые характерны для интеллектуальной картины средиземноморской Европы, не имеющей истинных марксистских корней и значительных традиций.

И ясным логическим следствием этого является также тот факт, что именно в этом латинском и южном регионе Западной Европы с определенного момента начал расти и успешно развиваться проект «Анналов». Проект, который, после своего возникновения во Франции (он повторял в параллельной

²¹ Мы подробно развили эту идею в нашей статье («De Annales, marxismo y otras historias, Unaperspectiva comparativa desde la larga duración», *Secuencia*, mimeo, 19, Mexico, enero-abril, 1991), которая включена в настоящую подборку.

Приложение

241

проекции вышеупомянутую схему распространения марксизма), достаточно активно и быстро укоренился сначала в Италии и затем в Испании. В этих странах «Анналы» получили широкое распространение и признание, органично включились во множество исторических течений средиземноморских наций Западной Европы²². Укоренившись таким образом в различных зонах средиземноморского мира Западной Европы, традиция «Анналов» при этом осталась практически неизвестна вплоть чуть ли не до 1970 года в странах Северной Европы (Польша была тут исключением, которое лишь подтвердило правило).

Принадлежа двум культурным универсумам «времени большой длительности», которые сосуществуют в Европе²³, «Анналы» и марксизм находят в этих разных регионах важные интеллектуальные точки опоры, поддерживающие гетерогенную природу их дискурса. Как раз тот факт, что марксизм возник на почве германоязычного мира, обеспечил это направление большей строгостью, аналитическим подходом, который способен легко и непринужденно осваивать сферы теории истории, вы-

²² И далее, что совершенно естественно, это распространилось и на латиноамериканский ареал, на ту часть Латинской Америки, что имела корни в той же самой средиземноморской традиции. Конечно, было бы хорошо рассмотреть более подробно, как шло распространение анналистского подхода и трудов по отдельности в Бразилии, Аргентине, Центральной Америке, Мексике и других латиноамериканских странах. Относительно распространения «Анналов» в Испании см. «*Once ensayos sobre (o historia)*», Madrid, Ed. Fundaci6n Juan March, 1976; о распространении анналистской литературы в Италии см. ссылки в книге Массимо Мастограгори (*Massimo Mastrogregori, Il genio dello storico, op. cit.*), а также ККНГ Джулианы Джемелли (*Giuliana Gemelli Fernand Braudel e l'Europa universal, Venecia, Marsilio Editori, 1990*).

²³ Это различие в культуре двух Европ, являющееся крайне важной темой, требующей подробной разработки, все еще недостаточно исследовано историками. Помимо текстов Броделя, на которые даны ссылки в примеч. 20, см.: Norbert Elias *El proceso de la civilizaci6n*, Mexico, FCE, 1989; статьи Георга Зиммеля «Индивидуализм» и

«Индивидуум и свобода», вошедшие в книгу «Философия современности» («L'individualisme» у «L'individu et la liberté» - *Philosophie de la modernité*, Paris, Ed. Payot, 1989). Также см. об этом статью Люсьена Февра (Febvre "Civilisation. Evolution d'un mot et d'un groupe d'idées", *Civilisation. Le mot et l'idée*. Paris, Ed. La Renaissance du Livre, 1930.).

242

Критический подход к истории французских «Анналов»

страивая в своем внутреннем пространстве гипотезы, понятия и твердую теоретическую структуру, которые мы отметили ранее. И точно также, когда речь идет об «Анналах», мы находим в них следы декартовского рационалистического эмпирического мировоззрения, именно оно объясняет умолчания и отвращение представителей «Анналов» к теории и абстрактным наработкам, как и вкус к более эмпирической и экспериментальной истории, менее обоснованной в теоретической плоскости, использующей более пышный литературный стиль для аргументации и для демонстрации своих открытий и результатов исследований. Итак, объединенные общей целью придать историческим исследованиям статус истинной науки, марксизм и «Анналы» отличаются по тем регионам, где им удалось добиться реализации этой цели, спроектировать *изначально* свое активное намерение. Они различаются также и теми дискурсивными возможностями, с помощью которых они стремятся приблизиться к достижению этой конечной цели, на которую сориентированы. Что, однако, не воспрепятствовало позднее ни развитию марксизма в средиземноморских странах, которые познакомились с ним незадолго до наступления бурных и переломных шестидесятых годов двадцатого века, ни еще более позднему, но крупномасштабному проникновению анналистского подхода в англосаксонский и германоязычный мир современной Западной Европы, чему мы являемся свидетелями последние двадцать лет.

Это совпало по времени с идущими в настоящее время процессами европейской унификации и повсеместно развернувшимся процессом глобализации. В этой связи мы вновь задаемся вопросом о том, насколько два старых дискурса - средиземноморский и северный- будут способны «сработаться», оказывая взаимное влияние, и также, следовательно, как уже говорилось выше, насколько современные «Анналы» и современный марксизм, будут способны возродить наиболее развитые позитивные аспекты, выработанные каждым из этих двух вариантов современного западноевропейского дискурса.

Приложение II

243

IV

Я ни на мгновение не отрицаю важности методологии самой по себе, и разделяю не более чем наполовину раздражение Люсьена Февра по поводу бесконечных ссор, которые обычно вызывает эта методология.

Фернан Бродель, «Записки об истории», 1969

Четвертое совпадение, которое имеется между марксистским понятием истории и анналистскими взглядами, касается некоторых основных методологических парадигм, которые оба интеллектуальных проекта защищали и развивали, выступая по самым существенным вопросам против предшествующих им способов изучения истории.

Интересно оказывается сравнить аргументацию, которую использовали авторы-анналисты и представители первоначального марксизма. Речь шла о защите идеи истории, понимаемой как масштабный процесс, истории глобальной или построенной с точки зрения совокупной целостности («тотальности»), которая, хотя одновременно способна охватить всю обширную территорию человеческого существования в самом широком темпоральном контексте, является в то же самое время исторической наукой, осознающей пределы объективной интерпретации, то есть представленной как «история-проблема» или как история, способная как рассеивать «иллюзии, которые созданы самой эпохой и её главными действующими лицами», так и учитывать классовую идеологию и положение самого историка, который занимается исследованием. И наконец, речь шла также об истории, которую как марксизм, так и «Анналы» описывали как «проект в движении», как «строящуюся историю» или «сумму всех возможных историй, которые все еще разрабатываются», то есть, в целом, как попытку построения с самого начала молодой и открытой науки.

Объединенные в защите этих трех методологических парадигм, в которых сходство между «Анналами» и марксизмом

244

Критический подход к истории французских «Анналов»

прослеживается в наибольшей степени²⁴, наши два течения, однако, расходятся в *способе отстаивания* вышеупомянутых парадигм, что связано прежде всего с различными *моментами или периодами* возникновения каждого из этих направлений. Рассмотрим эту проблему более подробно.

Маркс настаивал на понимании истории как всеобъемлющего метода, утверждая, что он признает существование лишь одной единственной науки, а именно науки истории²⁵. Включая тогда в «историю человечества» *всю* человеческую деятельность протяжении долгого существования человеческого рода, Маркс предвосхищает сходный постулат Марка Блока, который определил историю как весь набор «работы людей во времени».

История понималась марксизмом и «Анналами» как глобальный объект исследований, и одновременно они отстаивали глобальную или «тотальную» историю как *способ анализа* различных проблем и пространств, которые она изучает. Потому что как для Броделя, так и для Маркса, история является глобальной в той мере, в которой она способна принять на себя ответственность за воссоздание той существующей постоянно *совокупной целостности* («*тотальности*»), частью которой является исследуемая ситуация или историческая проблема. Так, как утверждает Бродель, экономическая история - это *та же общая история*, но рассмотренная с точки зрения экономики. И все категории истории, как учил Маркс, способны служить инструментом для объяснения реальности лишь тогда, когда они помещаются внутрь этого «общего подхода», внутрь глобального контекста совокупной целостности, где они только и имеют смысл.

Итак, речь шла о глобальной истории как в смысле объекта исследования, так и в смысле методов изучения. Находясь в центре методологий «Анналов» и марксизма, эти общие подходы тем

¹⁴ Мы подробнее развили эту идею в нашей уже упомянутой выше статье («Between Marx and Braudel. Making history, knowing history»), которая тоже включена в настоящую подборку.

¹⁵ Эту идею мы встречаем у Маркса в его «Немецкой идеологии» (*La ideología alemana*, Buenos Aires, Ed. Pueblos Unidos, 1973), и сейчас, в свете нескончаемых дискуссий о междисциплинарности, она приобретает новое звучание.

Приложение

245

не менее различаются, причину чего мы видим в различиях социальных контекстов, которые соответствовали развитию общественных наук в периоды 1850-1970 и 1930-1960 гг.

Когда Маркс утверждает историю как единственную науку, занимающуюся развитием человечества во времени, он это делает, просто продолжая давнюю традицию, для которой характерен именно *унитарный*, если не «энциклопедический*» взгляд на развитие человека. Маркс, в этом смысле, последний «энциклопедист» XIX века, который живя в период, когда «моральные и политические науки» только начинают выходить из долгой доисторической эпохи, не знает еще современного разделения на множество частных областей и субдисциплин, которые расчленяет и изолируют разные социальные науки современности²⁶. Маркс в свое время - это ученый, который исследует общественные явления, объединяя в себе то, что в наше время мы подразделили бы на частные науки, и считали бы его социологом, философом, экономистом, антропологом, географом, политологом, и так далее, в то время как «Анналы» работают уже в эпоху, когда осуществилось позитивистское разделение социальных знаний на отдельные ограниченные области, уже определились различные «гуманитарные» или «общественные» науки, который мы знаем. И хотя «Анналы» в своей защите глобальной истории будут критиковать и бороться с этой «специализацией» и автономностью различных общественных наук, отстаивая неустанно необходимость и пользу постоянного диалога, открытости и взаимосвязей, однако они будут делать это уже в ситуации, которая исходит из вышеупомянутого *деления и отделения* различных областей социального знания.

²⁶ Это легче понять, если попытаться задаться вопросом, кто есть Маркс? Социолог? Философ? Или историк? Экономист? А, может быть, политолог? Трудность ответа на этот вопрос вызвана потерей нами универсалистского взгляда XIX века, трудность заключается в том, что мы проецируем наш современный взгляд на общественные науки в абсолютно отличный контекст прошлого, поскольку Маркс, как и Гегель, был всего лишь - о, всего лишь! — ученым, занимавшимся исследованием общества, а также интеллектуалом, создавшим современный проект исторической науки, крупнейшим мыслителем XIX века.

Занятые бесконечной и непрерывной полемикой по поводу «интер-», «мульти-» или «трансдисциплинарности», и утверждая различными способами необходимый диалог с «другими» общественными науками, историки «Анналов» на протяжении всего XX века противостоят встречному *господствующему движению* эволюции и развития этих частных общественных наук, не слишком преуспев в своем отстаивании парадигмы глобальной истории²⁷.

Таким образом, сражения «Анналов» и марксизма за подход к глобальной истории, имеют свои характерные особенности, связанные с различиями в состоянии гуманитарных наук в середине XIX и в середине XX века, что приводит нас к вопросам, относящимся уже к современности. Какой будет позиция этих двух течений в будущем по отношению к существующему сейчас разделенному на части универсуму гуманитарного знания? По нашему мнению, это нельзя решить ни выступая за «жесткую» междисциплинарность в противовес «мягкой», ни предлагая «трансдисциплинарность» вместо «мульти-дисциплинарности», а лишь *радикально пересмотрев сами истоки проблемы*, то есть вернувшись к исходному, *по сути своей унитарному*, видению процессов, типичному для XIX века, но обогащенному и усложненному наследием и вкладами тех [^]оз-дельных путей развития, которые прошли все общественные дисциплины в XX веке.

Вторая совпадающая парадигма у «Анналов» и марксизма относится к границам и возможностям исторического познания и к особым правилам исторической интерпретации. В обоих направлениях прямо критикуется так называемая «нейтраль-

" По этому поводу, в контексте парадигмы глобальной истории, интересна критика Мишеля Фуко, позже многократно повторенная другими авторами (Michel Foucault *La arqueología del saber*, Mexico, Siglo XXI Editores, 1985), хотя его высказывания относятся не столько к глобальной истории, сколько к *общей*. По поводу полемики относительно междисциплинарности и возможного будущего устройства общественных наук см. Immanuel Kant «The challenge of maturity. Whither social science?», *Review*, vol. XV, num. 1, Invierno, 1992; Bernard Lepetit «Proposiciones para una practica restringida de la interdisciplina», *Iztapalapa*, núm. 26, Mexico, 1992; Boaventura de Sousa Santos «A discourse on the sciences», *Review*, vol. XV, núm. 1, Nueva York, Invierno, 1992.

Приложение II

247

ная» и «объективная» история, на которую претендовали эмпиристы, а также признается определенная предрасположенность, или своего рода *идеологическая погруженность*, которая необходимо присутствует в отношениях между историком и объектом или материалом его работы.

У Маркса речь идет о материалистическом требовании отличать то, люди говорят и думают о самих себе, от того, что они действительно делают. У него это объясняется тем, что в человеческой деятельности всегда присутствует небольшой, но *обязательно бессознательный* элемент; он обеспечивает «отношение, которое не зависит от воли», и может приводить к ситуациям, когда люди «что-то делают, но это не осознают». То же постулируется в анналистском подходе «история-проблема»: историк всегда «находит именно то, что ищет», факты и исторические источники «говорят лишь то, о чем у них спросили», «историк сам проливает свет на факты, даже самые незначительные». Всегда существует некоторое специфическое ограничение, направленность или уклон, в основе которого лежит то, что можно назвать *идеологической предрасположенностью историка*. Это касается и выбора исторического материала, и общего процесса исследования проблемы, и построения конкретной интерпретации явлений, которые анализируются.

Четкое осознание *пределов*, которые ограничивают возможность познания объективной исторической реальности, приводит Маркса к выявлению классовой тенденциозности, а также предрасположенностей, свойственных временным эпохам, то есть тех ограничений, что связаны с историческим периодом, в котором живут и действуют те или иные исторические лица, а также с тем временем, в котором живет сам исследователь, который их изучает. В «Анналах» говорится скорее об очевидности наличия «интересов», которые имеются как у выдающихся исторических персонажей и в исторических свидетельствах, так и у исследователя-историка, «интересов», которые накладываются друг на друга, образуя сложные взаимосвязи. Но в обоих случаях ясно признается факт, что *не существует исторической абсолютной истины*, существуют лишь *многие частные относительные*

истины, которые каким-то образом

248

Критический подход к истории французских «Анналов»

складываются, образуя взаимосвязи, которые *постоянно изменяются*, приближая нас ко все более реальному познанию различных исторических явлений²⁸.

Однако, если оба направления мысли совпадают в методологических требованиях, связанных с постановкой проблемы, то есть в необходимости эксплицировать тот вопросник или анкету, которые историк и так уже имеет в голове, и с которых он начинает исследование исторической проблемы, то они, тем не менее различаются — и это вновь результат различного контекста соответствующих *эпох*, к которым они принадлежат, - в расстановке акцентов на элементах уже упомянутой связи историка с объектом или с историческим материалом.

Если Маркс жил в тот период, когда первичные исторические источники, то есть документы, еще *не были достаточно обработаны*, и именно тогда в Европе шел процесс их сбора, восстановления, упорядочения и консервации, то «Анналы» — уже наследниками этого XIX века, который был окрещен «веком истории»²⁹ именно потому, что в том столетии была осуществлена огромная работа по организации различных исторических региональных, национальных и муниципальных архивов самого различного порядка. Из чего становится ясным тот факт, что если Маркс концентрировался прежде всего на объяснении *субъективной* тенденциозности, *присутствующей* в исторической интерпретации, на предрасположенностях, связанных с социальным положением и общественными интересами историка, происходящих из его принадлежности к некоей историчес-

²⁸ То есть это позиция диаметрально противоположная «постмодернистской» установке, которая делает чрезмерный упор на вопросах, связанных с индивидуальной предрасположенностью историка и использованием им исторических материалов, доводя до абсурда проблему относительности исторического знания вплоть до *полного отрицания возможности* научного исторического познания (см., например, Paul \feyne, *Comment on écrit l'histoire*, Paris, Editions du Seuil, 1978, Michel de Certeau, *La écriture de la historic*. Mexico, Ed. Universidad Iberoamericana, 1985). Хорошую критику этой постмодернистской установки в истории, которая кроме того демонстрирует ее теоретическую связь с французским структуралистским подходом, можно найти в статье Франсуа Досса «Клио в изгнании» (Francois Dosse, «Clio en el exilio», *Secuencia*, núm. 21, Mexico, septiembre-diciembre, 1991).

²⁹ См. примеч. 16.

Приложение II

249

кой эпохе, то «Анналы» будут подчеркивать, наряду с этими субъективными ограничениями, которые они понимали в более общем и неопределенном смысле, также ограничения, имеющие *объективный характер*, которые учитывают как случайный разброс сохранившихся следов прошлого, так и сознательные искажения, которые вносили действующие лица, когда составляли исторические свидетельства, завещанные потомкам.

Единство взглядов марксизма и «Анналов» на эту вторую методологическую парадигму, лишь оттененное указанными выше расхождениями, в нынешнюю конъюнктуру противостоит разочарованному и пессимистическому постмодернистскому видению истории, взглядам, которые процветают и распространяются одновременно с кризисом и временным упадком ныне действующих движений протеста.

Третья методологическая парадигма, в которой взгляды «Анналов» и марксизма совпадают, это - парадигма научной истории, понимаемой как открытый проект, пребывающий в процессе строительства, которое едва лишь началось, и потому пока еще находится в поиске тем, методов, приемов, концепций и теорий.

Поэтому, когда Маркс старался определить в основных чертах «реальные предпосылки» научного понимания человеческой истории, он, пытаясь выяснить причины и основные закономерности исторического процесса, всегда имел в виду *новаторский и первопроходческий характер собственного проекта*. И таким образом, он сам на протяжении жизни его *развивал, заново определяя* концепции и главные категории материалистического понимания истории, переходя, например, от простых понятий «договорные отношения», «государство», «идеология» к более разработанным и определенным, таким как «производственные отношения», «формы государства и политическое устройство», «формы общественного сознания». Учитывая в своих работах новые современные ему открытия, теории и результаты

таких авторов, как Л. Г. Морган, М. Ковалевский, Г. Маурер и др., Маркс в своих взглядах проходит значительную идейную эволюцию, пересматривая и реконструируя, разрабатывая основы создаваемого им проекта научной истории.

250

*Критический подход к истории французских * Анналов»*

И деятельность «Анналов», которые постулировали новизну своего проекта истории как «обоснованного предприятия анализа» и настаивали на необходимости включить в историческое исследование вклады других современных наук, таких как география, социология, экономика и антропология, — эта деятельность вновь отражала состояние еще не сформировавшейся исторической науки, которой только еще предстоит провести всю сложную работу интерпретации, анкетирования и исследования.

Совпадение «Анналов» и марксизма во взглядах на историю, как на науку, переживающую еще период формирования, детский период, однако, имеет также свои различия, связанные с характеристиками исторических периодов существования обоих направлений. Если зарождение марксизма представляло собой *создание или рождение современного проекта* построения подлинно научной истории проекта, который появился точно в той уникальной *критической* точке на эволюционной кривой развития Западной Европы — а именно в середине XIX века, то «Анналы» представляют собой уже *переиздание, или повторную попытку* того же самого проекта, но осуществленную в среде и в контексте франкоязычного мира (потом частично распространенного на средиземноморский) и в период времени, который отстоит на 70-90 лет от его первоначального возникновения. Это и создает ясное различие между двумя проектами, которые мы анализируем. Но эти различия между первоначальным проектом и возникшим позже повторным проектом, несмотря на 80 лет, прошедших между возникновением первого и второго, и несмотря на восемьдесят лет развития и прогресса различных частных областей общественных наук, лишь оттеняют общее для них отстаивание идеи «строящейся истории».

Рассматривая проблему более пристально, можно заметить, что марксизм имел все преимущества, но также и все отрицательными результаты, характерные для первопроектного проекта. Он является *наиболее радикальной, наиболее новаторской и наиболее свободной* попыткой создания теории, интерпретации и объяснения исторических процессов эволюции человеческого общества. Но в то же время будучи проектом перво-

Приложение II

251

начальным и порывающим с предыдущими традициями, он, как следствие, гипотетичен, меньше опирается на предварительные исследования, он был во многом просто эскизом, или наброском, или намеком на возможные грядущие открытия. Его новаторское и революционное богатство для истории - это как раз содержащийся в нем потенциальный заряд и возможности дальнейшего развития и разработки. Это, как мы уже видели, в большой степени *универсалистское и глобальное* мировоззрение, а также глубокая и смелая попытка создать новый проект науки истории.

И в этом смысле марксизм контрастирует с «Анналами». «Анналы», хотя и являются «вторым изданием» этого уже существующего разрыва с традиционным мировоззрением — с которым они *не имеют* органических связей, но чьи не прямые и фундаментальные эффекты продолжают существовать и восприниматься самыми различными способами - так вот «Анналы» по сравнению с марксизмом — чуть менее радикальные, новаторские и свободные, у них за плечами восемь десятилетий развития различных общественных дисциплин, что позволило им сформировать проект *более зрелый и в большей степени опирающийся* на многообразные конкретные

исследования, проект, путь для которого уже был освещен многими «маяками», расположенными внутри различных территорий, на которые он претендовал (благодаря именно тому, ЧИХ> на протяжении прошедших десятилетий с момента рождения марксизма как критического проекта эти области осваивали вышеупомянутые частные науки, получившие автономный статус).

«Анналы» приступают к работе в универсуме, уже поделенном на части и разлинованном на клетки. Они, таким образом, имеют дело с более проработанными областями, с разнообразными предшествующими попытками интерпретаций и, следовательно, с большим числом структур, которые могут служить ориентирами в исследованиях.

Именно против существовавшего разделения общественных наук, внутри которого «Анналы» родились, и с которым они оказались вынужденными иметь дело на протяжении всего их существования, и был направлен постулат «открытой» или «стро-

252

Критический подход к истории французских «Анналов»

ящейся» истории, которая могла бы преодолеть *реальным* способом это разделение. С другой стороны, если мы посмотрим на современный марксизм, то перед ним сейчас стоит задача освоить, с точки зрения критического и унитарного мировоззрения, ту эволюцию и развитие, которые произошли уже за последние 120 лет на этом разделенном на мелкие участки поле, на котором представлены сегодня различные современные гуманитарные науки.

Впервые история была воздвигнута на реальной основе; на том осязаемом, но полностью незамеченном до тех пор факте, что человек нуждается в первую очередь в том, чтобы есть, в том, чтобы пить, чтобы иметь крышу над головой и одежду для тела, *и следовательно, работать...*

Фридрих Энгельс «Карл Маркс», 1877

Пятое совпадение между «Анналами» 1929-1968 годов и первоначальным марксизмом относится к той *проблематике, или тематике*, которой оба интеллектуальных проекта уделяли особое внимание, поставив в центр своих исследований *экономическую историю*. Оба эти направления можно рассматривать в определенном смысле как две попытки развить и продвинуть каким-либо способом экономические исследования в истории. Принимая в расчет различия культурных универсумов и исторических периодов, к которым относятся вышеупомянутые проекты, становится видна одна их общая характерная черта - наличие работ, касающихся вопросов социально-экономических исследований, качественно отличных от прошлых подходов.

Хорошо известно, что Маркс был *первым*, кто открыл и подчеркнул очевидную *фундаментальную* роль экономических факторов в историческом развитии человечества с древнейших времен и до настоящего времени. Показав то огромное влияние, которое сфера «производства материальной жизни» оказывает на социальные отношения и человеческую

Приложение И
253

деятельность, и стремясь определить их сложные взаимосвязи, Маркс выработал самую богатую теорию *производительного характера* человеческой деятельности, начиная с доисторической эпохи. Он определил различные проявления *первоначального дефицита*, который отличает общество, являющееся «царством необходимости»³⁰. Создание Марксом этой сложной теории (которая была потом упрощена до вульгарной карикатуры некоторыми из так называемых «марксистов») позволило выдающемуся автору «*Капитала*» стать основателем научной экономической истории.

Схожие шаги ряд десятилетий спустя осуществляли «Анналы» во франкоязычном интеллектуальном пространстве. Развернув критику господствующего направления истории, которое доминировало в древней Сорбонне, и в котором изучалась в основном политическая, биографическая и дипломатическая история, «Анналы» стремились отстоять законность и поставить в центр изучения *экономическую историю*, введя таким образом во франкоязычный регион эту новую ветвь исторического исследования.

Сходясь во взглядах с первопроходческой работой Анри Пиренна в этой области и

преодолевая французскую *традиционную* историю экономических фактов - то есть описательную эрудитскую историю экономических данных и событий — «Анналы» стали истинными проводниками и основателями экономической истории франкоязычных стран (а также и за их пределами) — и также зачинателями важных социально-экономических исследований в средиземноморской зоне Западной Европы).

«Анналы» и марксизм, явным образом сближаясь в направлении экономической истории, которое вновь помещается в центр исторических исследований, в то же время рас-

³⁰ По поводу этого марксистского тезиса см. Жан-Поль Сартр «Критика диалектического разума» (*Critica de la Razon Dialectica* de Jean-Paul Sartre, *op. cit.*) См. также статью Боливара Эчеверрии «"Натуральная форма" социального воспроизводства» (Bolivar Echeverria «La 'forma natural' de la reproduccion social», *Cuadernos Politicos*, num. 41, Mexico, Ed. Era, 1984, pp. 33-46) и нашу статью («Economía, escasez y sesgo productivista. Desde los epigramas de Marx hasta los apotegmas marxistas», *Boletin de Antropologia Americana*, num. 21, Mexico, julio, 1990).

254

Критический подход к истории французских «Анналов»

хотя и в том, что касается степени воздействия экономических явлений на процессы глобальной конъюнктуры, а следовательно, и в понимании взаимосвязей между экономической историей и общей историей.

Как мы уже указывали ранее, Маркс в своем критическом глобальном проекте, придавал исследованию экономической сферы огромное значение, поскольку он считал, что она играет *определяющую роль* в историческом и общественном развитии. Речь не шла о каком-то упрощенном или механически влиянии, а об опосредованном и крайне сложном, которое оказывает воздействие на различные формообразующие нити, проходящие вдоль и поперек ткань общественного устройства. Выделяя, таким образом, идею, состоящую в том, что экономика есть самодостаточная целостность, включенная в самую крупную совокупную целостность, которой является само общество, и подчеркивая также *первостепенную важность тех связей*, которая существует между ними, марксизм придает истории экономических процессов решающую роль в исследованиях глобальной динамики общественного развития.

Напротив, «Анналы», хотя защищают и утверждают экономическую историю, но скорее лишь в той мере, в какой они считают ее *новой* областью приложений усилий историка и совершенно законной сферой исторического исследования — отдавая ей должное, как в случае Марка Блока и Фернана Броделя; доля, в большей части своих работ и деятельности - но не придавая ей особенной или доминирующей роли по отношению к другим историческим явлениям. «Анналы» существовали в франкоязычном регионе, где, как известно, отсутствовала богатая и творческая традиция марксистской мысли и, напротив, имели распространение версии вульгарного марксизма в которых постулировался действительно прямой и механический детерминизм в вопросе о влиянии экономики на жизнь общества, весьма далекий от настоящих взглядов Карла Маркса.

«Анналы» защищали, скорее, *a priori* антидетерминистскую позицию, то есть изменчивый и относительный мультидетерминизм исследуемых исторических процессов.

[Приложение II]

255

Так, утверждая, что невозможно постулировать о некоем порядке явлений или элементов как *постоянный детерминант* для фактов истории, «Анналы» понимают под этим то, что исторический анализ отдельного явления или определенного процесса в каждом данном случае должен выявлять *соответствующие определяющие элементы*, всегда меняющиеся и всегда другие, в зависимости от эпохи, от рассматриваемой проблемы и от специфики данной исторической реальности³¹.

Пятое схождение-расхождение во взглядах «Анналов» и марксизма ставит нас перед вопросом: способен ли марксизм возродить в конкретно-историческом анализе богатство первоначальных предположений Маркса с тем, чтобы продемонстрировать действительно убедительные и глобальные объяснения исторических процессов развития человечества и необходимую действенность и присутствие этих «экономических основ социальной жизни в целом». И одновременно возникает вопрос, смогут ли современные «Анналы», «Анналы» после 1989 года, вернуть себе ту авангардную роль, которую в другие периоды они играли в сфере экономической истории и от которой они отказались в период 1969—1989 гг. Эту аван-

гартную роль, по нашему мнению, они могут себе вернуть лишь в том случае, если вновь возьмутся за *новые исследования* в экономической истории, *изменив при этом СОА. О понятие экономики*, как оно трактуется традиционно, с тем, чтобы включить в нее новые темы (наброски которых дал еще Фернан Бродель) и взяться с новыми силами за творческую разработку тех сложных связей, что существуют между экономической и общей историей.

³¹ Важным исключением является позиция Фернана Броделя, который на протяжении всей своей идейной эволюции *доводил до зрелости новую гипотезу детерминизма*, а именно детерминизма исторического «времени большой длительности». См. на эту тему нашу статью: «Dimensiones y alcances de la obra de Fernand Braudel», *Primeras Jornadas Braudelianas*, Mexico, Ed. Instituto Maria Luis Mora, 1993.

256 Критический подход к истории французских «Анналов»

VI

Oportet et haerere esse

Люсьен Февр,

повторяя слова св. Павла

Последнее важное совпадение между марксизмом и «Анналами» связано с той ролью, которую оба эти направления, независимо от их намерений и поставленных целей, *действительно сыграли* в тех культурных ареалах и в той исторической конъюнктуре, в которых они развивались. При оценке значения марксизма и «Анналов» в русле широкомасштабной исторической перспективы, оказывается ясным, что оба эти идейных движения являются *революциями в теории истории*, которые завершили две уже упомянутые последовательные кризисные конъюнктуры западноевропейской истории, осуществившись в лоне двух «культурных Европ» в контексте «времени большой длительности».

Не оставляет никакого сомнения тот факт, что в обоих случаях мы сталкиваемся с *полным и радикальным разрывом* с традиционно использовавшимися историческими моделями: как в случае марксизма, так и в случае с «Анналами», после появления обоих этих идейных направлений *история стала исследоваться по-другому*, на качественно новой основе. Как мы уже видели, появление марксистского проекта и, восемьдесят лет спустя, предприятия анналистов, означало в обоих случаях начало *глубокого и полного преобразования* как областей исследования, так и методологических взглядов, приведя также к существенным изменениям в действующих и предшествующих им направлениях.

Но если оба сравниваемых движения представляют - в соответствующих периодах и интеллектуальном пространстве — революции в теории истории, то отличаются они, как уже мы указали выше, тем, что одно из них, марксизм - это первичная революция в теории истории, которая *положила основу современному научному мировоззрению* относительно исторических фактов и процессов, то «Анналы» - «повторное издание» той теоретической революции в области истории, повторение раз-

Приложение II

257

рыва, реализованного марксизмом, но в условиях и атмосфере средиземноморской Европы XX века.

Здесь можно указать еще на одно различие, которое связано с предыдущим. Взгляды Маркса, приведшие к революции в теории истории, были в более фундаментальном смысле вообще *теорией революции*, что вовсе не свойственно «Анналам», которые, осуществляя революцию в господствующих в их время уже устаревших исторических взглядах, вовсе не разрабатывали никаких идей практической политики.

Для Маркса напротив, разрыв с прошлыми теориями имел смысл лишь как «теоретический момент» грядущей коммунистической революции, то есть как интеллектуальный проект, который революционизирует и переделывает господствующие взгляды, чтобы выяснить условия, возможное направление и тенденции социально-политического *и революционного* движения. Таким образом, интеллектуальный проект и политический проект оказываются внутри марксизма неотделимыми друг от друга, взаимно обогащаясь в той мере, в какой теория функционирует как процесс выяснения проблем, которые встают перед практическим движением, и в той мере, в какой эта практика доводит до конца, проводит в жизнь эти теоретические постулаты³².

В противовес марксизму, для которого критические взгляды на историю были неотделимы от

критических революционно-политических взглядов, «Анналы» проявили себя исключительно как *научное мировоззрение*, отделенное от политического момента и от практической деятельности его представителей, не было также и необходимого идейного развития в этих плоскостях. Для них, как это объясняет, например, Марк Блок, знание о том, как осуществляется «ремесло историка», это проблема, которая *не зависит от различных «использований»*, которые могло бы иметь историческое знание, и, следовательно, развитие исторической науки является автономным от тех прак-

³³ См. по этому поводу статью Боливара Эчеверриа «Идеология революции, критическая идеология» (Bolívar Echeverría "Discurso de la revolución, discurso crítico", *Cuadernos Políticos*, núm. 10, Mexico, Ed. Era, 1976).

258

Критический подход к истории французских «Анналов»

тических последствий, которые гражданин извлекает из уроков, преподанных историей³³.

Настаивая на дистанции между историей как научной деятельностью и её «практическими последствиями», «Анналы» осуществили только революцию *в теории* истории, без притязания на какие-либо практические корреляты.

И это - невзирая на различные индивидуальные выборы авторов и главных представителей направления «Анналов» - объясняется во многом уже упомянутым выше различием во временной конъюнктуре, то есть разницей тех периодов, в которые соответственно шло развитие «Анналов» и марксизма. Итак, если марксизм - это дитя революционной Европы XIX века, где социалистическая революция стояла на повестке дня, где спланивались и укреплялись крупные рабочие и социалистические движения, то «Анналы» возникли на почве той Европы, которой не удалось развернуть социалистическое движе-

" Это, следовательно, позиция явного разграничения деятельности научной и деятельности практической или политической, что, однако, вовсе не обязательно влечет за собой отказ от участия в политической и практической жизни. Об этом ясно свидетельствует как позиция Марка Блока во время Второй мировой войны, изложенная в его книге (*L'e'trange de'faite*, Paris, Ed. Albin Michel, 1957), которая не всеми была по достоинству оценена, так и его практическое участие в борьбе против нацистов в рядах французского Сопротивления (см. книгу Carol Fink, *Marc Block: a life in history*, Cambridge, Cambridge University Press, 1989). В этом же ключе можно рассматривать и разрыв между Блоком и Февром весной 1941 года. Эти их разногласия долгое время находились на втором плане, но в настоящий период к ним вновь привлечено пристальное внимание в связи с современной дискуссией об истории и дальнейшей судьбе «Анналов». См.: Lucien Febvre en «Marc Bloch. Temoignages sur la periode 1939—1944. Extraits d'une correspondance intime», *Annales d'Histoire Sociale*, Paris, 1945, pp. 15-32; Josep Fontana, *Historic. Andlisis delpasado yproyecto social, op. cit.*; Alain Guereau, *Elfeudalismo: un horizpnte teajrico, op. cit.*; Massimo Mastrogregori, «Le manuscrit interrompu: *Metier d'historien de Marc Bloch*», *Annales. Economies. Socie'tes. Civilisations*, ano XLIV, mim. 1, Paris, enero-febrero, 1989, pp. 147-159 y Peter Schoettler, *Lucie Varga. Les autoritds invisibles*, Paris, Les Editions du Cerf, 1991. Эта полемика, возможно, станет еще более острой после выхода в свет полной переписки Марка Блока и Люсьена Февра, первый том которой был анонсирован в 1993 г. См. на эту тему нашу статью «От «"революционных" *Анналов* к *Анналам* "марксистским"» (она включена в данную подборку), в которой мы делаем попытку рассмотреть разногласия, существовавшие между Блоком и Февром с более широкой точки зрения, исходя из анализа их идейной эволюции.

Приложение II

259

ние 1914-1918 гг., а после поражения Берлинской коммуны, немецкой и венгерской революций, она с 1929 года потеряла господствующее влияние во всем мире, утратила планетарную гегемонию, проваливаясь в варварский период между двух мировых войн. Таким образом, имея между собой то общее, что связывает эти направления, осуществившие в свое время революции в теории истории, и те различия, что связаны с присоединением или дистанцированием к проектам политической практики, «Анналы» и марксизм находятся сейчас в новой конъюнктуре, начавшейся с 9 ноября 1989 года. Эта символическая дата вновь ставит на повестку дня дискуссию по поводу *эффективной роли Европы в мире*, особенно в ситуации все более острого и очевидного кризиса североамериканской гегемонии, и в ситуации, которая полностью отлична от той, что существовала на протяжении «краткого XX века», протекавшего с 1914-1918 гг. до 1989 г.³⁴ Вопрос, который носится в воздухе, заключается в следующем. Сможет ли Европа оказаться на высоте этой новой ситуации, и смогут ли - марксизм, с одной стороны, и «Анналы», с другой - найти ответы на те проблемы истории и современности, которые с каждым днем становятся все более насущными. Обозначенные нами сходства и отличия частично объясняют интересные и отнюдь не ровные

отношения, которые связывали сменяющие друг друга этапы «Акьялов» с Марксом, французскими и западноевропейскими марксистами и с различными марксистскими течениями во всем мире на протяжении их долгого пути развития³⁵. Эти сложные взаимоотно-
^w См. по этому поводу статью Иммануэля Уоллерстайна (Immanuel Wallerstein, «The collapse of liberalism», *Socialist Register* 1992, Londres, Ed. Merten, 1992). В более общем смысле в русле линии исследования конъюнктуры и возможных дальнейших путей развития мировой капиталистической системы см. работы и проекты Фернана Броделя в Центре университета штата Нью-Йорк в Бингхэмтоне, центре, который возглавляет тот же Иммануэль Уоллерстайн.

³⁵ Этот момент мы пытались реконструировать в нашей уже цитированной работе «От «революционных» *Анналов* к *Анналам* «марксистским»». См. также статью Иммануэля Уоллерстайна (Immanuel Wallerstein "Braudel, los *Annales* y la historiografía contemporanea", *op. cit.*).

260

Критический подход к истории французских «Анналов»

ношения еще не до конца исследованы, и эта проблема, открытая для обсуждения (которое частично является и целью данной работы), ставит вопрос перед современными историками. Мы до сих пор не знаем, ни что станет «настоящими четвертыми *Анналами*», начало которым положено новой конъюнктурой после 1989 года, ни что будет происходить с марксизмом в связи с многочисленными радикальными изменениями в бывшем Советском союзе, Восточной Европе и во всем мире. Мы не знаем, следовательно, как будет в дальнейшем развиваться диалог «Анналы»/марксизм, который был когда-то богатым и плодотворным, а в другой период почти угас, но все же всегда присутствовал как один из фундаментальных элементов общей панорамы исторических исследований последней половины XX века. Чтобы соответствующим образом ответить на эти вопросы, недостаточно быть просто заинтересованным в истории в целом или в современных общественных науках. Так же недостаточно будет просто методическое и рутинное раскапывание различных исторических фактов или документов. Для этого, напротив, нужно - и это императивная необходимость - обратиться к тому критическому и еретическому, но вдохновляющему духу, который единственный способен - как это доказывалось постоянно на протяжении интеллектуальной истории многих поколений - революционизировать и заставить продвигаться вперед гуманитарные науки. «Необходимо быть еретиком», — говорил Люсьен Февр, вспоминая слова св. Павла. Маркс, со своей стороны, утверждал, что критика должна быть радикальной, смотрящей в корень, проникающей в глубину вещей, что она должна не бояться конфликта с установленной властью, ни даже последствий, вытекающих из ее собственных результатов. Так давайте будем, смело и творчески, работать как критические, еретические и радикальные ученые, а именно: будем верны духу «Анналов» 1929- 1968 годов, заметно сохранявших, в сущности, дух марксизма.

Приложение III

Приложение III

«Анналы» с точки зрения критиков*

261

[«Анналы»] - это журнал, который преследовало несчастье: несчастье успеха.

Фернан Бродель. Интервью «80 лет
"римскому Папе" современных историков»,
«L'Histoire», сентябрь 1982

«Анналам» недавно исполнилось 65 лет. Но они весьма далеки от того, чтобы праздновать юбилей и мирно потихоньку сходить со сцены. Напротив, сейчас, после 1989 года, идет ^aдикальное обновление их идейного проекта, и в связи с этим, возможно, они вновь станут играть важную роль в современной исторической науке¹.

¹ Настоящий текст основан на заметках, которые были подготовлены для конференции, проходившей в Независимом университете Барселоны 23 февраля 1994 года. Я включил в них замечания, сделанные по этому поводу профессором Рикардо Гарсия Карсель и другими сотрудниками кафедры современной истории того же университета, за которые я выражаю им свою глубокую признательность.

¹ Для ознакомления с основными вехами на пути становления и утверждения этого нового проекта см. статью "История и социальные науки. Критический поворот?" (*Annales. Economies. Societes. Civilisations*, ano XLIII, num. 2, marzo-abril, 1988), и, в особенности, издательскую статью «Попробуем поставить опыт» (*Annales. Economies. Societes. Civilisations*, ano XLIV, num. 6, octubre-diciembre, 1989) она играет роль *программного манифеста* четвертых «Анналов»; а также Jacques Revel y F.ernard Lepetit "L'experimentation contre l'arbitraire", *Annales. Economies. Societe's. Civilisations*, arTo XLVII, num. 1, Paris, enero-febrero, 1992; Bernard Lepetit "Defense et illustration des '*Annales*'", *L'Histoire*, niim. 128, Paris, diciembre, 1989; "Los *Annales*, hoy", *Revista Iztapalapa*, niim 36,

Mexico, 1995 и его интервью «Современный кризис парадигм и школа Л/шалоэ» ("La actual crisis de los paradigmas y la escuela de los *Annales*", en el libro *Revisando a los Annales*, Mexico, Ed. UABCS, en prensa). Для оценки связи нового проекта четвертых «Анналов» и кризиса 1989 года см. нашу статью «Сходство и различия между "Анналами" и марксизмом. Наброски общих итогов» ("Convergencias y divergencias entre los *Annales* de 1929 a 1968 y el Marxismo. Ensayo de balance global", *Historia Social*, num. 16, Valencia, 1993), она также включена в настоящую подборку.

262

Критический подход к истории французских «Анналов»

Потому что после интенсивной критики, которая в восьмидесятых годах² обрушилась на это направление как во Франции, так и во всем мире, и в атмосфере «парадигматической неопределенности» и общего кризиса общественных наук, связанных с символическими событиями 1989 года, руководство «Анналов» пережило сильнейший внутренний кризис самоопределения. Обсуждался даже вопрос о закрытии «Анналов», журнала, который на протяжении более половины столетия объединял историков и ученых, принадлежавших к этому направлению³.

В конце концов было решено *переопределить идейный проект*, который действовал в предшествующий период (1969-1989 гг.) и привел к созданию «третьих *Анналов*», сориентированных на проблемы истории ментальностей и исторической антропологии. Однако переопределение действующей идейной на-

² Мы укажем здесь, исключительно в качестве примера, лишь несколько наиболее важных из этих критических работ: Marina Cedronio, "Profilo delle 'Annales' attraverso le pagine delle 'Annales'", *Storiografia francese di ieri e di oggi*, Naples, Guida Editori, 1977, pp. 3-72; Georges Duby, "Le plaisir de l'historien", en Pierre Nora (comp.), *Essais d'ego-histoire*, Paris, Ed. Gallimard, 1987; Francois Furet, "Preface", *L'Atelier de l'Histoire*, Paris, Ed. Flammarion, 1982; Fernand Braudel, "Les 80 ans du 'Pape' des historiens", *L'Histoire*, num. 48, Paris, septiemb., 1982, pp. 71—76 и "LaderniCre interview dumaitredel'historielente", *Le Nouvel Observateur*, num. 1100, Paris, diciembre, 1985; Herve Coureau-Begarie, *Le phenomene nouvelle histoire*, 2^e edicion, Paris, Ed. Economica, 1989; Francois Dosse, *L'histoire en miettes. Des "Annales" a la "nouvelle histoire"*, Paris, La Decouverte, 1987; Immanuel Wallerstein "Beyond Annales?", *Radical History Review*, num. 49, Invierno, 1991 и "L'homme de la conjuncture", *Lire Braudel*, Paris, La Decouverte, 1988; Carlos Antonio Aguirre Rojas "Between Marx and Braudel. Making history, knowing history" en *Review*, vol. XV, num. 2, Nueva York, Primavera, 1992; Carlos Barros "La 'nouvelle histoire' y sus criticos", *Manuscrits*, num. 9, Barcelona, enero, 1991, Carlo Ginzburg, "Renouveler la reflexion methodologique", *Le Monde*, Paris, enero 19, 1990; Natalie Zemon Davies "L'echange, non Pimitation", *Le Monde*, Paris, enero 19, 1990; Peter Burke, *The French Historical Revolution. The Annales school, 1929-1989*, Cambridge, Ed. Polity Press, 1990), а также Акты Московской конференции «Анналы. Вчера и сегодня», проходившей в октябре 1989 года (изданные под заголовком «Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы Анналов» М.: Наука, 1993 и Акты конференции 1993 года «Споры об истории» (las Actas del Coloquio "Historia a debate" de julio de 1993, publicadas en *Historia a debate*, 3 vols., Ed. Historia a debate, Santiago de Compostela, 1995).

³ Cp. Bernard Lepetit, «Los Annales, hoy», *op. cit.*

Приложение III

263

правленности подразумевало также изменения во внутреннем устройстве «Анналов», изменения, которые, развернувшись, привели к перемещению центра интересов журнала с изучения истории ментальностей и антропологической истории на новые формы экономической, истории идей и социальной истории. Одновременно была возобновлена методологическая и эпистемологическая дискуссия, которая почти угасла за предыдущие два десятилетия, а также получили новое развитие подходы с точки зрения глобальной истории, «времени большой длительности», синтеза и научной интерпретации.

Изменив основную проблематику и перейдя к эпистемологической дискуссии и обсуждению интегративных парадигм, направление «Анналов» также радикально сменило состав руководящего ядра, кооптировав за последующие три года шесть новых членов в свою редколлегия. Среди них были не только историки, но также экономисты и социологи. Кроме того был изменен подзаголовок журнала, который с первого числа 1994 года называется «Анналы. История и общественные науки» («*Annales. Histoire, Sciences Societes*»).

Речь идет о проекте строительства «новых» «Анналов», которые, возможно, превратятся в «четвертые *Анналы*», что сможет вернуть этому направлению авангардную позицию в современной мировой исторической науке, для которой характерно наличие множества отдельных центров по всему миру, занятых развитием

новых направлений исторического исследования.

И хотя, по нашему мнению, главными причинами этого обновления были, несомненно, огромные конъюнктурные и структурные изменения, начавшиеся с 1989 года⁴, в то же вре-

⁶⁷ См. работы Иммануэля Уоллерстайна «1989, продолжение 1968» (Immanuel Wjilerstein, «1989, the continuation of 1968» (en colaboracion con G. Arrighi y T. Hopkins), *Review*, vol. XV, núm. 2, Nueva York, primavera, 1992), «Крах либерализма» («The collapse of liberalism», *Socialist Register* 1992, Londres, Ed. Merten, 1992) и «Геополитика и геокультура» (*Geopolitics and Geoculture*, Cambridge, Ed. Maison des Sciences de l'Homme-Cambridge University Press, 1991). См. также Карлос Антонио Агирре Рохас «1989 года исторической перспективе» (Carlos Antonio Aguirre Rojas «1989 en perspective histórica», *Construir la historia: entre Materialismo Histórico y Annales*, Guatemala, uNAM-Universidad de San Carlos, 1993).

264

Критический подход к истории французских «Анналов»

мя это обновление было частично ответом на ту критику, которая, как мы уже упомянули, велась на протяжении пятнадцати лет в период 1975-1989 гг. с самых разных научных позиций, в разных странах, на основе разных аналитических подходов.

Критика, которой подверглись «Анналы» в 1970-1980-х годах, естественно, отнюдь не была ни первой, ни единственной, которой подвергались «Анналы» на протяжении своего долгого существования. Однако привлекает внимание то, что в эти годы критика отличалась более радикальным характером, чем в прошлом. Кроме того она велась уже не только *извне*, но также и *внутри* самого журнала, и в ней приняли участие многие выдающиеся представители этого направления. Наиболее известный пример - Фернан Бродель, но также и Жорж Дюби, и Франсуа Фюре, которые отделились от «Анналов» именно в семидесятые - восьмидесятые годы, поскольку тоже занимали критическую позицию по отношению к журналу тех лет. Эта постоянно усиливавшаяся критика совпала, и не случайно, как с увеличением популярности журнала, так и с распространением в мировом масштабе влияния данного направления. Таким образом, в 1970-1980-е годы, одновременно с тем, как достижения «Анналов» и их вклад в историческую науку становятся признанными во многих странах мира, во Франции растет *критическое отношение* к этому господствующему направлению французской историографии. Это привело к парадоксальной ситуации, когда наиболее распространенные и популярные во всем мире «Анналы», то есть «третьи «Анналы»», те, что занимались историей ментальностей и исторической антропологией, оказались также наиболее критикуемыми из всех дотоле существовавших.

Независимо от оценки силы и правомерности самих этих критических суждений, направленных против «Анналов», мы хотим здесь задать вопрос: почему именно на этом третьем этапе существования «Анналов», то есть в период с 1969 г. до 1989 г. их..критикуют все чаще и сильнее? И почему одновременно растет популярность этого течения? Какое отношение имеет эта критическая тенденция к внутренним изменениям внутри самого направления, вызванным кризисом 1968

Приложение

265

года? Как эта критика связана с новым контекстом семидеся-тых-восьмидесятых годов, с изменившейся общей социальной обстановкой и с переменами в исторической науке в тот же самый период? И в то же время, как связывается эта критика с прежней, с той, которую переживало это направление на предыдущих этапах своего развития, в период броделевских вторых «Анналов» (1956-1968 гг.), а также и на первоначальном этапе, во время первых «Анналов» (1929-1939 гг.)? Какие уроки можно извлечь из анализа эволюции критических оценок, которые вызывали в свой адрес «Анналы»? И как это связано с крупными и глубокими преобразованиями во французской историографии XX века? Или с изменениями в западноевропейской и мировой историографии тех же лет? Ответить на эти вопросы - значит рассмотреть общую картину того, какую реакцию вызывали «Анналы» во всем мире на протяжении всего времени их существования с 1929 года и до настоящих дней.

«Анналы» - это не журнал. Это, скорее, некая частица вечного духа, которая заслуживает того, чтобы быть спасенной.

Люсьен Февр, письмо к Марку Блоку, 14 мая 1941

Первое, что привлечет наше внимание даже при беглом просмотре множества различных оценок, которые заслужили «Анналы» на протяжении своей истории, это разнообразие и даже противоречивый и взаимоисключающий характер многих критических суждений,

направленных в их адрес. Потому что в то же самое время, когда одни критиковали «Анналы» за отсутствие у них теории истории, другие хвалили их за эмпирический и экспериментальный подход к историческим фактам. С одной стороны о них говорили, как о школе, где сосредоточились представители структурализма в истории, и одновременно другие критики называли их главными противниками структурализма в истории и упрекали как раз в недостаточной разработке структурных понятий и связей. И еще: с одной

266

Критический подход к истории французских * Анналов»

стороны их обвиняли в излишне глобальном подходе и широких интерпретациях, а с другой - в том, что они отходят от глобальной истории и всеобъемлющих взглядов, сосредотачиваясь на узко специальных и частных исследованиях.

Одни называли их марксистами, а другие - консерваторами, их характеризовали, с одной стороны, как маргинальную группу, противостоящую истеблишменту, с другой - как группу, обладающую властью и проводящую в жизнь господствующие идеи официальной французской культуры. Кроме того, они получили двусмысленное наименование «Школа "Анналов"», которое почти все представители этого направления стремились как-то исправить, или уточнить, или же открыто отвергали.

Вот каков разноречивый и разнородный набор представлений о характере «Анналов»⁵.

Эти разнородные и даже противоречивые представления во многом являются отражением внутреннего многообразия и различий, характерных для этого направления. Если эти разные суждения или оценки рассмотреть более пристально, то обнаружится, что речь идет о *различных этапах* или периодах эволюции «Анналов» и, как следствие, это оценки *и очень различных «Анналов»*, составляющих часть общей истории всего направления в целом. Потому что на протяжении долгих 65-ти лет существования внутри направления «Анналов» развивались разные *интеллектуальные проекты*, которые, будучи иногда

⁵ Укажем, в том же порядке, как они упоминаются в тексте, некоторых из авторов, что придерживаются этих различных позиций: Josep Fontana, *Historia. Anàlisi del passat i projecte social*, Barcelona, Ed. Critica-Grijalbo, 1982; Marc Ferro, *L'histoire sous surveillance*, Paris, Ed. Calmann-Lévy, 1985; Jacques Revel y Bernard Lepetit, "L'expérimentation centre Parbitraire", *op. cit.*; Julian Casanova, *L'histoire sociale et les historiens*, Barcelona, Ed. Critica, 1991; Santos Julia, *Historia social, sociologia històrica*, Madrid, Siglo XXI Editores, 1989; Francois Dosse, "Les habits neufs du président Braudel", *Espaces Temps*, n° 34-35, Paris, 1986, pp. 83-93; Marina Cedronio, «Profile delle 'Annales' attraverso le pagine della 'Annales'», *op. cit.*; Peter Burke, *The French Historical Revolution...*, *op. cit.*; Fernand Braudel, "La dernière interview du maître de l'histoire lente", *op. cit.*; Immanuel Wallerstein "Beyond Annales...", *op. cit.*; Jacques Le Goff, "Le changement dans la continuité", *Espaces Temps*, n° 34—35, Paris, 1986; Alain Guerreau, *Le féodalisme. Un horizon théorique*, Barcelona, Ed. Critica, 1985; Francois Dosse, *L'histoire en miettes...*, *op. cit.*; Gerard Mairet, *Le discours et l'historique*, Paris, Ed. Mame, 1974; и наконец, "Tentons l'expérience", *op. cit.*

Приложение

267

продолжением прошлой линии развития, а иногда обозначая резкий разрыв с предыдущей традицией, составляли различные этапы жизни одного и того же направления.

Вот почему невозможно подойти к *критическому* рассмотрению этого множества различных критических суждений, относящихся к «Анналам», если не выделить из этого множества сначала ту критику *общего* порядка, которая может быть приложена ко всему ряду следующих друг за другом и сменяющих друг друга «Анналов», начиная с 1929 г. и до 1994 г. Чтобы отделить эту общую критику от той, что направлена исключительно против отдельных конкретных этапов, необходимо отличать эти следующие друг за другом этапы «Анналов», которые были частью французской исторической науки на протяжении последних шести десятилетий.

В этом смысле в историографической литературе, посвященной изучению истории направления, наметилось, кажется, достаточное согласие относительно периодизации⁶. Большинство авторов соглашается в том, что выделяет первые «Анналы» - «Анналы» основателей всего этого направления, группировавшиеся вокруг плодотворного и

новаторского *идейного проекта, выработанного в результате тесного сотрудничества Марка Блока и Люсьена Февра* — этот период длился с 1929 г. до 1939 г., ровно то время, пока продолжалось их активное сотрудничество. И хотя есть авторы, которые предлагают продлевать период первых «Анналов» до 1941 г., до трудного момента, когда между Блоком и Февром возник спор относительно того, следует ли продолжать публикацию журнала, или даже до 1944 г. или 1945 г. (то есть до времени смерти Марка Блока или до

⁶ Относительно этой периодизации см. Fernand Braudel, «En guise de conclusion», *Review*, vol. I, num. 3—4, Nueva York, 1978, pp. 243-261; Maurice Aymard «The *Annales* and French historiography», *Journal of European Economic History*, vol. I, num. 2, 1972, pp. 53-67, а также работы Питера Бёрка, Иммануэля Уоллерстайна, Франсуа Досса, Жерара Мере, Карлоса Антонио Агирре Рохаса, Карлоса Барроса и Марины Чедронио, процитированные в примеч. 2. Критика этой периодизации имеется у Бернара Лепти в статье «Анналы сегодня» (Bernard Lepetit, «Los *Annales*, hoy», *op. cit.*) Хотя мы, конечно же, признаем, что эта периодизация еще должна уточняться и развиваться, но думаем, что в основных чертах она является *верной* и согласуется с теми критериями, которые мы выдвинули.

268

Критический подход к истории французских л Анналов»

конца второй мировой войны), но, по нашему мнению, фундаментальным критерием для установления границ периодов должно быть *сохранение*, или в свою очередь, *изменение* определенного *проекта*. Проект служит связующим звеном между ядром, вокруг которого сплачиваются его основные представители, ежедневно занятые работой в журнале, и между различными интеллектуальными кругами, которые тяготеют к этому ядру и этому журналу, и, следовательно, к этому культурному проекту. Проект, помимо того, что служит основой для критериев выбора в построении журнала - то есть его конкретной издательской политики - имеет и более широкое значение. Он распространяется вширь как задающая ориентиры идейная тенденция исследований и интеллектуальной деятельности, которую разворачивают как члены непосредственного ядра проекта, так и, иногда, — и это зависит от силы и влияния, которое приобретает тот или иной проект - представители симпатизирующих проекту интеллектуальных кругов.

Если брать за основу эти критерии, то ясно, что период первых «Анналов» закончился в 1939 г., и что второй этап -«броделевский», развернулся только между 1956 г. и 1968 г., потому что между 1939 и 1956 годами *не возникло* никакого *нового* идейного проекта, который бы качественно отличался от проекта 1929-1939 гг. и имел бы свои собственные особые черты. В этот период журнал, скорее, продолжал сохранять в целом ту же самую программу тридцатых годов, хотя и без существенного вклада Марка Блока, и с некоторыми небольшими изменениями, которые были связаны с тем, что основная политика определялась теперь только Люсьеном Февром.

Мы думаем в связи с этим, что период 1939-1956 гг. является переходным, когда в направлении не возникают качественно новые элементы, а лишь вносятся некоторые оттенки в старый проект 1929-1939 гг., связанные с личными предпочтениями Февра, и в то же время закладываются основы для следующего этапа, для «Анналов», руководимых Фернаном Броделем.

После смерти Люсьена Февра Фернан Бродель, опираясь на выпущенную в свет свою большую работу «Средиземное

Приложение

269

море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II», проложил путь новому идейному проекту, который одновременно возобновил и углубил содержание первоначального проекта 1929-1939 гг., добавив в него новые и специфические черты, определявшие характер «Анналов» в период 1956—1968 гг.

Преодолев тогда, в гегелевском смысле этого термина, первые «Анналы», броделевские «Анналы» сформировали свой собственный идейный проект, основная линия которого связывает его с подходами с точки зрения «времени большой длительности» и глобальной истории, трактуемых весьма радикально⁷, что проявилось прежде всего в понимании общей экономической истории и в новых экономических разделах количественной и серийной истории.

Здесь важно отметить тот факт, что смена идейных проектов, как в своих характерных чертах, так и в чередовании спокойных периодов и резких переломов, объясняется в значительной мере реальными изменениями сменяющихся общих социальных, и следовательно, идейных конъюнктур, внутри которых разворачивались вышеупомянутые проекты. И с учетом этого становится ясно, что если первые «Анналы» относятся к критическим движениям, развитие которых сильно подтолкнула смена идейной атмосферы после первой мировой войны, а также экономический кризис 1929 года и культурные последствия открытия теории относительности, то «Анналы» броделевские возникли в совсем другой атмосфере - в культурной атмосфере расширяющейся экономической конъюнктуры, отмеченной распространением марксизма в средиземноморских областях Западной Европы, зарождением и подъемом структурализма - и связаны с той уни-

⁷ Ср.: Immanuel Wallerstein, «L'homme de la conjoncture», *op. cit.*; Maurice Aymard, «The Annales and french historiography», *op. cit.*; Marc Ferro, «Au nom du pere», *EspacesTemps*, num. 34-35, Paris, 1986, pp. 6-10; Carlos Antonio Aguirre Rojas, «Dimensiones y alcances de la obra de Fernand Braudel», *Primeras Jornadas Braudelianas*, Mexico, Ed. Institute Jose Maria Luis Mora, 1993 и «El legado de los Annales braudelianos. 1956-1968», *Temas Medievales*, num. 4, Buenos Aires, 1994.

270

Критический подход к истории французских «Анналов»

калькой ролью, которую в 1945-1968 годах сыграла Франция в судьбах западноевропейской культуры⁸.

И точно также а, возможно, даже сильнее, на изменения в развитии направления «Анналов» оказала влияние культурная революция 1968 г.⁹ С 1969 года, после ухода Фернана Броделя из журнала, на его место пришла коллективная команда, в которую входили Жак Ле Гофф, Эммануэль Леруа Ладюри и Марк Ферро. С этого момента начинает развиваться новый, сильно отличающийся от прошлых, интеллектуальный проект Отказавшись от идей предшествующего броделевского периода, «Анналы» этих лет сместили свои интересы с экономической истории, которой уделялось особое внимание в период с 1929 до 1968 г.¹⁰ и перешли к развитию истории ментальностей и исторической антропологии.

Было увеличено число членов (и взглядов) редакционной коллегии журнала, которая к концу восьмидесятых годов уже включала шесть человек, помимо секретаря редколлегии. Были оставлены в стороне методологические дискуссии, которые раньше велись Блоком, Февром и Броделем. В итоге, интеллектуальный проект третьих «Анналов» оказался гораздо менее выдающимся, чем предшествующие, что, несомненно, было связано с коллегиальностью в руководстве и с отсутстви-

⁸ См.: Francois Dosse, *Histoire du structuralisme*, (2 tomos), Paris, Ed. La Decouverte, 1991-1992; Carlos Antonio Aguirre Rojas, «Dalle Annales rivoluzionarie alle Annales marxiste», *Rivista di storia della storiografia moderna*, num. 1-2, Roma, 1993) и «Convergences y divergencias entre los años 1929 a 1968 y el Marxismo» *op. cit.*

⁹ См.: Immanuel Wallerstein «1968, revolution in the world-system», en *Geopolitics and Geoculture*, *op. cit.*; Carlos Antonio Aguirre Rojas, «1968: la gran ruptura», *La Jornada Semanal*, Mexico, num. 225, octubre, 1993; Francois Dosse «Mai 68, mai 88: les ruses de la raison», *EspacesTemps*, num. 38-39, Paris, 1988. См. также 11 номер журнала «Les Cahiers de l'INHP» (Paris, abril, 1989), посвященный теме «Май 1968 года и социальные науки».

¹⁰ Ср.: Carlos Barros, «Historia de las mentalidades: posibilidades actuales», *Secuencia*, mim. 27, Mexico, 1993; «Historia de las mentalidades, historiasocial», *Temas medievales*, num. 2, Buenos Aires, 1992 и «La contribucia» («Historia de la Annales y la historia de las mentalidades», *La otra historia. Sociedad, cultura y mentalidades*, Bilbao, Ed. Universidad del Pais Vasco, 1993. Во всех вышеуказанных статьях речь идет о социальной истории ментальностей в духе Жоржа Дюби или Жака Ле Гоффа.

Приложение

271

ем сильной личности, которая смогла бы подчинить все единой и ясной директиве. Сказались также условия «парадигматической неопределенности» и кризиса действующих моделей общественных наук, которые были характерны для 1970-1980-х годов XX века¹¹.

Итак, избрав путь, полностью отличный от того, которым следовали броделевские «Анналы», третьи, и наиболее критикуемые из всех «Анналов», разворачивали свои идеи на протяжении 1969-1989 гг. 1989 год завершает этот период и открывает дорогу новым крупным внутренним изменениям в истории этого направления. Таким образом, этот год, являвшийся символом огромных изменений и обозначивший «конец исторического века»¹², означал также окончание предыдущего и начало нового этапа в развитии «Анналов». На новом этапе, который продолжается и в наше время, перед главными представителями направления стоит задача определения и утверждения будущего нового интеллектуального проекта, который смог бы

стать костяком, вокруг которого объединились бы «четвертые *Анналы* ». И если мы сравним «Анналы» 1989-1994 гг. с «Анналами» 1969-1989 гг., то нам станет очевидно, что начиная с шестого номера журнала за 1989 год началось изменение курса, которое, как мы уже упомянули, затронуло как теоретическую сферу методологии и парадигм, так и к практическую сферу, включая новое наименование журнала.

Если отвлечься от различных форм «Анналов» и выделить в критике, что направлена против «Анналов», ту, что имеет более общий, а не узко специфический характер, то можно будет проанализировать историю «Анналов» с более широкой точки зрения, а также определить и упорядочить основные пункты этой критики с тем, чтобы выяснить, насколько она действи-

¹¹ См. по этому поводу сообщение Жака Ревеля, представленное им на Вторых днях Броделя в январе 1994 года в Париже и озаглавленное «История и общественные науки: неустойчивое противостояние» (Jacques Revel, "L'histoire et les sciences sociales: une confrontation instable", ponencia presentada en las *Segundas Jornadas Braudeliennes*, Paris, enero, 1994) и Бернар Лепти «Настоящее исторической науки» (Bernard Lepetit, "Le present de l'histoire", *Les formes de l'experience*, Paris, Ed. Albin Michel, 1995).

¹² См. работы, указанные в примеч. 4.

272

Критический подход к истории французских «Анналов»

тельно является *глобальной* оценкой всей идейной истории этого важного исторического направления. В то же время, сравнивая в общих чертах периоды истории «Анналов» с той критикой, что была на них направлена, и анализируя идейные позиции, с которых эта критика велась, мы попытаемся *действительно критически* рассмотреть с точки зрения «времени большой длительности» саму эту основную линию критики, вызванную существованием во франкоязычном регионе Западной Европы проекта «Анналы».

Школа «Анналов», это не школа в строгом смысле этого слова, в любом случае ее можно так назвать лишь в том же смысле, как мы говорим о литературной или художественной школе.

Фернан Бродель, «Последнее интервью мэтра французской исторической науки», *«Nouve! Observateur»*, декабрь, 1985

Из всей *общей* критики, направленной против «Анналов», мы остановимся здесь лишь на самых представительных примерах. В то же время, мы стремимся анализировать ее обоснованность и законность в более глобальной перспективе, с точки зрения исторического рассмотрения тех же самых содержательных моментов, на которые она указывает.

Критика, которая часто встречается в оценках характера французского направления «Анналы», когда она ведется с позиций, берущих свое начало во взглядах марксизма, обычно указывает на то, что «Анналы» *не имели разработанной* собственной теории истории, то есть хорошо разработанной и ясно выраженной системы понятий и категорий, которая могла бы быть приложена к объяснению масштабных исторических проблем, к периодизации истории, к формированию закономерностей исторического процесса, главных тенденций эволюции или конкретной иерархии, складывающейся из различных уровней определенного общества. То есть речь идет о том, что несмотря на значительные работы в области истории и несмотря на знаменитые методологические разработки, «Анналы» *не распола-*

Приложение

273

гали исторической теорией в настоящем смысле этого слова, теорией, которую можно было бы сравнить, например, с той, которую развил Маркс в его незаконченной работе¹³.

Если мы отнесемся к этой критике непредвзято, то будем вынуждены признать, что она во многом обоснована. Так, совершенно верно, что «Анналы», если говорить о них в целом, не развили *эксплицитно* глобальную теорию истории, на которой настаивают эти критики.

Однако, если мы углубимся более подробно в понимание проблемы, на которую эта критика намекает, и рассмотрим это в широкой исторической перспективе, то сможем более точно определить, насколько она справедлива.

Хотя «Анналы» *не обладают* общей теорией истории, но они развили ясный набор *методологических парадигм*, таких как метод сравнительного анализа в истории, подход с точки зрения «времени большой длительности», или глобальной истории, или подход к исследованию с точки зрения «истории-проблемы». Все эти методы оказались плодотворными в построении различных *теоретических моделей или частичных теорий*, на основе которых оказалось возможным провести исследование целых периодов исторического развития, как в случае модели, выработанной Марком Блоком для феодального периода западноевропейской

истории, или модели Люсьена Февра, позволившей проинтерпретировать французскую культуру XVI века, или броделевской модели объяснения и-лбрии развития капитализма в XI-XX вв. Кроме того, «Анналами» был разработан целый важный набор *теоретических понятий* различного уровня применения, таких, например, как материальная цивилизация, духовная оснастка, феодализм, геоистория, диалектика прошлого-настоящего или диалектика «времени боль-

¹³ Мы здесь **укажем** лишь некоторых авторов, которые высказывали эти критические оценки: Josep Fontana, *Historia...*, *op. cit.*, «Ascens i decadencia del'escola dels *Annales*», *Recerques*, num. 4, Barcelona, 1974, pp. 283-298; Marina Cedronio «Profilo delle *Annales*...», *op. cit.*; Peter Burke «Reflections on the historical revolution in France: the *Annales* school and british social history», *Review*, vol. I, num. 3—4, Nueva York, 1978, pp. 147—156); Акты уже упомянутой Московской конференции «Анналы вчера и сегодня», а также Jean Chesnaux, *iHacemos tabla rasa delpasado?*, Mexico, Siglo XXI Editores, 1977.

274

*Критический подход к истории французских * Анналов»*

шок длительности». Поскольку эти понятия были теоретическими инструментами, с помощью которых можно было изучать самые разные исследуемые реальности, то «Анналы» на разных этапах своего существования, несомненно, разработали некоторые из областей возможной общей теории истории, касающиеся их исследований.

Теорию, или более глобальное понимание исторических процессов, можно в *наиболее общих чертах* найти в трудах Фер-нана Броделя, который является, возможно, самым «теоретическим» из всех представителей этого французского направления, несмотря на его собственные заявления об отказе от теории и от теоретических дискуссий. Разве Бродель, приступая к теме универсальной истории в своей известной работе «Грамматика цивилизаций», не создает наброски *общей* теории, то есть универсально применимую «грамматику» цивилизаций, способную послужить общим ключом для интерпретации всей человеческой истории? Разве его видение универсальной истории как сложной диалектики различных наслоившихся друг на друга человеческих культур, не годится в качестве идеи возможной общей теории истории? И когда он проясняет в работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII века» особую специфическую роль экономики и «инф-раэкономики», а также их связь с «давлением геоисторических условий», разве он не развивает на этих особых примерах более общий подход к пониманию цивилизации? То же выражено и в его понимании того, что является цивилизацией, в описании четырехуровневой модели, из которой она состоит, в его объяснении того, что является экономикой, материальной культурой и геоисторической основой определенного исторического процесса, равно как в высказываниях об эволюционном развитии цивилизаций в их конъюнктуре и структурах. И, в более общем смысле, это ясно просматривается в его теоретических соображениях по поводу различных временных отрезков в истории. Разве он не выделяет отличительные черты общих компонент, или уровней, из которых складывается общество или его части, разве не говорит об общем развитии и эволюции вплоть до того, что высказывает идею о новом исто-

Приложение

275

рическом детерминизме, каковой точно совпадает с реальностями «времени большой длительности»?¹⁴

Бродель, конечно, не уточняет и не разворачивает подробно эту возможную общую теорию истории, он лишь набрасывает эскиз некоторых её основных частей.

Но за пределами этого очевидного *присутствия* «Анналов» в отдельных областях теории истории, которые мы только что продемонстрировали, - то есть начиная с методологических парадигм и до неких глобальных моделей интерпретации, не уточненного эскиза возможной общей теории и также целой серии теоретически упорядоченных понятий, - за этими пределами, мы думаем, что отмеченное критиками

отсутствие общей теории истории связано со специфическим характерным *дискурсом западноевропейской средиземноморской культуры*, который, являясь модальностью «времени большой длительности» проектировался, следовательно, как на французскую, так и на итальянскую или испанскую культуры.

Так, если мы рассмотрим с точки зрения «времени большой длительности» две Европы, имеющие каждая свою собственную культуру, которые с самого начала западноевропейской цивилизации существовали на территории этого маленького континента¹⁵, и сконцентрируемся на тех характерных чер-

¹⁴ Ср. Карлос Антонио Агирре Рохас «Масштаб и значение трудов Фер-нан Броделя» (Carlos Antonio Aguirre Rojas, «Dimensiones y alcances de la obra de Fernand Braudel», *op. cit.*); «Время большой длительности» («La larga duración en el espejo», доклад, представленный на конгрессе «Споры об истории», проходившем в Сантьяго-де-Компостела в июле 1993 года и напечатанный в книге «Споры об истории» (*ffistoria a debate, op. cit.*, tomo III), а также доклад «Время большой длительности: тогда и сейчас» («La longue duree: in Sho tempore et nunc»), представленный на Вторых днях Броделя (*Secondes Journées Braudeliennes*, Paris, enero, 1994) и опубликованный в книге «Вторые дни Броделя» (*Segundas Jornadas Braudelianas*, Mexico, Ed. Institute Mora, 1995).

¹⁵ Ср. Фернан Бродель «Грамматика цивилизаций» (Fernand Braudel, *Grammaire des civilisations*, Paris, Ed. Arthaud-Flammarion, 1987); «Отказ от Реформации во Франции» («The rejection of the reformation in France», *History & imagination. Essays in honour of H.R. Trevor-Roper*, Londres, Ed. Duckworth, 1981) и «Культурные слои цивилизации» («La civiltà e fatta a strati», *Corriere della Sera*, junio 6, 1982). См. также Carlos Antonio Aguirre Rojas, «De *Annales*, marxismo y otras historias», *Construir la historic...*, *op. cit.* «Dalle *Annales* rivoluzionarie alle *Annales marxiste*», *op. cit.*

276

Критический подход к истории французских «Анналов»

тах, в которых это разделение проявлялось на протяжении последних веков, то сможем убедиться, что речь идет о *двух культурных* отчетливо дифференцированных дискурсах, один из которых, северный, относится, грубо говоря, к северной части Европы, а другой, средиземноморский, занимает в западноевропейском регионе области латинского происхождения. Это совершенно различные дискурсы, один из которых обладает большей чувствительностью к абстрактной философии и теории, и, вследствие этого имеет большую склонность к теоретическим, эпистемологическим и гносеологическим дискуссиям. Именно эта позиция, характерная для северной западноевропейской матрицы, ярко проявилась в германоязычных странах. Тогда как средиземноморский дискурс, один из примеров которого мы видим во французской культуре, проявляется как гораздо более эмпирический, отличается большей литературностью, цветистыми оборотами речи, в нем расстояние между философией и историей гораздо больше, чем в северной Европе, и в нем присутствует недоверие к слишком абстрактной теории и к самому философскому размышлению, что выливается в утверждение и отстаивание эмпиризма, в позицию, требующую конкретного, экспериментального и непосредственно доказуемого подхода.

Эта противопоставленность двух культурных вселенных Западной Европы, по нашему мнению, и объясняет как отсутствие общей теории истории у «Анналов», так и наличие критики, построенной на этом отсутствии, критики, которая, как мы уже упоминали, исходит почти всегда от авторов, связанных с марксизмом, то есть с идейным продуктом, который - если не учитывать его бесспорной силы и универсального распространения, - также является плодом или частью культурного дискурса северной Европы, и, как следствие, для этих авторов гораздо большее значение имеет общая теория и явно выраженные теоретические постулаты.

Другой часто встречающийся упрек в адрес «Анналов», имеющий ясную связь с вышеупомянутой критикой, состоит в том, что «Анналы» не разработали особой теории об изменениях в общественном развитии, и, следовательно, неспособны

Приложение

277

объяснить исторические переходы, революционные изменения¹⁶. То есть «Анналы» критикуются не только за отсутствие общей теории, но также за отсутствие теории переходных или переломных исторических эпох. До определенной степени эта критика является частью предыдущей, и ее также можно трактовать с точки зрения различия двух культурных дискурсов «времени большой длительности», о которых мы говорили выше. Но мы хотим здесь отметить следующий немаловажный факт. Хотя верно, что подобная теория

не формулировалась «Анналами» эксплицитно, это не помешало некоторым из представителей направления заниматься конкретными исследованиями такого рода вопросов и дать достаточно глобальные объяснения смен исторических эпох. Так, Марк Блок исследовал в статье «Как и почему закончилось древнее рабство?» главные линии перехода от античности к феодализму, и все трое главных представителей «Анналов» — Блок, Февр и Бродель описали в своих работах важные моменты, характеризующие возникновение современного капиталистического мира: и в терминах изменения сельскохозяйственных структур, и в русле культурных изменений, порожденных Возрождением и Реформацией, или в терминах глубоких преобразований материальной цивилизации и экономики, которые сопутствовали этому единому переходу от феодализма к современности.

В этом вновь проявляется их французское (J¹ в более широком смысле, средиземноморское) «сопротивление» любым генерализациям, абстрактным теориям, которые можно было бы вывести из конкретных исследований, придавая тем самым более универсальный эпистемологический статус результатам собственных работ. Но кроме того, и дополняя это уже описанное отношение к теории, характерное, несомненно, для французского исторического направления, мы видим также и еще одну причину, поддерживающую такого рода отсутствие

¹⁶ См., например, споры, развернувшиеся по поводу того, что высказал Фернан Бродель в статье «Вместо заключения» (Fernand Braudel "En guise de conclusion" *op. cit.*) или работы Хулиана Касанова «Социальная история и историки» (Julian Casanova, *La historia social y los historiadores*, *op. cit.*) и Сантоса Хулиа «Социальная история, историческая социология» (Santos Julia, *Historia social, sociologia histdrica*, *op. cit.*)

278

Критический подход к истории французских «Анналов»

теории общественного изменения — это *социальная и идейная атмосфера, характерная для Европы XX века*.

Европа после поражений социалистического революционного движения в период Первой мировой войны (падения Берлинской коммуны, разгрома немецкой и венгерской революций) сошла с пути, который Георг Лукач называл «актуальностью революции», для которого характерно преобладание культурной атмосферы предреволюционной ситуации, и который был характерен для Европы между 1848 г. и 1914-1917 гг.

Таким образом, Европа с переходом от XIX к XX веку превратилась из революционной Европы в Европу, где революция протерпела поражение и где в результате исчезла та «актуальность революции», что играла на протяжении предыдущего периода столь большую роль. И этим объясняются отчасти те трудности в осмыслении масштабных исторических преобразований, с которыми столкнулись представители общественных наук и западноевропейские историки. Потому что, проанализировав более подробно упрек «Анналам» в отсутствии у них *сильной и развитой теории* относительно смены исторических эпох или о ходе исторических преобразований, мы обнаружим, что подобная теория отсутствует не только у «Анналов», что это не является их *исключительной* привилегией. Рассмотрев в целом эту проблематику, можно утверждать, что *в двадцатом веке* отсутствие теоретизирования по поводу масштабных исторических изменений присуще *всей социальной мысли Западной Европы*.

В общих чертах это является следствием того, что в Европе с потерей, после 1914-1917 годов, «актуальности» возможного развития социалистической революции, также потеряли актуальность и критические размышления о масштабных изменениях или об исторических преобразованиях, что доказывается, например, развитием тех западноевропейских марксистских течений XX века, которые Перри Андерсон (Perry Anderson) включил в свой анализ «западного марксизма»¹⁷.

¹⁷ Ср. Перри Андерсон «Размышления о западном марксизме» (Perry Anderson, *Consideraciones sobre el marxismo occidental*, Madrid, Siglo XXI Editores, 1978) и «По следам исторического материализма» (7) *las huellas del materialismo histdrico*, Madrid, Siglo XXI Editores, 1986), а также наши статьи, процитированные в примеч. 15.

Приложение III

279

Третьим упреком в адрес французских историков-анналистов, было то, что придавая большое значение структурам, широким общественным движениям и исторической реальности «времени большой длительности», это направление уделяло в основном внимание коллективным или общественным явлениям в истории, обесценивая как политические и

биографические события в целом, так и переломные исторические моменты, которые связаны, в частности, с революционными событиями и с революциями. Потому что, исключая из рассмотрения уровень политического, «Анналы» также исключают фундаментальные исторические проблемы, связанные с социальными преобразованиями и революциями, которые следует изучать как раз в тот самый момент, когда они разрушают прежний порядок и социальное устройство¹⁸.

Тщательно проанализировав это критическое наблюдение, мы можем внести в него уточнения и даже переместить в другой контекст. Ибо, хотя совершенно верно, что «Анналы» делали особый упор на изучении коллективных явлений, на выявлении структур «времени большой длительности» и на широкомасштабных долговременных коллективных процессах, также верно, что это им не воспрепятствовало работать и в биографическом жанре. Есть работы Февра по Мартину Лютеру или Маргарите Наваррской, имеются также и короткие броделевские биографии Филиппа II и Карла V, которые относятся к политической истории, а также вся третья часть его книга «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II*» или вторая книга II тома «Феодального общества*» Марка Блока¹⁹. Кроме того, несмотря на тот акцент, который делался на непрерывности, одновременно в русле направления «Анналов» появилась такая работа как книга Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII века», работа,

¹⁸ См.: Francois Dosse, *L'histoire en miettes*, op. cit. \ Julian Casanova, *La historia social y los historiadores*, op. cit.

¹⁹ Lucien Febvre; *Martin Lutero. Undestino*, Mexico, FCE, 1915; *Amoursacré, amour profane. Autour de l'Heptameron*, Paris, Ed. Gallimard, 1971; Fernand Braudel, *Ecrits sur l'histoire II*, Paris, Ed. Arthaud, 1990 и *El Mediterráneo y el mundo mediterráneo en la época de Felipe II*, Mexico, FCE, 1976; Marc Bloch, *La sociedad feudal*, Mexico, Ed. UTEHA, 1979.

280

Критический подход к истории французских «Анналов»

в которой одним из центральных моментов является как раз объемное и подробное исследование и интерпретация *революций и катаклизмов структур «времени большой длительности»*, на которых и основан универсальный переход от предыдущего докапиталистического общества к капиталистической современности, переход, который все еще продолжается до настоящего времени.

Итак, посвятив сотни страниц объяснению этих революций, действию структур «времени большой длительности» (в плоскости биолого-демографического воспроизводства, режима питания, диалектики город/окрестности), рассмотрению рыночной экономики или социальной роли его «капитализма», Бродель, хотя не описывает их очевидные следствия, проявляющиеся в *политических* революциях, но объясняет *глубокие* изменения и почти геологические разломы, которые, измеряясь целыми веками, в конце концов затрагивают не только политические структуры и не только более глубокие экономические основания, но также всю *цивилизационную схему* человечества, поскольку это означает переход на новую, и отличную от прежней, форму общего социального метаболизма.

Таким образом, можно смягчить эту критику, признав, что анналисты затрагивали также области биографии, политической истории и темы или проблемы революции. И хотя это относится к проблемам, типичным для традиционной историографии, но их исследования были выполнены несомненно с *новой* точки зрения, которая перемещает эти явления в другие плоскости.

Вообще говоря, упор, который сделали «Анналы» на исследовании социального, на восстановлении структур и долговременных исторических констант, был, возможно, одним из самых больших поворотов, пережитых исторической наукой при переходе от XIX к XX веку. Поскольку при сравнении тенденций, проявившихся в исторической науке различных стран на рубеже и в первых декадах XX века, выясняется, что это было общее *движение или общая ориентация*, свойственная всем им. Отказ от старой политической и биографической истории, от описаний великих героев и больших сражений, от

Приложение

281

блестящего наполовину вымышленного исторического рассказа привел к очень различным, но параллельным результатам в исследованиях германской, французской, польской, итальянской, английской или испанской социальной истории, которые в XX веке разными путями и с рядом очевидных временных задержек, пополнили западноевропейскую и мировую историческую

науку.

Таким образом, перемещая интерес с прежних и привычных тем биографической, военной, дипломатической и политической истории на новые области социальной, экономической, культурной и антропологической истории, французская историография всего лишь повторила, в своем особом варианте тот поворот - *первопроходческий для средиземноморского западноевропейского жира* - который в Германии был сделан еще во времена критического проекта Маркса и к концу XIX века имел там вполне прочные позиции.

И последним мотивом общей критики, часто встречающимся в исследованиях об «Анналах», является то, что их характеризуют как вариант по сути буржуазной и консервативной истории, истории, может быть, изощренной и новаторской по технике, но в более глубоком идейном смысле просто другим вариантом господствующей версии, характерной для *истеблишмента*, или, в любом случае, им узаконенной и поддержанной.

Характеризуя глобальный путь «Анналов», как отмеченный в целом таким преобладанием господствующего мировоззрения (согласно некоторым авторам только начиная с 1941 года, согласно другим — это была одна из двух линий, которая всегда существовала и доминировала), некоторые авторы подчеркивают отход «Анналов» от марксизма и также предполагают, что это исполнило в исторической плоскости как бы роль «запчасти», заменившей марксистский подход²⁰.

Ценность этой критики, безотносительно к ее обоснованности, заключается в том, что она затрагивает центральную,

²⁰ См.: Alain Guerreau, *Elfeudalismo. Un horizonte teorico*, op. cit.; Gerard Mairet, *Le discours et l'historique*, op. cit.; Josep Fontana, *Historic...*, op. cit.

282

Критический подход к истории французских «Анналов»

одну из самых важных, но мало изученных проблем глобальной истории «Анналов» - их сложных и многогранных отношений с Марксом, с французскими марксистами и с современным им марксизмом в целом. Эта проблема, мало изученная вплоть до сегодняшнего дня, является, однако, основной для правильного понимания истории «Анналов»²¹.

Если мы рассмотрим эту проблему более подробно, то наше внимание привлечет тот факт, что, хотя взгляды Блока, Февра и Броделя никогда, ни в какой период нельзя назвать марксистскими (как и «Анналы» в целом²²), но это не помешало тому, что первые «Анналы» печатали на своих страницах статьи коммунистов, социалистов, представителей левых взглядов, как иностранных, так и французских. Среди них можно упомянуть: Франца Боркенау, А. Мужена, Пьера Ви-лара, Жоржа Лефевра, Люси Варгу, Эрнеста Лабрусса и Анри Валлона. «Анналы» тогда являлись журналом и идейным проектом, который восторженно поддерживался во Франции левой молодежью и социалистическими кругами той эпохи²³. И

²¹ Это как раз является одной из главных линий нашего исследования. См. на эту тему Карлос Антонио Агирре Рохас (Carlos Antonio Aguirre Rojas, «Between Marx and Braudel...», op. cit.; «Анналы и марксизм. Десять тезисов о методологической парадигме», *Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов»*, М.: Наука, 1993;

«Dalle^o/ia/ejrivolucionariealle^rttfl/e^marxiste», op. cit.; «Convergencias y divergencias entre los *Annales* de 1929 a 1968 y el Marxismo. Ensayo de balance global», op. cit., y «De *Annales*, Marxismo y otras historias» op. cit.)

²² Некоторые авторы характеризуют «Анналы» 1929—1941 гг. как «левый или социалистический проект», (см., например, Alain Guerreau, *Elfeudalismo, Un horizonte teorico*, op. cit.) и другие, что считают Броделя марксистом, о чем говорится в статье Жака Ле Гоффа (Jacques Le Goff, "Le changement dans la continuite", op. cit.), а также и в интервью самого Фер-нана Броделя, опубликованном в *Rinascita*, num. 17, 1983.

²⁴ См. работы Пьера Вилара «Заметки и размышления о профессии историка» (Pierre Vilar *Recuerdos y reflexiones sobre el oficio de un historiador*, Barcelona, Publicaciones de la Universidad Autonoma de Barcelona, 1988) и Ж. Сюратто «Историки, марксизм и зарождение *Анналов*: марксистская историография 1929 года — это миф?» (J. Suratteau, "Les historiens, le marxisme et la naissance des *Annales*: l'historiographie marxiste vers 1929: un mythe?", *Au berceau des Annales*, Toulouse, Ed. Presses de l'Institut d'Etudes Politiques de Toulouse, 1983, pp. 231-245.)

Приложение

283

в «годы Броделя» журнал вел интенсивный диалог с марксизмом, диалог, который не только привел Броделя к тому, что он набирал сотрудников (которые сменили его в 1969 году в руководстве журнала) среди коммунистических и левых кругов, но и привел также к важной исторической дискуссии и взаимному обмену идей с британскими марксистами журнала *Past*

and Present, с польской группой М. Маловиста (M. Malowist) и Витольда Кулы, с советскими историками той эпохи и с марксистскими и социалистическими кругами Канады, Италии, Северной Америки, Венгрии, Аргентины, Португалии и т.д., которые сблизились с самим Броделем и с представителями броделевских «Анналов» в течение пятидесятих и шестидесятых годов.

Развивая эту линию контакта, включающую иногда даже сотрудничество с марксизмом — линию, которая в 1970—1980-х годах сильно ослабла, хотя и не совсем исчезла, и которая сейчас, после 1989 года является открытой возможностью — «Анналы» тем самым продолжали развивать ту единственную эволюционную кривую, которая начинается с проекта первых «Анналов» и представляет собой подлинную *революцию в исторической науке* в сфере современной общественной мысли, как французской, так и средиземноморской. Эта революция, развернувшаяся между 1929 г. и 1939 г., была сначала французским вариантом *западноевропейской критической мысли*, развивавшейся в период между Первой и Второй мировой войной, а позже, в семидесятых и восьмидесятых годах, стала действительно господствующей в общественных науках и культуре франкоязычных стран. Между этими двумя присутствовал промежуточный броделевский период, в котором *критическое* дыхание первоначального идейного проекта сосуществовало с постепенным внедрением и утверждением в академических и официальных кругах.

Все это позволяет внести изменения в критические высказывания, которые мы анализируем, поскольку «Анналы» были в один период революционными, критическими и близкими к марксизму, но в другой период — более близки к господствующей культуре, более сдержанны в отношениях с марксизмом и

284

Критический подход к истории французских к Анналов»

менее оживлены ретическим и критическим духом, так легко узнаваемом в работах Блока, Февра и Броделя²⁴.

Эта специфическая эволюция «Анналов», проанализированная на более глубоком уровне, *возможно*, отразила в каком-то смысле линию развития, пережитую всей Европой XX века, о чем мы уже упоминали раньше. Поскольку также как и «Анналы», которые переходят от маргинального и критического *статуса* во французской исторической науке к ортодоксальному и господствующему положению в этой же самой исторической науке, точно так же Европа «краткого XX века», развернувшегося с 1914-1917 гг. до 1989 г., потеряла свою революционную энергию и импульс к изменениям, которые были ей свойственны в период 1848-1914 гг.

Вышеупомянутые эволюционные линии закончились как для Европы, так и для «Анналов» 1989 годом, с которого вновь встает вопрос о их роли и функции в ближайшем и отдаленном будущем.

Как мы видим, многое из общей критики по отношению к анналистскому направлению можно исправить и уточнить, если рассмотреть «Анналы», поместив их в конкретную среду, атмосферу и эпоху, в которых они развивались. Итак, многие из указанных недостатков или ограничений этого направления в историографии являются не более, чем отражением пространственно-временных координат его существования, которые и определяют его как частный вариант культурного дискурса «времени большой длительности» - французский и средиземноморский - развивавшийся в течение XX века, когда Европа теряет свою гегемонию в мире, а также и революционный импульс, который питал ее на протяжении большей части XIX века.

Давайте теперь перейдем к рассмотрению той частной специфической критики, которая относится к разным периодам истории этого французского направления.

³⁴ Для ознакомления с разными точками зрения на эту проблему см.: Immanuel Wallerstein, "Beyond Annales?...", *op. cit.* у "L'homme de la conjoncture", *op. cit.* \ Francois Dosse, "L'histoire en miettes: des Annales militantes aux Annales triomphantes", *Espaces Temps*, num. 29, Paris, 1985, Carlos Barros, "La nouvelle histoire y suscriticos", *op. cit.* и "El 'tournant critique' de Annales", *Revista d'història medieval*, num. 2, Valencia, 1991.

Приложение

285

Мы не собираемся становиться школой, так как в таком случае имеется риск превращения в церковь или в учреждение, не собираемся мы и оставаться просто почтовым ящиком, пусть даже очень знаменитым, нет,

скорее, мы хотим сыграть роль пространства или площадки для экспериментирования.

«Попробуем поставить опыт»,

Annales. Economies. Societes. Civilisations,

ноябрь-декабрь 1989

Если мы пронаблюдаем множество критических замечаний, которые получили различные интеллектуальные проекты, вдохновленные главными представителями направления «Анналов», то сможем заметить тенденцию, которая почти сразу бросается в глаза: а именно то, что критика этих проектов способствовала *росту* популярности и распространению направления анналистов, как во Франции, так и в Европе и во всем мире. Если исключить критику личного, а также официального порядка против отдельных выдающихся представителей «Анналов», то можно заметить, что рост влияния «Анналов» среди историков самых разных стран оказывается *точно пропорциональным* объему *идейной* критики в отношении «Анналов».

Если первые «Анналы» критиковали немного, отметив и похвалив за основание журнала, а в остальном они были мало известны или просто игнорировались, то броделевские «Анналы» уже были объектом большего количества критических нападков, связанных с их идеями, а уж третьи «Анналы» оказались наиболее критикуемыми - их оспаривали и с точки зрения их работ, и с точки зрения идей - с самых различных теоретических позиций и по самым разным направлениям. Что до четвертых «Анналов», то они пока еще являются формирующимся проектом, слишком молодым, чтобы стать объектом критики, которая смотрит на это зарождающееся течение все еще с неким скептицизмом и удивлением.

Таким образом, рост «Анналов» как направления, признанного в современной исторической науке, сопровождался

286

Критический подход к истории французских «Анналов»

увеличением и умножением числа критиков²⁵. Частично это связано со смыслом глобальной эволюции направления «Анналов» от революционного нововведения до институционализации, но в целом подчиняется, по нашему мнению, более глубоким причинам, которые восходят к *общей диалектике развития исторической науки в различных странах Западной Европы и всего мира*, и к изменениям самых существенных механизмов ее функционирования.

Как бы то ни было, перед тем, как перейти в следующем разделе к рассмотрению этих глубоких причин, полезно проанализировать более *частную* критику, направленную на разные идейные проекты, соответствующие различным этапам существования «Анналов».

«Анналы» 1929-1939 гг. и переходного периода 1939-1956 гг. критиковались относительно мало. Так, оценку этого проекта, *преуменьшающую* его значение, мы находим в положениях Анри Берра, который в 1952 г., в приложении к новому изданию его книги «Синтез в истории», рассматривает проект первых «Анналов» и работу Блока и Февра как простое продолжение или распространение его собственного проекта обновления исторической науки, признавая, правда, за ними оригинальность, хотя и «рискованную» в том, что они решились исследовать социально-экономические аспекты жизни обществ, к которым «привлек их внимание марксизм»²⁶.

За исключением этого высказывания, которое, собственно, трудно назвать критическим, хотя оно и преуменьшает новизну первых «Анналов», их, на протяжении многих лет либо игнорировали, либо, в другом случае, защищали как «основа-

²⁵ Другой уже указанной работой Жака Ревеля является «История и социальные науки: парадигмы *Анналов*» (Jacques Revel, "Histoire et sciences sociales: les paradigmes des *Annales*", *Annales.*) *Economies, Societes. Civilisations*, vol. XXXIV, num. 6, Paris, 1979.

²⁶ Ср. Анри Берр, Приложение «Сорок лет спустя» (Henri Berr, Appendice "Cuarenta anos despues", *La sintesis en historia*, Mexico, Ed. UTEHA, 1961). См. также статью Фернан Броделя «Памяти Анри Берра» (Fernand Braudel "Hommage a Henri Berr", *Revue de Synthese*, n. 35, 1964.)

Приложение

287

телей» всего направления. И только в конце 1970-1980-х годов роль и характерные черты первоначальных «Анналов» вновь привлекли внимание.

Так, сами руководители третьих «Анналов» стремились стереть «позолоту» с «мифа» об отцах-основателях всего направления, мифа, в котором Блок и Февр представлены как

революционеры-маргиналы, борющиеся с истеблишментом, противостоящие Сорбонне, борцы, которые благодаря своей новаторской деятельности осуществили полное ниспровержение французской историографии той эпохи, проведя настоящую «идейную революцию». Выступая против такого отношения, эти критики представляли Блока и Февра как часть этого самого истеблишмента, всеми благами которого они пользовались, и считали, что их борьба была лишь «стратегией» для продвижения их проекта, что они представляли собой «фиктивную оппозицию», сражаясь с позитивистской историографией и с господствовавшими в то время традиционными подходами²⁷. Позже, уже в восьмидесятых годах, развернулась другая критическая линия, которая противопоставлявшей друг другу двух основателей «Анналов», подчеркивая значение начатого в 1941 г. между Февром и Блоком спора относительно возможности дальнейшего издания «Анналов» в условиях, навязанных нацистской цензурой.

Та линия критики, которая стремилась убрать «позолоченный миф» о первых «Анналах», представший их как маргинальные, *критические* и революционные по отношению к современной им историографии, не имела особого успеха, так как отрицалась самими фактами. Тем, кто знает, как реально

³⁷ Такова позиция Андре Бургьера, высказанная им в статье «История одной истории: рождение *Анналов*» (Andre Burguiere, en su artículo "Histoire d'une histoire: la naissance des *Annales*", *Annales. Economies. Societes. Civilisations*, vol. XXXIV, num. 6, Paris, 1979). Жак Ревель лишь упоминает мимоходом «позолоченные» и «очерняющие» мифы относительно первых «Анналов», предлагая не обращать на них внимания. См. его статью, процитированную в примеч. 25.

²⁸ См. работы, процитированные в примеч. 20.

288

Критический подход к истории французских «Анналов»

функционируют французские культурные и академические круги, очень трудно отрицать *по-настоящему маргинальную* позицию такого профессора, который решился бы напечатать что-либо *вне* Парижа, и очень легко представить, чего это могло стоить — противостоять господствующим в то время официальным учреждениям и доминирующим направлениям в культуре. Кроме того, трудно отрицать *критическую и революционную роль*, которую сыграл идейный проект первых «Анналов», если посмотреть, какие глубокие изменения он спровоцировал в исторической и в других общественных науках во Франции в XX веке.

Вторая линия критики, напротив, привела к обширной дискуссии, которая не завершилась и до сих пор, поскольку эта тема вновь оказалась актуальной, хотя и с других точек зрения²⁹. Однако, в этой дискуссии не был затронут один весьма интересный вопрос, более глубокий, который, возможно, мог бы переориентировать эту дискуссию вновь на более тщательное изучение характера первых «Анналов».

Речь идет о заметном различии *в интеллектуальной эволюции* Люсьена Февра и Марка Блока на протяжении их жизни. Две различные линии идей, которые переплетаются внутри единого, разделяемого ими первоначального проекта «Анналов», не только объясняют свойственное «Анналам» богатство и комплексность, но также и то *идейное напряжение*, которое существовало во взаимоотношениях Блока и Февра на протяжении всех тридцатых годов (а, возможно, даже раньше) и вышло на поверхность в споре 1941 года.

Если Блок, начавший свой путь как сын преподавателя Сорбонны, представитель мелкобуржуазного круга, обеспе-

²⁹ См. также: Carol Fink, *Marc Block: A life in history*, Cambridge, Cambridge University Press, 1989; Massimo Mastrogregori, «Lasortedelle/1/i/ia/esnel 1941», *Rivista di storia della storiografia moderna*, Ano XI, ndm. 3, Roma, 1990; Peter Schoettler, *Lucie Varga. Lesautorites invisibles*, Paris, Les Editions du Cerf, 1991; Natalie Zemon Davis, «Censorship, Silence and Resistance: The *Annales* during the german occupation of France», *Rivista di storia della storiografia moderna*, Ano XIV, num. 1-2, Roma, 1993.

Приложение

289

ченного и либерального, становится потом радикально настроенным историком, который

оставляет академическую деятельность ради того, чтобы воевать в рядах участников французского Сопротивления, то Февр, напротив, идет обратным путем, от социалистических жоресовско-прудонистских настроений в молодости - до влиятельного профессора университета, ответственного издателя новой французской энциклопедии, преподавателя Коллеж-де-Франс и представителя Франции в UNESCO.

Именно с учетом этих двух встречных путей, представляющих *две* различные *линии идей*, которые идут в первом случае от Пиренна к Блоку и потом к Фернану Броделю, и в другом случае от Анри Берра к Люсьену Февру и потом к работам Ро-бера Мандру, может быть прояснен спор основателей «Анналов» весной 1941 года.

Критические оценки, независимо от их справедливости в описании основных черт первоначальных «Анналов», стремились опираться на знание источников и на глубокое изучение истории «Анналов», и потому были проведены интенсивные исследования, посвященные этим темам, результаты которых частично опубликованы в последнее десятилетие.

И только в эти последние десять лет появилась, например, первая биография Марка Блока, и уже находится в работе биография жизни Люсьена Февра, и начали понемногу издаваться как корреспонденция Анри Пиренна с Марком Блоком и Люсьеном Февром, так и письма, написанные Блоком Анри Берру по поводу книги «Феодальное общество», а также письма Марка Блока к Этьену Блоку, Люсьена Февра к Альберу Томасу, Люсьена Февра к Франсуа Симиану, переписка Марка Блока и Люсьена Февра, и т.д. Кроме того, опубликованы работы по самым разным темам, например, отношения Люсьена Февра с австрийским историком Люси Варга, процесс генезиса и эволюции блоковского «Ремесла историка», путешествие Люсьена Февра в Аргентину и Уругвай, связи Блока и Февра с германоязычной исторической традицией той эпохи.

290

Критический подход к истории французских «Анналов»

Итак, мы находимся буквально в центре взрыва интереса к первоначальным «Анналам»³⁰, и благодаря росту числа иссле-

³⁰ Речь идет о новом ответвлении исследований, которые ставят в центр внимания жизнь и деятельность представителей первого этапа «Анналов», в особенности Марка Блока и Люсьена Февра. Придавая огромное значение переоценке и новой интерпретации всей истории «Анналов», мы считаем нужным привести здесь значительную часть их основных работ, статей и новых источников, а также сведения об организационных мероприятиях, которые идут в русле этого течения: Bryce Lyon, "Does historical reality influence historical methodology? The response of Henri Pirenne and Marc Bloch" en *Academics Analecta*, ano LIV, niim. 1, Bruselas, 1992; Peter Schoettler, *Lucie Varga...*, *op. cit.*; "Le Rhin comme enjeu historiographique dans l'entre-deux guerres", *Geneses*, num. 14, Pans, 1994; "'De'sapprendre de l'Allemagne': les *Annales* et l'histoire allemande pendant l'entre-deux guerres", *Entre Locarno et Vichy. Les relations franco-allemands dans les anne's 1930*, Paris, Ed. CNRS, 1993; "Eine spezifische Neuegierde. Die friihen '*Annales*' als interdisziplinaires Projekt", *Comparativ*, num. 4, 1993 y "Die *Annales* und Osterreich in den zwanziger und dreipiger Jahren", *OsterreichischeZeitschriftfurGeschichtswissenschaften*, num. 4, Viena, 1993; Elisabeth Roudinesco y Peter Schoettler, "Lucien Febvre a la rencontre de Jacques Lacan, Paris 1937", *Geneses*, num. 13, Paris, 1993; Natalie Zemon Davis, "Rabelais among the censors (1940s, 1540s)", *Representations*, num. 32, California, 1990, "Wamen and the world of the *Annales*", *History Workshop Journal*, num. 33, 1992, y "Censorship, Silence and Resistance:...", *op. cit.*; Bertrand Miiller, "Lucien Febvre et l'histoire regionale", *Annalesfribourgeoises*, vol. LIX, 1990-1991, y "Marc Bloch-Lucien Febvre: correspondences", *Rivista di storia della Storiografia Moderna*, num. 1-2, Roma, 1993; Massimo Mastrogregori, *Ilgenio dello storico. Le considerazioni sulla storia di Marc Bloch e Lucien Febvre e la traditions metodologicafrancese*, Ndpoles, Edizione Scientifiche Italiane, 1987, "La 'vitanellastoria'deH'operadi Bloch" en *QuaderniStorici*, Nueva Serie, num. 74, 1990, "Marc Bloch, Lucien Febvre e PApologie pour l'histoire" en *La Cultura*, arm 24, num. 2, 1986, "La sorte delle *Annales* nel 1941", *op. cit.*; "Le manuscrit interrompu: *Metier d'historien* de Marc Bloch", *Annales. Economies. Societe's. Civilisations*, ario XLIV, num. 1, Paris, enero-febrero, 1989, pp. 147—159; "Il problema storico delle prime *Annales* (1929-1945). Osservazioni preliminari" en *Rivista di storia de la storiografia moderna*, num. 1-2, Roma, 1993 e "Historiographie et tradition historique. Histoire 'scientifique' des etudes historiques et histoire 'globale' du rapport avec le passe" ponencia presentada en el Congreso "A historia a debate", Santiago de Compostela, julio, 1993, Carole Fink, *Marc Bloch: a life in history*, *op. cit.*; Marleen \\fessel, "Lucien Febvre et l'Europe" en *Rivista di storia della storiografia moderna*, num. 1-2, Roma, 1993, Hebe Pelosi, *ffistoriografia y sociedad. Lasfuentes de Annales y su recepcio'n en la historiografia argentina*, Buenos Aires, Ed. Universidad del Museo Social Argentine, 1991; "Presencia de Lucien Febvre en Argentina y Uruguay", *Rivista di storia della storiografia moderna*, num. 1-2, Roma, 1993 e "Imágenes de los *Annales* en la historiografHa argentina del siglo XX", *Eslabones*, num. 7, Mexico, 1994, Bianca Arcangeli, "II mestiere dello storico negli scritti di Henri Pirenne", *L'opera dello storico*, Napoles, Ed. Bibliopolis, 1990; Carlos Antonio Aguirre Rojas, "El peligroso oficio de historiador: Marc Bloch. In Memoriam", *La Jornada Semanal*, niim. 262,

Приложение

291

дований на эти темы, мы можем теперь совсем по-иному рассмотреть большую частью их

истории, внося новые элементы интерпретации и критического анализа.

В случае с броделевскими «Анналами», как, частично, и в случае «Анналов» Блока и Февра, критика концентрировалась в основном на фигурах и личностях главных представителей — для вторых «Анналов» это был, безусловно, Фернан Бродель, — отвлекаясь от подробного исследования и критики интеллектуального проекта вторых «Анналов»³¹.

Фернан Бродель, вдохновитель и руководитель вторых «Анналов» был охарактеризован критиками как «человек, обладающий властью», крупный деятель и организатор академическо-исследовательского движения, куда включены работы разных авторов, *Marc Bloch aujourd'hui. Histoire compare'e et sciences sociales*, Paris, Ed. EHESS, 1990. Также для историографической реконструкции этого периода очень важным является процесс обнаружения новых источников. В этой связи см.: Bryce & Mary Lyon, *The birth of Annales history: The letters of Lucien Febvre and Marc Bloch to Henri Pirenne (1921—1935)*, Bruselas, Ed. Commission Royale d'Histoire, 1991; Marc Bloch, *Ecrire l'histoire. Lettres a Henri Ben. 1924-1943*, Jacqueline Pluet-Despatin (Editora), Paris, Ed. IMEC, 1992; "Problemes contemporains et hommes d'action a l'origine des Annales. Une correspondance entre Lucien Febvre et Albert Thomas (1928-1930)", Bertrand Muller (Editor), *Vingtieme Siecle*, julio-septiembre, 1992; *Marc Bloch a Etienne Bloch. Lettres de la 'drole de guerre'*, Francois Bedarida y Denis Peschanski (Editores), Cahier num. 19, Paris, Ed. Cahiers de l'INRA, 1991. См. также переписку между Марком Блоком и Люсьеном Февром, изданную в 1994 г. Берtrandом Мюллером (Bertrand Muller) в издательстве «Editorial Fayard». В том же русле следует упомянуть тексты, взятые из лекций Люсьена Февра и изданные Полем Броделем (Paule Braudel: *Michelet et la Renaissance*, Paris, Ed. Flammarion, 1992), а также библиографию работ Февра, изданную Берtrandом Мюллером (Bertrand Muller, *Bibliographie des travaux de Lucien Febvre*, Paris, Ed. Armand Colin, 1990) и ранее не публиковавшиеся тексты Марка Блока (Marc Bloch, "Due scritti inediti di Marc Bloch sulla metodologia storiografica", *Rivista di Storia della Storiografia Moderna*, num. 2-3, Roma, 1988). Работая в этом направлении, исследователи теперь имеют доступ к следующим архивам: фонд Пиренна в архивах Свободного университета Брюсселя и фонды Берра и Февра в Институте изданий современных мемуаров в Париже (Institut Memoires de l'Edition Contemporaine de Paris), фонд рукописей и документов Марка Блока, найденный в 1993 г. в Москве; публикация Бриджитт Мазон отрывков из книги Люсьена Февра «Честь и родина» (Lucien Febvre *Honneur et Patrie.*) и др.

³¹ По этому поводу см. статьи, указанные в примеч. 7, а также статью Бернара Лепти «Групповой портрет с журналом» (Bernard Lepetit, «Les Annales. Portrait de groupe avec revue», *Une école pour les sciences sociales*, Paris, Ed. du Cerf-EHESS, 1996).

292

Критический подход к истории французских «Анналов»

кой «империи», а также как консервативный историк, голлист и «американский агент» во Франции. Его одновременно упрекали за то, что он, скорее всего, марксист, и сторонник революционных реформ, направленных против традиционного обучения в университете.

В плоскости менее личной и более относящейся к его идеям, о нем говорили, что его теория трех типов исторического времени была только *формальной* моделью, которая годится лишь для того, чтобы упорядочить исторический материал в отсутствии истинной теории. Кроме того, его упрекали в недостаточном обосновании связей между тремя временами и критиковали одновременно за консервативную интерпретацию истории, которая, выделяя «время большой длительности», забывает или недостаточно уделяет внимания роли перемен, революций и крупных исторических переломов. Расписав заодно Броделя как «представителя структурализма», а его «Анналы» как вариант структурализма в историографии, и обвиняя его при этом в географическом детерминизме, а также в технологическом или экономическом детерминизме, критики вторых «Анналов» вышли явно за пределы его идейного проекта³².

Что касается критики, которая все же имеет отношение к организаторской и личной роли Броделя, то тут можно признать, что, действительно, ему удалось сосредоточить в своих руках институциональную власть, поскольку он занимал стратегические академические посты, такие как Председатель эк-

³² Укажем в том же порядке, в каком мы перечислили в тексте критические положения соответствующих им авторов: Francois Dosse, "Les habits neufs du president Braudel", *op. cit.*; "Un entrepreneur des sciences sociales", *Espaces Temps*, num. 34—35, 1986, Jacques Blot, "Le re vision nisme en histoire ou recode des Annales", *La Nouvelle Critique*, num. 3, Paris, 1951, Brigitte Mazon, *Aux origines de l'EHESS. Le role du mecenat americain*, Paris, Editions du Cerf, 1988 и замечание Фернана Броделя в его интервью ("La dernière interview du maître de l'histoire lente", *op. cit.*); Maurice Aymard, "Braudel enseigne l'histoire", *Grammaire des civilisations*, *op. cit.*; Josep Fontana, *Historia...*; *op. cit.*; Francois Dosse, *L'histoire en miettes*, *op. cit.*; Jean Chesnaux, *¿Hacemos tabla rasa del pasado?*, *op. cit.*; Santos Julia, *Historia social, sociologia historica*, *op. cit.*; Julian Casanova, *La historia social y los historiadores*, *op. cit.*.

Приложение

293

заместительной комиссии, главный редактор «Анналов», Президент VI Секции Школы высших исследований в социальных науках, управляющий Домом Наук о Человеке. Но, указав на это, не следует забывать, что важный стратегический характер всех этих постов был как раз прямым результатом его деятельности и его стараний, то есть были *созданы* самим

Бродедем³³. Кроме того есть еще один фундаментальный момент, который следует учитывать, говоря о Броделе. Бродель - это академик «вне нормы», его интеллектуальные и жизненные позиции «пограничны» во многих смыслах, и он, вследствие этого является выдающейся личностью, которая ни в коей мере не следовала ни пути, ни *традиционному* поведению большинства французских интеллектуалов. Так как Бродель не имел никогда «покровителя» в академических кругах, то у него не было мирного постепенного восхождения по карьерной лестнице, как это типично для профессуры, наоборот, он шел своим путем, который его увлек на десять лет в Алжир, потом на три года в Бразилию, потом в жестокое испытание пленом на протяжении почти всей второй мировой войны, и только потом уже он очутился в кругах парижских интеллектуалов, да и там лишь внутри особого института - почти полностью инакомыслящего - каковым являлась 6-я секция Школы высших исследований в социальных науках.

Автор книги «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» занимался доселе невиданной деятельностью внутри Академии, которая затронула существовавшие интересы, переворачивал установленный и освященный временем порядок, смеялся (с большой долей иронии) над правилами академической игры и выходил далеко за предвидимые рамки. И он «использовал» власть, которую смог создать и сосредоточить в своих руках также в своей особой манере, подчиняя её идейным целям, распределяя и заставляя функцио-

³³ По этому поводу см.: Maurice Aymard, «El itinerario intelectual de Fernand Braudel», *Primeras Jornadas Braudelianas*, Mexico, Ed. Institute Mora, 1993. Кроме того, по нашему мнению, это подтверждается книгой Бриджитт Мазон, указанной в предыдущей сноске.

294

Критический подход к истории французских «Анналов»

нирывать совершенно необыкновенным способом, и в конце концов с радостью оставил эту деятельность, когда она стала отнимать у него слишком много времени и энергии.³⁴

Этой его нестандартностью объясняется и свобода, которую Фернан Бродель позволял себе, общаясь с различными течениями или политическими группировками, которые его окружали, и что в большой мере послужило источником тех противоречивых определений, когда его описывали то как консерватора, то как марксиста, то как ниспровергателя основ, то как обычного защитника *status quo*.

Что касается различных критических высказываний относящихся к его проекту или идеям, то можно легко доказать, что теория различных времен и, в особенности, «времени большой длительности», это не простое формальное построение, а скорее эпистемологический ключ ко всему зданию броделевской работы. Маленькая методологическая революция в способах воспринимать темпоральность³⁵, теория «времени большой длительности» является также новым ключом к анализу исторических явлений в целом, подходом, который, используя понятие продолжительности, приводит к сложной диалектике непрерывности, но *также* и к историческим сменам этих же самых элементов, явлений и структур. И как раз поэтому «время большой длительности» могло быть «прочтено» консервативным способом, абсолютизирующим единич-

³⁴ Об этом своеобразии см.: Фернан Бродель «Личное свидетельство» (Fernand Braudel, «Personal Testimony», *Journal of Modern History*, \bl. XLIV, num. 4, Chicago, diciembre, 1972, pp. 448-467) и «Вместо заключения» («En guise de conclusiyn» *op. cit.*); также Поль Бродель «Бродель перед Броделем» (Paule Braudel, «Braudel antes de Braudel», *Primeras Jornadas Braudelianas*, *op. cit.*) А также нашу статью «Восстанавливая идейную биографию Фернана Броделя» («(Re)construyendo la biografía intelectual de Fernand Braudel», *Obradoiro de Historia Moderna*, num. 3, Santiago de Compostela, 1994).

³⁵ См.: Immanuel Wlerstein, «The inventions of time-space realities: Towards an understanding of our Historical Systems», *Unthinking Social Science*, Cambridge, Ed. Polity Press, 1991); Alberto Tenenti, «I domini della lunga durata in Fernand Braudel», *Estudos e Ensaio em homenagem a Vitorino Magalhaes Godinho*, Lisboa, Livraria Sa da Costa Editora, 1988, а также наши статьи, приведенные в примеч. 14.

Приложение

295

ное, постоянное, как это сделал, например, Франсуа Фюре. Но это не должно мешать *интегрированному* видению того же самого подхода и тому, чтобы его применять для прояснения как глубины, так и, в другом случае, границ *радикальных изменений и катаклизмов структур «времени большой длительности»*, этой глубокой и монументальной *революции цивилизационной архитектуры*, которую изучал тот же Бродель, и которая и обеспечила как раз переход Европы, а после и всего мира, к капитализму.

Бродель, использующий термин «структуры» для определения реальности «времени большой

длительности», ни в коей мере не является представителем структурализма, а, скорее, представляет противоположные взгляды, будучи радикальным и постоянным критиком французского структурализма 1950-1960-х годов. Очевидно, что автор книги «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII века» находит структурализм слишком неисторичным и даже анти-историчным, посвящая значительную часть знаменитого текста о «времени большой длительности» критике отсутствия реальной историчности в структурализме Клода-Леви Стросса, который не случайно был в той статье наиболее часто цитируемым автором, с которым велся постоянный спор.

И наконец, ясно также, что Бродель *не* является географическим, биологическим или экономическим детерминистом, а, скорее, защищает *новый* исторический *детерминизм*, выраженный во «времени большой длительности». Бродель признает главную роль в иерархии за постоянными ориентирами, сохраняющимися на протяжении «времени» наибольшей длительности, которые, присутствуя как в географии так и в экономике, как в культуре, так и в политической сфере, создали у критиков броделевской работы впечатление многообразных «детерминизмов».

Если мы рассмотрим в целом множество критических оценок, направленных против Фернана Броделя и руководимых им «Анналов», то мы увидим, что они, по сути, вызваны *трудностями реального понимания сложного содержания броделевских*

296

Критический подход к истории французских «Анналов»

работ. Здесь, возможно, будет уместно привести следующее подтверждение. Известно, что как принятие или критика, так и сноски или ссылки на результаты броделевских работ и, в частности, на «время большой длительности» уже давно являются расхожей монетой во французской, западноевропейской и всей мировой историографии. Однако, когда самого автора этого подхода в 1985 г. спросили относительно того, много ли он имеет последователей своего уникального интеллектуального проекта, он сообщил, что его, скорее, следует считать «идейно одиноким» человеком, добавив при этом, что *единственный историк* во всем мире, который понял его видение «времени большой длительности», кажется, потерялся где-то в дебрях Аргентины³⁶. И точно также, как эта броделевская теория различных исторических времен вызвала серьезные трудности в понимании, остались не понятыми до конца и продолжают ждать более глубокого изучения и освоения и его теория капитализма, и понятие «мир-экономики», а также понимание геоисторических основ цивилизационных процессов, сделанные им наброски общей теории сложной динамики цивилизаций в универсальной истории, или частично им разработанная тема уточнения связанных с «временем большой длительности» глубоких причин, объясняющих преимущества Европы по отношению к остальному миру и то, что именно здесь был осуществлен переход к капитализму и к современному мировому устройству.

С переходом к критике, объектом которой являлись уже третьи «Анналы», мы наблюдаем ряд заметных изменений. Так, здесь критика перестает быть направленной только на руководящую личность, а переходит, в основном, на коллектив в целом и, кроме того, критические замечания в большей степени сосредотачиваются на самом интеллектуальном проекте.

Первым основным пунктом этой критики, пунктом, который повторяется чаще всего, является упрек в *отсутствии* в третьих «Анналах» ясного, четко определенного и цельного

³⁶ См. «Последний урок Фернана Броделя» (*La ultima lection de Fernand Braudel*, Mexico, FCE, 1989).

Приложение

297

проекта, объединяющего всю коллективную работу этого направления. Критики подчеркивали, что в самой руководящей группе «Анналов» 1969-1989 гг. имелось *множество* сосуществующих *подходов*, отмечался также тот факт, что ни один из этих подходов не навязывался другим, что приводило к выводу о том, что эти «Анналы» не обладают ясной «директивной линией», и к обвинениям в том, что они являются жертвами процесса фрагментации исторических исследований, и что из-за них теперь речь идет уже лишь о «множественных *Анналах*».

Другой вариант критики был связан с очевидными качественными и глубокими отличиями третьих «Анналов» от «Анналов» 1929-1968 годов: эти критики упрекали их в том, что они оставили исследования с точки зрения глобальной истории, отказались от серьезных

методологических дискуссий и оставили такие важные области исследований, как экономическая история, а также характерный для них ранее критический подход. Настаивая на резкой «смене курса» по отношению к предшествующим им проектам Блока, Февра и Броделя, они отказались также от верности идеям (в самом лучшем смысле этого слова) предыдущего периода этого направления. «Анналы» третьего поколения критиковали также за то, что они институционализировались, или превратились в группу интеллектуальной власти, или стали объединением, полностью слившимся с французской официальной культурой и академическим истеблишментом.

Критики третьих «Анналов», отмечая также широкое распространение по всему миру (в большей мере, чем это было доступно предшествующим им «Анналам», о которых мы говорили), характеризовали их как менее новаторские и менее способные удержаться в авангарде новых исторических тенденций. Кроме того, они награждали проект 1970-1980-х годов такими эпитетами, как «выдохшийся», или «этап нисходящей производительности», или называли его проектом, который уже «выполнил свое назначение». Откуда вытекали также и другие критические утверждения: от обвинения в релятивизме и до приписывания им позиций защитников постмодернистских

298

Критический подход к истории французских «Анналов»

взглядов в истории, ну, и заодно они были, конечно, «эклектиками» и «всеядной» школой³⁷. Если мы тщательно проанализируем разнообразные критические оценки, которые были адресованы третьим «Анналам», и уберем полемические излишки, которыми они сопровождались, то можно будет увидеть, что часть обозначенных претензий в большой степени обоснована.

Верно, что этот этап «Анналов» характеризовался ростом числа разнонаправленных подходов, практикуемых руководящим ядром журнала, что приводило к тому, что все труднее было определять как своеобразные черты этого направления, так и какую-либо основную директивную линию, которая очерчивала бы ясные границы *единого идейного проекта и издательской политики*. Это становится совершенно очевидно при сравнении с проектами первых и вторых «Анналов», которые сформировались вокруг определенных *методологических парадигм и глобальных подходов к историческому исследованию*. Первые и вторые «Анналы» были защитниками и основателями методов сравнительной истории, глобальной истории, подходов с точ-

³⁷ Здесь невозможно привести полный список, потому мы ограничимся лишь некоторыми авторами, перечисленными в том же порядке, как даны их критические высказывания: Фернан Бродель «Вместо заключения» (Fernand Braudel, "En guise de conclusion", *op. cit.*); Франсуа Досс «История по крупицам» (François Dosse, *L'histoire en miettes*, *op. cit.*); Иммануэль Уоллерстайн «Человек конъюнктуры» (Immanuel Wallerstein, «L'homme de la conjuncture», *op. cit.*) и «После Анналов?» («Beyond Annales...», *op. cit.*); Карлос Антонио Агирре Рохас «Между Марксом и Броделем...» и «Анналы на перекрестке» (Carlos Antonio Aguirre Rojas, «Between Marx and Braudel...», *op. cit.* у «Los JJ/ma/esenlaencrucijada», *La Jornada Semanal*, num. 184, Mexico, diciembre, 1992); Фернан Бродель «Последнее интервью мэтра медленной истории» {Fernand Braudel, «La dernière interview du maître de l'histoire lente», *op. cit.*}; Эрве Кутто-Бегари «Феномен новой исторической науки» (Hervé Couteau-Begarie, *L'ephémerisme nouvelle histoire*, *op. cit.*); Франсуа Досс «Разделенное наследие» (François Dosse, *Les héritiers divisés, Lire Braudel*, *op. cit.*); Питер Бёрк «Французская революция в исторической науке» Peter Burke, *The french historical revolution...*, *op. cit.*; Франсуа Фюре «Предисловие» (François Furet, «Preface», *op. cit.*); Жорж Дюби «Удовольствие историка» (Georges Duby; «Le plaisir de l'historien», *op. cit.*); Юрий Бессмертный «Анналы, как они видятся из Москвы» (Youri Bessmertny, «Les Annales vues de Moscou», *en Annales. Economies. Sociétés. Civilisations.*, An XLVII, num. 1, Paris, enero-febrero, 1992) и Жозе Фонтана «История после конца истории» (Josep Fontana, *La historia después del fin de la historia*, Barcelona, Ed. Critica, 1992).

Приложение

299

ки зрения «истории-проблемы» или с точки зрения «времени большой длительности», тогда как третьи «Анналы» объединяются лишь по *новым областям проблем* — истории ментальности и исторической антропологии.

И это является причиной того, что почти невозможно высказать какие-либо *общие* суждения о работе и вкладе третьих «Анналов». За пределами разделяемой всеми *тем* ментальности, нет какого-либо сходства между работами Жака Ле Гоффа или Жоржа Дюби, за исключением того, что они связывают ментальность с различными социально-экономическими кон-

текстами, и являются достаточно открытыми по отношению к диалогу с марксистами и с марксизмом³⁸. Или, с другой стороны, работы по количественной истории ментальностей Мишеля Вовеля, развивающие подход Лабрусса, и работы Филиппа Арьеса, которые принимают в качестве постулата идею об эволюции «коллективного бессознательного» и склоняются, скорее, к тому, чтобы проводить анализ универсума ментальностей сам по себе. Или, наконец, блестящее исследование Мишеля Фуко по реконструкции тех эпистем, что скрыты под проявленными формами дискурса, например, XVII века. Что касается всего остального, то никто пока еще не сделал попытку построить единую *типологию* этих разных вариантов истории ментальностей, типологию, которая не была создана ни критиками, ни самими представителями «Анналов» и которая позволила бы внести поправки в критические оценки третьих «Анналов».

На наш взгляд, по сути верен упрек, который адресовал наследовавшим ему третьим «Анналам» еще Бродель. Речь шла о том, что они перестали уделять внимание глобальной истории. Представители «Анналов» третьего этапа этот упрек принимали и сами заявляли, что они оставили без внимания глобальную историю³⁹. По их мнению, как раз благодаря этому они

³⁸ Таким образом, защищая и развивая историю ментальностей. Об этой последней см. статьи, перечисленные в примеч. 10.

³⁹ Ср. статью о нем, подписанную редакцией «Анналов»: «Fernand Braudel (1902—1985)», *Annales. Economies. Sociétés. Civilisations*, Año XLI, num. 1, Paris, enero-febrero, 1986.

300

Критический подход к истории французских «Анналов»

смогли разработать более узкие и специальные вопросы в избранных ими областях. То же касается и их отказа от серьезных обсуждений методологии - их идеологическая позиция в этом вопросе защищалась представителями «Анналов» 1969—1989 гг. на многочисленных форумах и получила отображение также в заявлении Жака Ле Гоффа, который утверждал, что «новая историческая наука» не связана «ни с какой ортодоксией», и, что, напротив, она открыта «любой идеологической позиции» при условии, что это помогает ей продвигаться, способствует нововведениям или обновлению исследований, которые ведет «новая историческая наука»⁴⁰. Оставив проблематику экономической истории ради изучения исторической антропологии и истории ментальностей, и встав на позиции идейной «экуменистической» открытости, и, возможно, даже некоторой неразборчивости, позиции, которые частично подчиняются *внутреннему разнообразию сосуществующих подходов* в ядре «Анналов» периода 1969—1989 гг., они, несомненно, потеряли ту критическую направленность и полемическую заостренность, которые питали направление между 1929 г. и 1968 г. Это, помимо всего, прочего было связано с их включением в официальный французский истеблишмент в области культуры. Ибо, когда представители «Анналов» становятся во главе исторических серий, выпускаемых крупнейшими издательствами, сотрудничают в редколлегиях журналов и периодических изданий, как академических, так и популярных, или их мнения спрашивают и с ними советуются при определении программ обучения истории в школах и университетах, и для них открываются двери радио и телевидения, то кажется ясным, что мы имеем ситуацию отличную от той, с которой имел дело Фернан Бродель, и прямо обратную той, в которой когда-то находились Марк Блок и Люсьен Февр.

Итак, характерные черты «Анналов», которые сохранялись более или менее между 1929 г. и 1968 г., изменились, и это породило массу критических отзывов: от критики внутренней

⁴⁰ См. ссылки в статье «Новая историческая наука» Жака Ле Гоффа (Jacques Le Goff «La nueva historia», *Diccionario La Nueva Histori*, Bilbao, Ed. Mensajero, 1988).

Приложение

301

разнородности направления и упреков в отказе от ранее достигнутых позиций и методологических завоеваний - и до обвинений в институционализации и слиянии с французским истеблишментом. Но за пределами этого набора критических оценок существует вопрос, который мы сформулировали ранее, а именно, почему критика «Анналов» столь резко возросла как раз после 1968 года? Почему именно после знаменательного 1968 года произошли столь важные изменения, всесторонне повлиявшие на эволюцию этого направления? До какой степени верно утверждение, согласно которому в 1969-1989 гг. «Анналы» стали менее новаторскими? Возможно ли вообще для любого направления остаться новаторским, когда оно превращается в одно из госу-

дарственных учреждений? И, прежде всего, как все это отражается на «четвертых "Анналах"»? Смогут ли они преодолеть или справиться с последствиями такого положения? Или, говоря в целом, какие положительные уроки можно извлечь из всесторонней критики, направленной на третьи «Анналы», и, если брать еще шире, из анализа глобальной линии развития критики, которая была направлена на «Анналы» на протяжении всей истории их существования? Для того, чтобы ответить на все эти вопросы, попробуем рассмотреть все это множество критических оценок с точки зрения «времени большой длительности».

IV

...«Анналы» являлись маргинальным журналом. Но после перелома 1968 года они превратились в большой исторический журнал, один из самых ортодоксальных, такой, что способствует карьере и общественным успехам.

Фернан Бродель. Интервью «80 лет "римскому Папе" современных историков» «L'Histoire», № 48, сентябрь 1989

Как мы уже указали выше, существует прямая и пропорциональная зависимость между ростом популярности и ростом распространения «Анналов» по всему миру, с одной стороны, и увеличением числа критических оценок, объектом которых они являлись, — с другой. Ясно также, что это распространение по-

302

Критический подход к истории французских «Анналов»

лучило наибольший толчок в результате крупного культурного и цивилизационного перелома 1968 года. Чтобы объяснить эту ситуацию, возможно будет полезно подойти к ее рассмотрению с точки зрения сравнительного анализа и в более глобальном масштабе внутри самого широкого временного промежутка, который включает в себя не только то, что произошло с французской исторической наукой, но что происходило со всей западноевропейской историографией на протяжении всего XX века, включая сюда также и последнюю треть XIX века.

Таким образом, рассматривая ситуацию в этих более широких пространственно-временных координатах, будет интересным заметить, что приблизительно между 1870 г. и 1970 г. в Европе функционировала схема, по которой *одна* из западноевропейских стран брала на себя ответственность за развитие исторической науки, или, говоря другими словами, играла/юль *лидера по отношению ко всем другим*, выполняя функцию *основного центра, где зарождались новые идеи в исторической науке*, а также привилегированного культурного пространства, в котором возникали и разворачивались *самые важные исторические дебаты* той эпохи.

И таким образом в Европе в упомянутое столетие с 1870 до 1970 г. роль наиболее важного главного действующего лица и авангарда западноевропейской исторической науки была поделена последовательно между двумя странами. После поражения Парижской Коммуны и с подъемом рабочего и общественного движения в Германии, и имея у себя за плечами такое *существенное* наследие, как труды Маркса и как позитивные и негативные опыты марксистского движения, немецкая историческая наука выделяется по сравнению с историографией других западноевропейских стран и постепенно занимает позиции лидера и главного центра, где разворачивались дискуссии, связанные с процессом обновления исторических исследований того времени.

И с этим связан тот факт, что позитивистская историография в ранкеанском духе функционировала по всей Европе, имея ряд соответствующих вариантов в разных странах. Этой общей господствующей исторической матрице следовали в

Приложение

303

большей или меньшей степени все западноевропейские университеты и, в целом, почти все академические круги Западной Европы. И в то же время это объясняет тот факт, что ее критика и выработка некоторых *альтернативных* по отношению к позитивистскому подходу моделей исторической науки, шли *также* и в самой Германии, и это нашло свое выражение как в трудах защитников *Kulturgeschichte*, так и в двух критических традициях германской исторической науки той эпохи. Одна из них - академическая университетская традиция Макса Вебера и Альфреда Вебера, Карла Лампрехта, Вернера Зом-барта и его учеников, а другая - марксистская традиция Карла Каутского, Отто Брюнера, Генриха Кунова, и др.

И утвердившееся тогда знаменитое «путешествие в Германию» как необходимый компонент формирования любого достойного звания историка, и превалирование ссылок в основном на

труды германских авторов, и место, где разворачивались главные исторические дискуссии тех времен - все свидетельствовало о том, что в Европе в 1870-1930 гг. господствовала блестящая и богатая традиция немецкая историческая наука конца XIX-начала XX века.

Но как известно, с окончанием первой мировой войны и с приходом к власти в Германии нацистов, эра господства гер-маноязычной историографии закончилась, поскольку фашизм нанес непоправимый урон и, в целом, всем общественным дисциплинам, и исторической науке, как в самоѢ Германии, так и в германоязычном ареале. Принудительная эмиграция из Германии наиболее блестящих умов, а также подрыв авторитета и враждебность, которую во всем остальных странах Европы вызывала Германия после первой войны, все это подорвало влияние немецкой исторической науки, которое после Второй мировой войны окончательно сошло на нет.

Ему на смену пришло как раз то самое французское направление, которое мы здесь рассматриваем., а именно «Анналы» — к ним перешли авторитет и влияние, которые прежде принадлежали немецкой историографии. Итак, приблизительно с 1930 г. и до большого перелома 1968 года наибольший авторитет в этой области приобрели уже франкоязычные стра-

304

Критический подход к истории французских «Анналов»

ны. Хотя главным центром сосредоточения новых исследований были «Анналы», но к ним примыкали и некоторые другие близкие по духу течения, например, такие крупные авторы как Эрнест Лабрусс или Жорж Лефевр, связанные с традицией весьма своеобразного французского социализма. Новая французская историческая наука функционировала как новый центр, вокруг которого сосредотачивались западноевропейские историки, именно здесь разворачивались самые важные нововведения и проводились главные дискуссии, обозначившие пути развития западноевропейской историографии в период после второй мировой войны.

Итак, в то время как немецкая историческая наука практически сошла со сцены, а английская оказалась потеснена гораздо более значительным развитием антропологии и социологии, французские историки начали служить образцом и примером в области развития исторической науки, примером, которому следовали или, по крайней мере, внимательно изучали (с поправками, вносимыми национальной спецификой) как итальянские, так и испанские историки, а также историки в Польше или в Латинской Америке.

Однако 1968 год, явившийся переломным для множества цивилизационных структур, положил конец и прежней схеме функционирования западноевропейской историографии, основывавшейся на гегемонии одной страны, вокруг которой группировались все остальные. И в 1970-1980-е годы речь уже не шла о *создании нового центра* в новой стране, утверждающего свое первенство в исторической науке, - напротив, это был процесс *плюрализации, умножения новаторских центров в области исторической науки* и, впоследствии, начала *постоянной конкуренции* в сфере генерации новых идей и открытия новых пространств для дискуссий о будущем развитии исторических исследований.

Итак, перед нами — изменение *режима функционирования западноевропейской исторической науки во «времени большой длительности»*, то есть изменение порядка, который действовал на протяжении столетия 1870-1970 гг., а, возможно, и раньше. Его действие закончилось как раз после резкого перелома 1968

Приложение

305

года, и с этого момента была «запущена» новая схема развертывания исторических исследований в Европе.

Изменение режима функционирования, относящегося ко «времени большой длительности» в развитии исторических исследований, имеет связь с общими глубокими изменениями, которые начались в той же Европе, начиная с 1968 года. Из тех изменений, что имеют отношение к большому «виражу» в исторических исследованиях, следует отметить прежде всего два. На первом месте стоит то, что привело «маленькую Европу» к отчетливой *потере значения национальных структур* как основ функционирования Европы *внутри западного мира* и даже внутри её собственного союза. Потеря значения, которая не только объясняет текущий развивающийся проект «европейской унификации», без которой Европа не может

стать противовесом для других блоков, выступающих на мировой арене, но также и конец модели «национальной гегемонии» в мировой исторической науке.

На втором месте стоят результаты интенсивного процесса развития, шедшего на протяжении того же столетия (1870— 1970 гг.), благодаря которым *увеличивалась во все большей мере «европеизация»* западного мира, который после 1968 года оказался уже достаточно зрелым, как для *критической* оценки культурного вклада «маленькой оконечности Азии», которой является Европа, так и для того, чтобы попробовать постичь и преодолеть это европейское наследие, продвигая вперед развитие новой культуры, намного более универсальной и космополитичной, намного более способной объединять в союз различные голоса разнообразных культур по всему миру. И, вследствие этого, более готовый принять и плюрализм множества новаторских центров в исторической науке, и авангардные дискуссии, и многообразие развития и инноваций в сфере современных исторических исследований. Именно понимание того, что после 1968 года изменилась сама система функционирования общего развития западноевропейской исторической науки, позволяет объяснить как *смену направления* основной линии развития «Анналов» и радикальное изменение проекта, так и интенсификацию и разнообра-

306

Критический подход к истории французских «Анналов»

зие критики в адрес этого направления. Итак, если в семидесятые и восьмидесятые годы в сфере исторических исследований одновременно появляются итальянская микроистория, весьма разнообразные течения британской социальной истории, ряд представителей и тенденций «марксистских *Анналов*» и французские «Анналы» истории ментальностей и исторической антропологии, а также новые тенденции во французской историографии, не имеющие отношения к «Анналам» — тогда, с точки зрения возрастающей конкуренции, которая приобретает мировые масштабы, нет ничего удивительного в том, что наряду с развитием вширь исторических исследований умножилось также число различных критических подходов, направленных против французского направления «Анналов».

Итак, потеряв монополию в сфере историографических инноваций, «Анналы» превратились теперь из главного действующего лица в одно из многих существующих на нынешний день направлений, несомненно первого порядка, но уже не господствующего, не имеющего доминирующего положения или гегемонии и исключительной монополии в области современных исторических исследований. Оказавшись в этой новой для них ситуации среди множества различных новых течений, то есть в ситуации, которая является характерной чертой развития исторической науки последней четверти века, направление «Анналов» оказалось также внутри *постоянного* универсума *критических запросов* со стороны остальных позиций и течений мировой историографии, универсума, который сейчас представляет собой одно из фундаментальных орудий прогресса в определении основных черт будущих исторических исследований во всем мире.

И это определяет также главные задачи, которые стоят сегодня перед зарождающимися четвертыми «Анналами». «Анналы», безусловно, остаются одним из самых важных течений в мировой исторической науке. Но они смогут утвердиться в этом положении и справиться с растущей конкуренцией только в той мере, в какой сумеют занять *как критичную, так и самокритичную позицию*, извлечь уроки из собственной истории, которая представляла собой смену последующих идейных про-

Приложение til

307

ектов, то есть в той мере, в какой они способны будут *реально и критически освоить* *разнообразное и сложное «идейное наследство»*, включающее в себя как основную идейную линию и общие уроки, так и резкие отклонения с основного пути, преобразования и соответствующие смены курса, уроки преодоления прошлого. Усвоив все многообразие мнений, которое мы здесь описали, современные «Анналы»

должны будут осознать и включить в свою новую деятельность итоговый результат этой критики и самокритики, результат, который подразумевает учет как всех достижений и продвижений вперед, так и пробелов, отклонений и ограничений. Этот итоговый баланс частично начал уже подводиться новым поколением историков в том, что касается периода первых «Анналов». Но необходимо смело двигаться дальше, приступая как к критической переоценке этапа броделевских «Анналов», так и к тщательному и объективному исследованию этапа 1969-1989 гг.

Также для «Анналов» четвертого поколения важно принять участие в международной дискуссии, войдя таким образом в критический взаимообмен с историками всего мира. И наконец, что немаловажно, четвертые «Анналы» должны попробовать воссоздать в самих себе ту живую энергию *критического настроя*, которая была столь присуща «Анналам» Блока, Февра и Броделя и которая ослабла в семидесятые и восьмидесятые годы.

Тогда современные «Анналы» смогут остаться в авангарде современных исторической науки и продолжать «боевую» традицию полемических и критических «Анналов*», то есть тех «Анналов», которыми так гордились Марк Блок, Люсьен Февр и Фернан Бродель. Только такие новые «Анналы» в обстановке постоянных дискуссий и интенсивной международной конкуренции, существующей на сегодняшний день в сфере идей, могли бы быть названы «истинно живыми *Анналами*».

I

Библиография
309

Библиография

А. Первое знакомство.

Для того, чтобы получить первое представление о феномене «Анналов», нужно просмотреть выпуски этого журнала за многие годы. Хотя, несомненно, что общий вклад направления ни в коей мере не исчерпывается одними только текстами, напечатанными в журнале, это чтение будет полезно, поскольку именно журнал «Анналы» служил центром сосредоточения и органом распространения различных идейных проектов на протяжении всего долгого существования данного направления.

Вышеупомянутые публикации включают в себя:

1. *Los Annales d'Histoire Economique et Sociale* (1929-1938). Десять томов, соответствующие десяти годам издания и включающие в себя 4 выпуска в год.
2. *Los Annales d'Histoire Sociale* (1939-1941). Три тома в соответствии с тремя годами издания. В 1939 году - 4 выпуска; в 1940 - 3 выпуска и в 1941-м - 2 выпуска.
3. *Los Melanges d'Histoire Sociale* (1942-1944). Три тома, соответствующие трем годам, по два выпуска в год.
4. *Los. Annales d'Histoire Sociale* (1945). В этот том входят два выпуска «Памяти Марка Блока».
5. *Los Annales. Economies. Societes. Civilisations* (1946-1993). Сорок восемь томов, соответствующих 48 годам. С 1946 г. по 1959 г. 4 выпуска в год, и с 1960 г. по 1993 г. - по шесть выпусков в год.
6. *Los Annales. Histoire, Sciences Sociales* (1994-....). По 6 выпусков в год.

Чтобы было легче ориентироваться при чтении журнала «Анналы», можно использовать различные указатели, которые печатались самим журналом и которые охватывают все опубликованные материалы вплоть до сегодняшнего дня:

Arnould, Maurice. *Vingt annees d'histoire economique et sociale. Table analytique des "Annales" fondees par Marc Block et Lucien Febvre (1929-1948)*, Editorial Librairie Armand Colin, Paris, 1953.

Tenenti, Bratislava. *Vingt annees d'histoire et de sciences humaines. Table analytique des Annales (1949-1968)*, Editorial Librairie Armand Colin, Paris, 1972.

Grinberg, Martine y Trabel, Ivette. *Vingt annees d'histoire et des sciences humaines. Table analytique des Annales (1969-1988)*, Editorial Armand Colin, Paris, 1991.

Gre'ard, Catherine, Grinberg, Martine y TYabut, Ivette. *Table analytique des Annales. Economies. Societes. Civilisations. 1989—1993*, Editorial Armand Colin, Paris, 1995.

Branchereau, Simone, Greard, Catherine, Grinberg, Martine y Irabut, Ivette. *Table analytique 1994-1998*, Editions de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, Paris, 1999.

Историографических работ, в которых в качестве главной темы рассматривалась бы деятельность «Анналов» в целом, включая все этапы существования этого направления, относительно немного. Среди них следует отметить следующие книги, которые подходят к вопросу истории «Анналов» с более широкой точки зрения, либо охватывая все время существования направления, либо какие-то его важные периоды, или указывают на основные линии эволюции «Анналов» в целом:

Aguirre Rojas, Carlos Antonio. *Los Annales y la historiografía francesa.*

Tradiciones críticas de Marc Bloch a Michel Foucault, Ediciones

Quinto Sol, Mexico 1996. _____, *Itinerarios de la historiografía del siglo XX. De los diferentes marxismos*

a los varios Annales, Ed. Centre Juan Marinello, La Habana, 1999. _____, *La Escuela de los Annales. Ayer, hoy, mañana*, Ed. Montesinos,

Barcelona, 1999. _____, *L'histoire conquérante. Un regard sur l'historiographie française*, Ed.

L'Harmattan, Paris, 2000. _____, *Corrientes, Temas y Autores de la Historiografía del siglo XX*, Ed.

Universidad Juárez Autónoma de Tabasco, Villahermosa, 2002.

_____, *Antimanual del mal historiador*, (Séptima edición latinoamericana),

Ed. Contrahistorias, Mexico 2004.

310

Библиография

_____, *Ferwind Braudel et les sciences humaines*, Ed. L'Harmattan, Paris, 2004.

Burke, Peter. *The French Historical Revolution. The Annales school 1929—1989*, Editorial Polity Press, Cambridge, 1990.

Carrard, Philippe. *Poetics of the New History. French Historical Discourse from Braudel to Chartier*, Editorial Johns Hopkins University Press, Baltimore, 1995.

Coutau-Begarie, Herve. *Le phénomène nouvelle histoire. Grandeur et décadence de l'école des Annales*, Editorial Economica, Paris, 1989.

Dosse, François. *L'histoire en miettes. Des "Annales" à la "nouvelle histoire"*,

Editions La Découverte, Paris, 1997. **Mastrogregori, Massimo.** *Il genio dello storico. Le considerazioni sulla storia di Marc Bloch e Lucien Febvre e la tradizione metodologica francese*,

Edizione Scientifiche Italiane, Napoli, 1987.

Raphael, Lutz. *Die Erben von Bloch und Febvre. Annales-Geschichtsschreibung und nouvelle histoire in Frankreich 1945-1980*, Editorial Klett-Cotta, Stuttgart, 1994.

Stoianovich, Tzvetan. *French Historical Method. The Annales Paradigm*, Editorial Cornell University Press, Ithaca-Londres, 1976.

Vazquez Garcia, Francisco. *Estudios de teoría y metodología del saber histórico*, Editorial de la Universidad de Cádiz, Cádiz, 1989.

К этому списку можно также добавить подборку, которая дает хорошее представление об основных идеях данного направления через тексты его главных представителей:

Middell, Matthias y Sammler, Steffen. *Alles Gewordene hat Geschichte. Die Schule der Annales in ihren Texten*, Editorial Reclam Verlag Leipzig, Leipzig, 1994.

Также имеет смысл просмотреть определенные выпуски журналов, газет или коллективных сборников, целиком или частично посвященных истории этого направления.

Review, num. 3/4, Binghamton, Nueva York, 1978. *Le Monde*, Paris, 19 de enero de 1990.

Rivista di storia della storiografia moderna, Año XIV, num. 1-2, Roma, 1993,

Sporii a glavnom. Diskusii a nashtayashiem u budushiem istoricheskoi nauki vokrug frantsuskoishkolii "Annalov", Editorial Nauka, Moscú, 1993.

Библиография

Eslabones, núm. 7, Mexico 1994. *Iztapalapa*, núm. 36, Mexico 1995. *Pedagogia*, núm. 8, Mexico 1996. *Mars*, núm. 7, Paris, 1997. *Contrahistorias*, núm. 2, Mexico 2004.

311

В. Специальная литература, посвященная более конкретным темам.

Aguirre Rojas, Carlos Antonio, "El problema de la historia en la concepción de Marx y Engels", *Revista Mexicana de Sociología*, vol. XLV, núm. 4, Mexico octubre-diciembre, 1983.

_____, "Los problemas y las tareas del historiador en América Latina",

Estudios. Revista de Ciencias Sociales, núm. 1, Ed. Universidad de San Carlos, Guatemala, 1988.

_____, "Fernand Braudel y la invención de América", *La Jornada*

Semanal, núm. 72, Mexico octubre 28, 1990.

_____, "Between Marx and Braudel. Making history, knowing history" en *Review*, vol. XV, núm. 2, Binghamton, primavera, 1992.

_____, "Annalí i Marksism. Diesit tesisov a metodologicheskij

paradigmaj", *Sporii a glavnom. Diskusii a naktayashiem u budushiem istoricheskoi nauki vokrug frantsuskoishkolii "Annalov"*, Ed. Nauka, Moscú, 1993.

_____, *Construir la historia: entre Materialismo Kierkegaard y Annales*,

Coedicion UNAM-Universidad de San Carlos, Guatemala, 1993.

_____, "Dalle *Annales* a *l'histoire*", *Annales HMA*, no. 1-2, Roma, 1993.

_____, "Convergencias y divergencias entre los *Annales* de 1929 a 1968 y el Marxismo. Ensayo de balance global" en *Historia Social* num. 16, Valencia, 1993.

_____, *Fernand Braudel y las ciencias humanas*, Editorial Montesinos, Barcelona, 1996.

_____, "Bernard Lepetit: In Memoriam" en *Pedagogia*, num. 8, Mexico 1996.

_____, "La recepcion del *Metier d'historien* de Marc Bloch en America Latina" en *Argumentos*, num. 26, Mexico 1997.

312

Библиография

_____, *Braudel a Debate*, Coedicion Fondo Editorial Tropykos/Fondo Editorial Bona, Caracas, 1998.

_____, "La visionbraudelienne sur le capitalisme anterieur a la Revolution Industrielle" en *Review*, vol. XXII, num. 1, Binghamton, 1999.

_____, *Fernand Braudel und die modernen Sozialwissenschaften*, Ed. Leipziger Universitaetsverlag, Leipzig, 1999.

_____, *Breves Ensayos Criticos*, Ed. Universidad Michoacana, Morelia, 2000.

_____, *Ensayos Braudelianos*, Prohistoria & Manuel Suarez Editor, Rosario, 2000.

_____, "La reception de l'historiographie française en Amerique Latine. 1870-1968" en *Caravelle*, num. 74, Toulouse, 2000.

_____, *America Latina. Historia y Presente*, Ed. Jitanjofora, Morelia, 2001.

_____, *Tempo, duracao, civilizacao. Percursosbraudelianos*, Cortez Editora, Sao Paulo, 2001.

_____, "Braudel inconnu? L'episode latinoamericain d'une biographie intellectuelle" en el libro *Ecrire l'histoire de l'Amerique Latine*, Ed. CNRS, Paris, 2001.

_____, "Braudel in Latin America and the U.S.: A Different Reception" en *Review*, vol. XXIV, num. 1, Binghamton, 2001.

_____, *Pensamiento historiografico e historiografia del siglo XX*, Ed. Manuel Suarez Editor, Rosario, 2002.

_____, *Historia de la microhistoria Italiana*, Ed. Prohistoria, Rosario, 2003.

_____, *Immanuel Wallerstein. Critica del sistema-mundo capitalista*, Ed. Era, Mexico 2003.

_____, *Mitos y olvidos en la historia oficial de Mexico* Ed. Quinto Sol, Mexico 2003.

_____, *Para comprender el mundo actual. Una gramática de larga duración*, Ed. Centro de Investigaciones 'Juan Marinello', La Habana, 2003.

_____, *Braudel, o mundo e o Brasil*, Cortez Editora, Sao Paulo, 2003.

Allegra, Luciano (& Angelo Torre), *La nascita della storia sociale in Francia della Comune alle "Annales"*, Fondazione Luigi Einaudi, Turin, 1977.

Amaro Cano, Leonor, "Influencia de los *Annales* en la ensenanza de la historia en Cuba en la decada del 60", en *Debates Americanos*, num. 3, La Habana, enero-junio de 1997.

Anderson, Perry, *Considerations sobre el marxismo occidental*, Editorial Siglo XXI, Madrid, 1978.

Библиография

313

_____, *Tras las huellas del materialismo historico*, Editorial Siglo XXI, Madrid, 1986.

Annales. Economies. Societes. Civilisations, "Fernand Braudel (1902-1985)", no. XLI, num. 1, enero-febrero, 1986.

_____, "Histoire et sciences sociales. Un tournant critique?", no. XLIII, num. 2, marzo-abril, 1988.

_____, "Tentons l'experience", no. XLIV, num. 6, octubre-diciembre, 1989.

Arcangeli, Bianca, "Il mestiere dello storico negli scritti di Henri Pirenne", *L'opera dello storico*, Ed. Bibliopolis, Naples, 1990.

Arrighi, Giovanni, (Terence Hopkins & Immanuel Wallerstein), "1989, the continuation of 1968", *Review*, vol. XV, num. 2, Binghamton, primavera, 1992.

_____, *The long twentieth century*, Editorial Verso, Londres-Nueva York, 1994.

Aymard, Maurice, "The *Annales* and french historiography", *Journal of European Economic History*, vol. I, num. 2, 1972.

_____, "La storia inquieta di Fernand Braudel", *Passato e Presente*,

niim. 12, septiembre-diciembre, 1986.

_____, "L'Italia-mondo nell'opera di Braudel", *Critica Marxista*,
niim. 1, 1987.

_____, "Braudel enseigne l'histoire", en Fernand Braudel, *Grammaires des civilisations*, Ed. Arthaud-Flammarion, Paris, 1987.

_____, "El itinerario intelectual de Fernand Braudel", *Primeras Jornadas Braudelianas*, Ed. Institute Mora, Mexico 1993.

_____, "Historia total o historia global", *Segundas Jornadas Braudelianas*, Edición del Institute Mora, Mexico 1995.

Barriera, Dario G., "Notas sobre la *nouvette hivoir?*", en *Anuario de la Escuela de Historia*, niim. 17, Rosario, 1995—1996.

Bennassar, Bartolome y Bennassar, Lucille, *Les Chretiens d'Allah*, Editorial Perrin, Paris, 1989.

Berr, Henri, *L'histoire traditionnelle et la synthese historique*, Ed. Librairie Felix Alcan, Paris, 1935.

_____, *Lasintesisen historia*, Ed. UTEHA, Mexico, 1961.

Bessmertny, Youri, "Les Annales vues de Moscou", *Annales. Economies.*

Societes. Civilisations, año XLVII, num. 1, enero—febrero, 1992. _____, (& Grenier, Jean-Yves y Lepetit,

Bernard), "A proposito delle nuove

'Annales'" en *Rivista di storia della storiografia moderna*, año XVI,

niim. 1-3, Roma, 1995.

314

Библиография

Bloch, Etienne, *Marc Bloch: une biographie impossible*, Ed. Culture & Patrimoine en Limousin, Limoges, 1997.

_____, *Marc Bloch, el historiador en su laboratorio*, Ed. Universidad Juarez Autonoma de Tabasco, Villahermosa, 2003.

Bloch, Marc, *Rois et serfs*, Ed. Librairie Ancienne Honore Champion, Paris, 1920.

_____, *Introduction a la historia*, Ed. FCE, Mexico, 1952.

_____, *Esquisse d'une histoire monetaire de l'Europe*, Ed. Librairie Armand Colin, Paris, 1954.

_____, *L'etrange defaite*, Ed. Albin Michel, Paris, 1957.

_____, *La France sous les derniers capetiens. 1223—1328*, Ed. Librairie Armand Colin, Paris, 1958.

_____, *Seigneurie frangaise et manoir anglais*, Ed. Librairie Armand Colin, Paris, 1960.

_____, *La historia rural francesa*, Ed. Critica-Grijalbo, Barcelona, 1978.

_____, *La sociedad feudal*, Ed. UTEHA, Mexico, 1979.

_____, *Melanges Historiques (2 vols.)*, Serge Fleury-Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, Paris, 1983.

_____, "Due scritti inediti di Marc Bloch sulla metodologiastoriografica".

Rivista di Storia della Storiografia Moderna, num. 2—3, Roma, 1988.

_____, *Marc Bloch a Etienne Bloch. Lettres de la 'drole de guerre'*, Francois

Be'darida y Denis Peschanski (Editores), Cahier num. 19, Ed. Cahiers de ГИСТР, Paris, 1991.

_____, *Ecrire La societe feodale. Lettres a Henri Berr. 1924-1943*,

Jacqueline Pluet-Despatin (Editora), Ed. IMEC, Paris, 1992.

_____, *Histoire et historiens*, Editorial Armand Colin, Paris, 1995.

_____, *Apologia para la historia o el oficio de historiador*, Coedicidn FCE- INAH, Mexico, 1996.

_____, *Rois et serfs et autres e'crits sur le servage*, Ed. La Boutique de l'Histoire, Paris, 1996.

_____, *Eerits de guerre 1914-1918*, Editorial Armand Colin, Paris, 1997.

_____, *La Terre et le paysan*, Ed. Armand Colin, Paris, 1999.

_____, "Como y porque trabaja un historiador" en el libro *Marc Bloch, El*

historiador en su laboratorio, Ed. Universidad Juarez Autonoma de Tabasco, Villahermosa, 2003.

_____, (& Febvre, Lucien), *The birth of Annales history: The letters of Lucien Febvre and Marc Bloch to Henri Pirenne (1921-1935)*,

Библиография

315

Bryce Lyon y Mary Lyon (Editores), Edición de la Commission Royale d'Histoire, Bruselas, 1991.

_____, *Correspondance*. Bertrand Muller (Editor), (3 tomos), Editorial Fayard, Paris, Tomo I, 1994, Tomos II y III, 2003.

Blot, Jacques, "Le re'visionnisme en histoire ou l'ecole des Annales", *La Nouvelle Critique*, num. 3, Paris, 1951.

Bois, Guy, "Marxisme et histoire nouvelle", *La nouvelle histoire*, Ed. Complexe, Bruselas, 1988.

_____, "La historia nos obligara' a repensar el mundo actual (Entrevista)"

en *Debates Americanos*, num. 2, La Habana, julio—diciembre de 1996.

Bonnaud, Robert, *Histoire et historiens depuis 68*, Ed. Kime, Paris, 1997. _____, *Histoire et historiens de 1900 a nos jours*, Ed. Kime, Paris, 2001.

Bo tall a, Horacio, Godoy Cristina y Hourcade, Eduardo, *Luzy contraluz de una historia antropologica*, Editorial Biblos, Buenos Aires, 1995.

Bourde, Guy y Martin, Herve, *Les ecoles historiques*, Ediciones du Seuil, Paris, 1997.

Boureau, Alain, "Propositions pour une histoire restreinte des mentalites" en *Annales, E.S.C.*, afto44, num. 6, nov-dic 1989.

_____, (& Milo, Daniel) *Alterhistoire. Essais d'histoire experimental*, Editorial Les Belles Lettres, Paris, 1991.

Braudel, Fernand, *La Mediterranee et le monde mediterraneen a l'epoque de Philippe If*, Ed. Armand Colin, Paris, 1949.

_____, *Navires et Marchandises a l'entree du Port de Livourne (1547—1611)*, Ed. Armand Colin, Paris, 1951.

_____, *Le monde actuel*, Librairie Eugene Belin. Paris, 1963.

_____, *La Mediterranee et le monde mediterraneen a l'epoque de Philippe II*, Ed. Armand Colin, Paris, 1966. (segunda edicion, considerablemente modfficada, y en especial en la parte segunda del libro).

_____, *Civilisation mate'rielle et capitalisms (XV-XVIIIf siecle)*, Armand Colin, Paris, 1967.

_____, *Eerits sur l'histoire*, Flammarion, Paris, 1969.

_____, *La Mediterranee. L'espace et l'histoire*, Ed. Arts et Metiers

Graphiques, Paris, 1977. _____, *La Mediterranee. Les hommes et l'he'ritage*, Ed. Arts et Metiers

Graphiques, Paris, 1978.

316

Библиография

_____, *Civilisation mate'rielle, economic et capitalisme. XV-XVIIIP siecle*, Ed. Armand CoUn, Paris, 1979.

_____, *L'Europe*, Ed. Arts et Metiers Graphiques, Paris, 1982. _____, *Venise*, Ed. Arthaud, Paris, 1984. _____, *La dynamique du capitalisme*, Ed. Arthaud, Paris, 1985. _____, *Discours de reception a l'Academie Frangaise*, Ed. Arthaud, Paris,

1986. _____, *Une lecpn d'histoire de Fernand Braudei*, Ed. Arthaud-Flammarion,

Paris, 1986. _____, *L'Identitedela France*(3 tomos), Ed. Arthaud-Flammarion, Paris, 1986.

_____, *Le modele italien*, Ed. Arthaud, Paris, 1989. _____, *Lesdebuts de la Revolution a Bar-le-Duc*, Editions de P.O.C.C.E., Verdun, 1989.

_____, *Ecrits sur l'histoire II*, Ed. Arthaud, Paris, 1990. _____, *Les ecrits de Fernand Braudei, Autour de la Me'diterrane'e*, Editions

de Fallois, Paris, 1996. _____, *Les ecrits de Fernand Braudei. Les Ambitions de l'Histoire*, Editions

de Fallois, Paris, 1997.

_____, *Les Memoires de la Me'diterrane'e*, Editions de Fallois, Paris, 1998. _____, *Les ecrits de Fernand Braudei. L'histoire au quotidien*, Editions de

Fallois, Paris, 2001. _____, "Les Annales continuent...", en *Annales. Economies. Socie'tes*.

Civilisations, afioXII, num. 1, enero-marzo, 1957.

_____, "Les Annales ont trente ans (1929-1959)", *Annales. Economies. Socie'tes. Civilisations*, afioXIV, num. I, 1959.

_____, "Marc Bloch a l'honneur", *Annales. Economies. Socie'tes. Civilisations*, affoXIV, num. 1, 1959.

_____, "Presentation" al articulo "Les Annales vues de Moscou" en *Annales. Economies. Socie'te's. Civilisations*, ano XVIII, num. 1, enero—febrero, 1963.

_____, "Hommage a Henri Berr", *Revue de Synthese*, 3a. serie, num. 35, 1964.

_____, *La historic y las ciendas sociales*, Alianza Editorial, Madid, 1968.

_____, "Les 'nouvelles' Annales", *Annales. Economies. Socie'te's. Civilisations*, afloXXIV, niim. 3, mayo-junio, 1969, p. 571.

_____, *Historia i trwanie*, Ed. Czytelnik, Varsovia, 1971.

Библиография

317

_____, "Personal Testimony", *Journal of Modern History*, Vol. XLIV, num. 4, Chicago, diciembre, 1972.

_____, "Entrevista" (a Marco d'Eramo), *Mondoperaio. Rivista mensile del Partito Sodalista Italiano*, num. 5, mayo, 1980.

_____, "Derives a partir d'une oeuvre incontournable", *Le Monde*, Paris, marzo 14, 1983.

_____, "Amanerade conclusion", *CuadernosPoliticoss*, num. 48, Ed. Era, Mexico, octubre-diciembre, 1986.

_____, *// secondo rinascimento. Due secoli e tre Italie*, Giulio Einaudi Editore, Turin, 1986.

- _____, (& Ernest Labrousse. Coordinadores) *Histoire economique et sociales de la France*, 4 tomos, Editorial PUF, Paris, 1970-1982.
- Braudei, Paule**, "Braudei antes de Braudei", *Primeras Jornadas Braudelianas*, Ed. Instituto Mora, Mexico, 1993.
- _____, "Comment Fernand Braudei a ecrit «La Mediterranee»", en *L'Histoire*, num. 207, Paris, febrero de 1997.
- Brito Figueroa, Federico**, *La comprension de la historia en Marc Bloch*, Ed. Fondo Editorial Buna, Caracas, 1996.
- Burguiere, Andre**, "Histoire d'une histoire: la naissance des *Annales*", *Annales. Economies. Socie'te's. Civilisations*, ano XXXIV, niim. 6, 1979.
- _____, "La notion de mentalites chez Marc Bloch et Lucien Febvre: deux conceptions, deux filiations", *Revue de Synthese*, 3a. serie, num. 111-112, 1983.
- _____, *Dictionnaire des Sciences Historiques*, Editorial PUF, Paris, 1986.
- Burke, Peter**, "Introduction: the development of Lucien Febvre" en el libro *A new kind of history from the writings of Lucien Febvre*. Editor Harper & Row Publishers, Nueva York, 1973.
- _____, *La cultura popular en la Europa Moderna*, Alianza Editorial, Madrid, 1991.
- Burrin, Philippe**, *La France a l'heure allemande 1940-1944*, Ediciones du Seuil, Paris, 1995.
- Cantimori, Delio**, "Prefazione", en Lucien Febvre, *Studi su riforma e rinascimento*, Giulio Einaudi Editori, Turin, 1966.
- Cantor, Norman**, *Inventing the middle ages*, Editorial William Morrow, Nueva York, 1991.
- Caracciolo, Alberto, Giarrizzo, Giuseppe, Manselli, Raoul, Ragionieri, Ernesto, Romano, Ruggiero, Villari, Rosario y Vivanti, Corrado**, 318
- Библиография
- "Caratteri originali! e prospettive di analisi: ancora sulla *Storia d'Italia* Einaudi", en *Quaderni Storici*, num. 26, 1974.
- Casanova, Julian**, *La historia social y los historiadores*, Ed. Critica, Barcelona, 1991.
- Cedronio, Marina**, "Profile delle 'Annales' attraverso le pagine delle 'Annales'", *Storiografia francese di ieri e di oggi*, Guida Editori, Napoles, 1977.
- _____, "Introduzione. Labrousse nella Storiografia della Rivoluzione" en *Ernest Labrousse. Come nascono le Rivoluzioni*, Editor Bollati Boringhieri, Turin, 1989.
- Cole, G.D.H.**, *Historia del pensamiento socialista (1 vols.)*, Editorial FCE, Mexico, 1957-1963.
- Contrahistorias, La otra mirada de Clio (revista), *Dossier: La Microhistoria Italiana*, niim. 1, sep. de 2003.
- _____, *Dossier: La Escuela de los Annales*, num. 2, mzo. de 2004.
- _____, *Dossier: Historiografia Mundial*, mim. 3, sep. de 2004.
- Cornelissen, Christoph**, *Geschichtswissenschaften. Eine Einfuhrung*, Ed. Fischer Taschenbuch, Frankfurt, 2000.
- Chartier, Roger**, *El mundo como representacio'n*, Editorial Gedisa, Barcelona, 1992.
- _____, *Libros, lecturas y leclores en la edad moderna*, Alianza editorial, Madrid, 1993
- _____, *Sociedad y escritura en la edad moderna*, Edicion del Institute Mora, Mexico 1995.
- _____, *Au bord de la falaise*, Editorial Albin Michel, Paris, 1998.
- _____, (& Le Goff, Jacques y Revel, Jacques) *La nueva historia*, Editorial Mensajero, Bilbao, 1988.
- Chesnaux, Jean**, *Jiaremos tabla rasa del pasado ?*, Editorial Siglo XXI, Mexico 1977.
- Dakhli, Jocelyn**, "Dans la mouvance du Prince: le symbolique du pouvoir itinerant au Maghreb" en *Annales. E.S.C.*, aflo 43, 1988.
- _____, "L'histoire est dans l'attente" en *Cahiers d'etudes africaines*, mini. 119, 1990.
- _____, *Le divan des Rois. Le politique et le religieux dans l'Islam*, Editorial Aubier, Paris, 1998.
- Darnton, Robert**, *La gran matanza de gatos y otros episodios en la historia de la cultura francesa*, Editorial FCE, Mexico 1987.

L

Библиография

319

- _____, *The kiss of Lamourette*, Editorial Norton, Nueva York, 1990.
- De Certau, Michel**, *La escritura de la historia*, Edicion de la Universidad Iberoamericana, Mexico 1985.

_____, *Historia y Psicoandlisis*. Edicion de la Universidad Iberoamericana, Mexico 1995.

Delacroix, Christian, "Lafalaise et le rivage. Histoire du 'tournant critique'" en *EspacesTemps*, num. 59/60/61, Paris, 1995.

Demoulin, Robert, "Henri Pirenne et la naissance *des Annales*", *Au Berceau des Annales*, Ed. Presses de l'Institut d'Etudes Politiques de Toulouse, Toulouse, 1983.

De Sousa Santos, Boaventura, "A discourse on the sciences", *Review*, vol. XV, num. 1, Binghamton, invierno, 1992.

Despy-Meyer, Andre, "Le Fonds Pirenne aux archives de l'Universite Libre de Bruxelles", en *Archives et Bibliothèques de Belgique*, tomo LIX, num. 3-4, Bruselas, 1988.

Devoto, Fernando, "Prologo", en el libro *Braudelyla renovation historica*, Centra Editor de America Latina, Buenos Aires, 1991.

_____, *Entre Taine y Braudel*, Ed. Biblos, Buenos Aires, 1992.

_____, "Itinerario de un problema : Annales y la historiografía argentina (1929-1965)", en *Anuariodel IEHS*, num. 10, Tandil, 1995.

Dosse, Francois, "Lesheritiersdivises", *Lire Braudel*, La Decouverte, Paris, 1988.

_____, *Histoire du structuralisme* (2 vols.), Ed. La Decouverte, Paris, 1991-1992.

_____, *L'empire du sens*, Editorial La Decouverte, Pans, 1995.

Duby, Georges, *Economia rural y vida campesina en <l occidente medieval*, Ed. Peninsula, Barcelona, 1973.

_____, *Guerreros y campesinos*. (500-1200), Editorial SifeloXXI, Madrid,

1979. _____, *Hombres y estructuras de la Edad Media*, Editorial Siglo XXI, Madrid, 1980.

_____, *Los tres ordenes o lo imaginario del feudalismo*, Ed. Petrel, Barcelona, 1980.

_____, *L'histoire continue*, Editorial Odile Jacob, Paris, 1991.

_____, (& Robert Mandrou), *Historia de la civilizacio'nfrancesa*, Editorial

FCE, Mexico 1966. **Dumoulin, Olivier, Marc Bloch**, Ed. Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, Paris, 2000.

320

Библиография

_____, *Le role social de l'historien*, Ed. Albin Michel, Paris, 2003.

Echeverria, Bolivar, "La 'forma natural' de la reproduction social", *Cuadernos Politicos*, num. 41, Ed. Era, Mexico 1984.

_____, *Eldiscurso cmítico de Marx*, Editorial Era, Mexico 1986.

_____, *Las tinstones de la modernidad*, Coedicion El Equilibrista/UNAM, Mexico 1995.

_____, *La modernidad de lo barroco*, Ed. Era, Mexico 1998.

_____, *Valor de uso y Utopia*, Ed. Siglo **XXI**, Mexico 1998.

_____, *Definición de la cultura*, Ed. Itaca/UNAM, Mexico 2001.

Elias, Norbert, *Elproceso de la civilization*, Editorial FCE, Mexico 1989.

_____, *Sobreeltiempo*, Ed. Fondode Cultura Económica, Madrid, 1989.

Engels, Friedrich, *Anti-Duhring*, Ed. Grijalbo, Mexico 1968.

_____, *Obras escogidas de Marx y Engels*, (3 vols.) Ed. Progreso, Moscú, 1969.

_____, *Las guerras campesinas en Alemania*, Ed. Grijalbo, Mexico 1970.

_____, *Principios del comunismo*, Ed. Progreso, Moscú, 1970.

_____, *Violencia ed Economia*, Ed. Riuniti, Roma, 1977.

_____, *La cuestidn nacional y la formation de los Estados*, Ediciones de

Pasado y Presente, Mexico 1980. _____, *El origen de la familia, la propiedad privada y el Estado*, Ed.

Progreso, Moscú, s.f. _____, *Estudio sobre la historia delcristianismoprimitivo*, Ed. Quinto Sol,

Mexico s.f. _____, *Contribucion al problema de la vivienda*, Ediciones en Lenguas

Extranjeras, Moscú, s.f.

EreHo Altuna, Jose Antonio, "Marc Bloch visto por Lucien Febvre", en *Letras de Deusto*, num. 61, nov-dic 1993.

Febvre, Lucien, "L'histoire dans le monde en mines" en *Revue de Synthuse Historique*, tomo **XXX**, num. 88, 1920.

_____, "Notice sur le projet d'une Revue Internationale d'Histoire

Economique" en *Comple rendu du Cinquieme Congres International*

des sciences historiques, Bruselas, 1923. _____, *La tierrayla evolution humana. Introduction geogrdfica a la historia*,

Ed. Cervantes, Barcelona, 1925. _____, "Marc Bloch. Temoignages sur la periode 1939-1944. Extraits d'une correspondance intime", *Annales d'Histoire Sociale*, Paris, 1945.

Библиография

- _____, *El problema de la incredulidad en el siglo XVI. La religión de Rabelais*, Ed. UTEHA, Mexico 1959.
- _____, *Pour une histoire a part entière*, Ed. SEVPEN, Paris, 1962.
- _____, *Combats pour l'Histoire*, Librairie Armand Colin, Paris, 1965.
- _____, *Studi su riforma e rinascimento*, Giulio Einaudi Editore, Turin, 1976.
- _____, *Erasmus, la contrarreforma y el espíritu moderno*, Ed. Martinez Roca, Barcelona, 1970.
- _____, *Philippe II et la Franche Comte*, Editorial Flammarion, Paris, 1970.
- _____, *Combates por la historia*, Ed. Ariel, Barcelona, 1970.
- _____, *Amour sacré, amour profane. Autour de l'Heptameron*, Ed. Gallimard, Paris, 1971.
- _____, *Martin Lutero. Un destino*, Editorial FCE, Mexico 1975.
- _____, *Au cœur religieux du XVIe siècle*, Editorial EHESS, Paris, 1983.
- _____, *Michelet et la Renaissance*, Paule Braudel (Editora), Ed. Flammarion, Paris, 1992.
- _____, "Problemes contemporains et hommes d'action a l'origine des *Annales*. Une correspondance entre Lucien Febvre et Albert Thomas (1928-1930)", Bertrand Müller (Editor), *Vingtième Siècle*, Julio—septiembre, 1992.
- _____, *Lucien Febvre. Combates por el socialismo*, Jose Antonio Ereño Altuna (Editor), Edición de la Universidad de Deusto, Bilbao, 1994.
- _____, *Honneur et Patrie*, Editorial Perrin, Paris, 1996.
- _____, *Lettres a Henri Berr*, Jacqueline Pluei Despa in y Gilles Candar (Editores), Editorial Fayard, Paris, 1997.
- _____, *L'Europe. Genèse d'une civilisation*, Ed. Perrin, Paris, 1999.
- _____, (& Demangeon, Albert) *Le Rhin. Problemes d'histoire et d'economie*, Editorial Librairie Armand Colin, Paris, 1935.
- _____, (& Berr, Henri) "History" en *Encyclopaedia of the social sciences*, vol. VII, Editorial Mac Millan, Nueva York, 1932.
- Ferro, Marc**, "Le laboratoire des *Annales*", *Magazine Littéraire*, num. 212, Paris, noviembre de 1984.
- _____, *L'histoire sous surveillance*, Ed. Calmann-Levy, Paris, 1985. -----, "Au nom du père", *Espaces Temps*, num. 34—35, Paris, 1986.
- _____, *Como se cuenta la historia a los niños en el mundo entero*, Editorial FCE, Mexico 1990.

322

Библиография

- _____, *Histoires de Russie et d'ailleurs*, Editorial Balland, Paris, 1990.
- Fink, Carol, Marc Bloch: A life in history**, Edición Cambridge University Press, Cambridge, 1989.
- Fonseca, Elizabeth**, (coordinadora), *Historic. Teoría y método*, Editorial Universidad Centroamericana, San Jose, 1989.
- Fontana, Josep**, "Ascens i decadència del'escuela dels *Annales*", *Recerques*, núm. 4, Barcelona, 1974.
- _____, *Historia. Análisis del pasado y proyecto social*, Ed. Crítica-Grijalbo, Barcelona, 1982.
- _____, *La historia después del fin de la historia*, Ed. Crítica, Barcelona, 1992.
- _____, *La historia de los hombres: el siglo XX*, Ed. Crítica, Barcelona, 2003.
- _____, *¿Para qué sirve la historia en un tiempo de crisis?*, Ed. Pensamiento Crítico, Bogotá, 2003.
- Foucault, Michel**, *Las palabras y las cosas*, Editorial Siglo XXI, Mexico 1968.
- _____, *La arqueología del saber*, Editorial Siglo XXI, Mexico 1985.
- Friedmann, Susan, Marc Bloch, Sociology and Geography**, Cambridge University Press, Cambridge, 1996.
- Furet, François**, *L'Atelier de l'Histoire*, Ed. Flammarion, Paris, 1982.
- García Carcel, Ricardo**, *La leyenda negra. Historia y opinión*, Alianza editorial, Madrid, 1992.
- _____, *Historia de Cataluña. Siglos XVI-XVII*, 1 tomos, Ed. Ariel, Barcelona, 1985.
- Gemelli, Giuliana, Fernand Braudel e l'Europa Universale**, Marsilio Editori, Venecia, 1990.
- Gil Pujol, Javier, Recepción de la Escuela de Annales en la historia social anglosajona**, Edición de la Fundación Juan March, Madrid, 1983.
- Ginzburg, Carlo**, *El queso y los gusanos*, Ed. Muchnick, Barcelona, 1981.
- _____, *A micro-historia e outros ensaios*, Difusão Editorial, Lisboa, 1991.
- _____, *Historia Nocturna*, Editorial Muchnick, Barcelona, 1991.
- _____, *Mitos, Emblemas, Indicios. Morfología e Historia*, Editorial Gedisa, Barcelona, 1994.

_____, *Pesquisa sobre Piero*, Ed. Muchnik, Barcelona, 1984.

_____, *El juez y el historiador*, Ed. Muchnik, Barcelona, 1993.

Библиография

323

_____, "Microhistoria: dos o tres cosas que se de ella" en *Entrepasados*,
niim. 8, Buenos Aires, 1995.

_____, *Ojazos de madera*, Ed. Peninsula, Madrid, 2000.

_____, *Ninguna Isla es una Isla*, Ed. Universidad Juarez Autonoma de
Tabasco, Villahermosa, 2003.

_____, "Tolerancia y comercio. Auerbach lee a Voltaire", en
Contrahistorias num. 1, Mexico 2003.

_____, *Tentativas*, Ed. Prohistoria, Rosario, 2004.

Goberna Falque, Juan Ramon, "La cofradia de los historiadores. Estudio de los mecanismos institucionales de la
Escuela de los Annales durante la era Braudel", en *Historia y critica*, niim. IV, Santiago de Compostela, 1994.

Gonzalez Rojo, Enrique, *Teoria cientijica de la historia*, Ed. Diogenes, Mexico 1977.

Goubert, Pierre, *Un parcours d'historien. Souvenirs 1915-1995*, Editorial Fayard, Paris, 1996.

Grendi, Eduardo, *Formas de mercado: el andlisis histdrico*, Ed. Oikos-Tau, Barcelona, 1992.

_____, "(Repensar la microhistoria?" en *Entrepasados*, num. 10, Buenos
Aires, 1996.

Grenier, Jean-Yves, "Demontrer avec les modeles d'auto-organisation des villes" en el libro *Temporalites
Urbaines*, Editorial Economica, Paris, 1993.

_____, "L'histoire quantitative est-elle encore necessaire?" en el libro
Passes Recomposes. Champs et chantiers de l'histoire, Ediciones Autrement, Paris, 1995.

_____, *L'e'conomie de l'ancien regime, Un mjnde de l'echange et de
l'incertitude*, Editorial Albin Michel, Paris. 1996.

_____, (& Bernard Lepetit) "L'experience historique. Apropos de C. E.
Labrousse" en *Annales, E.S.C.*, afio 44, niim. 6, nov-dic de 1989.

Guerreau, Alain, *Elfeudalismo. Un horionte teo'rico*, Ed. Critica-Grijalbo, Barcelona, 1985.

Gurievitsh, Aaron, "Invitation au dialogue. Lettre aux historiens francais" en la revista *MSH. Informations*, num.
64, Paris, 3eme. Trimestre, 1990.

_____, *Las categorias de la cultura medieval*, Ed. Taurus, Madrid, 1990.

_____, *Los origenes del individualismo europeo*, Ed. Critica, Barcelona,
1997.

324

Библиография

_____, *A sintese historica e a Escola dos Annales*, Ed. Perspectiva, Sao
Paulo, 2003.

Halbwachs, Maurice, *Las closes sociales*, Editorial FCE, Mexico 1950. _____, *Les cadres sociaux de la memoire*,
Editorial Albin Michel, Paris,
1994.

Halperin Donghi, TWio, "Historia y larga duracion. Examen de un problema", *Cuestiones de Filosofia*, afio I, num.
2-3, Buenos Aires, 1962.

Halphen, Louis, *L'histoire en France depuis cent ans*, Ed. Arrnand Colin, Paris, 1914.

Ha user, Henri, *La modernite du XVIe siecle*, Editorial Felix Alcan, Paris,
1930. _____, *Les debuts du capitalisme*, Editorial Felix Alcan, Paris, 1931.

_____, (& Augustin Renaudet) *Les debuts del'age moderne*, Editorial PUF,
Paris, 1946.

Hegel, G.W.F., *Lecciones sobre lafilosofia de la historia universal*, Ed. Revista de Occidente, Madid, 1974.

Hernandez Sandoica, Elena, *Los caminos de la historia. Cuestiones de historiografiaydemetodo*, Ed. Sintesis,
Madrid, 1995.

Hobsbawm, Eric, *Historia delsigloXX*, Editorial Critica, Barcelona, 1996,

Iggers, Georg, *New directions in european historiography*, (revised version), Edicion de Wesleyan University
Press, Hanover, 1984.

_____, *Historiography in the twentieth century*, Edicion de Wesleyan
University Press, Hanover, 1997.

Julia, Santos, *Historia social, sociologia historica*, Editorial Siglo XXI,

Madrid, 1989. **Kmsr, Sam**, "Braudel en Amerique", *Magazine Litteraire*, num. 212, Paris,
noviembre, 1984.

Kocka, Jiirgen, *Historia social. Concepto, Desarrollo, Problemas*, Ed. Alfa, Barcelona, 1989.

_____, *Historia social y conciencia historica*, Ed. Marcial Pons, Madrid,

2002. **Korol, Juan Carlos**, " **Los Annales** en la historiografia argentina de la decada

del 60", *Punto de Vista*, aHoXIII, niim. 39, diciembre, 1990. **Koselleck, Reinhart**, *Le Future Passe*, Editions de
l'EHESS, Paris, 1990.

_____, *L'experience de l'histoire*, Ed. EHESS-Gallimard-Le Seuil, Paris, 1997.

Библиография

325

_____, *Los estratos del tiempo: estudios sobre la historia*, Ed. Paidos, Barcelona, 2001.

_____, *Acelerado'n, prognosis y secularization*, Ed. Pre-textos, Valencia, 2003.

_____, *historia/Historia*, Ed. Trotta, Madrid, 2004.

Koselleck, Reinhart & Gadamer, Hans-Georg *Historia y Hermene'utica*, Ed. Paidos, Barcelona, 1997.

Kula, Witold, "Storia ed economia: la lunga durata", *La storia e le altre scienze sociali*, Ed. Laterza, Bari, 1974.

_____, *Problemas y metodos de la historia economica*, Ed. Peninsula, Barcelona, 1977.

_____, *Teoria economica del sistema feudal*, Editorial Siglo XXI, Mexico 1979. _____, *Las medidas y los hombres*, Editorial Siglo XXI, Mexico 1980.

Labrousse, Ernest, *Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle*, Editorial Dalloz, Paris, 1933.

_____, *La crise de l'economie française a la fin de l'ancien régime et au début de la Revolution*, Editorial PUF, Paris, 1944.

_____, *Fluctuaciones económicas e historia social*, Ed. Tecnos, Madrid, 1962.

Lacoste, Yves, "Penser l'espace", *Magazine Littéraire*, num. 212, Paris, noviembre, 1984.

Langlois, C.V. (& C. Seignobos), *Introducción a los estudios históricos*, Ed. La Pleyade, Buenos Aires, 1972.

Lefebvre, Georges, *El gran pánico de 1789*, Editorial Paidos, Barcelona, 1986.

Le Goff, Jacques, *La baja Edad Media*, Editorial Siglo XXI, Mexico 1981. _____, *El nacimiento del purgatorio*, Editorial Taurus, Madrid, 1981.

_____, *Tiempo, trabajo y cultura en el occidente medieval*, Editorial Taurus, Madrid, 1983.

_____, *La civilisation de l'occident medieval*, Editorial Arthaud, Paris, 1984.

_____, *Une vie pour l'histoire (entretiens avec Marc Heurgon)*, Editorial La Découverte, Paris, 1996.

_____, *Saint Louis*, Editorial Fayard, Paris, 1997.

_____, (& Pierre Nora), *Hacer la historia*, 3 vols., Editorial Laia, Barcelona, 1979-1981.

326

Библиография

Библиография

327

Lepetit, Bernard, *Les villes dans la France modernes. 1740—1840*, Editorial Albin Michel, Paris, 1988.

_____, "Defense et illustration des 'Annales'", *L'histoire*, num. 128, Paris, diciembre, 1989. _____, "L'histoire quantitative: deux ou trois choses que je sais d'elle" en *Histoire et Mesure*, vol. VI, núm. 3-4, Paris, 1989.

_____, "Proposiciones para una práctica restringida de la interdisciplina", *Iztapalapa*, núm. 26, Mexico 1992.

_____, "Architecture, geographic, histoire: usages de l'échelle" en *Genèses*, núm. 13, Paris, 1993.

_____, "La larga duración en la actualidad" en *Segundas Jornadas Braudelianas*, Edición del Instituto Mora, Mexico 1995.

_____, (Coordinador) *Les formes de l'expérience*, Ed. Albin Michel, Paris, 1995.

_____, "Los Annales, hoy", *Revista Izatapalapa*, núm. 36, Mexico 1995.

_____, "L'histoire prend-elle les acteurs au sérieux?" en *Espaces Temps*, núm. 59/60/61, Paris, 1995.

_____, *Las ciudades en la Francia moderna. Siglos XV—XVIII*, Edición del Instituto Mora, Mexico 1996.

_____, "Les Annales. Portrait de groupe avec revue", *Une école pour les sciences sociales*, Ed. du Cerf-EHESS, Paris, 1996.

_____, *Cornet de croquis. Sur la connaissance historique*, Ed. Albin Michel, Paris, 1999.

_____, (& Jacques Revel), "L'expérimentation centre l'arbitraire", *Annales. Économies, Sociétés. Civilisations*, año XLVII, núm. 1, enero—febrero, 1992.

Le Roy Ladurie, Emmanuel, *Les paysans du Languedoc*, Editorial Flammarion, Paris, 1969.

_____, *Montaillou, aldea occitana de 1294 a 1324*. Editorial Taurus,

Madrid, 1981.

_____, *Paris-Montpellier. PC-PSU. 1945-1963*, Editorial Gallimard, Paris, 1982.

_____, *La sorciere de Jasmin*, Editorial du Seuil, Paris, 1983.

_____, *Entre los historiadores*, Editorial FCE, Mexico 1989.

_____, *Historia del clima desde la comil*, Editorial FCE, Mexico 1991.

_____, *El carnaval de Romans*, Edición del Instituto Mora, Mexico 1994.

_____, *Le siècle des Platters 1499-1628. Le mendiant et le Professeur*, Editorial Fayard, Paris, 1995.

Leuilliot, Paul, "Aux origines des *Annales d'Histoire Economique et Sociale* (1928). Contribution a l'historiographie française", *Mélanges en l'honneur de Fernand Braudel. Methodologie de l'histoire et des sciences humaines*, Privat Editeur, Toulouse, 1973.

_____, *"Temoignaged'unufele... \Auberceau des Annales*, Presses de l'Institut d'Etudes Politiques, Toulouse, 1983.

Levi-Strauss, Claude, *Antropologia Estructural*, Ed. Paidós, Barcelona, 1987.

Lloyd, Geoffrey, *Pour en finir avec les mentalités*, Editorial La Decouverte, Paris, 1993.

Lyon, Bryce, *Henri Pirenne. A biographical and intellectual study*, Editorial E. Story-Scientia, Gante, 1974.

_____, "Does historical reality influence historical methodology? The response of Henri Pirenne and Marc Bloch" en *Academics Analecta*, año LIV, núm. 1, Bruselas, 1992.

Me Lennan, Gregor, *Marxism and the methodology of history*, Editorial The Gresham Press, Londres, 1981.

Mairet, Gerard, *Le discours et l'historique*, Editorial Mame, Paris, 1974.

Malherba, Jurandir, (coordinador), *A velha historia. Teoria, método e historiografia*, Editorial Papirus, São Paulo, 1996.

Mandrou, Robert, *Introduction a la Francia Moderna. 1500-1640. Ensayo de Psicología histórica*, Editorial UTEHA, Mexico 1962.

_____, "Les Annales en Pologne", en *Annales. E.S.C.*, año 15, núm. 2, 1960.

Mann, Hans-Dieter, *Lucien Febvre. la pensée vivante d'un historien*, Editorial Armand Colin, Paris, 1971.

Mansor d'Alessio, Marcia, *Reflexões sobre o saber histórico. Entrevista com Pierre Vilar, Michel Vovelle e Madeleine Rebe'rioux*, Ed. UNESP, São Paulo, 1997.

Marrou, Henri, *DC la connaissance historique*, Ed. du Seuil, Paris, 1954.

MARX, Karl, *Manuscritos económicos-filosóficos de 1844, Escritos económicos varios*, Ed. Grijalbo, Mexico 1962.

_____, *Crítica de la filosofía del Estado*, Ed. Grijalbo, Mexico 1970.

_____, *El Capital, Libro I. Capítulo VI Inédito*, Ed. Signos, Buenos Aires, 1971.

L

328

Библиография

Библиография

329

_____, *Elementos fundamentales para la crítica de la economía política. Grundrisse*. Editorial Siglo XXI, Mexico 1971-1976.

_____, *Historia crítica de las teorías de la plusvalía*, Ed. Cartago, Buenos Aires, 1974.

_____, *El Capital, Crítica de la economía política*, 8 vols. Editorial Siglo XXI, Mexico 1975-1981.

_____, *Cuadernos de París*, Ed. Era, Mexico 1978.

_____, *El 18 Brumario de Luis Bonaparte*, Ediciones en Lenguas Extranjeras, Pekín, 1978. _____, *Miseria de la Filosofía*, Editorial Siglo XXI, Mexico 1978.

_____, *Crítica del Programa de Gotha*, Ediciones en Lenguas Extranjeras, Pekín, 1978.

_____, *La guerra civil en Francia*, Ediciones en Lenguas Extranjeras, Pekín, 1978.

_____, *La lucha de clases en Francia de 1848 a 1850*, Ediciones en Lenguas Extranjeras, Pekín, 1980.

_____, *Contribución a la crítica de la economía política*, Editorial Siglo XXI, Mexico 1980.

_____, *Revelaciones sobre la historia diplomática secreta en el siglo XVIII*, Ediciones de Pasado y Presente, Mexico 1980.

- _____, *El porvenir de la comuna rural rusa*, Ediciones de Pasado y Presente, Mexico 1980.
- _____, *Manuscrits de 1861-1863. Cahiers I-V*, Ed. Sociales, Paris, 1980.
- _____, *Notas marginales al "Tratado de Economia Politico" de Adolph Wagner*, Ediciones de Pasado y Presente, Mexico 1982.
- _____, *La critica moralizante y la moral critica*, Ed. Domes, Mexico 1982.
- _____, *Progreso tecnico y desarrollo capitalista*, Ediciones de Pasado y Presente, Mexico 1982.
- _____, *Cuaderno tecnologico-historico (extractos de lectura B56, Londres 1851)*, Ed. Universidad Autdnoma de Puebla, Puebla, 1984.
- _____, *Trabajo asalariado y capital*, Ediciones en Lenguas Extranjeras, Moscú, s.f.
- _____, (& Friedrich Engels) *La guerra civil en los Estados Unidos*, Ed. Lautaro, Buenos Aires, 1946.
- _____, *La sagrada familia*, Editorial Grijalbo, Mexico 1967.
- _____, *Manifiesto del Partido Comunista*, Ed. Progreso, Moscú, 1970.
- _____, *La ideologia alemana*, Ed. Pueblos Unidos, Buenos Aires, 1973.
- _____, *Correspondent*, 2 vols., Ed. Rojo, Bogota, 1973.
- _____, *La revolucion en Espana*, Ed. Progreso, Moscú, 1974.
- _____, *Imperio y Colonia. Escritos sobre Irlanda*, Ediciones de Pasado y Presente, Mexico 1979.
- _____, *La cuestion nacional y la formacion de los Estados*, Ediciones de Pasado y Presente, Mexico 1980.
- _____, *Correspondent con N. Danielson*, Editorial Siglo XXI, Mexico 1981.
- Mastrogregori, Massimo, "Henri Berr, la 'Revue de Synthese Historique' ed il problema della teoria storiografica" en *Rivista di storia della storiografia moderna*, año VII, num. 2, Roma, 1986.
- _____, *Il genio dello storico. Le considerazioni sulla storia di Marc Bloch e Lucien Febvre e la tradizione metodologica francese*, Edizione Scientifiche Italiane, Napoles, 1987.
- _____, "Le manuscrit interrompu: *Metier d'historien* de Marc Bloch", *Annales. Economies. Sociétés. Civilisations*, año XLIV, num. 1, enero-febrero, 1989.
- _____, "La sorte delle *Annales* nel 1941", *Rivista di storia della storiografia moderna*, año XI, num. 3, Roma, 1990.
- _____, "Storiografia e tradizione storica" en *Passato e Presente*, mimeo, 32, 1994.
- _____, *El manuscrito interrumpido de Marc Bloch. Apologia para la historia o el oficio de historiador*, Editorial FCE, Mexico 1998.
- _____, *Introduzione a Bloch*, Editori Laterza, Roma, 2001.
- Mazon**, Brigitte, *Aux origines de l'EHESS. Le rôle du mécénat américain*, Editions du Cerf, Paris, 1988.
- Monti, Aldo, "La Storia d'Italia Einaudi, Gramsci e le Annales: elementi di riflessione per un rapporto fra storiografia e società civile" en *Quaderni Storici*, num. 32, 1976.
- Moraze**, Charles, "Lucien Febvre et l'histoire vivante" en *Revue Historique*, año 81, tomo 217, ene-marzo 1957.
- Muller, Bertrand, *Bibliographie des travaux de Lucien Febvre*, Ed. Armand Colin, Paris, 1990.
- _____, "Lucien Febvre et l'histoire régionale" en *Annales fribourgeoises*, vol. LIX, 1990-1991.

L

330

Библиография

- _____, "Marc Bloch-Lucien Febvre: correspondences", *Rivista di Storia della Storiografia Moderna*, núm. 1-2, Roma, 1993.
- _____, "Une espèce de petite révolution intellectuelle: la naissance des Annales" en *Espaces Temps*, núm. 59/60/61, Paris, 1995.
- _____, "Marc Bloch y los años treinta: el historiador, el hombre y la historia" en *Argumentos*, núm. 26, Mexico 1997.
- _____, *Lucien Febvre, lecteur critique*, Ed. Albin Michel, Paris, 2003.
- Nettel**, Patricia, "Marc Bloch: un historiador entre la civilización y la barbarie" en el libro *Aproximaciones a la modernidad*, Ed. DAM Xochimilco, Mexico 1997.
- _____, *El precio justo o las desventuras de un confesor en el siglo XVI*, Ed. UAM Xochimilco, Mexico 1997.

- NORA, **Pierre** "Entre Memoire et Histoire" en *Les lieux de memoire. I. La Republique*, Pierre Nora (Director), Editorial Gallimard, Paris, 1984.
- _____, (Coordinador) *Essais d'ego-histoire*, Editorial Gallimard, Paris, 1987.
- Oexle, Otto Gerhard**, *L'historismeendebat*, Ed. Aubier, Paris, 2001.
- Paris, Erato**. "La genesis intelectual de la obra de Fernand Braudel. *El Mediterraneo....* en Argelia (1924-1932)" en *Itapalapa*, num. 36, Mexico 1995.
- _____, "L'epoque bresilienne de Fernand Braudel (1935-1937) et les origines intellectuelles de *La Mediterranee et le monde mediterranean a l'epoque de Philippe I*", en *Storia della Storiografia*, num. 30, 1996.
- _____, *La genese intellectuelle de l'oeuvre de Fernand Braudel: "La Mediterranee et le monde mediterranean a l'epoque de Philippe I" 1923-1947*, Institut de Recherches Neohelleniques, Athenes, 1999.
- Pasamar, Gonzalo**, *La Historia Contempordnea. Aspectos Tedricos e Historiogrdficos*, Ed. Sintesis, Madrid, 2000.
- Pelosi, Hebe**, *La coyuntura enciclopedica en el periodo entreguerras. El modelo de Lucien Febvre*, Ed. UCA, Buenos Aires, 2002.
- Perez-Villanueva Tovar, Isabel**, "El horizonte historiogra'fico del ambito de los Annales", en *La(s) otra(s) historia(s)*, num. 4, Edicion de la UNED de Bergara, 1994.
- Perrot, Jean Claude**, "Le present et la duree dans Poeuvre de Fernand Braudel", en *Annales. E.S.C.*, affo 36, num. 1, 1981.
- Библиография
331
- Pirenne, Henri**, "Whatarehistorianstryingtodo?", Stuart A. Rice, (editor), *Methods in social science*, Edicion University of Chicago Press, Chicago, 1937.
- _____, *Historia social y economica de la Edad Media*, Editorial FCE, Mexico 1941.
- _____, *Histoire economique de l'Occident medieval*, Ed. Desclee de Brower, Bruselas, 1951.
- _____, "The letters of Henri Pirenne to Karl Lamprecht (1894-1915)" Bryce Lyon (editor) en *Bulletin de la Commission Royale d'Histoire*, tomo 132, Bruselas, 1966.
- _____, "De la methode comparative en histoire", *Compte Rendu du Verne Congres International des Sciences Historiques*, Reimpresion de Kraus Reprint, Alemania, 1972.
- _____, *Mahoma y Carlomagno*, Alianza Editorial, Madrid, 1978.
- _____, *Las ciudades de la Edad Media*, AJianza Editorial, Madrid, 1980.
- _____, *Historia de Europa*, Editorial FCE, Mexico 1981.
- Pomian, Krzysztof**, "L'heure des Annales" en *Les lieux de memoire*, Pierre Nora (Director), Editorial Gallimard, Paris, 1984-1993.
- Quaini, Massimo**, *Trageografiaestoria. Un itinerario nellageografla umana*, Edicion de Cacucci Editore, Ban, 1992.
- Raphael, Lutz**, *Geschichtswissenschaft im Zeitalter der Extreme*, Ed. C. H. Beck, Munich, 2003.
- Raul IT, Ulrich**, *Ein Historiker im 20. Jahrhundert: Marc Bloch*, Editor S. Fischer, Frankfurt, 1995.
- Rauzduel, Rosan**, *Sociologie historique des Annales^ Fc*. Lettres du monde, Paris, 1998.
- Reis, Jose Carlos**, *Annales. A renovac,ao historia*, Ed. Universidade Federal de Ouro Preto, Ouro Preto, 1996.
- _____, *Nouvelle histoire e tempo historico*, Ed. Atica, Sa~o Paulo, 1994.
- Revel, Jacques**, "Histoire et sciences sociales: les paradigmes des Annales", *Annales. Economies. Socie'te's. Civilisations*, vol. XXXIV, num. 6, 1979.
- _____, *A invencao da sociedade*, Editorial DIFEL, Lisboa, 1990.
- _____, (Coordinador) *Jeux d'echelles. La micro-analyse a l'experience*, Coedicion Gallimard/ Ediciones du Seuil, Paris, 1996.
- _____, (& Natan Wachtel) *Une e'cole pour les sciences sociales. De la VI Section a l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales*, Ediciones du Cerf/EHESS, Paris, 1996.

L

332

Библиография

_____, (compilador), *Fernand Braudel et l'histoire*, Ed. **Hachette, Paris**, 1999.

Romano, Ruggiero, *Braudel y nosotros*, Editorial FCE, Mexico 1997, **Ruiz Martin, Felipe**, "Fernand Braudel", *Revista de Historia Econo'mica*,

affo IV, num. 1, Madrid, 1986. _____, *Pequeno capitalismo, gran capitalismo*, Editorial Critica, Barcelona, 1990.

Sartre, Jean Paul, *Critica de la razo'n dialectica*, Ed. Losada, Buenos Aires, 1970.

Siegel, Martin, "Henri Berr et la *Revue de Synthese Historique*", *Au berceau desAnnales*, Presses de l'Institut d'Etudes Politiques de Toulouse, Toulouse, 1983. **Simiand, Francois**, "Methode historique et sciences sociales", *Annales. Economies. Societes. Civilisations*, año XV, num. 1, enero—febrero, 1960.

Simmel, Georges, *Philosophic de la modernite*, Ed. Payot, Paris, 1989. _____, *Philosophic de la moderniteII*, Ed. Payot, Paris, 1990.

Simo'es de Paula, Euripedes, "O nosso programa", *Revista da Historia*, vol. I, num. 1, enero—marzo, 1950.

Suratteau, J.R., "Les historiens, le marxisme et la naissance des *Annales*: Phistoriographie marxiste vers 1929: un mythe?", *Au berceau des Annales*, Presses de l'Institut d'Etudes Politiques de Toulouse, Toulouse, 1983.

Tenenti, Alberto, "I domini dellalunga durata in Fernand Braudel", *Estudos e Ensaio em homenagem a Vitohno Magalhaes Godinho*, Livraria Sa da Costa Editora, Lisboa, 1988.

_____, (Coordinador) *Braudel e l'Italia*, Comune di Prato, Assessorato alia Cultura, Prato, 1988.

Tenenti, Branislava, "Bibliographic des ecrits de Fernand Braudel", *Melanges en l'honneur de Fernand Braudel. Me'thologie de l'histoire et des sciences humaines*, Privat Editeur, Toulouse, 1973.

Mtlensi, Lucette, *Veniseet la sublimeporte. La naissance dundespote*, Editorial Hachette, Paris, 1987.

_____, *Fables de la memoire*, Ediciones du Seuil, Paris, 1992.

Varios Autores, *Aujourd'hui l'histoire*, Ediciones Sociales, Paris, 1974,

_____, *Once ensayos sobre la historia*, Ed. Fundacidn Juan March, Madrid, 1976.

Библиография

333

_____, *Au berceau desAnnales*, Presses de l'Institut d'Etudes Politiques de Toulouse, Toulouse, 1983.

_____, *Historia e Historicidade*, Editorial Gradiva, Lisboa, 1988.

_____, *La historia y el qficio de historiador*, Ed. Ciencias Sociales, La Habana, 1996.

_____, *Marc Block, l'historien et la cite'*, Ed. Presses Universitaires de Strasbourg, Strasbourg, 1997.

_____, *Henri Berretla culture duXXesiecle*, Editorial Albin Michel, Paris, 1997.

_____, *L'histoire aujourd'hui*, Ed. Sciences Humaines, Paris, 1999.

_____, *Autour de Fernand Braudel*, Ed. Presses Universitaires de Perpignan, Perpignan, 2002.

_____, *Les historiens*, Ed. Armand Colin, Paris, 2003.

Vayssiere, Pierre y Biziere, Jean-Marie, *Histoire et historiens*, Editorial Hachette Livre, Paris, 1995.

Vazquez Garcia, Francisco, *Foucaulty los historiadores*, Ed. Universidad de Cadiz, Cadiz, 1987.

_____, *Foucaultola historia como critica de la razo'n*, Editorial Montesinos, Barcelona, 1995.

Veyne, Paul, *Comment on ecrit l'histoire*, Editions du Seuil, Paris, 1978.

Vilar, Pierre, *Cataluna en la Espana moderna*, 3 vols., Ed. Critica-Grijalbo, Barcelona, 1978-1988.

_____, *Crecimientoydesairoilo*, Ed. Ariel, Barcelona, 1980.

_____, *Economia, Derecho, Historia*, Ed. Ariel, Barcelona, 1983.

_____, *Pensar Historicament*, Eliseu Clirnent Editor, Valencia, 1995.

Vovelle, Michel, *Piete baroque et dechristianisation en Provence au XVIIe siecle*, Ediciones du Seuil, Paris, 1978.

_____, *Ideologies et mentalite's*, Editorial Gallimard, Paris, 1992.

_____, "Itinerario" en *Debates Americanos*, num. 3, La Habana, ene-jun 1997.

Vranicki, Pedrag, *Storia delmarxismo*, Ed. Riuniti, Roma, 1973.

Wallerstein, Immanuel, *El moderno sistema mundial. La agricultura capitalista y los origenes de la economia-mundo europea en el sigh XVI*, Editorial SigloXXI, Mexico 1979.

_____, "The *Annales* school: The war on two fronts", *Annales of Scholarship*, vol. 1, num. 3, Verano, 1980.

334

Библиография

_____, *El moderno sistema mundial II. El mercantilismo y la consolidation de la economia-mundo europea 1600-1750*, Editorial Siglo XXI, Mexico 1984.

_____, *The modern world-system III. The second era of great expansion of the capitalist world-economy, 1730-1840s*, Edicion Academic Press, San Diego, 1989.

_____, *Geopolitics and Geoculture*, Ed. Maison des Sciences de l'Homme, Cambridge University Press, Cambridge, 1991.

_____, *Unthinking Social Science*, Ed. Polity Press, Cambridge, 1991

_____, *Despues del liberalismo*, Editorial Siglo XXI, Mexico 1996.

_____, *Abrir las ciencias sociales (Informe de la Comision Gulbenkian)*, Editorial Siglo XXI, Mexico 1996.

_____, *El futuro de la civilization capitalists*, Editorial Icaria, Barcelona, 1997.

_____, (& Terence Hopkins), *The age of transition, Trajectory of the world-system 1945-2025*, Editorial Zed Books, Nueva York, 1996.

_____, *Utopistica*, Siglo XXI, Mexico 1998.

_____, *The end of the world as we know it*, University of Minnesota Press, Minneapolis, 1999.

_____, *El legado de la sociologia, lapromesa de la ciencia social*, Ed. Nueva Sociedad, Caracas, 1999.

_____, *The essential Wdllerstein*, The New Press, New York, 2000.

_____, *Un mundo incierto*, Ed. Libros del Zorzal, Buenos Aires, 2002.

_____, *The decline of American Power*, The New Press, New York, 2003.

_____, *La esperanza vencio al miedo*, Ed. Movimiento Raiz, Lima, 2004.

_____, (& Arrighi, Giovanni & Hopkins, Terence) *Movimientos Antisistemicos*, Ed. Akal, Madrid, 1999.

Wessel» Marleen, (Editora) Marc Bloch, *Pleidooi voor de geschiedenis of Geschiedenis als ambacht*, Editorial SUN, Nijmegen, 1989.

_____, "Lucien Febvre et l'Europe: aux frontieres de l'histoire" en *Yearbook of european studies*, num. 4, 1991.

_____, Lucien Febvre, Marc Bloch on de Annales. Biografische elementen voor de geschiedenis van een tijdschrift" en *Tijdschrift voorgeschiedenis*, num. 107, 1994.

_____, "Les Combats pour l'histoire de Lucien Febvre: une relecture" en *Rivista di storia della storiografia moderna*, arTo XVI, num. 1—3, Roma, 1995.

Библиография

335

_____, "'Hormeurou Patrie?'. Lucien Febvre et la question du sentiment national" en *Geneses*, num. 25, Paris, 1996.

Zemon Davies, Natalie, "Rabelais among the censors (1940s, 1540s)", *Representations*, num. 32, California, 1990.

_____, "Women and the world of the *Annales*", *History Workshop Journal*, num. 33, 1992.

_____, "Censorship, Silence and Resistance: The *Annales* during the german occupation of France", *Rivista di storia della storiografia moderna*, ano XIV, num. 1-2, Roma, 1993.

Zhang, Zhilian, *Renewed Encounter*, The commercial Press, Beijing, 2000.

Карлос Антонио Агирре Рохас

Критический подход к истории французских «Анналов»

Перевод И. Л. Замойской

Издательство «Круп»

Тел./факс: (095) 243-51-03

<http://www.krugh.ru>; E-mail: info@krugh.ru

Формат 60х90/14. Печ. л. 21

Печать офсетная. Гарнитура «Newton»

Подписано в печать 1.06.2006. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО «Петровский парк» 125167, Москва, Ленинградский пр-т, 36

Карлос Антонио Агирре Рохас

Критический подход к истории французских «Анналов»

Карлос Антонио Агирре Рохас
(род. в Мехико, 1955) — профессор
Национального Автономного
Университета Мехико. Основатель
Ассоциации Марка Блока
и организатор Первых
Международных Броделиевских
Чтений, он является специалистом
по историографии 20 века и,
в частности, по работам Фернана
Броделя.

Эта книга подводит итог существования движения «Анналов» с 1929 по 1999 г. с точки зрения самого этого историографического направления, то есть в критической, компаративной и глобальной перспективе, а также в рамках «периодов большой длительности».

Стремясь выйти за пределы дававшихся до сих пор исключительно французских и англосаксонских интерпретаций и критикуя распространенное, но ошибочное выражение «Школа Анналов», эта книга реконструирует значение «Анналов» в историографии XX века. Она затрагивает, среди прочих тем, обходившиеся молчанием взаимоотношения между «Анналами» и марксистской историографией, а также историю отношений этого движения с различными традициями социальной и критической мысли прошлого века.

